

СТРАНИЦЫ БОЛЬШОЙ ЖИЗНИ

СТРАНИЦЫ БОЛЬШОЙ ЖИЗНИ

*Сборник
воспоминаний
о Маршале
Советского
Союза
С. М. Буденном*

*Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1981*

Составители: М. В. Буденная, П. С. Карпачев, И. В. Ставицкий

Страницы большой жизни: Воспоминания о
С83 Маршале Советского Союза С. М. Буденном/Сост.
М. В. Буденная, П. С. Карпачев, И. В. Ставицкий. — М.: Воениздат, 1981. — 256 с., 16 л. ил.

В пер.: 1 р. 40 к.

Эта книга — сборник воспоминаний соратников С. М. Буденного, известных военачальников, фронтовых друзей и тех, кому довелось жить и работать с ним. Маршал, прославленный полководец, государственный деятель, наставник молодежи, добрый друг и заботливый отец — таким предстает перед читателем Семен Михайлович Буденный. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

С 11202-215 58.81.1304010000.
068(02)—81

ББК 63.3(2)712.8
9(с)2(092)

© Воениздат, 1981

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Советский народ по праву гордится блестящей плеядой партийных, государственных и военных деятелей первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян, воспитанных ленинской Коммунистической партией в ходе длительной ожесточенной борьбы против империалистических агрессоров за честь, свободу и независимость Страны Советов. Среди них особое место занимает Семен Михайлович Буденный.

Впервые я услышал о Буденном в далекое время гражданской войны, когда командовал кавалерийским эскадроном. В походах и на привалах мы с каким-то особым подъемом пели песню: «Буденный наш братишка, с нами весь народ...» Уже в те годы мы, бойцы и командиры, хорошо знали его героическую биографию. Сын крестьянина-бедняка из хутора Козюрин, Сальского округа, области Войска Донского (ныне Ростовская область), солдат русско-японской, затем империалистической войны, Семен Михайлович Буденный, возвратившись после Великой Октябрьской социалистической революции на Дон, в станицу Платовскую, вместе с другими солдатами-фронтовиками боролся за установление Советской власти в станице. Для борьбы с контрреволюционными выступлениями зажиточных казаков и белогвардейцев Буденный создал краснопартизанский отряд. Его военный талант ярко и самобытно проявился уже в первые месяцы борьбы за власть Советов.

В жестоких боевых схватках у Платовской, Мартыновки, под Царицыном, Воронежем и Касторной и в других боях на фронтах гражданской войны конники Буденного одержали блестящие победы над врагами рабочих и крестьян.

При организации Первой Конной армии наша партия поставила именно Буденного ее командующим. На деникинском, белопольском и врангелевском фронтах Первая Конная армия под искусным руководством С. М. Буденного вписала яркие страницы в историю гражданской войны, внесла неопределимый вклад в дело окончательной ликвидации помещичье-буржуазной контрреволюции, блестяще справилась с возложенной на нее задачей.

Военный талант Буденного высоко ценил В. И. Ленин. Осенью 1920 года в беседе с Кларой Цеткин Владимир Ильич говорил: «Наш Буденный сейчас, наверно, должен считаться самым блестящим кавалерийским начальником в мире. Вы, конечно, знаете, что он крестьянский парень. Как и солдаты французской револю-

ционной армии, он нес маршальский жезл в своем ранце, в данном случае — в сумке своего седла. Он обладает замечательным стратегическим инстинктом. Он отважен до сумасбродства, до безумной дерзости. Он разделяет со своими кавалеристами все самые жестокие лишения и самые тяжелые опасности. За него они готовы дать разрубить себя на части»*.

В годы гражданской войны проявились незаурядные способности Буденного как кавалерийского начальника, его высокие морально-боевые качества и беспредельная преданность делу социалистической революции. В действиях Первой Конной армии формировались черты новой тактики и оперативного искусства, основанные на внезапности ударов в сочетании с мощным огнем и маневром, которые впоследствии стали образцом оперативного использования конных масс, долгие годы служили примером для командиров Советской Армии.

После окончания гражданской войны С. М. Буденный сосредоточил свою неутомимую энергию на вопросах строительства Вооруженных Сил и боевой подготовки советской кавалерии. Уделяя много внимания обобщению опыта первой мировой и гражданской войн и использованию его при обучении войск, С. М. Буденный умело руководил подготовкой нашей славной конницы для обороны Советского Союза.

...В 1938 году мне довелось участвовать в параде войск Московского гарнизона на Красной площади. С чувством восхищения смотрел я, тогда слушатель Военной академии Генерального штаба, на Буденного, когда он, в возрасте пятидесяти пяти лет, лихо гарцевал на коне, командуя парадом...

Зрелым, образованным, всесторонне подготовленным полководцем проявил себя С. М. Буденный в годы Великой Отечественной войны. Он был членом Ставки Верховного Главнокомандования, командующим группой войск армий резерва Ставки, главнокомандующим войсками Юго-Западного направления, командующим Резервным фронтом, главнокомандующим войсками Северо-Кавказского направления, командующим Северо-Кавказским фронтом. В январе 1943 года Буденный был назначен командующим кавалерией Советской Армии и членом Высшего военного совета НКО СССР.

7 ноября 1941 года, когда немецко-фашистские войска рвались к Москве, именно С. М. Буденный по поручению партии и правительства принимал в столице исторический парад войск, участники которого прямо с Красной площади уходили в бой.

Мне довелось сражаться под началом С. М. Буденного, когда он являлся главнокомандующим войсками Юго-Западного направления, а я был заместителем начальника штаба — начальником оперативного отдела Юго-Западного фронта. Неоднократно встречался с ним по службе в послевоенное время. Кроме того, мы были с ним соседями по загородным служебным дачам, так что я

общался с ним и в деловой обстановке, и за дружеской беседой. Он был прост и доступен, без всякой рисовки рассказывал о былых походах и своей многогранной общественной деятельности. Как-то мы подсчитывали стаж его военной службы, и оказалось, что он приближается к семи десяткам лет — ведь Буденного призвали в армию в 1903 году. Почти двадцать из них пришлось на войны и борьбу с различными контрреволюционными бандами.

Семен Михайлович Буденный прошел прекрасный, но нелегкий путь от крестьянина-бедняка до государственного деятеля, члена Президиума Верховного Совета СССР, от рядового солдата-кавалериста до Маршала Советского Союза. Выдающиеся заслуги Семена Михайловича Буденного высоко оценены Коммунистической партией, Советским правительством и народом. Он трижды удостоен звания Героя Советского Союза, награжден восьмью орденами Ленина, шестью орденами Красного Знамени, орденом Суворова I степени, многими другими отечественными и зарубежными наградами. Трижды награжден Почетным революционным оружием.

Маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный — человек необыкновенной судьбы. В Буденном было все, чем с давних времен гордится народ: беспредельная отвага и красота души, прямота и честность, природный ум. Ему были близки и родственны люди честные, любящие труд, преданные своей Родине. С. М. Буденный все свои выдающиеся военно-организаторские способности отдал благородному делу вооруженной защиты завоеваний Великого Октября.

Перед вами, дорогие читатели, книга, повествующая о жизни и деятельности Семена Михайловича Буденного, раскрывающая ту или иную грань биографии полководца, государственного деятеля, человека повой, советской эпохи.

Авторы ее — это люди, которые на протяжении многих лет служили вместе с Семеном Михайловичем Буденным, близко знали его по работе, были его сподвижниками, друзьями.

Авторам воспоминаний есть что рассказать молодежи о С. М. Буденном. Их воспоминания никого не оставят равнодушным. Ветераны воскрешают в памяти волнующие эпизоды былых походов, которые совершали вместе с Семеном Михайловичем, рассказывают о многих исторических событиях, свидетелями которых они были.

В результате получился яркий рассказ о жизни и деятельности Семена Михайловича, многогранной военной, государственной и общественной деятельности выдающегося человека, борца, коммуниста, его огромном вкладе в советское военное и государственное строительство. Включенные в книгу многочисленные документальные фотографии, часть которых поистине уникальна, дополняют воспоминания, обогащают наши представления о Семене Михайловиче Буденном. Знакомясь с книгой, вновь восхищаешься человеческой красотой С. М. Буденного, его внутренней слож-

* Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1957, с. 460.

ностью, богатым духовным миром, сердечностью, добротой и мудростью. Уверен, что книга о Маршале Советского Союза Семене Михайловиче Буденном, жизнь которого является вдохновляющим примером для советских людей — строителей коммунистического общества, для молодого поколения вооруженных защитников Советской Отчизны, найдет путь к сердцу читателей.

*Дважды Герой Советского Союза
Маршал Советского Союза
И. Х. Баграмян*

К ПЯТИЛЕТИЮ 1-Й КОННОЙ АРМИИ*

М. В. ФРУНЗЕ

Вряд ли найдется такой глухой уголок Советского Союза, куда бы не дошел слух о подвигах этой славнейшей из славных частей Красной Армии.

Оружие ее играло решающую роль во многих важнейших кампаниях времен гражданской войны. Деникин, белополяки, Врангель, Махно — одних этих имен достаточно, чтобы судить о роли 1-й Конной в истории наших революционных войн. К сожалению, мы еще не имеем написанной подробной истории 1-й Конной. Это очень жаль: в нашей армии нет других частей, которые бы с такой полнотой, такой яркостью и глубиной отразили в себе, в своих действиях весь характер гражданской войны, характер всей Красной Армии с ее достоинствами и недостатками.

Недаром поэтому имя 1-й Конной так популярно в самых широких рабоче-крестьянских низах.

История 1-й Конной представляет огромный интерес в чисто военном отношении.

Ее операции войдут навсегда блестящими страницами в историю конницы. Эти операции служат предметом изучения не только у нас. Им уделяется много внимания и за рубежом. Та роль, которую сыграла конница, и в частности 1-я Конная, в ходе нашей гражданской войны, показала, что хоронить этот род оружия как самостоятельную силу еще рано. Ряд выдающихся заграничных военных авторитетов забил отбой в отношении оценки конницы как отживающего рода оружия. В противоположность

* Печатается с сокращениями. Впервые опубликовано в газете «Правда» 16 ноября 1924 года под названием «Даешь коня!».

такой оценке, нашедшей свое отражение в наставлениях и уставах, вышедших непосредственно после империалистической войны, мы чаще и чаще слышим голоса, требующие восстановления значения конницы как самостоятельной силы на полях будущих битв. Так, например, совсем недавно во французской военной газете «La France Militaire» от 25 октября 1924 г. в одной из статей, посвященной как раз разбору действий 1-й Конной в польскую войну, мы читаем:

«Из указанного вытекает ясно, какая огромная роль была сыграна Конной армией. Между тем достигнутые ею результаты — еще не все, что могло бы быть ею сделано при некоторых условиях...»

И далее:

«Случаи боев в конном строю холодным оружием были редки. При успехе они давали результаты, неизмеримо превосходившие численность сил, введенных в бой, что говорит о всем значении этого способа действий против противника, деморализованного или застигнутого врасплох».

Что касается нашей Красной Армии, то такая оценка конницы и ее будущей роли у нас укоренилась прочно и незыблемо...

*«НИКТО ПУТИ ПРОЙДЕННОГО У НАС НЕ ОТБЕРЕТ...»**

К. Е. ВОРОШИЛОВ

Выходит, что и Вам уже 50! Случилась-таки и с Вами, друг, эта неприятность. Что же поделаешь, может быть, Вам это и не доставляет большого удовольствия, но против факта не попрешь. Разумеется, я могу Вам посочувствовать, пережив в свое время и сам эту «беду», но и сочувствие не может служить утешением. Придется Вам теперь выслушать изрядную порцию приветствий, поздравлений, пожеланий «многих, многих лет здоровья и бодрости» и все такое в этом роде. Не сетуйте поэтому, если и я присоединю к общему хору друзей свой голос и тоже скажу Вам своих пару слов.

Дорогой Семен Михайлович! Я не стану признаваться Вам в моих чувствах, симпатиях, это не наш стиль и не в этом дело. Дело в том, что мы с Вами работаем вместе ровно полтора десятка лет; мы вместе жили в тяжелые и радостные годы, в годы величайшей, невиданной доселе в мире победоносной пролетарской революции, годы боевой страды, неудач и решающих великих побед.

* Печатается с сокращениями. Приветствие наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета СССР К. Е. Ворошилова впервые опубликовано в газетах «Правда» и «Красная звезда» 26 апреля 1933 года под названием «Верный сын пролетарской когорты».

В восемнадцатом году, Семен Михайлович, Вас знал тесный круг красных донских партизан да бойцов Царицынского фронта. Теперь имя Буденного знает всякий — и пролетарий, и крестьянин, и все трудящиеся...

Вы, Семен Михайлович, стали крупнейшим командиром красной конницы, Ваше имя олицетворяет и для друзей, и для врагов победную мощь армии пролетарской революции... Буденный у нас был и есть только один.

Вы, потомственный землероб, батрак, стали верным сыном пролетарской когорты и преданным членом нашей великой Коммунистической партии, поняли правду и силу рабочего класса, поняли, что пролетариату принадлежит будущее и что его правда, его путь есть единственная правда и для труженика-крестьянина, для всех трудящихся.

Беззаветная преданность пролетарской революции и ленинской Коммунистической партии является первым и ничем не заменимым качеством и обязанностью истинного революционного борца. Но одной преданности недостаточно, чтобы выделиться из боевой среды лучших красных командиров в командира-вождя. Для этого нужны свойства, которыми Вы, Семен Михайлович, обладаете: это — постоянная связь с руководимой массой, общение с ней, близость к ней, понимание каждую минуту, чем она живет и дышит; это неуклопная заботливость о подчиненном бойце и командире; это — пример бойцу во всем — и в бою, под пулями, и с шашкой наголо, и в революционной выдержке, выносливости, скромности и дисциплине; это — умение руководить и командовать и в мирных условиях, и на поле боя. Цена знания и науки, Вы не придерживались слепо догмы, а всегда и всюду видели многообразие жизни, видели постоянно живого человека как он есть, ибо нет ни одной другой профессии на свете, где живой человек и живая действительность определяли бы так много, как в военном деле...

Только большой природный ум и чуткость, развитые жизненным опытом и глубоким изучением и пониманием своего дела, скрепленные уверенностью в безусловной победе своего класса, могут формировать таких больших командиров, каким является Буденный. Эти Ваши отличительные черты, о которых я так подробно пишу, главным образом, для молодых наших товарищей — бойцов и командиров, объясняют целиком то, что имя Буденного стало одним из славнейших имен Рабоче-Крестьянской Красной Армии и пролетарской борьбы, объясняют заслуженную Вами славу.

В годы мирного строительства Вы явились тем же верным бойцом пролетарской революции, каким были в годы гражданской войны. Неустанно работая над повышением мощи красной конницы в новых условиях оснащения ее современными техническими средствами, Вы пользуетесь в то же время славой передового борца за социалистического коня.

Не случайно, а ценя Вашу любовь к крепкой, хорошей лошади и для народного хозяйства, и для обороны, наша партия и правительство поручили руководство этим важнейшим государственным делом именно Вам — испытанному другу и знатоку коня.

На 47-м году жизни Вы нашли возможным совместить учебу в Военной академии со своей основной ответственной работой в РККА. Вы пошли учиться, и не один, а потянули за собой старейших и лучших своих соратников, и овладели академическим курсом. Вы и на этом «фронте» применили свой излюбленный метод борьбы за достижение поставленной перед собой цели — упорство, настойчивость и скромность — качества, которые всегда и во всем отличали Вас, Вашу деятельность как работника. Под жизненный и боевой опыт Вы подвели основательный теоретический фундамент. Свой недюжинный природный ум Вы обогатили, дополнили большим запасом знаний.

Дорогой Семен Михайлович! В этот день мои пожелания Вам просты: живите «СИЛАЧОМ» до полной победы нашего великого пролетарского дела. Крепко обнимаю. Ваш Ворошилов.

25 апреля 1933 года.

*СЛАВНЫЙ ПУТЬ ПЕРВОЙ КОННОЙ АРМИИ**

А. С. БУБНОВ

Первая Конная армия создана в огне гражданской войны, когда один класс встал против другого и в ожесточенной борьбе решался вопрос, кто из них победит. Она создана в борьбе, которая разгорелась на всей территории Дона, Терека, Кубани, Украины, Урала, Сибири. Эта борьба и заставила нас спаять, сколотить Красную Армию.

Ее победоносность и беспримерная стойкость объясняются именно тем, что в ее рядах шли люди, которые поклялись воевать до победного конца, которые делали беззаветно, честно свое дело. И поэтому мы одерживаем такие победы и сумели очистить всю территорию Советской республики от белых банд. Бойцам Красной Армии, славным конникам — вот кому мы обязаны тем, что создана Рабоче-Крестьянская Красная Армия, что создана 1-я Конная, что она окрепла и добилась побед над бывшими царскими генералами.

* Речь члена Реввоенсовета Северо-Кавказского военного округа и Первой Конной армии А. С. Бубнова на праздновании второй годовщины Первой Конной армии в Ростове-на-Дону. Печатается с сокращениями. Впервые опубликовано в газете СКВО «За мирный труд» («Красный кавалерист») 26 ноября 1921 года.

Мы все должны знать, что в этой самой славной годовщине — наше второе слово, наше приветствие, и братски протянутую руку мы должны отдать бойцам 1-й Конной армии.

Рабоче-Крестьянская Красная Армия не имела бы возможности так быстро строиться, мы не имели бы возможности так побеждать, если бы мы не имели наших рабоче-крестьянских командиров, если бы мы не имели во главе не только всей Красной Армии, но и каждого отдельного отряда опытных, закаленных, преданных делу мировой революции командиров. Им, славным командирам, наше третье слово.

Мы знаем, что если в деле мирного строительства наша партия руководит, то не менее велика ее роль и в Красной Армии, и в 1-й Конной армии. И ее преданность и ее крепость зависят от того, что наша партия влила сюда лучших коммунистов. Они зависят от того, что коммунисты-комиссары в рядах бойцов шли в бой, спланивали их своим боевым примером, увлекая своей отвагой...

Но мы не должны забывать, что часто многое зависит от того, кто в данный момент руководит, стоит во главе. Напоминая славную историю 1-й Конной армии, отмечая ее славные подвиги, мы не можем не отметить те громадные заслуги, которые имеет ее командарм товарищ Семен Михайлович Буденный. Товарищи! Товарищ Буденный обмолвился... такой фразой: «Если Конарию называют «буденновской», то я сам считал себя ворошиловцем»... Это не случайная фраза, это... глубокое убеждение. Не стоило бы об этом говорить, потому что это вы сами знаете. И этим займется история. Но мы должны сказать, что в лице товарищей Буденного и Ворошилова осуществлен великий союз рабочего и крестьянина...

Нас ждет борьба. Если Красная Армия является тем, что прокладывает, очищает путь Советской республике, то 1-я Конная армия — авангард великой Красной Армии.

Теперь позади нас славный путь пройденных нами побед, жертв, испытаний. Впереди не годы отдыха... Все капиталистические страны, окружающие нас кольцом, пышут ненавистью к Советской республике. Нам предстоят годы не только хозяйственного строительства, но и борьбы со всеми нашими врагами.

Поэтому, приветствуя бойцов 1-й Конной армии, отмечая заслуги командиров, то, что сделали коммунисты, мы указываем на предстоящие подвиги и работу, мы можем сказать:

Помните, когда Советской республике придется снова бороться, может быть, самым ожесточенным образом, роль красной конницы будет значительна. Положите все свои силы, чтобы укрепить и создать красную конницу, ибо красная конница, мощная и крепкая, является залогом тех побед, которые нам необходимы для того, чтобы окончательно укрепить дело Советской власти.

НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ *

А. М. ВАСИЛЕВСКИЙ,
Маршал Советского Союза,
дважды Герой Советского Союза

...Пройденный Вами неподражаемый ратный путь неразрывно связан со всей героической историей нашей славной Советской Родины, дорогой Коммунистической партии, со становлением, развитием и со всеми блестящими победами наших Вооруженных Сил. Ваш непревзойденный талант военачальника, Ваше боевое мастерство, изумительный боевой опыт, выдающиеся организаторские способности, самоотверженность и беспримерное служение Родине по достоинству снискали Вам огромную мировую популярность и горячую любовь всего советского народа. Многие населенные пункты, носящие Ваше имя во всех уголках нашей советской земли, — нагляднейшее свидетельство этому.

Ваше легендарное имя, дорогой Семен Михайлович, известно советскому народу и его Вооруженным Силам с первых дней борьбы советских людей за свободу и независимость, добытых под руководством великого В. И. Ленина Коммунистической партией в Октябре 1917 года. Не могу в связи с этим не привести из своей жизни, быть может, и незначительный штрих, но хорошо характеризующий Вашу популярность среди воинов Красной Армии в самые острые дни из времен гражданской войны. Это было в апреле 1920 года на Западном фронте в районе г. Дриссы, когда в одну из ночей в 96-м стрелковом полку 11-й Петроградской стрелковой дивизии, где я в то время был помощником командира полка, из взвода конных разведчиков исчезли вместе с лошадьми и амуницией пять бойцов во главе с лучшим во взводе командиром отделения — тов. Олейниковым. Во взводе ими была оставлена записка примерно следующего содержания: «Просим не считать нас дезертирами. Отправились в конармию тов. Буденного, чтобы под его руководством помочь скорее покончить с империалистическим гадом и всякой сволочью. Просим не препятствовать, все равно будем там». И так было в ту пору почти всюду. Никогда не забуду также ликования населения и гарнизона г. Твери (ныне Калинин), когда Вы в 1923 году посетили этот город и 142-й полк 48-й стрелковой дивизии, которым тогда я командовал. Памятно мне и незабываемо это событие и потому, что это была моя первая встреча с Вами.

Дорогой Семен Михайлович, в эти знаменательные дни нам, опять-таки вместе со всем советским народом и его Вооруженными Силами, хотелось бы передать Вам огромное, самое искреннее и сердечное спасибо за все содеянное Вами в течение Вашей

* Из семейного архива Буденных.

столь прекрасной и примерной для нас жизни для спасения нашей любимой, свободной Советской Отчизны от агрессии империализма...

23 апреля 1973 г.

ВСПОМИНАЮ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ *

Г. К. ЖУКОВ,
Маршал Советского Союза,
четырежды Герой Советского Союза

Мне довелось свыше четырех лет — с начала 1933 по 1937 год — командовать старейшей конармейской дивизией, которой еще в 1918 году командовал С. М. Буденный, 4-я кавалерийская имени К. Е. Ворошилова дивизия была ядром легендарной Первой Конной армии. В жестоких боях в годы гражданской войны она показала чудеса храбрости и массового героизма.

Когда приказ о моем назначении уже был подписан наркомом, у меня состоялась беседа с Семеном Михайловичем Буденным. Прощаясь, он с волнением сказал:

— Четвертая дивизия всегда была лучшей в рядах конницы, и она должна быть лучшей!

Рад, что пожелания маршала С. М. Буденного сбылись. В те годы в дивизии были живы не только легендарные традиции. В полках, а нередко и в эскадронах можно было встретить самих героев царькинского, денкинского, белопольского, врангелевского фронтов, громивших белогвардейцев и многочисленные банды.

Командовали полками 4-й Донской казачьей дивизии ветераны-конармейцы. 19-м Краснознаменным Маньчжским кавполком — Ф. Я. Костенко, который в дни Великой Отечественной войны командовал 26-й армией и погиб смертью храбрых. 20-м Краснознаменным Сальским полком — В. В. Крюков, будущий Герой Советского Союза, командир 2-го гвардейского кавалерийского корпуса в Отечественной войне. 21-м Краснознаменным полком — И. Н. Музыченко, впоследствии командарм 6-й армии на Украине. 23-м казачьим полком — И. Л. Сакович, впоследствии командир мехчасти. Сакович героически погиб в первые дни войны. 4-м механизированным полком — В. В. Новиков, старый конармеец, впоследствии тоже генерал и командир механизированного корпуса.

Хорошо помню комиссара 4-го мехполка А. С. Зинченко, который сейчас, находясь на заслуженном отдыхе, ведет большую партийно-политическую работу.

В 1935 году страна отмечала 15-ю годовщину Первой Конной армии. В Постановлении ЦИК СССР от 23 февраля 1935 года было записано:

* Впервые опубликовано в журнале «Огонек», 1969, № 43.

«В ознаменование 15-летней годовщины 1-й Конной армии, героически проявившей себя в гражданской войне рядом незабываемых побед на Южном и других фронтах, и за особо выдающиеся заслуги отдельных ее частей, бойцов, командиров и политработников как во время гражданской войны, так и в деле боевой, политической и технической подготовки Красной Армии в период мирного строительства, Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет:

1) Наградить орденом Ленина:

1. 4-ю кавалерийскую Ленинградскую Краснознаменную имени Ворошилова дивизию.

2. 6-ю кавалерийскую Чонгарскую Краснознаменную имени Буденного дивизию...»

Награждены были этим указом и остальные соединения Первой Конной, а также многие конармейцы во главе с организаторами и руководителями С. М. Буденным, К. Е. Ворошиловым, Е. А. Щаденко. Орденом Ленина был награжден и я.

Вскоре к нам прибыл Маршал Советского Союза С. М. Буденный и в присутствии всей дивизии, построенной для парада, прикрепил к боевому Красному знамени от ВЦИК, рядом с двумя боевыми орденами Красного Знамени, полученными еще в дни гражданской войны, высший орден страны — орден Ленина. Понятно, с каким волнением мы с ассистентами поскакали перед строем дивизии, бойцы которой с воодушевлением кричали «Ура!».

23 апреля 1936 года дивизия была переименована в 4-ю Донскую казачью ордена Ленина, Краснознаменную дивизию имени К. Е. Ворошилова, и ей была присвоена особая казачья форма одежды. В 1937 году я был выдвинут на должность командира 3-го кавалерийского корпуса, который спустя полгода сдал старому опытному военачальнику — конармейцу Я. Т. Черевиченко. А мне было приказано командовать 6-м казачьим корпусом, состоявшим кроме других соединений из двух коренных дивизий Первой Конной армии — 4-й Донской казачьей и 6-й Кубано-Терской Чонгарской имени С. М. Буденного дивизий.

В 1938 году в связи с назначением на должность помощника командующего войсками Белорусского военного округа по кавалерии командование 6-м казачьим корпусом я сдал комбригу Андрею Ивановичу Еременко.

С тех пор прошло более тридцати лет, но у меня по сей день сохранились самые лучшие воспоминания о командирах, политработниках и бойцах, которые были в рядах 4-й Донской казачьей дивизии.

Работа в 3-м и 6-м конных корпусах дала мне много опыта и знаний, и я навсегда сохранил признательность тем, кто помогал мне в работе, кто честно трудился во имя великого дела оборонения нашей страны.

В день пятидесятилетия Первой Конной армии я шлю сердечный привет ее ветеранам — рядовым, офицерам, генералам и мар-

шалам. Особый привет ее организаторам — маршалам С. М. Буденному и К. Е. Ворошилову, пронесшим Ленинское знамя сквозь суровые годы испытаний.

ИМЯ, ОВЕЯННОЕ БЫЛИННОЙ СЛАВОЙ

К. С. МОСКАЛЕНКО,
Маршал Советского Союза,
дважды Герой Советского Союза

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории человечества, выдвинула из народа выдающихся военных деятелей, руководивших созданием и цементированием героической Красной Армии. Среди них и Маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный, имя которого поистине овеяно былинной славой.

Я часто вспоминаю те далекие годы. С восемнадцати лет мне довелось воевать за Советскую власть под боевыми знаменами непобедимой и легендарной Первой Конной армии. В ее рядах я прошел боевую школу от красноармейца до начальника штаба полка 6-й Чонгарской кавалерийской дивизии. Более одиннадцати лет служил я в этой дивизии, и каждый раз, видя или встречаясь с Буденным, я, как и все конармейцы, убеждался в огромном авторитете командарма в широких красноармейских массах. Закончилась гражданская война, была расформирована Первая Конная, а кавалерийские дивизии, входившие в ее состав, продолжали именоваться буденновскими. Буденновец — звучало гордо и почетно. Все мы, буденновцы, любили своего командарма за его острый природный ум, беспредельную отвагу и храбрость, мужество и волевой характер, за простоту, чуткость и сердечность. Мы мечтали быть похожими на него, подражали ему во всем.

Семен Михайлович Буденный, вспоминая пройденный им путь, отмечал: «Начиная с русско-японской я участвовал в четырех войнах в качестве солдата, командира, командующего армией и фронтами. На коне я дрался с врагами и благодаря навыкам, полученным в спортивной школе, и мастерству верховой езды оставался неуязвимым; скажу прямо, мне не довелось в боях встречаться с равными себе кавалеристами»*.

Еще на службе в царской армии Семен Михайлович возненавидел социальную несправедливость, видя бесправное положение и унижение солдат. И когда легендарная «Аврора» возвестила миру о начале новой эры в истории человечества, когда грянула Великая Октябрьская социалистическая революция, Буденный стал ее беззаветным борцом. Он принимает активное участие в установлении Советской власти на Дону. Возвратившись в станицу

* Кодекс и конный спорт, 1968, № 12, с. 5.

Платовскую, Буденный организует первый в округе Совет. На окружном съезде его избирают членом исполкома и заведующим земельным отделом. Но контрреволюция и белоказачий террор заставили Семена Михайловича снова взяться за оружие.

В жизни С. М. Буденного гражданская война занимает особое место. Под непосредственным руководством партии большевиков, В. И. Ленина формировалось военное искусство пролетарского государства, ковались замечательные кадры организаторов военного дела, в это время раскрылся и яркий талант легендарного командарма Первой Конной.

В феврале 1918 года Буденный организует партизанский отряд для борьбы с белогвардейцами на Дону, который перерастает в кавалерийский полк, бригаду, дивизию, а затем и в корпус, сыгравший важную роль в разгроме белогвардейцев. Конница Буденного в составе 10-й армии громит денкинцев под Царицыном. Осенью 1919 года смелым ударом на направлении Воронеж, Касторное она наголову разбивает белогвардейские кавалерийские корпуса Мамонтова и Шкуро и, развивая наступление на курском направлении, обеспечивает успешные боевые действия Южного фронта.

Блестяще проведенная операция открыла возможность расчленения армий Деникина и их разгрома по частям. Но требовалась мощная подвижная группа войск, которой, по соображениям Семена Михайловича, могла быть конная армия. Об этом предложении доложили Владимиру Ильичу Ленину, и в ноябре 1919 года создается Первая Конная армия под командованием С. М. Буденного. Она превратилась именно в ту подвижную ударную силу, которая сыграла решающую роль в ряде операций гражданской войны.

Конец 1919 года. Сразу же после формирования армия получает задачу — стремительным ударом через Донбасс на Таганрог расчленить Добровольческую и Донскую белые армии и во взаимодействии с нашими 8-й и 13-й армиями разгромить их. Буденновцы с честью выполнили эту задачу. Вместе с приданными им 9-й и 12-й стрелковыми дивизиями они нанесли врагу решительное поражение. Были освобождены Донбасс, Ростов. Мощной лавиной полки Первой Конной устремились на юг. В это время Семен Михайлович Буденный провел заключительные операции по ликвидации денкинцев на Северном Кавказе, под Торговой, Белой Глиной и Егорлыкской.

1920 год. Молодой Советской республике угрожают белопольские паны, и снова красные конники в седле. С. М. Буденный ведет Первую Конную походным порядком под Умань. Почти без передышки бойцы армии вступили в бой. Этапами ее героического пути были знаменитый Житомирский прорыв подготовленной обороны противника, разгром его киевской группировки, ряд мощных ударов на Новоград-Волынский, Дубно, Ровно, Броды, Луцк, Львов...

В годы Великой Отечественной войны армии, которыми мне пришлось командовать, неоднократно сражались в местах, где

проходил боевой путь Первой Конной. В оборонительных боях на территории западных областей Украины, в наступлении под Воронежем, Касторной, Белгородом, а позже под Киевом и Львовом я не раз вспоминал Семена Михайловича. Наука побеждать превосходящего по силам противника, которую я прошел в Первой Конной, мне тогда очень пригодилась. Боевой опыт конармейцев, обогативший советское военное искусство, широко применялся в ходе Великой Отечественной войны. Многие операции против немецко-фашистских захватчиков проводились советским командованием с участием крупных конно-механизированных соединений.

...Едва утихли бои на польском фронте, как по указанию В. И. Ленина Первая Конная перебрасывается на Южный фронт для борьбы с Врангелем. «Врангель явно оттягивает свои части, — телеграфировал В. И. Ленин 24 октября 1920 года РВС Первой Конной армии. — Возможно, что он уже сейчас пытается укрыться в Крыму. Упустить его было бы величайшим преступлением. Успех предстоящего удара в значительной степени зависит от 1 Конной. Предлагаем РВС 1 Конной применить самые героические меры для ускорения сосредоточения 1 Конной»*.

Вспоминая службу и боевые дела в составе Первой Конной, нельзя не сказать, что автором замыслов массированных кавалерийских атак, боев и операций, организатором и руководителем проведения их в жизнь, как правило, был Семен Михайлович. Его талант, кипучая энергия, его тесная связь с конармейцами и командирами оказывали огромное влияние на формирование у них высоких морально-боевых качеств. Он постоянно занимался повышением боеспособности эскадронов, полков и дивизий, чьи боевые подвиги на полях сражений являлись весомым вкладом в общее дело разгрома классовых врагов. Буденновцев всегда отличали лихость, бесстрашие, стойкость и сила напора. И когда наш отряд, возглавляемый Куличенко, вошел в состав Первой Конной, нашей радости не было предела.

Командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе поставил Первой Конной армии задачу — отрезать главные силы Врангеля от крымских перешейков и разгромить их. В считанные дни Врангель потерял все территориальные «завоевания», которых добился в течение всего лета, основную массу войск и вооружение. Однако остаткам разгромленных белогвардейцев удалось бежать в Крым и укрыться за мощными укреплениями на перешейке. Вот тогда-то и был осуществлен штурм Перекопа и Чонгара.

Нашей 6-й кавалерийской дивизии совместно с 30-й стрелковой дивизией предстояло ворваться в Крым через Чонгарский мост. Мосты были взорваны, за ними на крымском берегу возвышались земляные валы, оцетинившиеся орудийными и пулеметными стволами. Перед валами, упиравшимися концами в море, были многорядные проволочные заграждения. Таких ук-

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 315.

репленных было шесть линий. Вот тогда я воочию убедился, почему их называли неприступными.

Бои были кровавые, но укрепления мы прорвали. Наша дивизия получила почетное наименование Чонгарской. Враг был разгромлен и сброшен в Черное море. Это означало окончание гражданской войны в европейской части Советской России.

Встретившись вскоре с В. И. Лениным на VIII Всероссийском съезде Советов, С. М. Буденный с радостью услышал от вождя похвалу: «Да, красные бойцы храбро сражались за свою родную Советскую власть. Они сознательно шли на жертвы во имя революции. И победили. Первая Конная блестяще справилась со своей задачей. Фрунзе доложил мне об этом. Я верил в силу и наступательный порыв Первой Конной и, как видите, не ошибся. Отчаянные и храбрые у вас бойцы, Семен Михайлович. В их характере есть что-то от вас...» *

Роль кавалерии, в частности Первой Конной армии и ее командарма С. М. Буденного, в разгроме внутренней контрреволюции и внешних интервентов огромна. Кавалерия обладала высокой подвижностью и маневренностью, способностью к самостоятельным действиям как в наступлении, так и в обороне на различной местности. Известно, что эффективность ее как рода войск с появлением нового оружия (магазинной винтовки, пулеметов, дальнобойной артиллерии), особенно в позиционном периоде первой мировой войны, резко снизилась. В условиях же гражданской войны, войны маневренной, она вновь обрела большое значение.

Гражданская война закончилась.

В 1922 году, окончив Харьковскую объединенную военную школу красных командиров, я вновь направлен для прохождения дальнейшей службы в Первую Конную армию командиром взвода отдельного конноартиллерийского дивизиона той же 6-й Чонгарской кавалерийской дивизии. Ранее ею командовали прославленные кавалерийские начальники С. К. Тимошенко, И. Р. Ананасенко, а в то время, когда я прибыл, О. И. Городовиков. Располагалась дивизия в г. Армавире и близлежащих станциях.

Мне довелось участвовать в боях на Северном Кавказе по ликвидации вражеских банд. Занимались мы и повышением уровня боевой и политической подготовки, вкладывая в это все свои силы, опыт и знания. На зимних квартирах и в лагерях все дни были заполнены конной, артиллерийской, тактической, огневой подготовкой и политической учебой.

В воспитательной работе большое значение уделялось пропаганде героического боевого подвига армии, дивизии, ее частей, подвигов конармейцев и командиров.

Нередко проводились учения, особенно в летний период, когда мы находились в лагере. Помню, на учениях мы хорошо про-

вели артиллерийские стрельбы и конноспортивные соревнования. Ими остались довольны приехавшие к нам на учения командующий Северо-Кавказским военным округом К. Е. Ворошилов и его заместитель С. М. Буденный. Я тогда впервые встретился с К. Е. Ворошиловым и был удостоен похвалы за то, что быстро и оперативно выполнил его приказание.

Так, в мирных условиях, Первая Конная армия превратилась в школу обобщения боевого опыта, в школу боевого мастерства бойцов и командиров. Организатором всех мероприятий был штаб армии, а зачинателем и вдохновителем — Семен Михайлович Буденный.

Кипучая военная деятельность под руководством большевистской партии, в которую Буденный вступил в 1919 году, теснейшая совместная работа с К. Е. Ворошиловым, И. В. Сталиным, М. В. Фрунзе и другими выдающимися партийными и государственными деятелями, личные качества Семена Михайловича способствовали быстрому росту его полководческого таланта. Партия доверяет Буденному ответственные посты. В 1921 году, будучи еще командармом Первой Конной, он назначается членом Военного совета Северо-Кавказского военного округа, а через год — заместителем командующего войсками этого округа. В конце 1923 года Семен Михайлович становится помощником главкома по кавалерии и членом Реввоенсовета СССР. В 1924 году его назначают инспектором кавалерии РККА. На этом посту Семен Михайлович проводит большую организационную работу по моторизации и механизации кавалерийских частей и соединений. Ему принадлежит выдающаяся роль в укреплении и развитии коневодства.

В 1935 году С. М. Буденному, в числе первых в нашей стране, было присвоено высокое воинское звание Маршал Советского Союза. В 1937—1940 годах он командует войсками Московского военного округа и одновременно является заместителем Наркома обороны; в августе 1940 года назначается первым заместителем Наркома обороны СССР. С. М. Буденный принимает активное участие в укреплении обороноспособности нашего государства, в повышении боевой готовности Советских Вооруженных Сил.

Мои новые встречи с С. М. Буденным, не считая таких кратковременных, как маневры на Украине, в Белоруссии, состоялись в начальный период Великой Отечественной войны. Я был уже генерал-майором.

После вероломного нападения фашистской Германии на нашу страну советские войска, ослабленные потерями, вынуждены были отходить, нанося повсеместно контрудары, изматывая противника в упорных оборонительных боях. Маршал Буденный возглавил отражение агрессии на Юго-Западном направлении от реки Припять до Черного моря. Хочу подчеркнуть, что в бытность его главнокомандующим войсками Юго-Западного направления немецко-фашистские войска на этом направлении достигли наименьшего успеха и вынуждены были перенацелить сюда с цент-

* Буденный С. М. Встречи с Ильичем. М., 1972, с. 401.

раильного направления дополнительно полевую армию и танковую группу.

В середине августа 1941 года войска Юго-Западного направления нанесли немецко-фашистским войскам группы армий «Юг» значительный урон и задержали развитие их операций в районе Киева. Сильную позицию в Коростеньском укрепленном районе занимала 5-я армия. Нависая над флангом фашистских войск, она непрерывно наносила контратаки и контрудары, сковывая крупные силы противника.

Фашистское командование вынуждено было временно прекратить наступление на Москву, нацелив удары на Ленинград и Украину. Разгром советских войск на Украине оно намеревалось произвести совместными действиями 2-й армии и 2-й танковой группы армий «Центр» ударом с севера от Гомеля навстречу 17-й армии и 1-й танковой группе, действовавшим из района Кременчуга на север. С фронта действовала 6-я армия.

Советское командование своевременно увидело в повороте фашистских войск от Гомеля на юг угрозу для Юго-Западного фронта, и Маршал Советского Союза С. М. Буденный обратился в Ставку ВГК за разрешением отвести войска правого крыла Юго-Западного фронта с рубежа железной дороги Коростень — Киев на восточный берег Днепра. Ставка согласилась с этим предложением, 5-я армия и 27-й стрелковый корпус Юго-Западного фронта были отведены за Днепр. Эти меры укрепили положение войск Юго-Западного фронта. Одновременно советское Верховное Главнокомандование решило нанести удар во фланг и тыл наступавшей на юг группировке врага. Для этого привлекались войска Резервного и Брянского фронтов на рославльском и стародубском направлениях. Однако ожидаемых результатов эти операции не дали...

Наступление немецко-фашистских войск с севера в тыл Юго-Западному фронту продолжало развиваться. Явно обозначилось намерение вражеского командования путем двустороннего охвата окружить войска фронта в районе Киева и восточнее. Назревала катастрофа.

Военный совет фронта с разрешения главкома Юго-Западного направления обратился в Ставку с просьбой разрешить отвод войск на тыловой рубеж с целью избежать окружения.

Предложение командующего Юго-Западным фронтом Кириленко было отвергнуто. Когда об этом стало известно главкому Юго-Западного направления Маршалу Советского Союза Буденному, он представил Верховному Главнокомандующему свои заключения и предложения по отводу войск. К сожалению, и с его доводами Ставка не согласилась.

По моему мнению, предложения С. М. Буденного в то время были наиболее целесообразными, так как он исходил из тщательного анализа обстановки на месте событий.

Об этом же свидетельствует и Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления»:

«Много времени прошло с тех пор, по я все еще не могу без волнения об этом вспоминать. Считаю, что Верховный Главнокомандующий был тогда неправ, требуя от командования Юго-Западного фронта удерживать фронт обороны западнее Днепра и западнее Киева до последней возможности».

В годы Великой Отечественной войны С. М. Буденный был командующим группой войск армий резерва Ставки, главнокомандующим войсками Юго-Западного направления, командующим Резервным фронтом в боях под Москвой, уполномоченным ГКО по формированию и обучению частей, главнокомандующим Северо-Кавказским направлением — и на любом посту, доверенном партией, любому делу, порученному партией, он отдавал все силы и знания, внося свой вклад в организацию борьбы с врагом.

В январе 1943 года Семен Михайлович Буденный назначается командующим кавалерией Вооруженных Сил СССР, работает в Ставке Верховного Главнокомандования. Благодаря его усилиям совершенствовались новые кавалерийские соединения и конномеханизированные группы, которые своими ударами и рейдами содействовали успеху ряда крупных операций Великой Отечественной войны.

Воспитанник Коммунистической партии, один из видных организаторов Советских Вооруженных Сил, Семен Михайлович прожил большую, яркую жизнь. Он был тесно связан с массами трудящихся, активно участвовал в партийной и государственной работе. Боец ленинской гвардии, он видел смысл своей жизни в беззаветном служении родной партии, своему народу, делу коммунизма. «Пока бьется мое сердце, оно принадлежит народу...» — говорил Семен Михайлович в Кремле, когда был награжден третьей Звездой Героя Советского Союза.

Среди многочисленных наград маршала есть золотое оружие с надписью «Народному Герою С. М. Буденному от ВЦИК». Народный герой — эти слова, как никакие другие, верно и емко характеризуют Семёна Михайловича.

ГЕРОЙ-ПОЛКОВОДЕЦ*

*И. В. ТЮЛЕНЕВ,
генерал армии,
Герой Советского Союза*

В сердцах советских людей навсегда сохранится память о самоотверженных борцах за власть Советов, мужественно защищавших от врагов наше социалистическое Отечество. В огне сражений гражданской войны под влиянием и руководством Ком-

* Печатается с сокращениями. Впервые опубликовано в газете «Красная звезда» 25 апреля 1963 года.

мунистической партии, великого Ленина выдвинулись и воспитались многие тысячи героев, целая плеяда талантливых военачальников. В первых рядах этих людей мы видим Семена Михайловича Буденного.

Сын иногороднего крестьянина-батрака Донской области, он рано познал тяжесть подневольного труда. Будучи призванным в царскую армию в 1903 году, Буденный участвует в русско-японской, затем в первой мировой войне, отличается в боях как храбрый воин-кавалерист. После Февральской революции его избирают в дивизионный солдатский комитет; в Минске он знакомится с М. В. Фрунзе и работает под его руководством.

Грянул Великий Октябрь. С. М. Буденный возвращается в родные края, на Дон, где уже развертывалась ожесточенная борьба с контрреволюцией. Здесь формируются первые конные отряды, выступившие на защиту власти рабочих и крестьян. Инициатором создания одного из таких отрядов в Платовской был Семен Михайлович. Вскоре отряд Буденного вырастает в кавалерийский полк. В последующем в обстановке непрерывных боев полк разворачивается в бригаду, затем создается дивизия, конный корпус, наконец, осенью 1919 года 1-я Конная армия. Ее бессменным командующим был Семен Михайлович Буденный.

История создания и славных боевых дел советской конницы вошла в летопись гражданской войны СССР как одна из замечательных ее страниц. Неувядаемой славой покрыли себя советские конники под Царицыном, в разгроме денкинских войск — под Воронежем и Касторной, на Северном Кавказе, в борьбе с белополяками и Врангелем. Слава о буденновцах, об их подвигах гремела повсюду, вселяя радость в сердца боевых друзей и вызывая страх у врагов. Оценивая роль 1-й Конной армии в борьбе за молодую Республику Советов, М. В. Фрунзе писал: «В нашей армии нет других частей, которые бы с такой полнотой, такой яркостью и глубиной отразили в себе, в своих действиях весь характер гражданской войны, характер всей Красной Армии... Ее операции войдут навсегда блестящими страницами в историю конницы».

Что лежало в основе создания и боевых успехов советской конницы? Воля и прозорливость нашей ленинской партии, ее огромная воспитательная и организаторская работа, революционный энтузиазм освобожденных от эксплуатации трудящихся, боевое мастерство и преданность делу партии и народа советских военачальников, командиров и политработников.

Большую роль в этом, несомненно, сыграли также личные качества Семена Михайловича Буденного, непосредственно руководившего частями Конармии.

Организация красной конницы, как и всей Рабоче-Крестьянской Красной Армии, была делом нелегким. Помимо многих других трудностей необходимо было преодолеть сопротивление троцкистов и части старых специалистов, которые утверждали, что конница как род войск устарела, является ненадежной, самостоя-

тельные боевые действия вести не сможет, что ее место — в пехотных соединениях (как вспомогательной силы). Партия, В. И. Ленин отвергли эти вредные пораженческие взгляды. Заслуга С. М. Буденного состоит в том, что он вместе с другими военачальниками на деле, практически доказал возможность существования и успешных действий конницы как самостоятельного рода войск. Он с честью оправдал оказанное ему партией доверие.

Выходец из народа, Буденный верил в творчество красноармейских масс, в их преданность делу Советской республики. Как командир-коммунист, он широко опирался в своей боевой деятельности на партполитаппарат. Приобретенный опыт и творческий подход к делу помогли отбросить парадность, показной блеск, ортодоксальную тактику, свойственные старой коннице. Командарм всячески развивал у красных конников смелость и решительность в осуществлении операций.

В ходе боев закладывались основы новой тактики, которая отвечала природе и возможностям частей новой армии и которая жила на мощи огневых средств, внезапности и решительности фланговых ударов. С. М. Буденный был врагом шаблонов, широко применял принципы взаимодействия конницы с пехотой, умел частные успехи развивать в крупные победы над врагом. Мне, как одному из командиров, которым довелось сражаться в рядах 1-й Конной армии, хотелось бы отметить и такие качества С. М. Буденного, как глубокая и искренняя демократичность, близость к рядовым бойцам, чуткость и трогательное внимание к пуждам и запросам подчиненных.

Следует отметить, что богатый опыт создания и боевого использования подвижных масс конницы, накопленный в годы гражданской войны, богатые традиции красной конницы сыграли немалую роль в развитии и укреплении высокоманевренных механизированных и бронетанковых войск нашей армии. В свое время целые кавалерийские соединения реформировывались в бронетанковые или механизированные дивизии, корпуса. В годы Великой Отечественной эти наши новые соединения своими мощными ударами рассекали группировки фашистских войск и последовательно в совместных операциях с другими родами войск наносили по врагу сокрушительные удары. Нельзя не отметить и того обстоятельства, что в борьбе за социалистическую Родину в рядах красной конницы под руководством Коммунистической партии получили закалку многие наши военные руководители, проявившие свое полководческое искусство в годы Великой Отечественной войны.

Воины наших Вооруженных Сил и все советские люди знают С. М. Буденного как одного из активных и талантливых руководителей нашей армии в годы мирного строительства, как одного из государственных и общественных деятелей. Он многое сделал для дальнейшего укрепления армии и флота, будучи помощником главнокомандующего Вооруженными Силами по кавалерии и

членом Революционного военного совета СССР, командующим войсками Московского военного округа, заместителем Наркома обороны СССР.

Одновременно по поручению партии и правительства С. М. Буденный занимается вопросами организации народного хозяйства. Он избирается членом Всероссийского, а затем Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета, депутатом и членом Президиума Верховного Совета СССР. С. М. Буденный принимал деятельное участие в колхозном строительстве, в создании новых военных предприятий, в развитии массового конного спорта.

В период Великой Отечественной войны С. М. Буденный был главнокомандующим войсками Юго-Западного направления, командующим Резервным и Северо-Кавказским фронтами.

С 1934 года товарищ Буденный избирается в состав Центрального Комитета КПСС. Он выступает среди рабочих на фабриках и заводах, бывает у пионеров и комсомольцев, у писателей, инженеров, ученых. Постоянное внимание уделяет он воспитанию нового поколения советских воинов. Живой отклик у читателя нашла его книга «Пройденный путь».

С. М. Буденный является членом правления Союза обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, председателем правления Общества советско-монгольской дружбы.

Большую и суровую школу жизни и борьбы прошел С. М. Буденный. Но он по-прежнему бодр, жизнерадостен. Его всегда можно видеть с доброй и приветливой улыбкой, одетым в маршальский мундир, который украшают семь орденов Ленина, шесть орденов Красного Знамени, две Золотые Медали Героя Советского Союза.

С первых дней зарождения Советских Вооруженных Сил Семен Михайлович Буденный находился в рядах вооруженных защитников Родины. Сам он считает высоким долгом для себя служить своему народу, делу партии, делу коммунизма в рядах армии. Недавно, обращаясь к молодым воинам, Семен Михайлович заметил, что если бы теперь встал вопрос о выборе профессии, то он выбрал бы военную. Почему? Вот его ответ:

— Да потому, что я знаю, чего стоило нам, людям старшего поколения, добиться тех благ, которые сейчас кажутся обыденными и вроде бы не могут быть иными. Потому, что есть еще черные силы, готовые посягнуть на нашу Родину, земля которой обогрета кровью лучших сынов и дочерей советского народа. И кто же, как не мы, советские люди, позаботится о нашем светлом коммунистическом будущем, об укреплении обороноспособности нашего государства, повышении боеготовности его Вооруженных Сил? Ведь с честью и достоинством служить в армии — значит быть на переднем крае коммунистического строительства. Это ли не великое счастье!

Семен Михайлович Буденный принадлежит к той славной когорте «революцией мобилизованных и призванных» людей, которые видят высший смысл своей жизни в беззаветном служении своему народу, родной ленинской партии, делу коммунизма.

ВОЖАК

*К. Ф. НОВИКОВ,
ветеран Первой Конной армии*

Семена Михайловича Буденного знаю с детских лет. Он был старше меня на четырнадцать лет. Мне было шесть лет, но я отчетливо помню, как хуторяне провожали его на царскую службу. Это было в 1903 году.

Помню наши детские забавы, игры в ковыльной степи, начипавшейся прямо за нашими хатами: мои родители и родители дяди Семена, как я звал его в детстве, жили по соседству — наша дверь выходила на восток, их — на запад. Хутор Литвиновка, или, как его еще называли, Дальний, приткнулся к правому берегу реки Маныч, с вечно солесной водой, в 40 километрах от станицы Платовской. Этот хутор издавна был заселен русскими (ипогородными крестьянами), казаками и частично пемцами. Ипогородные арендовали казачью землю — небольшие участки по 8—10 соток, жили в землянках или в саманных мазанках. На арендованной земле запрещались плодово-ягодные насаждения, и поэтому хутор не имел зелени, выглядел мрачно, особенно осенью.

Вот на этом хуторе и жила семья М. И. Буденного, в которой было восемь детей, в их числе и Семен Михайлович, будущий полководец и народный герой. В детстве Семен работал у купца Яцкина. Несмотря на бедность, семья Буденных была жизнерадостной, дружной. Их отец играл на балалайке, Семен на гармошке. Любили петь песни, многие, особенно Семен, хорошо плясали. До мельчайших подробностей помню, как веселились порой в их мазанке. Бывало, отец играет на балалайке, а потом кричит:

— Ложись на пузо и пляши!

Дети танцуют, а он вдруг внезапно перестает играть, все смеются.

Вечером у хаты Буденных собиралась молодежь. Семен играл на гармошке, девушки пели и танцевали. Заводилой всех игр был Семен. Смелый, находчивый, удалой. Как-то на хуторе загорелась конюшня, народ бросился спасать лошадей. Пламя охватило конюшню, кто-то крикнул: «Жеребенок остался!» Все боялись тронуться с места, а Семен схватил мокрую рогожу, накинул ее на голову и кинулся в пламя. Через несколько минут он вывел из конюшни перепуганного жеребенка.

Семен был подлинным вожаком хуторских ребят. Он и его ближайшие друзья Авдей Дорошенко и Андиялака Курносов — это была непобедимая тройка. Помню, когда на масленицу начинались кулачные бои, эта тройка была грозой для всех местных заводил, она ходила против десятерых. Смелее всех дрался Семен. Иногда и он уходил «с поля боя» с разбитым носом. Отец говорил ему:

— Смотри, что с твоим носом делается!

— Ничего, до женитьбы заживет, — отвечал Семен.

Однажды на хутор переселилась семья зажиточного кулака казака Кувикова. Красивая дочка у него была, звали Надей. Семен влюбился, стал ухаживать за казачкой. Однако иногородний не имел права ни ухаживать, ни жениться на казачке, так же как казак — на иногородней. Брат Нади решил проучить Семена и подговорил своих друзей избить его. Надя узнала об этом, побежала в магазин Яцкина, где Семен работал, и со слезами рассказала о заговоре.

— Не бойся, Надя, — ответил Семен.

Вечером у дома Кувиковых на него набросились трое. Но Семен не струсил, и вскоре все трое спасались бегством...

Семен с малых лет любил лошадей. Обычно на масленицу на хуторе устраивались состязания. Победить было нелегко — надо было на всем скаку поднять с земли фуражку и надеть ее на голову, а на галопе подлезть под живот лошади и сесть на нее с другой стороны. Семен и здесь всегда был первым.

Семен любил устраивать вечеринки на льду лимана. Возьмет, бывало, гармошку и на коньках едет, на ходу играет, а за ним несется ватага ребят.

В 1902 году хутор все более интенсивно стал заселяться казаками. И они начали притеснять иногородних. Выбрали своего атамана казака Талалаева. Иногородних вынудили платить за выпас скота: лошади — 5 руб., коровы — 3 руб., овцы — 2 руб. На этой почве началась вражда. Доходило иной раз и до кровопролития...

Спасаясь от преследования казаков, иногородние стали покидать хутор. Послали ходоков в Семипалатинскую губернию, но те вернулись ни с чем. Ходоком был и отец Семена Буденного.

В 1903 году Семену объявили призыв. Он ходил по хутору и прощался со своими друзьями и знакомыми. По местному обычаю его друзья прикалывали к его рубашке розы с лентами, говорили:

— Семен, будь героем!

— Если грянет война, руби врага до пуга...

Много искусственных роз приколоты в те дни хуторяне своему вожаку, любимцу.

Семен поклонился всем, сел на подводу, смахнул рукавом слезу. Подводы уехали. Вскоре они скрылись за бугром. Через две недели Семен прислал письмо с дороги с поклонами родным и друзьям.

В 1905 году после прошедших по всей России волнений казаки еще больше стали притеснять иногородних. Отец Буденного с моим отцом Корнеем Михайловичем переехали в станицу Платовскую, в основном заселенную калмыками. Купили на двоих усадьбу у калмыка. Впоследствии в Платовскую переселилось много русских.

Калмыки Сальского округа были в правовом отношении приравнены к казакам. Каждый калмык, достигший восемнадцатилетнего возраста, получал надел земли размером в 15 га. Сами калмыки занимались скотоводством и вели кочевой образ жизни, а часть своей земли сдавали в аренду иногородним.

Осенью 1913 года, в пасмурный, ненастный день, по непролазной грязи к хате Буденных подъехала подвода. На подводе сидел Семен Буденный.

В семье Буденных радость, но и слез хватает. Семен в форме драгуна. Через несколько дней его пригласили на свадьбу. Мой отец Корней Михайлович отдавал дочь замуж. На свадьбе Семен играл на гармошке, лихо плясал с девушками, звякая шпорами.

...Вскоре грянула первая мировая война. Семена снова призывали в армию, он уходил воевать за «царя и отечество». Мать и сестры плакали.

— Ну, сын, — прощаясь, говорил ему отец, — не будь трусом, лупи супостатов и приходи домой героем.

В разгар войны, принесшей столько страданий трудовому народу России, вспыхнула Февральская революция. По всей стране закружились вихри митингов, демонстраций, столкнулись в борьбе люди разных убеждений, классов. Семен безоговорочно встал на сторону угнетенных, своих товарищей по классу.

В январе 1918 года в лютую стужу и метель Семен вернулся из армии. Усы из маленьких стали большими, черные как смоль. На груди четыре Георгиевских креста и четыре медали. Вернулись из армии солдаты-фронтовики Иван Иванов, Николай Баранников, Степан Литвинов, Тит Никифоров. Стали готовить силы для свержения своего станичного атамана и установления Советской власти.

Поздним вечером в мазанке моего отца идет собрание. Председательствует Никифоров, мне поручили вести протокол. Выступают Буденный, Никифоров, Сердечный. Разговор идет о том, что такое Советская власть, как избираются Советы и как они работают. Буденный рассказал, как работают Советы в Минске.

12 января 1918 года, в воскресный день, многие иногородние пришли в церковь. Церковь — около станичного правления. Ровно в десять часов утра, когда собрался народ, на крыльцо станичного правления поднялись фронтовики С. Буденный, Т. Никифоров, Д. Сорокин, Н. Баранников, О. Городовиков. Буденный пригласил атамана (им тогда был офицер Аливинов) и говорит:

— Ты видишь, атаман, кто это?
Атаман молчит.

— Тогда я скажу,— продолжает Буденный,— это солдаты-фронтовики... Знаешь, чего они хотят? Они хотят, чтобы атаманов больше никогда не было, а вся власть должна перейти в руки крестьян и бедных казаков.

— Правильно! — закричали люди.— Долой атаманов, долой помещиков и капиталистов!

Тут же атамана посадили в тугулевку (каземат, комната для арестованных).

На этом собрании был избран станичный Совет рабоче-крестьянских, казачьих и солдатских депутатов.

Станица Платовская стала советской.

В состав станичного Совета были избраны: председателем — Сорокин, заместителями — Буденный и Городовиков, народным военным комиссаром — Никифоров, его заместителем по формированию — Сердечный.

Примерно в это время произошел важный разговор между отцом и его боевым сыном. Вернувшись в родную станицу, Семен был готов сражаться за Советскую власть.

— Хватит ли у вас, красных, сил? — сомневался отец.

Семен ответил, что весь трудовой народ поднялся на борьбу против угнетателей. Тогда отец снял со стены шашку и сказал:

— Целуй оружие, сынок, и клянись, что шашка не дрогнет в твоих руках.

Клятву, данную отцу, сын сдержал. В борьбе за народное дело шашка в руках Семена Михайловича Буденного не дрогнула.

Помню, мне Семен Михайлович поручил записывать всех желающих в партизанский отряд станицы. Кавалерией было поручено командовать Буденному, и он был мною записан в «Красный кавалерийский партизанский отряд станицы Платовской» под номером один, а себя записал под номером два. Всего к вечеру было записано двенадцать человек.

Семен Михайлович Буденный начал регулярную учебу партизан-кавалеристов. Обычно он показывал тот или иной прием, затем каждый повторял его, потом делали все вместе. Буденный объяснял каждому ошибки, следовал показ очередного приема. Так продолжалось с неделю. С занятий в казарму бойцы отряда возвращались с песнями. Помню, с особым задором пели:

Горы-вершины, мы вас перейдем,
Кадетов там много, мы всех их перебьем.

...К станице Платовской подступал генерал Гнилорыбов. Буденный возглавил подготовку к бою. У нас было 90 винтовок и один пулемет...

Я был свидетелем первого боя отряда на Маньче. Дрались мы отчаянно. Но силы были неравными, и отряд Никифорова отступил на Б. Мартыновку.

Первый бой С. М. Буденного за Советскую власть. Сколько их было потом на его боевом пути! И всегда он побеждал!..

СЛАВА, ДОБЫТАЯ В БОЯХ

Е. П. СЛАВСКИЙ,
трижды Герой Социалистического Труда,
лауреат Государственных премий СССР

Мне выпало счастье и честь служить в легендарной Первой Конной армии под непосредственным руководством бессменного командующего этой армией Семена Михайловича Буденного. В моей памяти четко запечатлелись радостные и незабываемые минуты, когда я впервые увидел стройные колонны всадников, похожих на чудо-богатырей.

Однажды серым заиндевшим январским днем 1920 года красные конники вступили на улицы моей родной Макеевки, куда я в это время вернулся в кратковременный отпуск по болезни из 9-го Украинского стрелкового полка дивизии Дыбенко. Трудящееся население Донбасса повсюду с радостью встречало своих освободителей — конармейцев. Я не могу забыть того всеобщего воодушевления и ликования, которое царило среди местных жителей, восхищавшихся удалью конармейцев, ладно сидевших на своих красивых лошадях, с шашками на ремнях.

— Лихие ребята! — раздавались голоса.

— Что и говорить! Гляди сколько беляков привели! — говорили друг другу знакомые и незнакомые рабочие люди.

— Недаром о них слава летит быстрее конницы! — слышались восторженные голоса.

А вдоль железной дороги на юг — движущиеся массы рабочих. Из ворот выскакивают на неоседланных конях какие-то парни и, выбрасывая локти, летят догонять конницу. Это новые добровольцы к Буденному. Был среди них и я.

Беседуя с нами, новичками, командир эскадрона, куда я был зачислен, напомнил слова командарма, который говорил добровольцам, просившимся в конницу Буденного еще под Воронежем, примерно следующее:

— Вы знаете, что значит конный корпус Буденного? У нас первое условие, закон такой — мы рвемся вперед, бойцы лихие, кони у нас хорошие, а у кого плохие — умей отбить хорошего коня у противника.

Но кто пойдет назад, кто будет разводить панику, тому не место среди нас. Так вы и знайте, и кто не выдержит такого режима, такой дисциплины, у кого гайка слаба, тот сматывайся сейчас же, не лезь к нам, нам нужны герои, а не трусы.

Так, придя в ряды Первой Конной армии, я сразу же многое услышал от своих командиров и бывалых конармейцев о буденновцах, а в зимние дни стремительного наступления Конной армии на юг был свидетелем ее неукротимого движения к Таганрогу, Ростову...

И конечно, не сразу увидел близко командарма, но много о нем узнал от бывалых кавалеристов, неоднократно слышал от них, что это, мол, неутомимый, атлетически сложенный воин, прошедший три войны, мягкий в обращении с людьми, но беспощадный в деле.

После разгрома деникинцев мы стояли на ремонте в районе Кубани. Там нас и застало известие о нападении белополяков на Советскую республику.

Конармия, выполняя волю Ленина, двинулась на польский фронт. У Екатеринослава переправилась через Днепр, а в районе Елизаветграда собралась вся 22-тысячная конная рать.

5 июня 1920 года Конармия из района западнее Умани нанесла мощный удар по белополякам и огненной лавиной устремилась на Бердичев и Житомир, отрезая врагу пути отхода из Киева. У С. М. Буденного во 2-й книге «Пройденного пути» об этом наступлении сказано: «Мы стремились лишить 3-ю польскую армию возможности планомерно отходить и эвакуировать материальную часть. Поэтому к железной дороге Киев — Коростень направлялся отряд из особого кавполка под командой состоявшего для поручений при Реввоенсовете Конармии А. М. Осадчего... Мы поручили Осадчему взорвать железнодорожный мост и нарушить телеграфную связь между Киевом и Коростенем».

Мне пришлось участвовать в этой дерзкой и, надо сказать, весьма успешной операции, о которой я еще расскажу. За эту операцию несколько командиров были награждены орденом Красного Знамени, а мне через полгода, в дни празднования первой годовщины Конармии, лично Семен Михайлович вручил именные серебряные часы.

Семен Михайлович Буденный в этой же 2-й книге «Пройденного пути» подробно описал тяжелейший бой частей Конармии, в том числе и нашей Особой кавбригады, за город Лопатин, бой, в котором я был ранен, о чем не забыл упомянуть командарм. Уже на склоне лет С. М. Буденный сказал в кругу журналистов и редакторов:

— Не подумайте, что о славе пекусь! Просто хочется рассказать о наших замечательных людях, о том, что видел в жизни, что пережил.

А пережил на своем долгом веку Семен Михайлович много. Я был свидетелем его многочисленных встреч с конармейцами как в боевой обстановке, так и в дни мирной учебы. Особенно часто бывал Семен Михайлович в нашей Особой кавалерийской бригаде в начале 20-х годов. С радостью и нетерпением готовились бойцы к приезду командарма. Хотелось показать себя пе-

ред таким легендарным военачальником с самой лучшей стоборы.

И вот наконец Буденный в бригаде. Весело и задорно отвечают бойцы на приветствие командарма. Объехав по всему фронту части бригады, С. М. Буденный приступает к проверке молодых бойцов. Не уступая в лихости старым, опытным бойцам, молодые отлично скачут на конях, рубят лозу, уверенно выполняют все упражнения. Командующий остается доволен своими орлятами, как тогда в армии называли молодых конармейцев.

Затем Семен Михайлович беседует с бойцами, которые гурьбой собираются вокруг него. Они ловят каждое слово командарма, стараются запомнить как можно больше, чтобы потом пересказать товарищам или написать в письме домой.

На умном, выразительном лице Буденного целая гамма чувств. С доброй улыбкой отвечает он бойцам, обступившим его. Молодая смена гордилась службой в рядах Первой Конной армии, своим командующим.

Семена Михайловича Буденного уважали и любили все — от рядового бойца до руководителя Коммунистической партии и Советского государства (широко известно, с каким глубоким уважением к Буденному относились В. И. Ленин, М. И. Калинин, А. В. Луначарский, И. В. Сталин и другие видные государственные деятели). Он умело и быстро решал трудные вопросы комплектования и сколачивания кавалерийских соединений, обучения их искусству ведения боя, снабжения, а также подбора кадров кавалерийских начальников. Общеизвестен такой факт — Первая Конная армия в годы борьбы с белогвардейцами и интервентами не знала поражений. А когда в боевой обстановке, как это было в городе Лопатине на белопольском фронте, о чем я упоминал выше, наступала критическая минута, тогда сам Буденный появлялся в боевых порядках и неизменно добивался победы.

На посту командующего Конной армией Семен Михайлович проявил недожинный талант организатора и военачальника. В его творческой работе не было спешки и горячности. Шаг за шагом совершенствовал и укреплял он красную кавалерию, развивая методы боевого применения таких, дотоле невиданных в мировой истории, конных масс, какой явилась Первая Конная армия. Это я хорошо знал на примере Особой кавалерийской бригады, в которой служил много лет. Благодаря вниманию и заботе Семена Михайловича Особая кавалерийская бригада была высокоорганизованной, тесно сплоченной боевой единицей. В бригаде в то время проводилось много важных политических мероприятий, которые способствовали укреплению ее рядов и повышению уровня боевой подготовки. И наши бойцы с уважением и любовью относились к своему командарму, делали все, чтобы оправдать его доверие к нам.

Мне вспоминается, как восторженно встречали своего командарма делегаты 6-й армейской партийной конференции Первой Конной в июле 1921 года.

В ранний утренний час просторный зал Центрального красноармейского клуба почти полон. Делегатов человек двести. Председательствующий член РВС округа А. С. Бубнов предоставляет слово для приветствия Семену Михайловичу Буденному. Эти слова встречены бурей аплодисментов.

Зал с вниманием слушал легендарного полководца. Передавая делегатам приветствие от всех бойцов, командиров и комиссаров, сразу же перешел к вопросу, который занимал его в то напряженнейшее время. «Сейчас, товарищи,— сказал Семен Михайлович,— тыловое управление нашей армии сливается с управлением Северо-Кавказского военного округа. За время войны тылы разрослись так, что представляют собой большого человека с огромным брюхом, но на оцепь топких пожока. Потребность сократить тылы привела к организационному объединению округа и Первой Конной армии...»

Помню и встречи с Семеном Михайловичем в Москве в ноябре 1924 года на праздновании пятилетия Первой Конной армии. В это время он уже более года работал помощником главкома по кавалерии, а я, военный комиссар 61-го кавалерийского полка, прибыл в составе армейской делегации из станицы Поповической (ныне Калининская) Кубанской области, где дислоцировался наш штаб.

Следует отметить, что в столице нас, конармейцев, встретили очень тепло. Мне запомнилось, как много нас фотографировали, а некоторые снимки тогда же появились в газетах и журналах. В журнале «Красная нива» была опубликована и моя фотография в буденовке, рядом портреты моих боевых товарищей — командира взвода В. Д. Кордубайло и командира эскадрона Ф. А. Мокрицкого.

В те юбилейные дни все центральные газеты печатали материалы о героях-первоконниках. Например, в «Правде» от 16 ноября 1924 года под рубрикой «Пятилетие 1-й Конной армии» были опубликованы статьи М. В. Фрунзе, С. М. Буденного, А. С. Бубнова.

16 ноября — это было воскресенье — состоялся парад красной конницы, на котором в качестве почетных гостей присутствовали делегаты VI Всесоюзного съезда профессиональных союзов.

А потом состоялось торжественное заседание конармейцев. Всюду флаги и транспаранты. На стенах зала, где проходило заседание, — картины художника М. Б. Грекова, талантливо рассказывающие о жизни Первой Конной армии, а также фотографии и схемы боевого пути нашей армии.

Первым с краткой речью выступил М. И. Калинин, которого все мы, конармейцы, часто видели на фронтах гражданской войны. В мае 1923 года он приезжал в станицу Лабинскую. Михаил Иванович начал с того, что он очень рад новой встрече с героями Первой Конной армии. Затем он сказал, что хотя и говорят, что вспоминать прошлое есть признак старости, но те-

перь наступает период, когда товарищи Ворошилов, Буденный и Бубнов должны сохранить для истории эпопею Первой Конной армии, они обязаны как можно скорее написать книгу о ее боевом пути. Кроме того, надо устраивать чествование старых конармейцев, как, например, празднования участников севастопольской войны. Это хороший обычай. Такие встречи пужно проводить совместно с молодежью, которая должна впитать в себя боевой дух славной Первой Конной армии и ее боевые традиции.

Потом было предоставлено слово Семену Михайловичу. Из-за бури аплодисментов и песмолкаемых криков «ура» ему долго не удавалось начать свою речь. Наконец буря утихла. Буденный говорил о том, что написать историю Первой Конной армии можно только коллективно, так как необходимо рассказать о всех героических подвигах командиров, комиссаров и красноармейцев армии. Вспомнив наиболее крупные бои и одержанные в них победы, Семен Михайлович подробно остановился на характеристике личного состава Конармии. Он подчеркнул, что каждый конармеец был бойцом-революционером, который знал, за что сражался и героически умирал, который дешево себя не отдавал и в плен не сдавался. Речь командарма произвела на всех огромное впечатление.

Дальше — теплое приветствие рабочих типографии «Красный пролетарий», среди которых много бывших буденовцев и которые, вручая адрес, заявили, что, если понадобится, они вместе со славной Конной армией грудью встанут на защиту завоеваний пролетарской революции.

Как я волновался, когда председательствующий объявил, что «сейчас выступит с воспоминаниями комиссар 61-го кавалерийского полка Особой кавалерийской бригады товарищ Славский». Смущаясь и волнуясь, начал я свой рассказ, вспомнив о трудном задании, которое выполнил эскадрон, где я служил командиром взвода. В ту памятную глухую ночь перед заданием в эскадрон пришли С. М. Буденный и К. Е. Ворошилов, лично проверили нашу готовность и нанутствовали в далекий поход. Нам предстояло в 100 верстах от фронта, в глубоком тылу врага, взорвать железнодорожный мост. Я вспомнил о том, каким тяжелым и напряженным был наш рейд по тылам белых, как однажды выручило нас знание польского языка командиром эскадрона, который из переговоров с часовым на станции узнал, что отсюда только что ушел охранявший его бронепоезд. И о том, как в эскадроне сломалась пулеметная тачанка, а пулеметов у нас было всего два. Конармейцы быстро заменили ее. И мы двинулись дальше. В результате эскадрон задание выполнил — мы взорвали мост и захватили более тридцати пленных.

А. В. Хрулев рассказал об интересном боевом эпизоде из операции в Ставропольской губернии — тогда в течение двенадцати часов Конармия отбросила противника больше чем на 35 верст. Д. И. Рябышев в своем выступлении отметил громадное значе-

ние соединения конницы в крупные войсковые части и подчеркнул, что первые замечательные победы красной конницы начнутся тогда, когда она начала действовать массами.

В каждом выступлении звучали имена легендарных военачальников, организаторов этих побед — С. М. Буденного и К. Е. Ворошилова, а также слова благодарности Центральному Комитету партии и Советскому правительству за внимание к Первой Конной и заботу о ее бойцах и командирах. Все мы хорошо понимали огромное значение той напряженной организационно-политической работы, которую провела Коммунистическая партия и ее видные деятели по строительству красной конницы и которая в решающей степени содействовала превращению конных отрядов, полков, бригад и дивизий в подлинно рабоче-крестьянскую Первую Конную армию, а также как велика была роль Буденного в сплочении и цементировании ее рядов.

Я вспоминаю, как ревниво оберегал славу, авторитет и высокие морально-политические качества конармейцев, добытые ими в боях за власть Советов, ее командарм Семен Михайлович Буденный. Это он поддержал инициативу личного состава пашей кавбригады, выступившего после опубликования первых глав из романа И. Э. Бабеля «Конармия» с резким протестом. Многие конармейцы считали, что писатель тенденциозно показал жизнь и быт Конной, обобщая частные недостатки.

Я хочу хотя бы кратко рассказать читателям, как все это происходило.

Одним из первых крупных прозаических произведений о первоконниках и их боевой деятельности в годы гражданской войны была книга И. Э. Бабеля «Конармия», отрывки из которой в 1924 году опубликовал журнал «Красная новь». Как я уже отмечал, С. М. Буденному и многим первоконникам роман Бабеля не понравился, и вокруг этого романа развернулась дискуссия, материалы которой публиковались в печати.

В январе 1925 года, выступая с докладом на общем собрании командного и политического состава 1-й Особой кавалерийской бригады, я подчеркивал, что в рассказах Бабеля о Конной не показан ни один положительный боец или командир. А ведь ваша армия — детище революции, ее бойцы — верные сыны Советской республики, защищавшие ее свободу и независимость. Все выступавшие поддержали меня.

Примерно такое же суждение вынесли в своей резолюции присутствовавшие на собрании 3-й бригады 10-й Майкопской кавалерийской дивизии имени Коммунистического Интернационала Молодежи.

Полемика об этой книге продолжалась и в 1928 году. Тогда в газете «Правда» были опубликованы открытое письмо Семена Михайловича Буденного и ответ ему Алексея Максимовича Горького. Горький высоко оценил литературные достоинства книги «Конармия»: Бабель «талантливо дополнил мое представление о

героизме первой за всю историю армии, которая знает, за что она борется и ради чего будет биться»*.

Хочу рассказать еще об одном произведении о 1-й Конной. Автор его — бывший конармеец-пулеметчик писатель Вс. Вишневский.

13 марта 1930 года он писал в Москву Буденному: «Дорогой Семен Михайлович! Позвольте сделать Вам очередное донесение о «Первой Конной».

1) Результаты работы оценены ленинградской прессой отлично. Прилагаю вырезки из 3 главных ленинградских газет: «Лен. правда», «Красная газета» и «Вечерняя газета»... В провинции пьеса пошла. Ставит Казань, готовится Днепродзержинск, Винница и др. Я отказался от платных договоров — пусть так, только бы давали как следует, верно... 3) МХАТ — один из лучших театров СССР — 20 марта решает вопрос о постановке «Конной». Пьесу они затребовали у меня телеграфно и уже прочли. Впечатление благоприятное — о чем телеграфировал мне сегодня директор МХАТа т. Гейтц. То, что можно сделать в условиях МХАТа, по мысли — огромно... 5) Пресса начинает разбор книжки. Шлю рецензию т. Перцова из «Комс. правды». 6) Поскольку т. М. Горький стал участником спора вокруг книги Бабеля «Конармия» и поскольку пьеса — есть и бойцовский ответ Бабелю — я посылаю ее т. М. Горькому. Пусть он выслушает слово бойца и пусть узнает о конниках то, чего еще, наверное, не знает...»

В. В. Вишневский в 1930 году послал Горькому свою пьесу «Первая Конная». В ответном письме Горький положительно отзывался о ней. В письме говорится: «Пьесу Вашу, т. Вишневский, я уже прочитал раньше, чем Вы прислали мне ее. Хотел написать Вам — поздравить: Вы написали хорошую вещь... и хороша она именно тем, что написана в повешенном, «героическом» тоне... А сборник рассказов о «Первой Конной» — плохо сделан. Такие работы только компрометируют тему, «мельчат» ее. «Армии» в сборнике — нет, а собраны только анекдоты о ней. Такие книжки ничего не дают читателю»**.

Пьеса «Первая Конная» Всеволода Вишневского с огромным успехом прошла на сценах лучших театров нашей страны и сразу же выдвинула автора в первые ряды советских драматургов.

В 1928 году я был командирован на учебу в Москву и сдавал вступительные экзамены в Военную академию РККА имени М. В. Фрунзе, но по заключению медицинской комиссии не был зачислен. Поначалу я даже растерялся. Как всякий кавалерист,

* Горький М. Ответ Буденному. — Правда, 1928, 27 ноября.

** Горький и советские писатели. Незданная переписка. М., Изд-во Академии наук СССР, 1963. Упомянутый М. Горьким сборник «Первая Конная в изображении ее бойцов и командиров» был составлен из воспоминаний, стихов и документов, посвященных Первой Конной армии. Все литературные произведения принадлежали перу бойцов и командиров Первой Конной. Среди них отрывки из пьесы Вс. Вишневского «Первая Конная». — Прим. авт.

я считал себя здоровым. Но вскоре я был направлен в счет «партийной тысячи» на учебу в Московский институт цветных металлов и золота, который и окончил в 1933 году. В тот год Страна Советов широко и торжественно отмечала годовщину Первой Конной армии и пятидесятилетие ее бывшего командарма Семена Михайловича Буденного.

С чувством законной гордости за родную Первую Конную армию, в боевых и славных рядах которой мне довелось воевать, а потом в течение почти десяти лет служить, читал я многочисленные материалы, публиковавшиеся в газетах и журналах. Как сейчас помню, восхищался небольшой по размеру вдохновенной статьей М. В. Кольцова в «Правде» под названием «О разных вещах». «Король репортажа», как тогда величали М. В. Кольцова журналисты, сумел рассказать о всех наиболее крупных победах конармейцев, одержанных под руководством Семена Михайловича. Я читал эти материалы, не предполагая, что пройдет несколько десятилетий, и сам Буденный возьмется за перо, чтобы выполнить пожелание Михаила Ивановича Калинина и воссоздать легендарную историю Первой Конной армии. Понятно, что я с особым интересом читал мемуары Буденного. В памяти вновь воскресали боевые эпизоды, лица конармейцев и командиров. Я был рад, что в своих воспоминаниях Семен Михайлович сказал и обо мне несколько слов.

Читая его мемуары, встречаясь с ним время от времени в последние годы его жизни, я часто возвращался к мысли о том, как счастливо сложилась моя судьба, как повезло мне, что я знал Буденного, и как пригодилась мне в жизни школа Буденного.

Большую и суровую школу жизни и борьбы прошел и сам Буденный. Но годы тяжелых испытаний, заслуженные почести и яркая слава, добытая в боях и походах, не испортили его доброго сердца, не вскружили ему голову. Человека с приветливой улыбкой, одетого в маршальский мундир, который украшали три Золотые Звезды Героя Советского Союза, и на склоне лет часто видели среди пионеров и комсомольцев, рабочих и колхозников, в обществе писателей и инженеров, ученых и зарубежных гостей советского народа. Мне, бывшему конармейцу, прошедшему рядом с Буденным по фронтовым дорогам гражданской войны, хочется сказать: да, Советская Родина гордится славным своим сыном.

Я ПОМНЮ ЭТОТ БОЙ

*Г. В. ПОТОЦКИЙ,
генерал-майор-инженер в отставке*

Когда в дни юбилейных торжеств или по какому-либо другому поводу мы, ветераны Первой Конной армии, собираемся вместе, то всегда с большим воодушевлением поем наши старые конармей-

ские песни. Вспоминаем наши нелегкие боевые походы и кавалерийские бои. И конечно же, непременно вспоминаем нашего славного и горячо любимого командарма. И несмотря на годы, все конармейцы, теперь уже постаревшие, поседевшие, окруженные взрослыми детьми и внуками, остаются и сегодня задорными, пеунывающими. В моей памяти в такие минуты четко, будто вчера это было, встают бои под Замостьем. Я был тогда командиром взвода 4-й кавалерийской дивизии. И не раз в эти дни науряженных боев с противником оказывался близко или рядом с самим командармом Буденным. Его энергия, боевой задор, уверенность и неустранимость служили нам примером, вдохновляли, увлекали вперед. Я никогда не видел человека, так виртуозно владевшего шашкой, как Семен Михайлович.

...1920 год. Замостье. Измотанные долгим маршем и изнурительными боями, мы шпорим загнанных лошадей и, хрипло крича сокрушающее все преграды «Да-а-аешь!», несемся на позиции белополяков.

Оторвавшиеся от главных сил и обозов части Первой Конной армии испытывали большие трудности. Враг наседал, стремясь во что бы то ни стало окружить и уничтожить нас. Под натиском его превосходящих сил кольцо окружения вокруг нас сжималось.

Нам приходилось в иные дни выдерживать по десять — пятнадцать атак. Бойцы и кони измотаны.

И тогда Военный совет Конармии принял решение пробиваться на соединение с главными силами Красной Армии. 31 августа 3-я бригада 4-й кавалерийской дивизии расположилась на окраине Стаброва, в районе кладбища, километрах в пятнадцати от Замостья. Сюда был стянут почти весь обоз армии, и нашей бригаде было приказано прикрывать его.

Вдали темнел лес. После пасмурных и дождливых дней погода налаживалась. Бойцы блаженно грелись на солнце, чинили амуницию, чистили оружие. Давненько мы не имели такой возможности. И лишь обозники не отдыхали: стягивали повозки, проверяли имущество...

Вдруг прибежал дозорный и сообщил, что из леса выходит колонна польских улан.

«Тревога!» — запела боевая труба.

24-й кавалерийский полк быстро развернулся в боевой порядок и двинулся навстречу противнику.

Оглянувшись, я увидел группу всадников, а впереди — знаковую коренастую фигуру командарма.

— Товарищ командарм, — что было силы закричал я, — еще конница, справа!..

Но Буденный и группа конармейцев продолжали скакать с обнаженными шашками. Командарм, поглядев в ту и другую сторону, громко подал команду:

— Черт с ними! Бей этих, потом — тех!

Бойцы полка увидели командарма, ближайšie к нему услышали его необычную команду: «Бей этих, а потом — тех!» и передавали ее по цепи.

Эта команда подняла паш дух, усталость как рукой сняло, отовсюду неслись крики:

— С нами Буденный! Ур-рр-аа!

Полк двинулся на врага. Уланы, рассчитывавшие легко разделаться с обозом, остановились, выставив вперед пики. Мы бросились на них, завязалась рубка.

Вначале я еще видел Буденного, старался своим взводом прикрывать его. Командарм был нанорист. Он сильным ударом выбил из седла одного улана, схлестнулся в поединке с другим... В гуще боя, когда все смешалось и возникла настоящая свалка, я потерял Буденного из виду. Схватка была недолгой, вскоре противник, беспорядочно отступая, скрылся в лесу.

И тут мы снова увидели Семена Михайловича. Он был разгорячен боем, сверкающий клинок сабли опущен, усы задорно торчат, фуражка, закрепленная ремешком на подбородке, лихо сбилась набок. Счастливые минуты... Мы радовались успеху и гордились своим боевым командармом, храбрым и непобедимым в кавалерийском бою.

«ВСАДНИКИ, ДВИГАЙТЕ ВАШИХ КОНЕЙ...»

К. К. ИВАНОВ,
народный артист СССР,
лауреат Государственной премии СССР

Когда меня спрашивают, какие счастливые минуты были в моей жизни, я не задумываясь отвечаю: встречи с легендарным командармом Первой Конной армии Семеном Михайловичем Буденным.

Я был воспитанником одного из полков Красной Армии, где научился хорошо играть на духовых инструментах. Начав службу в этом полку, с оркестром уехал на Западный фронт, там я впервые увидел отряд красной кавалерии и дал себе слово обязательно стать кавалеристом.

Прослужив некоторое время музыкантом в пехотных частях, я все же осуществил свою мечту и попал в кавалерию. Это случилось в Тбилиси, или, как его тогда называли, Тифлисе. Вот здесь я и прошел хорошую школу верховой езды.

В Тифлисе я совмещал службу с учебой в консерватории. Директором консерватории в те годы был известный композитор профессор М. М. Ипполитов-Иванов. Но я мечтал учиться в Московской консерватории. Мечта эта осуществилась. Уволившись из полка, я со своим близким товарищем Григорием Егиазаряном,

пыне известным армянским композитором, который тоже служил музыкантом в кавалерии, поехал в Москву.

Была уже поздняя осень. Порошил первый снежок. А мы в одних гимнастерках. Шинели мы продали еще в Тифлисе — нужны были деньги на дорогу.

В Москве надо было начинать новую жизнь. Походив по военным оркестрам, мы наконец устроились в 63-й кавполк Особой бригады, который стоял на Ходынке. Капельмейстер Н. Юхновский оказался хорошим музыкантом, очень добрым человеком и наставником. В этот период и повстречался я впервые с Семеном Михайловичем Буденным.

Однажды недалеко от Москвы проводились большие учения, в которых принимали участие и пехота и кавалерия.

Стало известно, что на эти учения приедет сам Буденный. Все с нетерпением ждали этого события. Хотелось посмотреть на прославленного героя. Мне повезло. В этот день я был дежурным трубачом (сигналистом) при командире полка Павловском.

Совершенно неожиданно с группой командиров к нам подъехал Семен Михайлович Буденный. Павловский отдал рапорт. Семен Михайлович поздоровался с ним, с другими командирами и с любопытством посмотрел на меня. Я с трубой в руке сидел на высокой красивой лошади по кличке Лорд.

— Это наш трубач Костя Иванов, — сказал Павловский. — Он и музыку сам сочиняет.

Действительно, в то время я уже сочинял небольшие пьесы для духового оркестра. После слов командира я так разволновался, что, если бы мне пришлось сигналить, думаю, что меня подвели бы губы от волнения.

В другой раз я увидел С. М. Буденного, когда он приехал в пашу часть читать лекцию. Весь полк собрался в клубе. Мы, оркестранты, сидели на своих местах возле сцены. Я не помню, на какую тему Семен Михайлович читал лекцию, но нас всех поразили его логика мышления и темперамент. После лекции группа командиров окружила Семена Михайловича. Осмелился подойти и я.

— А, Иванов, композитор, — сказал Семен Михайлович, узнав меня. — Ну как твои успехи?

— Да вы послушайте, какие он марши закатывает, — сказал командир полка Павловский. И нашему оркестру пришлось сыграть один из моих маршей. Семен Михайлович одобрил и сказал:

— Тебе, парень, учиться надо, нам нужны хорошие музыканты.

Вскоре после этого меня вызвал к себе начальник штаба и сказал, что товарищ Буденный отдал приказание послать меня учиться и дал направление в Музыкальный техникум имени Скрябина. Я всегда с благодарностью вспоминаю об этом. Здесь моими учителями были А. В. Александров и С. Н. Василенко. В техникуме я проучился недолго. Из полковой газеты узнал, что при Московской консерватории открываются курсы военных

капельмейстеров. Меня приняли на эти курсы, а позже перевели на симфоническое отделение. Я стал студентом Московской консерватории.

Следующая встреча с С. М. Буденным состоялась в 1963 году, когда Семену Михайловичу исполнилось 80 лет. За разговором Семен Михайлович вдруг спросил:

— Костя, а помнишь ли ты наши боевые сигналы? — Я ответил утвердительно. Да и разве мог я забыть наши кавалерийские сигналы!..

— А ну, спой,— сказал Семен Михайлович,— «Всадники, двигайте ваших коней в поле галопом быстрее».

Я спел. Он попросил спеть «По переднему уступу». А потом мы в два голоса начали с Семеном Михайловичем петь другие сигналы. И как я жалел, что не было у нас магнитофона!

Был я и на торжественном собрании в Центральном Доме Советской Армии, когда отмечался 90-летний юбилей прославленного маршала. Помню, весь зал встал и долго скандировал «ура», демонстрируя уважение и любовь к легендарному полководцу, замечательному человеку.

Эти несколько встреч с Семеном Михайловичем оставили след в моей душе, в моей жизни. Ведь, дав мне направление на учебу, он стал моим крестным отцом, помог найти себя. Не обрати Семен Михайлович тогда, в те далекие годы, внимания на мальчишку с трубой, может, и не стал бы я дирижером. И за это особое, великое спасибо ему...

НЕПОБЕДИМЫЙ КОМАНДАРМ

П. А. ЛИСТОВСКИЙ,
писатель

Впервые мне довелось встретиться с Семеном Михайловичем в июле 1922 года в городе Речица, вблизи Гомеля, куда он приехал из Ростова-на-Дону, чтобы лично провести работу с командным составом 11-й кавалерийской дивизии Первой Конной армии перед отправкой ее в Туркестан для борьбы с басмачеством. До этого я слышал немало о Семене Михайловиче, помнил рассказы тех, кто хорошо был с ним знаком, кто воевал с ним в годы гражданской войны. Но личное знакомство — это совсем другое дело. Сразу же по приезде Семена Михайловича полки нашей дивизии были подняты по тревоге. Буденный внимательно осмотрел их, подолгу беседовал с некоторыми старыми, бывальыми кавалеристами, а потом вывел всех командиров далеко в поле и объявил, что наша дивизия уходит в Среднюю Азию. Вот тут-то мне и довелось не только увидеть непобедимого командарма, но и разговаривать с ним. Прежде всего я обратил внимание на его

скромность и простоту, на то, как он беседовал с нами, молодыми командирами. Он сказал, что правительство Бухарской Народной Советской Республики обратилось к Советскому правительству с просьбой оказать помощь в борьбе с басмачеством. Рассказав об обстановке в Восточной Бухаре (нынешний Таджикистан), где еще существовало негласное, замаскированное рабство, а местные помещики — беки угнетали трудовой народ, предупредил, что перед нами встанут большие трудности, так как декхане сплошь неграмотные, единственным законом для них является слово бека. Почти четыре года я пробыл в Средней Азии и часто вспоминал о том, какую точную картину тогдашней жизни здесь нарисовал Семен Михайлович.

Вторично мне посчастливилось встретиться с Семеном Михайловичем много лет спустя в его служебном кабинете в Москве, когда я работал над романом «Конармия».

Вспоминая прошлое, он рассказал мне, как в 1926 году ему пришлось по заданию Центрального Комитета партии и Советского правительства посетить Туркестан.

— Когда я приехал в Восточную Бухару,— рассказывал он,— в 11-й кавалерийской дивизии свирепствовала эпидемия малярии. Декхане с винтовками в руках охраняли бойцов дивизии от нападения басмачей. Пришлось организовать добровольческий отряд в несколько сот всадников для борьбы с басмачами.

— Вскоре я прослыл заговоренным от пуль,— усмехнулся, сказал Семен Михайлович.— Вы кишлак Янги-Базар знаете?

Я ответил, что не только знаю этот кишлак, но и стоял в нем с гарнизоном.

— Так вот,— продолжал Семен Михайлович,— я организовал там большой митинг. И вот, представьте себе, по окончании митинга обнаружил, что у меня недостает большого куска подола шипели. Оказалось, что эти темные, забитые люди, веря в меня, как заговоренного от смерти, отщипали подол шипели на талисманы...

В процессе работы над романом «Конармия» я много бывал в архивах, беседовал с ветеранами, не раз встречался с Семеном Михайловичем и все больше и больше узнавал интересных фактов из боевой биографии С. М. Буденного, необыкновенного человека, одаренного полководца. Казалось, что такой человек должен быть крайне суровым. Но нет, в нем сочетались суровость и требовательность с добротой, чуткостью и заботливостью. Однако с явными врагами он был беспощаден. Не любил, прямо таки не терпел людей нерадивых, ленивых. Мне известен случай, когда из-за халатного отношения одного из командиров полков люди и лошади не были своевременно накормлены. Узнав об этом, Семен Михайлович пришел в ярость, командир был сурово наказан.

Семен Михайлович пользовался безграничной любовью бойцов и командиров Первой Конной армии, и именно Владимир Ильич Ленин первым обратил внимание на это, сказав, что «за него они

готовы дать разрубить себя на части». А ведь через Первую Конную армию прошли за годы войны десятки тысяч человек — по масштабам гражданской войны цифра огромная. Пребывание в Первой Конной для меня, как и для тысяч других кавалеристов, было школой храбрости, мужества и подвига во имя защиты социалистической революции в России. Первая Конная армия не знала поражений. С. М. Буденный обладал гением кавалерийского начальника, всеми качествами стратега, благодаря чему разгадывал предполагаемые действия противника и бил его наверняка. Буденный строго отбирал в ряды Первой Конной самых смелых и храбрых бойцов, строго проверял их в первых же схватках, для чего негласно прикреплял к ним опытных, бывалых кавалеристов. Выступая перед новичками, неизменно говорил: — Нам нужны только герои, а трусам нет места в наших рядах.

Вот почему за все время своего существования Первая Конная армия не знала поражений и ее командующий по праву стяжал себе славу непобедимого командарма.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ИНТЕРВЬЮ

*В. П. КАТАЕВ,
писатель, Герой Социалистического Труда,
лауреат Государственной премии СССР*

Однажды в тридцатых годах я был послан редакцией «Правды» взять интервью у С. М. Буденного. Прежде мне еще ни разу не приходилось встречаться с легендарным человеком, и я не без некоторой робости переступил порог его громадного, по-военному сияющего кабинета в здании наркомата по военным и морским делам. Посреди кабинета стояли козлы, на которых я увидел новенькое кавалерийское седло с висящими стременами. Около козел стояла группа командиров — по-видимому, они обсуждали седло со всех точек зрения — прочности, удобства, веса...

Я подумал, что, вероятно, обсуждается и утверждается новая модель этой необходимой принадлежности конницы и мое присутствие здесь неуместно. Однако, заметив меня, С. М. Буденный отпустил командиров и сразу же приступил к делу — видимо, он был уже заранее предупрежден по телефону о цели моего посещения.

Я сразу его узнал по очень густым, пышным, черным как уголь усам, по казачьей прическе и по ряду орденов Красного Знамени на алых шелковых розетках, горевших на его широкой груди.

Он вызвал своего помощника (а может быть, адъютанта), который принес и разложил на обширном, как поле боя, письменном столе заранее приготовленные штабные карты, помеченные разноцветными, круто изгибающимися стрелами фланговых уда-

ров и множеством топографических знаков. Это были схемы некоторых боевых операций, проведенных войсками Буденного.

Воспользовавшись паузой, я поинтересовался, что это за седло, на что Буденный ответил, что обсуждается новая модель седла, предназначенного для использования при действиях кавалерии в гористой местности.

Я хотел узнать подробности, но Буденный уже взял в руку масштабную линейку и стал рассказывать мне различные эпизоды боевых действий своих подразделений, казавшиеся ему достоянными того, чтобы попасть в печать.

Я стал объяснять Семену Михайловичу, что по заданию редакции мне не нужны эпизоды тактического или стратегического значения, а нужны живые впечатления, рисующие дух и нравы того героического времени.

Однако Семен Михайлович продолжал показывать мне на картах, которые одну за другой пододвигал ему адъютант, общие схемы больших и малых выигранных сражений.

Время шло, а я все еще не мог нацупить сюжет, годный для небольшого рассказа. Мне даже показалось, что Семен Михайлович слегка сердится на меня за то, что я не очень внимательно слушаю схематические описания боевых операций.

Тогда я попытался пустить в ход юмор и вызвать у Буденного улыбку, что всегда облегчало мне общение с людьми и содействовало более быстрому взаимопониманию. Однако на сей раз мой юмор не помог, и я уже с огорчением подумал, что интервью не состоится. Сделав несколько неторопливых замечек в своем блокноте, я откланялся.

И в тот самый миг, когда я уже держался за медную ручку монументальной двери, Семен Михайлович сказал мне вслед:

— А то был еще случай, когда мне одному со своим адъютантом пришлось охранять сон целой дивизии.

Я наострил уши.

И Буденный в нескольких словах поведал мне историю, которую я в тот же день, не заезжая в редакцию, переложил в маленький рассказ под названием «Сон», появившийся в «Правде» на полосе, посвященной юбилею нашей прославленной Конной армии.

Не могу не заметить, что, рассказав мне эту историю, Семен Михайлович неуверенно, как бы извиняясь передо мной, сказал:

— Хотя вряд ли вам это пригодится, эпизод совсем пустяковый, не имеющий никакого боевого значения, так что можете в своей статье его вовсе не упоминать.

Как истинный герой, он даже не придавал значения тому, насколько великолепен был его поступок!

Позже мне говорили, что, развернув «Правду» и прочитав мой рассказ «Сон», С. М. Буденный пожал плечами и заметил:

— Я ему рассказал пустячок, а он сделал из него целое художественное произведение, да еще напечатал в газете! И то сказать, чудачки эти братья-писатели.

Впрочем, утверждают, что при этих словах С. М. Буденный добродушно усмехнулся в свои черно-вороненные усы, тогда еще не тропутые сединами...

Он был человек строгий, до кончика погтей военный, улыбался редко, но все же улыбался.

А теперь я приглашаю читателей познакомиться с рассказом «Сон», написанным мною после интервью, взятого у С. М. Буденного.

СОН

Сон есть треть человеческой жизни. Однако наукой до сих пор не установлено, что такое сон. В старом энциклопедическом словаре было написано:

«Относительно ближайшей причины наступления этого состояния можно высказать только предположения».

Я готов был закрыть толстый том, так как больше ничего положительного о сне я не нашел. Но в это время я заметил в соседней колонке несколько прелестных строчек, посвященных сну:

«Сон искусством аллегорически изображается в виде человеческой фигуры с крыльями бабочки за плечами и маковым цветком в руке».

Наивная, но прекрасная метафора тронула мое воображение.

Мне хочется рассказать один поразительный случай сна, достойный сохраниться в истории.

Тридцатого июля 1919 года расстроенные части Красной Армии очистили Царицын и начали отступать на север. Отступление это продолжалось сорок пять дней. Единственной боеспособной силой, находившейся в распоряжении командования, был корпус Семена Михайловича Буденного в количестве пяти с половиной тысяч сабель. По сравнению с силами неприятеля количество это казалось ничтожным.

Однако, выполняя боевой приказ, Буденный прикрывал тыл отступающей армии, принимая на себя все удары противника.

Можно сказать, это был один бой, растянувшийся на десятки дней и ночей. Во время коротких передышек нельзя было ни поесть как следует, ни заснуть, ни умыться, ни расседлать коней.

Лето стояло необычайно знойное. Бои происходили на сравнительно узком пространстве — между Волгой и Доном. Однако бойцы нередко по целым суткам оставались без воды. Боевая обстановка не позволяла отклониться от принятого направления и потерять хотя бы полчаса для того, чтобы отойти на несколько верст к колодцам.

Вода была дороже хлеба. Время — дороже воды.

Однажды, в начале отступления, им пришлось в течение трех суток выдерживать двадцать атак.

Двадцать!

В непрерывных атаках бойцы сорвали голос. Рубясь, они п. в состоянии были извлечь из пересохшего горла ни одного звука.

Страшная картина: кавалерийская атака, схватка, рубка, поднятые сабли, исковерканные, облитые грязным потом лица — и ни одного звука...

Вскоре к мукам жажды, немоты, голода и зноя прибавилась еще новая мука — мука борьбы с непреодолимым сном.

Ординарец, прискакавший в пыли с донесением, свалился с седла и заснул у ног своей лошади.

Атака копчилась.

Бойцы едва держались в седлах. Не было больше никакой возможности бороться со сном.

Наступал вечер.

Сон заводил глаза. Веки были как намагниченные. Глаза засыпали. Сердце, налитое кровью, тяжелой и неподвижной, как ртуть, затихало медленно, и вместе с ним останавливались и вдруг падали отяжелевшие руки, разжимались пальцы, мотались головы, съезжали на лоб фуражки.

Полуобморочная синева летней ночи медленно опускалась на пять с половиной тысяч бойцов, качающихся в седлах, как маятники.

Командиры полков подъехали к Буденному. Они ждали распоряжения.

— Спать всем,— сказал Буденный, нажимая на слово «всем»,— приказываю всем отдыхать.

— Товарищ начальник... А как же... А сторожевые охранения? А заставы?

— Всем, всем...

— А кто же?... Товарищ начальник, а кто же будет...

— Буду я,— сказал Буденный, отворачивая левый рукав и поднося к глазам часы на черном кожаном браслете.

Он мельком взглянул на циферблат, начинавший уже светиться в наступающих сумерках дымным фосфором цифр и стрелок.

— Всем спать, всем без исключения, всему корпусу,— весело повышая голос, сказал он.— Дается ровно двести сорок минут на отдых.

Он не сказал четыре часа. Четыре часа — это было слишком мало. Он сказал: двести сорок минут. Он дал максимум того, что мог дать в такой обстановке.

— И ни о чем больше не беспокойтесь,— прибавил он.— Я буду охранять бойцов. Лично. На свою ответственность. Двести сорок минут и ни секунды больше. Сигнал к подъему — стреляю из револьвера.

Он похлопал по ящику маузера, который всегда висел у него на бедре, и осторожно тронул шпорой потемневший от пота бок своего рыжего донского коня Казбека.

Один человек охранял сон целого корпуса. И этот один человек — командир корпуса. Чудовищное нарушение воинского

устава. Но другого выхода не было. Один — за всех, и все — за одного. Таков железный закон революции.

Пять с половиной тысяч бойцов, как один, повалились в роскошную траву балки.

У некоторых еще хватило сил расседлать и стреножить коней, после чего они заснули, положив седла под голову.

Остальные упали к ногам нерасседланных лошадей и, не выпуская из рук поводьев, погрузились в сон, похожий на внезапную смерть.

Эта балка, усеянная снайцами, имела вид поля битвы, в которой погибли все.

Буденный медленно поехал вокруг лагеря. За ним следовал его ординарец, семнадцатилетний Гриша Ковалев. Этот смуглый мальчишка еле держался в седле; он клевал носом, делая страшные усилия поднять голову, тяжелую, как свинцовая бульба.

Так они ездили вокруг лагеря, круг за кругом, командир корпуса и его ординарец — два бодрствующих среди пяти с половиной тысяч спящих.

В ту пору Семён Михайлович был значительно моложе, чем теперь. Он был сух, скуласт, очень черен, с густыми и длинными усами на почти оранжевом от загара, чернобровом крестьянском лице.

Объезжая лагерь, он иногда, при свете восшедшей луны, узнавал своих бойцов и, узнавая их, усмехался в усы пещеной усмешкой отца, наклонившегося над люлькой спящего сына.

Вот Гриша Вальдман, рыжеусый гигант, навзничь упавший в траву, как дуб, пораженный молнией, с седлом под запрокинутой головой и с маузером в пудовом кулаке, разжать который невозможно даже во сне. Его грудь широка и вместительна, как ящик. Она поднята к звездам и ровно подымается и опускается, в такт богатырскому храпу, от которого качается вокруг бурьян. Другая богатырская рука прикрыла теплую землю, — поди попробуй отними у Гриши Вальдмана эту землю!

Вот спит, как убитый, Иван Беленький, донской казак, с чубом на глазах, и под боком у него не острая казачья пашка, а меч, старинный громадный меч, реквизированный в доме помещика, любителя старинного оружия. Сотни лет висел тот меч без дела на персидском ковре дворянского кабинета. А теперь забрал его себе донской казак Иван Беленький, наточил как следует и орудует им в боях против белых. Ни у кого во всем корпусе нет таких длинных и сильных рук, как у Ивана Беленького. И был такой случай. Пошел как-то Иван Беленький в богатый хутор за фуражом для своей лошади. Просит продать сена. Хозяйка говорит:

— Нету. Одна кошна только и осталась.

— Да мне немного, — говорит жалобно Иван Беленький, — мне только коняку своего покормить, одну только охапочку.

— Ну что же, — говорит хозяйка, — одну охапочку, пожалуй, возьми.

— Спасибо, хозяйка.

Подосел Иван Беленький, донской казак, к кошне сена да и взял ее всю в одну охапку. Ахнула хозяйка: сроду не видела она таких длинных рук. Однако делать нечего. А Иван Беленький крикнул и понес кошну к себе в лагерь. Что с ним по дороге случилось, неизвестно, только вдруг прибегает он без сена в лагерь ни жив ни мертв. Руки трисутся, зуб на зуб не попадает. Ничего сказать не может...

— Что с тобой, Ваня?

— Ох... и не спрашивайте. До того я перенугался... ну его к черту!..

Осталбенели и бойцы: что же это за штука такая, если самый неустрашимый боец Ваня Беленький испугался?..

А он стоит и прийти в себя не может.

— Ну его к черту!.. Напугал меня проклятый дезинтер, чтобы ему сгореть на том свете!

— Да что такое? Кто такой?

— Да говорю же — дезинтер... Как я взял тое проклятое сено, чтоб оно сгорело, как понес, а оно в середке как затрепыхается... туды его в душу, дезинтер проклятый!

Оказалось, в сене прятался дезертир. Его вместе с кошмой и понес Иван Беленький. По дороге дезертир затрепыхался в сене, как мышь, выскочил и чуть до смерти не напугал неустрашимого бойца Беленького.

Ну и смеху было!

И опять пещено и мужественно усмехнулся Буденный, осторожно проезжая над головой бойца своего Ивана Беленького, над его острым мечом, зеркально отразившим полную голубую луну.

Шла ночь. Передвигались над головой звездные часы степной ночи. Скоро время будить бойцов.

Вдруг Казбек остановился и поднял уши. Буденный прислушался. Буденный поправил свою защитную фуражку, подпаленную с одного бока огнями походных костров.

По верху балки пробиралось несколько всадников. Одна за другой их тени закрывали луну. Буденный замер. Всадники спустились в лагерь. Ехавший впереди остановил коня и нагнулся к одному из бойцов, который, немного не дослав до положенного срока, уже переобулся перед сумрачно рдеющим костром. У всадника в руке была папироса. Он хотел прикурить.

— Эй, — сказал всадник, — какой станицы? Подай огня!

— А ты кто такой?

— Не видишь?

Всадник наклонил к бойцу плечо. Полковничий погон блеснул при свете луны. Все ясно. Офицерский разъезд наехал впопыхах на красноармейскую стоянку и принял ее за своих. Значит, белые близко. Терять время нечего. Буденный осторожно выехал из темноты и поднял маузер. В предраассветной тишине хлопнул

выстрел. Полковник упал. Бойцы вскочили. Офицерский разъезд был схвачен.

— По коням! — закричал Буденный.

Через минуту пять с половиной тысяч бойцов уже были верхом. А еще через минуту вдаль в первых лучах степного росистого солнца встала пыль приближавшейся кавалерии белых. Семен Михайлович приказал разворачиваться. Заговорили три батареи четвертого конноартиллерийского дивизиона. Начался бой.

...Вспоминая об этом эпизоде, Семен Михайлович сказал однажды, задумчиво улыбаясь:

— Да. Пять с половиной тысяч бойцов, как один человек, спали вповалку на земле. Вот стоял храп так храп! Аж бурьян качался от храпу!

Он прищурился на карту, висевшую на стене, и с особенным удовольствием повторил:

— Аж бурьян качался!

Мы сидели в кабинете Буденного в Реввоенсовете. За окном шел деловитый московский снежок.

Я представил себе замечательную картину. Степь. Ночь. Луна. Спящий лагерь. Буденный на своем Казбеке. И за ним, в приступе неодолимого сна, трясется чубатый смуглый мальчишка с пучком вялого мака за ухом и с бабочкой, заснувшей на пыльном горючем плече.

1933 г.

ЗЕМЛЯЧЕСТВО КОНАРМЕЙЦЕВ

*Е. И. КУЗНЕЦОВА,
ветеран Первой Конной армии*

Свои короткие заметки о встречах с Семеном Михайловичем Буденным на полях гражданской войны и в мирные дни я хочу начать с рассказа Александра Куприна «Тост». Писатель заглянул в далекое будущее. Люди на Северном и Южном полюсах встречают 2096 год. Председательствующий говорит об истории, о дальних предшественниках, которые совершили революцию XX столетия. Как им было трудно! Одна из женщин беззвучно заплакала и ответила едва слышно: «А все-таки... как бы я хотела жить в то время... с ними... с ними...»

Командарм Первой Конной армии Семен Михайлович Буденный был замечательным человеком, в котором сконцентрировано все, что так требовалось в суровую пору борьбы за власть Советов, — опытный боевой начальник, хороший организатор, внимательный и чуткий ко всем бойцам и командирам, особенно к женщинам-кавалеристам. Он и после окончания гражданской войны проявлял отеческую заботу о женщинах-кавалеристках, которые в боевых рядах Первой Конной армии прошли многие тысячи километров от астраханских стен до Мапыча, от Царицына до Воронежа и через Донбасс к Ростову-на-Дону, на Северный Кавказ, а оттуда на белополюский фронт и в Крымские степи. Если было трудно мужчинам-кавалеристам выдерживать такие нагрузки, то каково же было женщинам-кавалеристкам? А их было немало в рядах конницы Буденного.

Мне вспоминаются встречи с легендарным командармом в Москве и на Ставропольщине в конце 20-х и в последующие годы.

В 1929 году при Центральном Доме Красной Армии имени М. В. Фрунзе было создано землячество конармейцев, влившееся

вскоре как общественная единица в Музей Красной Армии, который функционировал тут же, в левом крыле ЦДКА имени М. В. Фрунзе. На первом организационном собрании землячества все конармейцы единодушно избрали почетными председателями С. М. Буденного и К. Е. Ворошилова, председателем бюро землячества был избран Е. А. Шадеико. В состав бюро вошли наиболее известные ветераны Первой Конной армии А. В. Хрулев, И. В. Тюленев, И. Р. Апанасенко, С. А. Зотов, Е. И. Горячев, Д. Ф. Сердюк. Месяц тоже избрали тогда в состав этого бюро, и Семен Михайлович Буденный, организуя встречи с молодежью в институтах, на фабриках и заводах Москвы, поручал мне выступить там, рассказать о женщинах-кавалеристках — участницах гражданской войны.

Семен Михайлович, несмотря на занятость, припимал активное участие в работе землячества. У меня сохранился протокол заседания бюро землячества от 22 октября 1933 года, из которого видно, как много различных вопросов обсуждалось, в том числе вопросы о землячестве, которым тогда командовал И. В. Тюленев, о сборе средств на самолет имени С. М. Буденного, о подготовке писателем Алтайским серии очерков о героях Первой Конной армии и др.

Мне запомнилась поездка членов бюро землячества Первой Конной армии на Ставрополье в связи с 15-летием освобождения Ставрополя от белогвардейцев. Было это в мае 1935 года. Я была свидетельницей того всеобщего восторга, с каким население Ставрополя и окрестных сел, ветераны гражданской войны встречали легендарного командара. В Ставрополе состоялось торжественное собрание. На нем выступил С. М. Буденный. Он тепло поздравил участников гражданской войны, отметил боевые заслуги 6-й Чонгарской кавалерийской дивизии и хозяйственные достижения ставропольцев. Его речь не раз прерывалась аплодисментами. После собрания ветераны поперебой приглашали Буденного к себе в гости. С. М. Буденный побывал в некоторых селах, там, где зарождались партизанские отряды, из которых была создана 6-я кавдивизия. Радостно встречали его жители Труповки, Сергиевки, Безопасного, Александровского, Благодарного, Митрофановки. В специальном выпуске газеты «Прикумская правда» от 6 мая 1935 года было напечатано постановление ЦИК СССР от 29 апреля о переименовании ряда поселков Ставрополя в честь героев-партизан Ставрополя, а город Прикумск переименовывался в город Буденновск. Передовая статья газеты «Привет шефу» была посвящена Буденному. В ней были такие строки: «Мы знаем, как любили и с трепетной гордостью произносили имя Буденного бойцы Красной Армии, красные партизаны, рабочие и крестьяне во время гражданской войны. И сейчас для бойца Красной Армии, для рабочего и колхозника имя Буденного, красная конница являются символом борьбы, знаменем доблести и геройства». В каждом селе, куда приезжал С. М. Буденный, стихийно возникали митинги, царил праздничное настроение.

Много внимания уделял Семен Михайлович работе в землячестве ветеранов-конармейцев женщин. Собираясь, мы часто вспоминали своих боевых товарищей — женщин, проводивших всю гражданскую войну в седле. Это были особенные женщины. Крестьянские девушки, оставившие родные хутора и села, работы, расставшиеся со стапками и шахтными вагонетками, чтобы взяться за винтовку. Семен Михайлович лично участвовал в популяризации подвига женщин-кавалеристов. Выступая на различных собраниях, рассказывая о боевой деятельности конармейцев, он неизменно подчеркивал особую роль женщин, которые в трудные для молодой Страны Советов годы сражались в одном строю с мужчинами.

«Совершенно понятно, что о наших героических советских женщинах можно (и нужно) много писать» — этими словами начал С. М. Буденный свою большую статью «Героические женщины», опубликованную в одном из номеров журнала «Крестьянка». «История гражданской войны, — писал он, — дает прекрасные образы женщин-бойцов. Ярко запомнились имена женщин-героинь, боровшихся с оружием в руках вместе с нами в жестоких боях с южной контрреволюцией, против белополяков и Врангеля, а также и на других фронтах». В статье названы десятки имен прославившихся женщин-кавалеристов, в том числе командир взвода 19-го Мапычского кавалерийского полка, а потом начальник разведки 21-го Допо-Ставропольского кавалерийского полка Александра Павловна Богат и другие.

Прошло много лет. Но зародившиеся при активном участии С. М. Буденного землячества и сегодня продолжают свою работу по героико-патриотическому воспитанию подрастающего поколения. В настоящее время землячество — комитет ветеранов Первой Конной при Советском комитете ветеранов войны. Газета Ленинградского военного округа «На страже Родины» в номере, посвященном 60-летию Первой Конной армии, опубликовала статью ветерана-конармейца З. Русакова о землячестве ветеранов-буденновцев при окружном Доме офицеров имени С. М. Кирова в Ленинграде. Возглавляет совет ветеранов генерал-полковник авиации в отставке С. Д. Рыбальченко. Среди бойцов-конников было немало замечательных людей. В газете подробно рассказана боевая биография Татьяны Никитиной (Жудрыцовой), которая в мае 1919 года, будучи 19-летней работницей петроградской типографии «Прибой», добровольно отправилась на Южный фронт и стала бойцом 6-го конноартиллерийского дивизиона. Это о ней С. М. Буденный писал в своей книге «Пройденный путь»: «В числе храбрецов, дерзко ворвавшихся в Новоград-Вольнский, была отважная разведчица 6-го артдивизиона Татьяна Никитица».

Землячество, идею создания которого выдвинул в конце 20-х годов С. М. Буденный, и сегодня живет неустанной деятельностью по увековечению подвига героев, павших в боях за Советскую власть, работой по героико-патриотическому воспитанию молодого поколения.

П. И. ЖЕЛЕЗНОВ,
поэт

О Буденном я услышал мальчишкой в годы гражданской войны. Видел буденновцев, «с бою бравших города». Вместе со своими ровесниками встречал отряды буденновцев, появившиеся с песнями на улицах Харькова. И сейчас помню слова той песни: «Смело раздуюм пожар мировой...»

Самого Семена Михайловича Буденного впервые увидел тогда же в Харькове, на Павловской площади (пыле площадь Тевелева), на трибуне, во время митинга. Впимание всех привлекал человек с пышными, черными как смоль усами, в красивом племе. Мы, мальчишки, узнав от взрослых, что это и есть легендарный Буденный, старались поближе пробиться к трибуне, чтобы лучше разглядеть его. В ту пору о Буденном уже ходило много рассказов, имя его было популярным в народе.

В те годы самым модным головным убором был буденновский шлем. Помню, раздобыв этот шлем, беспризорники ходили в нем зимой и летом, а я так даже спал в нем...

Близко увидеть легендарного героя мне посчастливилось в пачале 30-х годов в Болшевской трудовой коммуне под Москвой, куда С. М. Буденный приезжал вместе с Максимом Горьким. О жизни этой коммуны в конце 20-х годов рассказал фильм «Путевка в жизнь». Я тогда уже получил путевку в жизнь — с помощью Горького поступил на литературный факультет Московского университета, но с коммунной держал связь, так как там остались мои друзья. Помню, в один из теплых летних дней коммунар Илья Петров (с помощью Горького он поступил учиться в консерваторию имени П. И. Чайковского, а ныне известный дирижер), встретив меня на улице, крикнул:

— Горький приехал в коммуну, пошли встречать!

Оказалось, что с Горьким приехали К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный. Накрапывал дождь, и высокие гости направились на веранду, где нашлось место и для нас с Ильей. Так впервые в жизни я очутился почти рядом с Буденным, слышал его чудесные рассказы, видел его улыбку. Спустя некоторое время, когда кончился дождь и все вышли в парк, Семен Михайлович попросил баян и великолепно сыграл несколько мелодий, а ребята, бывшие беспризорники, лихо плясали. Среди колонистов был один негритенок по имени Максимка. В то время, когда мой друг Илья беседовал с Буденным о музыке, в окне показалась улыбающаяся физиономия негритенка. А затем он через окно влез на веранду. Оказывается, Максимка выполнил пормы на значок ворошиловского стрелка и теперь пришел его получить. Значок был вручен ему самим Ворошиловым в присутствии Буденного под гром аплодисментов. Потом мы сфотографировались на па-

мять — М. Горький, К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, Максимка и другие ребята-колонисты.

В следующий раз я увидел близко С. М. Буденного на встрече, организованной Союзом писателей СССР в Центральном доме литераторов, кажется, в 1938 году. Семен Михайлович был почетным гостем и за накрытым банкетным столом сидел в окружении своих боевых друзей. Мы с приятелем, молодым поэтом Владимиром Замятиным, оказались рядом с Буденным. Я всматривался в красивое, волевое лицо, ловил каждое сказанное им слово. А Буденный, как и в прошлую встречу, рассказывал короткие смешные истории. Особенно запомнился мне рассказ о буденповце-украинце. Герой гражданской войны, он никак не мог попасть на прием к Буденному, но узнал его домашний телефон и вечером позвонил.

— Шо це такэ? — возмущенно кричал в трубку бывший конармеец, — мого до гэбо не пускають, кого тоді пускають...

Буденный был замечательным рассказчиком, и это «шо це такэ?» стало потом у нас поговоркой.

На фронтах Великой Отечественной войны я часто слышал песни о Буденном, их пели бойцы на марше, на привале, в землянках. Особенно нравилась солдатам песня Дм. Покрасса на стихи Алексея Суркова «Конармейская». Рассказывая о боевых подвигах отцов, песня звала в бой, в пей звучали героика гражданской войны и яростный призыв к борьбе.

В послевоенные годы я не раз слышал выступления С. М. Буденного, читал его статьи. Семен Михайлович говорил, что у нас правильно поднимают на пьедестал танки и самолеты, но не мешало бы поднять на пьедестал и коня, который помог выиграть гражданскую войну, хорошо послужил в годы Отечественной войны. Думаю, что коню, боевому другу бойца, давно пора поставить памятник и тем выполнить пожелание народного героя Буденного.

В 1973 году у меня в Военном издательстве вышла книга стихов «Гордость», и я рад, что был приглашен в Дом военной книги на празднование 90-летия со дня рождения С. М. Буденного. Я бережно храню фотографию, где я снят рядом с героями-буденновцами, среди которых, может быть, и те, кого я, будучи мальчишкой, встречал на улицах Харькова. На этом празднике мне предоставили слово. Приветствуя юбиляра, я прочел стихи. Стихотворение называется «Сын буденновца», оно вошло в книгу «Молодости верен» с любимыми мною конями на обложке.

Я рассказал присутствовавшим на торжестве о своих коротких, но памятных встречах с Семеном Михайловичем Буденным. Потом Дм. Покрасс, уже постаревший, но энергичный, сыграл сочиненные им песни о коннице Буденного. Здесь, на вечере, я услышал шутку (многие повторяли ее) Буденного о самом себе:

— Когда-то я был молодой и красивый, а сейчас старый... и красивый!

С этим нельзя не согласиться.

Е. А. СПЕСАРЕВА,
доцент Московского государственного
университета

В нашей семье более пятидесяти лет хранится дорогая реликвия. Это записка Семёна Михайловича Буденного моему отцу, генерал-лейтенанту царской армии, который добровольно перешел на сторону Советской власти и дрался против белогвардейцев на фронтах гражданской войны. Записок было много, но сохранилась только одна:

«21/X.26 г. Уважаемый Андрей Евгеньевич! Прошу Вас зайти ко мне завтра, т. е. 22 октября, для переговоров относительно занятий. С. М. Буденный. Квартира та же, № 78».

Смотрю я на эту чудом сохранившуюся записку, и перед моими глазами встают картины далекого прошлого, я вспоминаю те годы, когда наша семья жила по соседству с С. М. Буденным. Выполняя многочисленные поручения отца, я служила как бы курьером между Буденным и моим отцом.

Однажды вечером, вернувшись из военной академии, где он преподавал, отец оновестил семью, что сегодня к нам придут Алексей Алексеевич Брусилов и Семён Михайлович Буденный. Было это, вероятно, в 1924 или в 1925 году, сейчас точно не помню. Я уже знала, что А. А. Брусилов работает вместе с Буденным, и решила, что в этот день обязательно буду дома, чтобы увидеть своими глазами Буденного, имя которого часто произносилось в нашей семье.

Этот день настал. Я усердно готовила уроки и тянула время до прихода гостей. Алексея Алексеевича я хорошо знала, а Буденного видела только издали, когда он подходил к своему автомобилю, направляясь на службу, или возвращался домой после работы. И вот входит отец с Алексеем Алексеевичем и Семёном Михайловичем.

— Знакомьтесь, это товарищ Буденный, — обратился он к нам.

Семён Михайлович, здороваясь, для каждого находил какие-то добрые слова. Меня расспрашивал о занятиях, о школе. После знакомства все ушли в кабинет.

Через некоторое время отец позвал меня и, обращаясь к Буденному, сказал:

— Вот Женя у нас будет связной, так как телефона у меня пока нет.

Буденный улыбнулся и сказал что-то одобрительное.

С этого вечера мне часто приходилось посещать дом напротив: носить Семёну Михайловичу все, что давал мне отец, — связки книг, толстые и тонкие тетради, большие рулоны и неизменные записки. Так, под руководством моего отца, С. М. Буденный начал углубленно изучать военную историю и военную теорию.

Мне нередко приходилось присутствовать на этих занятиях, и я видела, как профессор военной академии усердно занимался с молодым военным... От многократного повторения я почти наизусть знала многие военные термины, не понимая, конечно, их истинного значения. Я была свидетелем того, как ученик и учитель, расстелив карты, разбирали очередные вопросы истории и теории военного искусства, обсуждали отдельные операции, спорили. Отец рассказывал о войнах Древнего мира, излагал ход сражения при Каннах, говорил о походе Александра Македонского, о русских полководцах Салтыкове, Румянцеве, Суворове, Кутузове. Разбирали действия Пугачева, анализировали бои в Семилетней войне.

Отец радовался успехам Буденного, ставил его примером нам в пример. Я помню, отец не раз подчеркивал, что Буденный, несмотря на свою чрезмерную занятость по службе, учится усердно и настойчиво, аккуратно наводит на карты разыгрываемые военные игры, составляет докладные записки, скрупулезно выполняет все задания.

— Незаурядные способности Буденного я заметил еще под Царицыном, в боях на Южном фронте, — рассказывал однажды отец. — На мои вопросы он отвечал четко и грамотно. Воевал он хорошо благодаря врожденному военному таланту.

Об этих встречах, беседах и экзаменах на фронте под Царицыном С. М. Буденный очень тепло вспоминал в большой статье, которая опубликована в книге о моем отце — А. Е. Спесареве.

Я помню, как гордился отец, что его хороший знакомый по фронту, ставший к тому времени членом Революционного военного совета СССР и помощником главнокомандующего РККА по кавалерии, будучи занят государственным делом в качестве члена ЦИК СССР, одним из первых высших командиров Красной Армии осознал необходимость военно-теоретической подготовки. Его не остановили трудности, связанные с пробелами в общеобразовательных науках и постоянной нехваткой времени.

Меня не удивляло, что в числе многих приходивших к отцу молодых людей, которые назывались по-разному — слушатели, студенты, адъюнкты или аспиранты, — но так или иначе были учащимися, был и человек, чье лицо часто изображалось на плакатах того времени. Мне казалось тогда, что учатся все, за исключением профессоров и учителей. Такое было время.

У отца была обширная библиотека по разным отраслям знаний, и я помню, как часто С. М. Буденный засиживался у книжных шкафов, делая выписки из книг, причем не только по военным вопросам. Он шутливо повторял, ссылаясь на Карла Маркса, что и его любимое занятие «конаться в книгах».

— У меня много пробелов, — говорил он отцу, — надо нагонять упущенное.

С. М. Буденный с А. А. Брусиловым часто приглашали отца с собой на ипподром, где показывали лошадей. Брвали иногда и меня. Отец, родом с Дона, любил лошадей, восторгался их красотой. Для меня эти поездки были большим праздником. С. М. Бу-

денный разрешал мне гладить лошадей, а иногда удавалось и покататься.

Как-то в один из майских дней мы разместились в ложе Буденного. На трибунах было много народу, любители тотализатора толпились у касс. Но вот раздались звонки, мимо трибун один за другим грациозно проехали всадники.

Семен Михайлович, посмотрев программу, обратился к отцу:

— Ну-ка, товарищ профессор, оцените достоинства лошадей. Кто из этих скакунов выйдет победителем?

— На ипподроме наши роли меняются, Семен Михайлович, сегодня вы профессор, а я слушатель, и потому последнее слово за вами, — улыбаясь, ответил отец.

— А тебе, Женя, какая лошадка больше всего понравилась? — спросил меня Семен Михайлович.

— Мне очень понравилась вон та рыженькая.

— Номер три — Резвый? — посмотрев в программу, переспросил Семен Михайлович.

— Да, — подтвердила я и спросила: — А почему его так назвали?

— Клички дают жеребяткам, подбирая такие слова, в которых группируются начальные буквы кличек отца и матери. Первая буква новой клички должна быть такой, как и первая буква клички отца, а начальная буква второго слога клички должна быть такой же, как первая буква клички матери, — ответил Семен Михайлович и, показывая мне программу скачек, добавил: — Вот читай — номер три, Резвый — от Ретивого и Выскочки.

— Спасибо, — ответила я, туманно представляя себе суть услышанного. Но, как оказалось теперь, все запомнила...

Я никому не рассказывала тогда ни о Семене Михайловиче, ни о своих обязанностях курьера между ним и отцом. Их я выполняла добросовестно и втайне гордилась, что человек из песни, легендарный герой, чье лицо видела на плакатах, учится у моего отца, а меня называет своим помощником. Увидев меня во дворе, он, заговорщически подмигнув, предлагал:

— Хочешь прокатиться до угла?

Иногда, взяв за руку, сам переводил через улицу. В общем, относился ко мне как добрый знакомый нашей семьи. Таким и запомнили его мои детские глаза — невысокий, с доброй улыбкой, красивый и ладный человек с пышными усами. Словом, наш сосед...

КУМИР ЮНЫХ ВСАДНИКОВ

А. С. ЗАЯРНЫЙ,
полковник-инженер

В предвоенные годы во многих кавалерийских частях создавались школы юных всадников. При управлении штаба Особой кавалерийской дивизии тоже была такая школа, в которой занимался и я.

Мы самозабвенно учились кавалерийскому делу — отработывали навыки верховой езды, приемы рубки, преодолевали препятствия. Руководил школой командир эскадрона П. К. Кошевой (впоследствии Маршал Советского Союза). На наших занятиях часто бывали командир дивизии Ф. Я. Костенко, командир 61-го кавалерийского полка А. И. Родимцев и другие командиры.

А однажды — было это летом 1937 года в подмосковных лагерях близ Кубинки — к нам на занятия приехал Маршал Семен Михайлович Буденный. Его сопровождал инспектор кавалерии Ока Иванович Городовиков. Он посмотрел, как мы сидим верхом, скачем и выполняем другие упражнения. Побеседовав с юными кавалеристами, Семен Михайлович пожелал успехов в овладении военным делом. Мы очень радовались, что сам Буденный разговаривал с нами и похвалил.

А спустя год или два группа юных всадников нашей школы участвовала в военно-физкультурном представлении в день открытия летних лагерей Особой кавдивизии. Мы все гордились оказанным доверием, но волновались. После бойцов и командиров, отлично выполнявших самые сложные упражнения на лошадях, пришла и наша очередь. Мы — пятеро ребят, выдержавших до этого предварительные испытания, — очень старались. Исполнили положенные по программе номера, преодолели даже препятствия, правда упрощенного копкара. После выступления подошел инструктор и сказал, что с нами хочет побеседовать маршал Буденный.

Семен Михайлович встретил нас приветливо, окинул строгим, но доброжелательным взглядом и, блеснув глазами, спросил:

— Ну, юные кавалеристы, понравился наш праздник?

— Очень понравился! — хором ответили мы.

— А не мешают ли занятия конным спортом учебе в школе?

— Нет, не мешают.

— Кем же вы хотите быть?

— Только кавалеристами!..

— Такие молодцы обязательно добьются своего, — одобрительно сказал маршал и особенно долго жал руку лучшему юному всаднику Пете Костенко, сыну командира дивизии.

Поздравив всю нашу группу с удачным выступлением на празднике, маршал пожелал нам успехов.

— Будьте достойными славных дел ваших отцов, — сказал Семен Михайлович.

С. М. Буденный одобрил инициативу командования дивизии по созданию школы юных всадников, подчеркнув, что занятия в такой школе прививают любовь к кавалерии и к военному делу вообще.

В справедливости этих слов маршала я убедился на примере боевой биографии Петра Костенко. Он был призван в ряды Советской Армии, кончил военное училище и с начала Великой Отечественной войны был на фронте. Спустя многие годы Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своих мемуарах «Воспоминания

и размышления» тепло вспоминал о Федоре Яковлевиче Костенко и его сыне Петре Федоровиче, погибших героями в боях под Харьковом весной 1942 года. «Петра Костенко нельзя было не любить,— пишет маршал.— Помнится, еще совсем мальчиком Петр изучал военное дело, особенно правилась ему верховая езда и рубка. Федор Яковлевич был доволен сыном, надеялся, что из Петра выйдет достойный командир-кавалерист, и не ошибся».

Мне запомнился парад на Красной площади 7 ноября 1937 года, особенно прохождение частей Особой кавдивизии. Не скрою, мне было приятно, что во главе знаменного эскадрона, рысью промчавшегося мимо трибуны, вместе с комдивом Ф. Я. Костенко был и мой отец военком С. Ф. Заярный. Потом красным строем прошел 61-й кавалерийский полк — впереди него Герой Советского Союза А. И. Родимцев... Наблюдая за парадом войск, я не заметил, как подошел отец. Началось выступление физкультурников. В группе командиров-кавалеристов я увидел Семена Михайловича Буденного. Его окружили ветераны, и потекла меж ними душевная беседа, шутки. Когда мои родители, а вместе с ними и я подошли ближе к этой группе, Семен Михайлович, поговорив с отцом, знаком подозвал меня, дотронулся до моего плеча и сказал:

— А вот и паша смена подрастает...

Мне повезло и в послевоенные годы несколько раз встречаться с маршалом Буденным. И к моему удивлению, он помнил ту довоенную встречу. Как-то летом, возвращаясь из Москвы на дачу, Семен Михайлович заехал по пути в воинскую часть. Это посещение было неофициальным и заранее не планировалось, но, несмотря на неожиданный приезд большого начальника, никакого замешательства не произошло. Когда к контрольно-пропускному пункту подъехала легковая автомашина, дежурный, узнав прославленного маршала, беспрепятственно открыл ворота и сопроводил ее до штаба части.

— А знаете ли вы, товарищ сержант, кого пропустили в воинскую часть? — спросил Семен Михайлович, прищурив глаза.

Сержант не растерялся и ответил, что маршала Буденного знает каждый советский человек. Между тем оставшийся на КПП дневальный доложил по телефону командиру части о прибытии Маршала Советского Союза С. М. Буденного.

Семен Михайлович тепло поздоровался с офицерами. Потом попросил рассказать о делах в части, ее боевом пути, о войнах. Семена Михайловича интересовало буквально все: и вооружение, и уровень подготовки командиров, и их участие в партийно-политической работе.

— А вы знаете,— обратился к нам Семен Михайлович,— в этом военном городке в предвоенные годы размещалась одна из кавалерийских частей — она входила в состав Особой ордена Ленина, Краснознаменной кавалерийской дивизии, предшественницей которой была Особая кавалерийская бригада Первой Конной

армии. И там, где у вас сейчас автопарк и артиллерийский парк, были коновязи под навесом, а за ними начиналось большое поле.

Мы внимательно слушали Семена Михайловича. И вдруг по городку разнеслись звуки песни «Конная Буденного». Кто-то принес на радиоузел пластинку с записью этого знаменитого марша.

Мы заметили, как оживились в это время глаза старого маршала, хотя выглядел он не по годам молодо, был бодр, подтянут (а ведь ему уже исполнилось 70 лет). Пробыв полтора часа в городке, маршал тепло попрощался с воншами и пригласил группу воинов к себе в гости. О том дне, когда они побывали в гостях у маршала, напоминает фотография (она помещена в книге: маршал играет на гармошке, а воины лихо пляшут русскую.— *Прим. ред.*). Я ее бережно храню.

НЕСКОЛЬКО СТРОК В ГАЗЕТУ

*Я. И. ОСТРОВСКИЙ,
подполковник в отставке,
заслуженный работник культуры РСФСР*

Мне вспоминается необычный разговор с маршалом С. М. Буденным майским днем 1940 года. Приближалось двадцатилетие газеты «Гудок», где я тогда заведовал отделом информации, и редактор поручил мне в юбилейный номер собрать приветствия читателям от знатных людей страны.

Я решил обратиться с этой просьбой и к Семену Михайловичу.

Набрав нужный номер, я услышал в ответ звонкий и молодой голос:

— Алло, слушаю!

Подумав, что это адъютант, я спросил:

— Скажите, пожалуйста, маршал Буденный на месте сейчас?

— На месте.

— Соедините, пожалуйста, с ним.

— А кто его спрашивает?

— Из редакции газеты «Гудок».

— Кто именно?

— Заведующий отделом информации.

— Кто, кто именно? — нетерпеливо переспросил мой собеседник.

— Моя фамилия Островский.

— С вами говорит Буденный...

Я оторопел и, запинаясь, произнес:

— Здравствуйте, Семен Михайлович! Извините, но я, судя по голосу, решил, что говорю с вашим адъютантом...

— А оказалось, что разговариваете со мной. Так зачем это я «Гудку» вдруг понадобился?

А. П. ПОКРОВСКИЙ,
генерал-полковник в отставке

— Дело в том, Семен Михайлович, что через несколько дней, 11 мая, нашей газете исполняется двадцать лет.

— Это «Гудку» будет двадцать лет? Так мало? А я думал, что больше... Это же старейшая рабочая газета.

— Да, то есть нет, только двадцать... В этой связи я и обращаюсь к вам. Очень хотелось бы, Семен Михайлович, получить ваше пожелание газете на будущее... Ведь наш транспорт и Красная Армия...

— Родные братья... Верно, конечно. Ну что же, пожалуйста.

И маршал стал говорить по-военному четко, очень ясно и просто. А я старательно записывал каждое слово, не переставая в то же время удивляться молодому голосу этого замечательного человека, которому в то время было уже под шестьдесят.

...И вот прозвучала заключительная фраза:

— Горячий привет всем сотрудникам редакции, корреспондентам и читателям газеты! Ну, пожалуй, все!

— Большое вам спасибо, Семен Михайлович. Но еще одна просьба есть. Разрешите мне обратиться к вам еще раз, чтобы прочитать этот текст после перепечатки. Вдруг я что-то не так записал.

— Звоните, пожалуйста. А пока — до свидания.

Я спустился в машинписное бюро, продиктовал материал, вычитал его и минут через пятнадцать снова позвонил:

— Семен Михайлович, вас опять «Гудок» беспокоит.

— А, Островский? Уже перепечатали? Ну, давайте читайте.

Я прочитал. А когда закончил, вдруг услышал в трубке «ура!».

«Видимо, не поправилось», — подумал я и неуверенно спросил:

— Так как же, Семен Михайлович?

— Я же ответил — «ура!», значит, все в порядке, так и печатайте.

Если взглянуть на первую полосу газеты «Гудок» за 11 мая 1940 года, то среди других приветствий газете, присланных знатными людьми страны и помещенных под шапкой «Сегодня — двадцатилетие «Гудка», напечатаны следующие добрые и теплые слова:

«Сердечно поздравляю «Гудок» — боевую газету советских железнодорожников — с двадцатилетним юбилеем.

Желаю «Гудку» новых успехов в организации масс железнодорожников на борьбу за дальнейшее укрепление и процветание транспорта — родного брата Красной Армии.

Желаю вам, товарищи гудковцы, с еще большей энергией воспитывать в массах чувство советского патриотизма, добиваться, чтобы каждая станция, каждое депо стало настоящей крепостью обороны, чтобы Осоавзхим на транспорте рос и развивался.

Горячий привет всем сотрудникам редакции, корреспондентам и читателям газеты!

Маршал Советского Союза С. Буденный».

Май 1938 года. Я, выпускник Академии Генерального штаба Красной Армии, получил назначение на должность заместителя начальника штаба Московского военного округа, войсками которого в то время командовал маршал С. М. Буденный. Здесь и произошла наша первая встреча.

По долгу службы мне часто приходилось общаться с Семеном Михайловичем: я докладывал ему служебные документы и материалы, сопровождал его в поездках по частям и гарнизонам, на учениях и маневрах. В сентябре 1939 года я был в числе сопровождавших С. М. Буденного в его поездке в Белорусский военный округ, войска которого участвовали в освобождении Западной Белоруссии. С. М. Буденный, в то время заместитель Народного комиссара обороны, проверял готовность войск округа к освободительному походу и координировал их действия в ходе операции. Я видел, как работал в боевой обстановке С. М. Буденный, — многому у него можно было научиться. Тщательно проанализировав обстановку, он принимал быстрые, четкие и единственно верные решения, тщательно контролировал выполнение боевых задач частями и соединениями.

Операция в целом прошла успешно, но были обнаружены и серьезные недочеты в подготовке войск, и я хорошо помню, как строго, с присущей ему объективностью маршал готовился доложить об этом Народному комиссару обороны.

В 1940 году С. М. Буденный был назначен первым заместителем наркома обороны, и я по его рекомендации был переведен в центральный аппарат в качестве офицера для особых поручений. Я был рад, что вновь довелось служить под командованием С. М. Буденного, опытного военачальника, человека строгого, выскатального и заботливого одновременно. Бывая у него с докладами, старался, беря пример с него, всесторонне, тщательно изучить вопрос, докладывать четко, ясно, коротко. Маршал слушал всегда внимательно, интересовался деталями, вникал во все подробности и порой, обсуждая какую-нибудь конкретную проблему, приводил аналоги из опыта военной истории, которую хорошо знал. Должен отметить, что С. М. Буденный обладал обширными познаниями в области военного искусства и военной истории. Он отличался любознательностью, обладал отличной памятью, огромным боевым и жизненным практическим опытом. И в таких беседах мне иногда приходилось нелегко. Для всех нас он был образцом добросовестного отношения к делу, высокой работоспособности. Семен Михайлович обладал отменным здоровьем и в свои без малого шестьдесят лет подолгу и напряженно работал, не чувствуя усталости. А работать в те сложные

предвоенные дни приходилось очень и очень много. В то время все работники центрального аппарата Народного комиссариата обороны СССР находились на службе не только в установленное дневное время, но и в вечерние и ночные часы.

Помню, в субботу 21 июня С. М. Буденный уехал с работы домой очень поздно вечером. А рано утром 22 июня я был вызван к месту службы, где узнал о вторжении немецко-фашистских войск на территорию нашей страны. Маршала в кабинете не было, еще задолго до этого часа он был вызван в Кремль. Вскоре маршал Буденный позволил и приказал мне и нескольким офицерам подготовиться к отъезду из Москвы. Мы быстро собрались и выехали в тот же день вечером. В пути следования маршал объявил, что мы направляемся в Брянск, где будем формировать штаб для управления армиями, которые прибывают из внутренних военных округов на Западное направление.

Утром 23 июня наш состав прибыл на станцию Брянск. Сразу же в вагоне маршала стали собираться генералы и офицеры, которым предстояло работать в штабе и его управлениях. До прибытия начальника штаба С. М. Буденный поручил мне исполнять его обязанности. Брянск — крупный железнодорожный узел. В связи с возможными налетами вражеской авиации формирование штаба было перенесено на небольшую станцию Снежетьская, в двенадцати километрах от Брянска.

Сутки прошли в организационных делах. Сведения о ходе боев на фронте были тревожными. Семен Михайлович, понимая важность возложенной на него миссии, стремился все же как можно быстрее попасть в район боевых действий. В это время было опубликовано решение Коммунистической партии и Советского правительства о создании Ставки Главного Командования, в состав которой был включен и маршал С. М. Буденный. Он решает выехать ближе к линии фронта и лично изучить обстановку на Западном направлении. С этой целью 25 июня маршал прибыл в Чернигов, однако был срочно вызван в Москву.

В Генеральном штабе ему одновременно были вручены две директивы: о составе и задачах группы войск армий резерва Ставки Главного Командования и о назначении С. М. Буденного командующим этой группой. Исполнение обязанностей начальника штаба группы временно было возложено на меня.

Директива Генерального штаба требовала в кратчайший срок организовать прочную оборону на Западном направлении — от реки Западная Двина по Днепру. Сложность состояла в том, что из состава прибывавших армий (19, 20, 21 и 22-я) успели выгрузиться только головные части, а основная масса войск находилась еще в пути.

29 июня маршал С. М. Буденный прибыл в район Смоленска и немедленно начал проверку действий прибывших частей 20-й армии. При этом он обратил особое внимание на необходимость эффективного использования 1-й Московской мотострелковой дивизии, которую он хорошо знал в бытность командующим Москов-

ским военным округом. И маршал не ошибся: в тяжелых боях лета сорок первого года эта дивизия показала организованность и стойкость и, проявив массовый героизм, полностью решила поставленные перед ней сложные боевые задачи.

1 июля 1941 года Семен Михайлович Буденный был назначен заместителем командующего войсками Западного фронта, а затем несколько дней командовал 21-й армией, которая вела бои на гомельском направлении.

10 июля Государственный Комитет Обороны постановил создать три главных командования: Северо-Западное, Западное и Юго-Западное.

Главкомандующим войсками Юго-Западного направления был назначен Маршал Советского Союза С. М. Буденный. В его состав входили: Юго-Западный фронт (командующий генерал-полковник М. П. Киринос), Южный фронт (командующий генерал армии И. В. Тюленев) и Черноморский военно-морской флот (командующий вице-адмирал Ф. С. Октябрьский). Постановление Государственного Комитета Обороны о своем новом назначении маршал С. М. Буденный получил в Гомеле, на армейском командном пункте, и немедленно выехал в штаб Юго-Западного фронта, находившийся северо-восточнее Киева, в Броварах.

Сразу же по прибытии в Бровары С. М. Буденный приступил к изучению обстановки. С большим волнением выслушал он доклад генерал-полковника М. П. Кириноса и начальника штаба фронта генерал-лейтенанта М. А. Пуркаева — чувствовалось, что маршал сильно переживает неудачи войск фронта.

А положение войск этого фронта оказалось действительно очень сложным. Приграничное сражение и последующие боевые действия складывались неблагоприятно для Юго-Западного фронта. Противнику удалось захватить значительную часть территории Правобережной Украины, и его передовые части вышли к реке Ирпень, то есть на ближние подступы к Киеву.

Исходя из сложившейся обстановки, С. М. Буденный потребовал от командующего и Военного совета фронта усилить оборону Киева всеми имеющимися силами и средствами и активизировать оборонительные действия армий, особенно 5-й и 26-й, с целью закрыть разрыв между ними.

Как адъютант маршала, я присутствовал на всех его встречах с руководством Юго-Западного фронта, фиксировал даваемые им указания и прочие данные для последующего доклада в Ставку или в Генеральный штаб.

Ранним утром 13 июля мы прибыли в Полтаву. Здесь по указанию Генерального штаба должен был находиться штаб Главкома, и сюда направлялись для его укомплектования генералы и офицеры, подразделения связи и обслуживания. Фактически штаб развертывался в нескольких километрах от Полтавы в небольшом доме отдыха у деревни Горбанивки. Прибывшие на ответственные должности генералы и офицеры, как и весь личный состав штаба, отличались высокой военной и специальной подго-

товкой, дисциплинированностью, глубоко сознавали свою ответственность за порученное дело. Под личным руководством С. М. Буденного аппарат управления сразу же включился в активную работу. Маршал С. М. Буденный способствовал налаживанию деятельности штаба, терпеливо добивался четкости и быстроты в работе, заметив ошибки или недоделки, реагировал спокойно, сдержанно.

Хочу подчеркнуть, что назначение С. М. Буденного на столь высокий пост не сопровождалось директивными указаниями о его правах, рамках ответственности и конкретных задачах, которые подлежало выполнять. Поэтому маршалу С. М. Буденному и его штабу приходилось опытным путем в исключительно сложной и быстро меняющейся обстановке определять, какие меры следовало безотлагательно предпринимать, как действовать, исходя из требований этой обстановки.

Проведя основную работу по формированию штаба направления и организации его планомерной работы, маршал не предполагал задерживаться в своем штабе и вскоре решил отправиться на Южный фронт, чтобы на месте разобраться в обстановке. К этому времени на юге положение значительно ухудшилось, особенно на правом крыле фронта. Ослабленная в боях 18-я армия под натиском превосходящих сил врага вынуждена была отходить, открывая фланг и тыл 12-й армии Юго-Западного фронта. Отходила и 9-я армия, оборонявшая подступы к Одессе.

Однако поездка главкома на Южный фронт не состоялась. По указанию Ставки он 15 июля вновь убыл на Юго-Западный фронт, где особенно ухудшилось положение под Киевом в полосе боевых действий 6-й и 12-й армий.

С середины июля для главнокомандующего войсками направления и его аппарата началась особенно напряженная работа. Ожесточенные боевые действия на тысячекilометровом фронте, где все чаще возникала кризисная обстановка... Ослабленные в предыдущих сражениях войска продолжали оказывать героическое сопротивление врагу. Но силы были неравными, мы уступали врагу в артиллерии, танках и авиации.

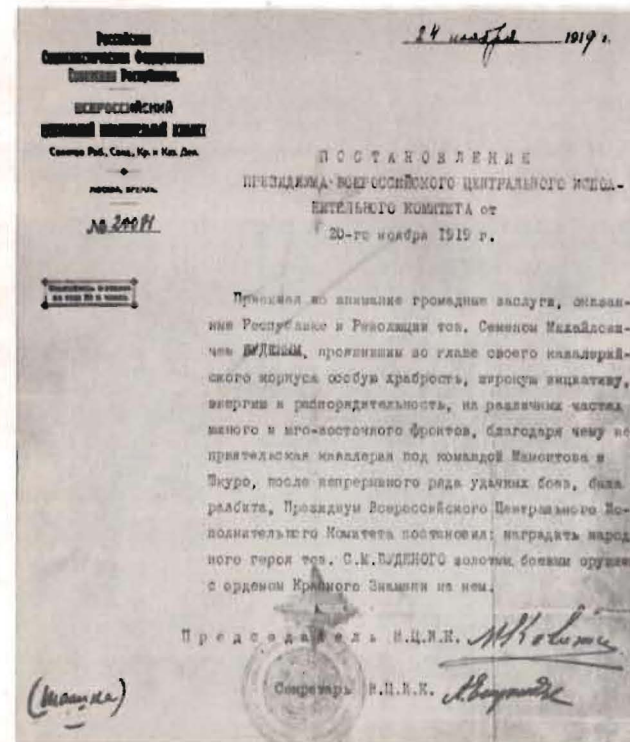
За счет нескольких подошедших дивизий, объединенных управлением 26-й армии, удалось укрепить оборону южнее Киева, но усилить оборону в полосе боевых действий 6-й и 12-й армий не удавалось. Несмотря на сложное положение Южного фронта, С. М. Буденный приказал срочно перебросить оттуда две дивизии в помощь этим армиям. Однако этих мер было недостаточно. Обстановка оставалась напряженной.

Немецко-фашистские войска продолжали расширять прорыв в направлении Бердичев, Белая Церковь, охватывая правый фланг 6-й армии. Одновременно обозначился прорыв на стыке Юго-Западного и Южного фронтов. Это создало угрозу окружения 12-й и 18-й армий. Чтобы не допустить этого, главком обратился в Ставку за разрешением отвести 6-ю и 12-ю армии на рубеж Белая Церковь, Гайсин, а 18-ю армию — на рубеж Тро-

Старший унтер-офицер Приморского драгунского полка С. М. Буденный. Владивосток, 1912 г.

Постановление ВЦИК о награждении С. М. Буденного «Боевым золотым оружием со знаком ордена Красного Знамени» и шашка,

Парад частей Первой Конной армии в Ростове-на-Дону.

Председатель ВЦИК М. И. Калинин и С. М. Буденный принимают парад частей Первой Конной армии. Май 1920 г.

Кавалерийский эскадрон в атаке. Польский фронт, 1920 г.

Заседание Реввоенсовета Первой Конной армии с начальниками и военными комиссарами дивизий (слева направо): С. Ф. Грай, С. К. Тимошенко, К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, С. К. Минин, П. В. Бахтуров, Ф. М. Морозов. Польский фронт, 1920 г.

С. М. Буденный, М. В. Фрунзе и К. Е. Ворошилов. Южный фронт, 1920 г.

Участники 1-го съезда красноармейцев, командиров и политработников Первой Конной армии. Екатеринослав (Днепропетровск), декабрь 1920 г.

С. М. Буденный, А. С. Бубнов и К. Е. Ворошилов на коммунистическом субботнике. Новомосковск Днепропетровской области, 1921 г.

С. М. Буденный с командирами и политработниками Особой кавалерийской бригады. Кубань, станица Ново-Величковская, март 1922 г.

С. М. Буденный передает знаменосцу Красное знамя ВЦИК, врученное М. И. Калининым Первой Конной армии. Кубань, станица Лабинская, май 1923 г.

Похороны В. И. Ленина. Москва, январь 1924 г.

Слушают рассказ алтайского партизана Ф. С. Гуляева.

Главком монгольской Народно-революционной армии Х. Чойбалсан и С. М. Буденный. Москва, июнь 1926 г.

Торжественное собрание, посвященное 5-летию газеты «Батрак». Выступает нарком просвещения СССР А. В. Луначарский. Москва, 1929 г.

В. В. Куйбышев и С. М. Буденный на конном заводе в Ростовской области. 1930 г.

Утренняя зарядка. 1931 г.

На стрельбище. 1931 г.

С. М. Буденный, Е. М. Ярославский, М. И. Ульянова, Р. С. Землячка. Москва, 1933 г.

Первые Маршалы Советского Союза: М. Н. Тухачевский, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, В. К. Блюхер, А. И. Егоров. Москва, 1935 г.

Слушатель Военной академии имени М. В. Фрунзе С. М. Буденный на летной стажировке. Лагерь Московского военного округа, 1931 г.

На маневрах войск Киевского военного округа. Слева направо: П. П. Постышев, С. В. Коснор, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, П. П. Любченко, Г. И. Петровский. 1935 г.

Командующий войсками Московского военного округа С. М. Буденный, начальник политуправления Московского военного округа С. Е. Колонин (сидит слева), начальник штаба округа А. И. Антонов и главный интендант округа А. И. Шибунин (справа). Москва, февраль 1938 г.

Встреча с избирателями. Шепетовка, март 1938 г.

С. М. Буденный принимает новую военную присягу. Москва, 22 февраля 1939 г.

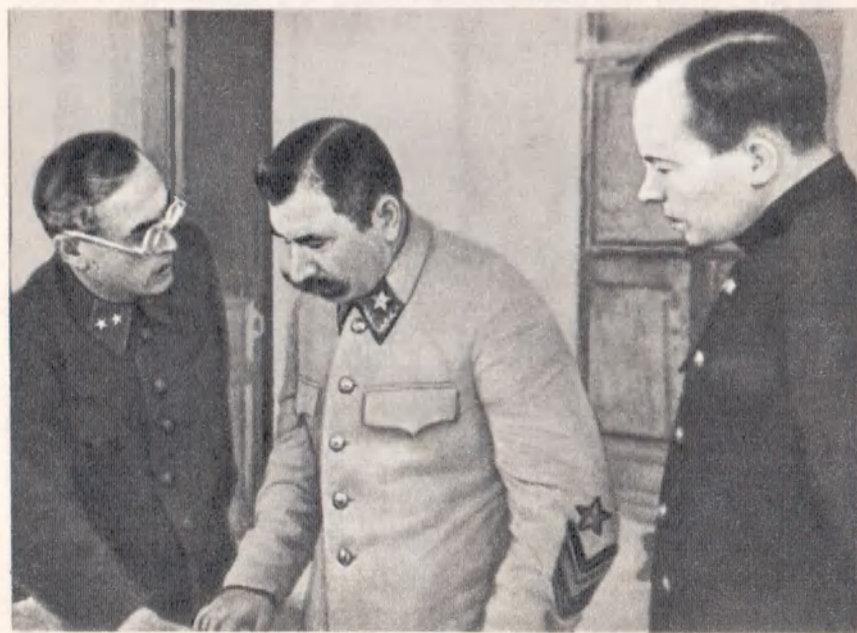
На открытии одного из лагерей Московского военного округа. Слева секретарь МГК ВКП (б), член Военного совета округа А. С. Щербаков. Май 1939 г.

На учениях войск Московского военного округа. Сентябрь 1940 г.

Командующий Северо-Кавказским направлением Маршал Советского Союза С. М. Буденный в штабе 56-й армии. Слева командующий армией генерал-майор А. И. Рыжов.

В войсках Северо-Кавказского направления.

А. М. Василевский и С. М. Буденный на Южном фронте. Сентябрь 1943 г.

С. М. Буденный передает представителям трудящихся Сталинграда меч — дар короля Великобритании Георга VI. Москва, 2 февраля 1944 г.

Берлин, май 1945 г.

стянец, Каменка. Разрешение было получено, и отход осуществлен. Вскоре, однако, положение опять обострилось. Маршал был вынужден вновь просить Ставку разрешить отход войск на рубеж Звенигородка, Рошково. И на этот раз был получен положительный ответ. Для обеспечения отхода главком потребовал, как и в предыдущих случаях, чтобы отходящие армии провели контратаки и контрудары по обходящим группировкам врага*.

Для кардинального изменения обстановки на этом участке советско-германского фронта нужны были крупные резервы сухопутных войск и авиации. Но таковых во фронтах и в распоряжении главнокомандующего войсками направления не было. Между тем с выходом противника к Днепру нужда в резервах обострилась до крайности. 5 августа С. М. Буденный доложил начальнику Генерального штаба: на участке Корсунь-Шевченковский, Первомайск протяженностью 160 км наших войск нет и противник овладел Кировоградом.

В конце июля 1941 г. Ставка Верховного Командования уведомила С. М. Буденного о выделении в его распоряжение 19 стрелковых и 5 кавалерийских дивизий, формируемых в Харьковском и Одесском военных округах. Сроки готовности дивизий растягивались почти на месяц, и, как оказалось по их прибытии на фронт, они были слабо вооружены артиллерией и стрелковым оружием, средствами связи, инженерным и интендантским имуществом. Главком и его штаб приняли меры, чтобы обеспечить их из местных средств. Помню, маршал С. М. Буденный обратился по этому вопросу в областные партийные и советские органы. Прекрасно понимая обстановку и нужды формируемых войск, они развернули большую работу по их обеспечению, и результаты были хорошие. Одновременно под руководством С. М. Буденного разворачивалась работа по формированию дивизий народного ополчения. Одна из них — Кременчугская ополченческая дивизия — участвовала в боях за родной город и не позволила противнику с ходу овладеть переправой через Днепр.

Благодаря деятельности Военного совета Юго-Западного направления, личным усилиям главкома, а также энергичной работе местных партийных и советских органов удалось ускорить формирование резервных соединений и в начале августа приступить к созданию двух армий, по одной для каждого фронта.

Вместе с тем обстановка сложилась таким образом, что левый берег Днепра от Черкасс до Днепропетровска протяженностью почти 300 км оказался открытым. Вскоре, однако, этот участок был прикрыт вновь созданной 38-й армией под командованием генерал-лейтенанта Д. И. Рябышева, соратника маршала по Первой Конной, и резервной армией под командованием генерала Н. Е. Чибисова.

* См.: Военно-исторический журнал, 1978, № 4, с. 67—68.

В середине августа резко усложнилось руководство оборонной Одессы, в связи с этим Отдельная Приморская армия с 19 августа вошла в подчинение командующего Черноморским флотом.

В тот же день главком получил директиву Верховного Главнокомандования — первую за полтора месяца существования нашего направления. В ней давалась характеристика оперативной стратегической обстановки на Украине и сообщались предположения о направлениях вероятных действий противника. Директива требовала: силами Юго-Западного фронта оборонять восточный берег Днепра от Лоева до Перевалочной, во что бы то ни стало удержать Киев и одновременно прикрыть направления на Чернигов, Конотоп, Харьков. Южному фронту приказывалось занять оборону от Перевалочной до Херсона.

Во второй половине августа положение на фронтах Юго-Западного направления продолжало ухудшаться. Еще в середине августа в штабе главкома накопились данные о неблагоприятном положении войск соседа на гомельско-черниговском направлении, и по просьбе С. М. Буденного на этом крыле с разрешения Ставки была проведена перегруппировка войск и отвод их за Днепр. Однако угрожающая обстановка возникла не только на правом крыле, но и на стыке фронтов. Войска Южного фронта, напрягая последние силы, сдерживали натиск превосходящих сил врага и тем предотвращали угрозу Крыму, а значит, и Севастополю. В то время, когда войска 9-й, 18-й и резервной армий сражались на Днепре, Отдельная Приморская армия, полностью отрезанная от войск Южного фронта, отходила в район Одессы. По сообщениям, поступавшим по разным каналам в штаб направления, мы знали, что фашисты поставили задачу овладеть городом с ходу.

Складывавшаяся обстановка и богатый боевой опыт главкома определяли содержание, основные направления, формы и методы его деятельности. Главком направления требовал от подчиненных ему войск стойко удерживать обороняемые рубежи, драться за каждый населенный пункт. Он требовал от командующих фронтами и армиями активными действиями на флангах не допускать охвата и окружения своих войск, шире применять ночные контратаки. Требовал во что бы то ни стало удержать Киев и Одессу, не допустить врага на восточный берег Днепра.

Войска фронтов сражались с небывалым упорством. Однако значительное превосходство противника в силах и средствах, особенно в подвижных войсках и в авиации, позволяло ему, несмотря на большие потери, на ряде участков обходить и окружать наши войска. В критических ситуациях, при невозможности удерживать занимаемые рубежи, главком испрашивал разрешения Ставки на отвод войск, сохраняя тем самым живую силу и боевую технику для последующих действий против наступавшего врага.

Дальше события на фронтах Юго-Западного направления развивались так.

31 августа немецко-фашистские войска форсировали Днепр юго-восточнее Кременчуга. Главком направления сразу же выехал в 38-ю армию, где установил отсутствие должного руководства действиями войск со стороны армейского командования. Вскоре по его требованию в армию была направлена группа начальствующего состава во главе с заместителем начальника штаба фронта генерал-майором Иваном Христофоровичем Баграмяном. В командование Южным фронтом вступил генерал-лейтенант Д. И. Рябышев, а резервной армией — генерал-майор Р. Я. Малиновский. Положение войск Южного фронта осложнилось и тем, что противнику при подавляющем перевесе сил удалось овладеть мостом через Днепр у Днепропетровска, создать на этом участке и у Каховки плацдармы...

Таким образом, С. М. Буденному пришлось руководить крупными оборонительными операциями в невыгодной стратегической обстановке. К сентябрю против войск Юго-Западного направления немецко-фашистское командование полностью развернуло четыре немецкие полевые армии, две танковые группы, две румынские армии, венгерский, словацкий и итальянский корпус. Эта группировка поддерживалась сильной авиацией. На Юго-Западном фронте создалась крайне опасная обстановка, требовавшая немедленного решения: или продолжать оборону Киева и территории, прилегающей к левому берегу Днепра, и оказаться в окружении, или попытаться путем быстрого отхода избежать окружения и занять оборону на выгодном рубеже. Верховное Главнокомандование придерживалось тактики жесткого, упорного сопротивления на занимаемых рубежах, при этом иногда не учитывались конкретная обстановка и соотношение сил своих войск и противника.

В эти два дня, с 8 по 10 сентября, главком против обыкновения нервничал, чувствовалось, что он очень встревожен. 10 сентября начальник Генерального штаба передал распоряжение Ставки: направить из резерва 2-й кавалерийский корпус в состав Брянского фронта для закрытия прорыва в районе Конотоп, Новгород-Северский. С. М. Буденный ответил, что корпус нужен на днепровском направлении, где на 60-километровом участке находится одна лишь стрелковая дивизия. Ставка не согласилась с его возражениями. Однако обстановка настолько обострилась, что выполнить это распоряжение не удалось.

Кстати, здесь следует отметить, что, когда Ставкой было принято решение о расформировании управлений всех корпусов, С. М. Буденный немедленно возбудил ходатайство о сохранении их в коннице. Дважды он получил отказ, но вновь настаивал на своем. Маршал доказывал, что ликвидация корпусных управлений приведет к распылению конницы и она из оперативного средства превратится в тактическое. Наконец ходатайство С. М. Буденного было удовлетворено, и кавкорпуса успешно воевали до конца войны.

К. С. ГРУШЕВОЙ,
генерал-полковник

Военный совет Юго-Западного фронта в связи с прорывом противника в районе Ромны, Гайворон и отсутствием резервов обратился в Ставку с просьбой разрешить вывести войска из Киевского укрепленного района и санкционировать отход войск фронта на подготовленные тыловые рубежи по реке Псел, но получил отказ. Главком С. М. Буденный решительно поддержал просьбу Военного совета Юго-Западного фронта. В крайнем случае, сообщал он в Ставку, если вопрос с отводом наших войск не может быть пересмотрен, разрешить вывести хотя бы войска и боевую технику из Киевского укрепрайона. Но в переговорах по прямому проводу И. В. Сталин отклонил эту просьбу и потребовал Киева не оставлять и мостов не взрывать...

13 сентября в штаб Юго-Западного направления прибыл Маршал Советского Союза Семен Константинович Тимошенко. Поздоровавшись с присутствующими, оба маршала удалились в отдельную комнату. Часа через два они вернулись, и С. М. Буденный объявил, что убывает в Москву и что главнокомандующим войсками Юго-Западного направления назначен маршал Тимошенко.

Так прервалась моя военная служба под непосредственным руководством замечательного человека, мужественного и стойкого военачальника и полководца.

В военном искусстве ведение операций с отступлением войск всегда считалось трудным делом. На долю маршала С. М. Буденного выпала эта тяжелая участь. В каждой из этих и других подобных операциях противник добивался успеха ценою крупных потерь, силы его истощались, снижался темп продвижения.

В то же время наши войска постепенно наращивали сопротивление и наносили врагу все более ощутимые удары. Так было и в боях под Москвой, где С. М. Буденный командовал войсками Резервного фронта. Руководимые маршалом Буденным войска с честью выдержали тяжелые испытания, внося свой вклад в общее дело разгрома врага, который, имея многократное превосходство в живой силе и технике, стремился овладеть Москвой.

Весной 1942 года, когда сложилась напряженная обстановка на Дону, маршалу С. М. Буденному было поручено руководство Северо-Кавказским направлением, а позже Северо-Кавказским фронтом. В итоге ожесточенной и продолжительной битвы за Кавказ план немецко-фашистского командования провалился, и в этом значительная заслуга принадлежит Семену Михайловичу Буденному.

Не так долго служил я под командованием Маршала Советского Союза С. М. Буденного. Это было время суровых испытаний, испытаний на прочность для каждого из нас. И в тот тяжелый для Родины час С. М. Буденный показал себя истинным ленинцем, принципиальным и знающим военачальником, служил для нас образцом исполнения воинского долга.

Чем дальше в глубь истории уходит грозное время, тем весомее, значительнее и величественнее видится то, что происходило в годы Великой Отечественной войны. Когда я думаю об этом, то вспоминаю и свои встречи с Семеном Михайловичем на легендарных рубежах Днепропетровщины и Сталинграда...

Шли последние дни августа 1941 года. Продолжались тяжелые бои за правобережную часть Днепропетровска.

На заседании Военного совета резервной армии, которой командовал генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов, обсуждались вопросы обороны города Днепропетровска. Присутствовали заместитель начальника политуправления Южного фронта Л. И. Брежнев, член Военного совета фронта С. Б. Задюпченко, командующий Южным фронтом И. В. Тюленев и другие ответственные руководители фронта и армии.

В момент, когда на Военном совете обсуждались меры, которые необходимо принять для отражения наступающего врага, раздался телефонный звонок. Тюленев снял трубку.

— Да, это я, товарищ маршал! — громко произнес Тюленев, жестом призывая всех соблюдать тишину. — Да, слышу вас хорошо... Слушаюсь!

Командующий фронтом стал докладывать обстановку. Он сказал, что войска резервной армии ведут активную оборону, принимая тактические контратаки в направлении Краснополя и на Запорожском шоссе.

Затем внимательно выслушал собеседника:

— Понял, товарищ маршал! Будет выполнено!.. Буду докладывать, товарищ маршал! — Тюленев положил трубку: — Звонил главнокомандующий Юго-Западным направлением Маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный. Он передал приказ Верховного Главнокомандующего товарища Сталина ни в коем случае Днепропетровск не сдавать. Доведите этот приказ до сведения всех бойцов и командиров, — обратился он к генералу Чибисову. — Ни шагу назад! Днепропетровск надо удержать любой ценой!

В разгар боев стало известно, что на базе резервной армии создаются 6-я и 12-я армии, что Р. Я. Малиновский назначен командующим 6-й армией, а И. И. Ларин — членом Военного совета. Командующий фронтом И. В. Тюленев, находившийся на левом берегу Днепра, обратился ко мне с просьбой помочь командованию армии разместить штаб 6-й армии в Новомосковске, расположенном в двадцати километрах восточнее Днепропетровска.

Штаб 6-й армии разместился в здании новомосковской средней школы и в соседних с ней домиках. Сентябрьским днем мы снова прибыли в штаб 6-й армии (вместе с председателем Дне-

пропетровского облисполкома П. А. Найденовым). Заместитель начальника политотдела армии полковой комиссар Ф. Я. Лисицын сообщил, что в армию приехал Маршал Советского Союза С. М. Буденный и что сейчас он находится у командующего. Мы зашли в кабинет генерала Р. Я. Малиновского.

Семен Михайлович узнал меня.

— А! Секретарь... По телефону-то говорили, а не виделись с прошлого года. Учения помнишь?

Маршал имел в виду военные учения сорокового года, проводившиеся в Новомосковских лагерях. Тогда он приезжал в Днепрпетровск и побывал у нас в обкоме.

— Да, война, брат, это тебе не учения, — сказал Семен Михайлович. — Тут ошибки не прощаются. Тут за ошибки беспощадно бьют. И на звания не смотрят... Обком-то где?

— Обком и все областные учреждения эвакуированы в Павлоград.

— Павлоград! Знаю, знаю этот город. Был там еще в гражданскую войну — стоял со своим штабом. Как с эвакуацией людей и заводов? Все вывезли?

— К сожалению, товарищ маршал, вывезти все не сумели. Но основное оборудование и большое количество людей эвакуировали.

— И это хорошо... Только вот правобережье сдавать нельзя было! Не имели права сдавать!

Мы с Найденовым молчали.

— Теперь главное — немцев за Днепр не пустить, — сказал после паузы маршал. — Кстати, секретарь, где артиллеристы-зенитчики, о которых ты говорил в июле?

Я объяснил: зенитные дивизионы вошли в состав полка ПВО, которым командует майор Рутковский.

— Ну и как они?

— Полк майора Рутковского, как мне докладывали, воюет хорошо, — подключился к разговору Малиновский. — На его счету и сожженные танки, и пятнадцать сбитых самолетов противника.

— Хорошо, да мало! — возразил маршал. — Каждого фашиста сбивать надо.

Он глянул в окно, и все невольно посмотрели туда же, на безоблачное небо.

— Ничего! Еще будем сбивать, — уверенно произнес Буденный. — Будем!

17 октября 1941 года по решению ЦК КП(б)У и Военного совета Южного фронта я был назначен уполномоченным Военного совета Южного фронта и сразу же выехал в Сталинград для оказания помощи сталинградцам в организации сверхпланового выпуска вооружения, боеприпасов и различного снаряжения для войск Южного фронта.

Сталинградцы работали в тяжелейших условиях, но энтузиазм их был так высок, что они делали невозможное возмож-

ным — наладили ремонт танков, двигателей, изготавливали различные приборы. Наша группа включилась в активную работу по организации и изготовлению военной продукции. Выполняя просьбу Военного совета Южного фронта, обком партии организовал производство ручных гранат на таком мирном в прошлом предприятии, как Сталинградский консервный завод. Инженеры-конструкторы завода «Баррикады» сконструировали оригинальный беззвучный гранатометатель, на СТЗ придумали особую винтовочную мортирку, с помощью которой можно было забрасывать на большие расстояния бутылки с зажигательной смесью для поджигания вражеских танков. Многие предприятия шили обмундирование. И всеми этими вопросами занималась наша группа.

Вскоре в Сталинград прибыл представитель Ставки Верховного Главнокомандования маршал С. М. Буденный. Встретились мы как старые знакомые, но досадный случай чуть было не омрачил нашу встречу. А дело обстояло так.

Был в области завод, носивший имя С. М. Буденного. Продукция этого завода распределялась лишь по парям из Москвы. Южному фронту отпускаемых минометов не хватало, и Сталинградский обком наладил их дополнительный выпуск на одном из местных заводов — на заводе имени Сакко и Ванцетти. Всю продукцию отсюда отправляли только Южному фронту. Металл удалось разыскать на месте, а вот прицелов не было. Чтобы добыть их, надо было поехать в Куйбышев, где находился в то время Совнарком СССР, который непосредственно распределял самую дефицитную продукцию военного производства. Находясь в затруднительном положении, мы командировали в Куйбышев своего представителя. Он встретил там полное понимание и довольно быстро доставил в Сталинград целый товарный вагон с прицелами. Мы обрадовались такой удаче. Между тем, прослышав о появлении на заводе имени Сакко и Ванцетти вагона с прицелами, адъютант маршала явился туда и потребовал, чтобы этот вагон немедленно переправили на завод имени Буденного.

Начальник караула не выполнил это указание, ссылаясь на то, что подчиняется только уполномоченному Южного фронта Грушевому. Об этом доложили маршалу С. М. Буденному. И доложили, видимо, тенденциозно.

Я в то время находился на Сталинградском тракторном заводе и только вечером появился в обкоме партии.

Открыв дверь в комнату, где мы работали, я увидел одного из членов нашей группы — военинженера 3 ранга Вавилова, который с растерянным видом прижимал к уху телефонную трубку. Завидев меня, Вавилов облегченно вздохнул и громко произнес:

— Передаю трубку товарищу Грушевому. — Зажав ладонью микрофон, он торопливо зашептал: — Маршал Буденный... Очень сердит...

Выслушав мое приветствие, Семен Михайлович Буденный сухим, сугубо официальным тоном приказал отложить все дела и немедленно явиться к нему в поезд, стоявший в одном из тупиков железнодорожной станции Сталинграда. Выйдя из обкома, я встретил товарища Щелокова и предложил ему пойти со мной к маршалу.

Ночь. Холод. На путях перекликаются паровозы. Лязгают буфера формируемых составов. Тускло светят фонари стрелок. Шагая через рельсы, пробираясь через площадки товарных порожняков, спотыкаясь впотьмах о комья мерзлой земли, добрался до поезда маршала. Нашел салон-вагон. Часовой вызвал порученца. Тот появился в освещенном проеме двери:

— Товарищ Грушевой? Входите...

В салон-вагоне тепло и светло. Ярко блестит медь поручней, прутьев оконных занавесок, дверных ручек. Ковровые дорожки скрадывают шум шагов.

Буденный стоял у рабочего стола. Среднего роста, густые усы взрывают, широкие брови сведены. Для своих 58 лет маршал выглядел удивительно молодо, был подтянут, я бы сказал, строен. Обернувшись, он шагнул навстречу нам:

— Явились! Потрудитесь доложить, что у вас происходит.

Оправдываться, если ты ни в чем не виноват, не приходится. Я сказал об этом маршалу, а затем представил ему Николая Анисимовича Щелокова.

— А почему ваши люди недисциплинированы? Кто дал право распоряжаться военной продукцией? — обрушил град сердитых упреков Буденный.

— Видимо, произошло недоразумение, товарищ маршал! Я распоряжаюсь только той продукцией, что получена для Южного фронта...

— А кто сказал, что прицелы предназначены Южному фронту? Откуда это известно?

— Товарищ маршал, но ведь это прицелы к минометам, которые выпускаются специально для Южного фронта! За ними я посылаю нашего работника товарища Щелокова в Куйбышев! Вагон им доставлен оттуда.

— А мне почему не так доложили?!

— Не знаю, товарищ маршал. Ваш адъютант не назвался, а часовой получил приказ без моего указания прицелов никому не выдавать.

— Что значит «без вашего указания»?! Почему вы мне не доложили, что есть прицелы? Можно ли в такой обстановке думать только о нуждах Южного фронта? Разве вы не знали положение дел с этими деталями на другом заводе?

— Знал. Очевидно, по первой же просьбе товарищей мы могли бы...

— А моего адъютанта, полковника, даже к вагону не подпустили!

— Товарищ Маршал Советского Союза, если бы часовой не выполнил приказ начальника караула, я бы подверг его строжайшему дисциплинарному наказанию!

Буденный в упор посмотрел на меня, крутанул ус и вдруг рассмеялся:

— Ну и правильно бы сделал! Часовой молодец! А вот ты обязан был сразу доложить о прицелах мне!

— Видимо, тут я виноват, товарищ маршал.

— То-то, «виноват»...— Переход на «ты» означал, что С. М. Буденный сменил гнев на милость.— В следующий раз не ошибайся. А вагон с прицелами передайте моему посланцу. Прицелы пойдут на минометный завод.

— Слушаюсь, товарищ маршал. Но я обязан буду сообщить в соответствующие инстанции, что прицелы взяты вами.

— Я сам сообщу!

— Тогда, пожалуйста, товарищ маршал, сообщите об этом заодно и Военному совету Южного фронта. А то спросят с меня...

Буденный, отошедший было к столу, снова круто обернулся, на какое-то мгновение нахмурился, но потом лишь покачал головой.

— И спросят,— уже спокойнее сказал он.— Обязательно спросят. Однако садись, секретарь. Расскажи-ка подробнее, что это за минометный завод у вас появился. Не торопись. Докладывай обстоятельно.

Я рассказал о выпуске минометов на местном заводе.

Маршал призадумался.

— Выходит, вы дело делаете,— сказал он.— Надо будет разумно распределить прицелы...

Подсчитав возможности обоих заводов, Буденный приказал разделить полученные прицелы поровну.

— А теперь чайку выпьем,— предложил он.— Садись, секретарь...

Принесли чай.

— Мы сколько с тобой знакомы? — спросил С. М. Буденный.— С маневров сорокового года?

— Это вы со мной знакомы с сорокового года, товарищ маршал. А я с вами познакомился много раньше!

— По фотографии?

— Нет, зачем. Я имею в виду почти личное знакомство...

С. М. Буденный поставил стакан:

— Загадки загадываешь, секретарь?

— Нет!.. Товарищ маршал, вы помните город Проскуров?

— Конечно, помню.

— Помните, в девятьсот двадцать четвертом вы приезжали туда с комкором Кашириным?

— Так-так-так...— оживился С. М. Буденный.— Было! В Проскурове стоял штаб Первой Червоноказачьей дивизии. Из корпуса Примакова. Точно! А Каширин прибыл сменить Примакова. Было! Ну-ну, продолжай!

— А помните конноспортивный праздник в Проскурове, товарищ маршал?

— Да что ты все вопросы задаешь? У меня память хорошая. Скажи, откуда ты это знаешь?

— Как же не знать, товарищ маршал, когда я в Первой Червоноказахьей тогда служил. Был комсомольским активистом. А весь актив на командирскую трибуну пригласили, и вы с каждым из нас за руку поздоровались. Вот тогда я с вами и познакомился!

— Так ты, выходит, в кавалерии служил! — воскликнул С. М. Буденный. — Ну, а коней-то любишь? Не забыл, с какой стороны на коня садятся?

— Забыть не забыл, товарищ маршал. Слева, конечно, но верхом давно не ездил.

— Зря... Да!.. И вообще, случается, коня недооценивают. А его крепко любить нужно. Хороший конь — это друг! Еще какой! Умный друг! Сам погибнет, а хозяина выручит!..

Буденный, к слову, вспомнил случай времен гражданской войны. Я его запомнил и хочу рассказать.

Шел бой с белыми у станицы Ляпичево. Наши брали верх. Буденный наблюдал за ходом боя. Из станицы выскочил вдруг всадник на рослом скакуне. Погопов всадника С. М. Буденный не мог различить, не знал, кто этот всадник (впоследствии пленные показали, что всадником был генерал Толкушкин), но коня рассмотрел. Прекрасный был конь! Сердце командарма не выдержало. В мгновение ока оказался в седле и — в погоню!

Вскоре мчались по равнине к Дону лишь два всадника — С. М. Буденный и Толкушкин. Остальные отстали. Но догнать белого генерала никак не удавалось: выручал Толкушкина резвый конь.

Вот и Дон. Он только-только подмерз, лед тонок, не выдержит лошадь и всадника. Толкушкину падо свернуть. Но страх сильнее доводов рассудка: оглянувшись раз-другой, белогвардейский генерал не повернул коня, а направил прямо в реку.

Буденный вздыбил скакуна на кромке берега. Он видел, как конь Толкушкина уходит в пробитую корпусом польню, а Толкушкин, перелетев через голову лошади, по инерции катится к противоположному берегу. Течение волокло генеральского коня под лед, он жалобно ржал, и вода сомкнулась над темной гривой!..

Закончив рассказ, С. М. Буденный все приговаривал:

— Вот был конь, так конь! Чудо-конь! Красавец, легкий как ветер!..

Вспомнил С. М. Буденный и другого знаменитого коня. Того самого Цилиндра, которого подарил Семену Михайловичу в 1920 году ревком Севастополя. По легенде, именно на этом коне предполагал Врангель совершить торжественный въезд в «матушку-Москву белокаменную, освобожденную от большевиков».

— Конь белоснежный был, — рассказывал С. М. Буденный. — Как сахар. Чистокровный арабский скакун. Со Стрелецкого го-

сударственного конного завода. У меня снимок есть. Покажу когда-нибудь.

Показать мне этот снимок в Сталинграде маршалу не пришлось. Но в 1968 году С. М. Буденный вспомнил свое обещание и подарил мне фотографию, где запечатлен верхом на Цилиндре, действительно очень породистом и красивом скакуне...

Так за чаем и воспоминаниями закончилась встреча в салоне вагона маршала.

Помню еще одну встречу. Было это во время испытания противотанковых гранат. Южный фронт в то время остро ощущал недостаток противотанковых средств. Однажды мне позвонил Л. Р. Корниец и поинтересовался, не сможем ли мы в самые краткие сроки наладить выпуск противотанковых гранат.

Обратились к инженерам консервного завода: нужно помочь фронту!

— Если надо, что-нибудь придумаем.

И придумали.

Инженеры предложили сделать своеобразную «приставку» к обычным ручным гранатам — РГД, которые состояли на вооружении в 1941 году. «Приставка» делалась из банки, предназначавшейся в обычных условиях для килограмма абрикосового конфитюра. В крышке банки прорезалось отверстие по диаметру РГД, а в отверстие вставлялся жестяной цилиндр по высоте РГД. Сама же банка заполнялась взрывчаткой.

Общезвестно, что противотанковые гранаты являются гранатами ударного действия. Эта же, предположенная инженерами завода, оставалась обычной ручной дистанционной гранатой, но усиленной массой взрывчатого вещества.

Оправдает ли себя эта новинка? Сможет ли она подрывать танки? Ответ на вопрос могли дать только испытания.

На испытания, которые проводились во дворе завода, собрались все инженеры, пришла и наша группа, приехал маршал С. М. Буденный.

Метатели гранат расположились в специально отрытых на заводском дворе щелях, метрах в двадцати от подогнанного сюда трактора ХТЗ, все остальные отошли в дальний угол двора.

— Начинайте!

Взлетела и, не долетев до трактора, упала первая граната. Секунда, другая... Взрыв. Вспышка пламени, клубы дыма...

— Силенок не хватило! — усмехнулся Буденный.

Вторая граната ударила о трактор и упала рядом, снова не причинив ему вреда. Инженеры нервничали. Но вот третья граната ударила точно в траки трактора. Взрыв разворотил правую гусеницу. Она свалилась на землю.

— Неплохо, неплохо! — сказал С. М. Буденный. — А ну, еще разок!

Все, кто присутствовал на испытаниях, укрылись в щелях, и снова граната ударила в траки, прорвав на этот раз левую гусеницу.

— Что ж, молодцы! — похвалил маршал.

В послевоенные годы я много раз встречался с Семеном Михайловичем Буденным, но наиболее крепко запечатлелись в памяти встречи с выдающимся советским полководцем на легендарных огненных рубежах великой русской реки Волги, там, где в боевом восемнадцатом начал свой победный боевой путь «самый лучший кавалерийский начальник в мире», как сказал о нем Владимир Ильич Ленин еще в годы гражданской войны.

ПАРАД СОРОК ПЕРВОГО ГОДА

П. А. АРТЕМЬЕВ,
генерал-полковник в отставке

Я хорошо знал Семена Михайловича еще в довоенные годы, по особенно часто мне приходилось встречаться с ним осенью памятного тысяча девятьсот сорок первого года, в дни подготовки и проведения традиционного парада войск Московского гарнизона, посвященного 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Мне как командующему войсками Московского военного округа было приказано командовать этим необычным парадом, принимать парад было поручено Семену Михайловичу Буденному. В моей памяти отчетливо запечатлелись все, даже и не очень существенные, моменты из того теперь уже далекого времени и тот исторический, поистине легендарный парад.

В последних числах октября, выслушав очередной доклад об укреплении Московской зоны обороны, И. В. Сталин заинтересовался, собираемся ли мы проводить парад войск Московского гарнизона в ознаменование 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Сославшись на обстановку, я высказал сомнение в целесообразности проведения этого парада. Кроме того, участвовать в параде могла только пехота, так как артиллерийские части стояли на огневых позициях, а танков вообще не было в гарнизоне.

Подчеркнув политическую значимость проведения парада именно сейчас, И. В. Сталин приказал: парад 7 ноября провести, артиллерию с помощью начальника Главного артиллерийского управления генерал-полковника Н. Д. Яковлева найти, танки найти тоже. Было решено: подготовку к параду вести в строжайшей тайне. Мне было объявлено, что парад будет принимать Маршал Советского Союза С. М. Буденный.

На следующий день после этого разговора в Ставке мы с первым секретарем МК и МК ВКП(б) А. С. Щербаковым стали поодиночке вызывать командиров частей, которые должны были участвовать в параде. В их число входили: баталь-

оны курсантов училищ имени Верховного Совета РСФСР, Окружного военно-политического и артиллерийского, полки 2-й Московской стрелковой дивизии, 332-й Ивановской имени М. В. Фрунзе дивизии, стрелковый полк дивизии особого назначения имени Ф. Э. Дзержинского, Московский флотский экипаж, Особый батальон Военного совета Московского военного округа и Московской зоны обороны, батальон бывших красногвардейцев-ветеранов, два батальона Всевобуча, моторизованные части, артиллерийские полки Московской зоны обороны, сводный зенитный полк ПВО, танковые батальоны резерва Ставки.

Мы сообщили командирам, что москвичам хочется посмотреть на военные части, отправляющиеся на фронт. Поэтому Военный совет зоны предполагает примерно в середине ноября в районе Крымского моста провести небольшой военный парад. Так как времени остается очень мало, надо обратить особое внимание на строевую подготовку.

— Уж вы постарайтесь, товарищи, — говорил им А. С. Щербаков.

Нелегко было организовать этот парад из вновь сформированных частей без обычной тщательной подготовки. Артиллерийские части придут прямо с огневых позиций. Танковые батальоны, только что разгрузившиеся с платформ, должны были точно знать свое место в построении, порядок прохождения. Кроме того, если раньше части выходили на парад без боеприпасов, то на этот раз в полном вооружении, чтобы в случае надобности вступить в бой без промедления. Очень тщательно и всесторонне продумывались меры воздушного прикрытия Москвы, парада. 550 самолетов стояло на аэродромах в готовности номер один.

Еще во время беседы в Ставке я спросил: «Как действовать, если утром 7 ноября враг совершит налет на Москву?» Ответ был короток: «Надо принять все меры, чтобы ни один фашистский самолет не проник в московское небо. Но если все же это случится, парад ни в коем случае не отменять».

Короче говоря, времени на подготовку такого грандиозного мероприятия было мало, к тому же вся эта работа проводилась, как я уже отмечал, в строжайшей тайне. День парада приближался.

И вот однажды вызывает меня к себе Семен Михайлович и как бы в шутку говорит:

— Что же это вы, товарищ командующий парадом, секретничаете? Не докладываете, как идет подготовка столь ответственного задания Центрального Комитета партии и Советского правительства...

Из дальнейшей беседы мне стало ясно, что Семен Михайлович уже многое продумал и сделал для наиболее тщательной подготовки к параду, наметил и меры безопасности.

Он рассказал, что как-то в конце октября, когда он был на Западном фронте, его вызвала к телефону Москва. У аппарата

был И. В. Сталин, он предложил Буденному срочно приехать в Москву для выполнения важного поручения.

«На другой день,— рассказывал маршал,— я был в Ставке. Поздоровавшись, Сталин сказал:

— Мы собираемся провести 7 ноября в Москве военный парад. Что вы на это скажете? Парад мы проведем обязательно,— как бы рассуждая сам с собой, повторил Сталин.— Мы с вами, Семен Михайлович, разделим обязанности принимающего парад: вы объедете и поздравите войска, а я скажу небольшую речь. Согласны?

— Буду рад выполнить это поручение,— быстро ответил я.

— Хорошо. Подумайте с Артемьевым, какие нужно принять меры предосторожности против вражеских провокаций, особенно с воздуха, и сделайте все, чтобы это был настоящий большой парад войск Московского гарнизона».

И такие меры были приняты. Семен Михайлович поехал на аэродромы к летчикам-истребителям, которые в те дни охраняли воздушные рубежи столицы. Сказать им о параде прямо он не мог. И он обратился к собравшимся летчикам с просьбой: 7 ноября — наш великий народный революционный праздник, нельзя допустить, чтобы в этот день фашистские самолеты сбросили на Москву бомбы.

— Не пропустим к Москве! Если нужно, будем таранить,— заявили С. М. Буденному летчики.

Потом Семен Михайлович назначил мне, как командующему парадом, время для инструктажа. Все это происходило ночью, в сопровождении только наших адъютантов. Он сам все показал: где, когда и как он будет въезжать на Красную площадь, где и как будет отдаваться рапорт, обсудили и другие практические вопросы. Указания его были исчерпывающие и предельно ясные.

Мы строго выполняли приказ Ставки, и вплоть до позднего вечера 6 ноября командиры и личный состав частей, отобранных для парада, так и не знали, что они будут участвовать в параде на Красной площади, пройдут церемониальным маршем перед Мавзолеем В. И. Ленина. Только после торжественного собрания на станции метро «Маяковская» мне было разрешено сообщить командирам частей об истинной их задаче. Помню, как засветились лица людей, когда я сообщил эту весть, какая радость заплескалась в глазах, с какой готовностью слушали они указания.

Итак, подготовительный этап завершился, все до мелочей продумано, войска отобраны. Завтра — парад. Провести его надо на высшем уровне, чтобы парад стал вдохновляющим для всех защитников Москвы. Именно в эти дни здесь, на полях Подмосковья, должен был решиться вопрос кто кого. Уже не только Москва, но вся страна сошлась к древним стенам Кремля: казахи и украинцы, русские и латыши — братья одной семьи. И традиционный праздничный парад 7 ноября должен был показать всему миру, что, несмотря на временные неудачи, враг

не нарушил основы жизни нашего государства, что страна, как обычно, торжественно отмечает свой праздник — 24-ю годовщину Великого Октября.

Семен Михайлович Буденный не скрывал от нас, что утром 7 ноября он переживал светлые и радостные минуты. И все мы, кто находился рядом с ним, тоже гордились выпавшим на нашу долю счастьем. Ведь нам было известно, что в Берлине уже составлялась программа победного парада в Москве, печатались приглашения для встречи в Москве нового, 1942 года, но...

7 ноября 1941 года, как всегда, несмотря ни на что, на Красной площади состоялся НАШ парад. Суровый, строгий, поистине военный парад, не расцвеченный цветами и флагами,— парад в осажденной столице.

За несколько минут до 8.00 в эфире прозвучал знакомый голос Ю. Левитана: «Внимание! Работают все радиостанции Советского Союза! Центральная радиостанция Москвы начинает передачу с Красной площади парада частей Красной Армии, посвященного 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции».

По-особому торжественно в это историческое утро Красная площадь. Выпавшей ночью обильный снег запорошил древние стены Кремля и гранитные трибуны, протянувшиеся по обе стороны Мавзолея В. И. Ленина, тронул сединой здания, окаймляющие площадь. Дул резкий холодный ветер. Но собравшиеся на гранитных трибунах гости не ощущали холода...

По всей площади от Москворецкого моста до здания Исторического музея стоят войска. Недвижны прямоугольники рот и батальонов. Свиристый ветер поднимает в воздух морозную пыль. На примкнутых штыках оседают белые иглы ипея. Геометрически ровна цепочка охранения. Войска ждут.

Часы Спасской башни гулко бросили на площадь восемь ударов.

— Парад, смирно! — тотчас подаю команду.

Сразу же из ворот Спасской башни на добром, красивом и резвом коне выезжает заместитель Народного комиссара обороны СССР Маршал Советского Союза С. М. Буденный. Трибуны встретили его аплодисментами. Я отрапортовал маршалу:

— Товарищ заместитель Народного комиссара обороны! Войска Московского гарнизона для парада в честь двадцать четвертой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции построены! Командующий парадом генерал-лейтенант Артемьев...

Буденный скачет вдоль фронта, останавливается, и слышится:

— Здравствуйте, товарищи! Поздравляю вас с праздником Великой Октябрьской социалистической революции...

Грозовым «ура!» войска отвечают на его приветствие.

Много лет спустя С. М. Буденный вспоминал об этих минутах: «В колоннах стояли рядовые воины. Но в те минуты они мне казались чудо-богатырями. Красноармейцы дружно отвечали

на приветствия. «Ура» катилось по Красной площади, громкое, воинственное, клятвенное. Объехав войска, я поднялся на Мавзолей. Сталин подошел к микрофону и как всегда негромко, но с какой-то необычайной даже для него твердостью произнес речь, последние слова которой звучали напутствием партии воинам, прямо с Красной площади идущим на боевые позиции»*.

И в шеренгах войск, и на трибунах — на лицах всех, кому посчастливилось быть в этот день на Красной площади, было глубокое волнение, восторг. Громовое «ура!» покрывает заключительные слова И. В. Сталина. Могучее красноармейское приветствие гремит и перекачивается по огромной площади от края ее и до края. Грохочут выстрелы орудийного салюта, сводный оркестр торжественно и сильно играет «Интернационал».

Начинается торжественный марш частей, и Семен Михайлович Буденный с трибуны ленинского Мавзолея радостно и одобрительно смотрит на четко шагающие шеренги. Дробь барабанов сменяется походными мелодиями, военными песнями, рожденными еще в годы гражданской войны. Стройные колонны красноармейцев... Суровые и подтянутые, они и в самом деле напоминают русских богатырей, достойных своих великих предков.

Кончился марш пехоты. Оркестр меняет ритм и такт мелодий. Горнисты трубят кавалерийский сигнал. На площадь вступает кавалерия. На свежем снегу гарцуют эскадроны. Подобранные по мастям, резвые, упитанные кони. Ладно сидят в седлах кавалеристы, плывут по воздуху штандарты частей. За эскадронами с грохотом несутся пулеметные тачанки, запряженные белыми четверками, вызывая бурные рукоплескания трибун. Степенно и строго, равняясь по флангу, проходит моторизованная пехота, слышно катят автомобили с зенитными установками...

Кремлевские куранты мелодичным звоном отметили девять часов утра, а по площади все еще идет артиллерия — зенитная, противотанковая, тяжелая... Завершая марш советской военной техники, площадь заняли танки — их было 200!

Для участия в воздушном параде было подготовлено 300 самолетов разных типов. Однако из-за крайне неблагоприятной погоды его пришлось отложить.

Прохождением танков парад был закончен. Руководители партии и правительства покидали трибуны. С. М. Буденный позвал меня к себе и передал приглашение И. В. Сталина прибыть к нему на квартиру в Кремль. Так я оказался участником небольшого неофициального приема, который устроил Председатель Государственного Комитета Оборона И. В. Сталин, и был свидетелем оживленного обмена мнениями по поводу только что закончившегося величественного исторического парада. За обедом И. В. Сталин и С. М. Буденный вспоминали годы гражданской войны, предвоенные годы, много шутили.

* Известия, 1966, 6 ноября.

Мне было приятно сознавать, что под непосредственным руководством С. М. Буденного я справился с ответственным поручением ЦК партии и Советского правительства. Не скрывал законного чувства гордости и Семен Михайлович Буденный. «За свою долгую службу в армии, — вспоминал впоследствии С. М. Буденный о параде 7 ноября 1941 года, — я много раз участвовал в воинских парадах. Приходилось и командовать и принимать торжественные марши войск. Каждый из них оставил в моей памяти свои незабываемые черты. Но парад, о котором мне хочется поделиться своими воспоминаниями сегодня, был парад особый, парад легендарный. Он хранится в сердцах тех, кто шел тогда по Красной площади перед Ленинским Мавзолеем, с боевым оружием в руках, — он сохранится в сердцах грядущих поколений... Мне, старому солдату, выпало великое счастье — по поручению ЦК партии и Советского правительства принимать этот исторический парад...»*

ХАРАКТЕР СИЛЬНЫЙ, СМЕЛЫЙ

*И. А. ПЛИЕВ,
генерал армии,
дважды Герой Советского Союза*

Вся моя сознательная жизнь была связана с кавалерией, со службой в рядах кавалерийских частей и соединений, и поэтому мне хорошо известна не только биография Семена Михайловича Буденного, но и его характер. Это был характер сильный, смелый.

Впервые я увидел Семена Михайловича в Краснодаре, когда он приехал инспектировать кавалерийскую школу горских национальностей, в которой я учился. Но это было знакомство издавна: я — курсант школы, он — член Реввоенсовета СССР, помощник главкома по кавалерии.

Близко довелось познакомиться, а затем и подружиться с маршалом в первые месяцы Великой Отечественной войны. Я тогда командовал кавалерийской дивизией, которая защищала рубежи нашей столицы, а после гибели Л. М. Доватора меня назначили командиром 2-го гвардейского корпуса, в состав которого входила дивизия. Осенью 1941 года к нам, на передовые позиции, приехал Семен Михайлович.

Штаб наш стоял тогда в подмосковном селе Спас-Нуделе. Мы только что получили известие, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1941 года дивизия преобразована в 3-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию. В приказе отмечалось, что личный состав дивизии проявил на поле боя массовый героизм.

* Известия, 1966, 6 ноября.

Весть о прибытии к нам Семена Михайловича воодушевила личный состав. К тому же мы надеялись, что с помощью маршала Буденного можно будет решить некоторые важные вопросы комплектования и снабжения частей.

Мы тепло встретили Семена Михайловича в Спас-Нуделе. Он одобрительно отозвался о действиях гвардейцев-конников, в числе первых удостоенных почетного гвардейского звания. Однако подчеркнул, что опыт, полученный в первых боях, необходимо правильно использовать и развивать, что он пригодится нам в будущих, решающих наступательных операциях. Задача кавалерии, говорил он, смело прорываясь через линию вражеских фронтов, сокращать ближайший оперативный тыл врага, уничтожать его резервы, связь, запасы вооружения, техники, продовольствия и т. д.

— Тыл должен трещать по всем швам от лихих кавалерийских атак, по-настоящему гореть, — воодушевлял нас Семен Михайлович. — Но конница, широко маневрируя, не должна терять своей тактической подвижности на местности, ибо это ее главное преимущество в любых погодных условиях.

Он подчеркнул также, как важно умелое взаимодействие конницы с танковыми и механизированными войсками, а также с авиацией.

Семен Михайлович пообещал сделать все необходимое, чтобы гвардейские кавалерийские дивизии стали более многочисленными, имели бы свои танки. Особо шел разговор о действиях конных масс под ударом вражеской авиации. Разговор шел и о том, что усиленные кавалерийские корпуса должны быть фронтового, а не армейского подчинения, так как командармы не могли их своевременно и качественно обеспечить всем необходимым для жизни и боя. Были подробно рассмотрены вопросы тактики борьбы с танками, самоходной артиллерией, а также с авиацией врага.

Это был очень нужный, деловой разговор. Рассказывая о своем опыте использования кавалерийских дивизий, Семен Михайлович учил нас дерзать самым решительным образом, ибо слабых и уязвимых мест у противника много и работы для нашей славной конницы будет предостаточно, тем более что у немцев нет сплошных фронтов. Сложившаяся обстановка требовала от кавалерийских начальников исключительно активных действий.

Семен Михайлович дал немало полезных советов и об улучшении партийно-политической работы среди кавалеристов, о воспитании командно-политического состава. Наши воины должны знать, чувствовать сердцем, за какое великое и святое дело мы ведем борьбу. Так, с помощью Семена Михайловича, мы готовили себя к новым боям. Мы верили в нашу победу, и эта вера укрепляла наши силы, помогала выстоять в тяжелых схватках с врагом.

Семен Михайлович, пожелав нам боевых успехов, отбыл в Москву, еще раз пообещав разобраться в наших проблемах и по возможности помочь.

...Дальнейшие действия 2-го гвардейского кавалерийского корпуса, сосредоточившегося к 11 декабря в районе севернее Кубинки, сводились к оперативному преследованию отступавшего противника. Перед ним была поставлена такая задача: войти в прорыв на участке наступления 5-й армии и, действуя в направлении Петрово, Сафониха, выйти в район Никольское, Покровское, отрезать пути отхода противника на запад и уничтожить его. О том, как мы справились с этой задачей, рассказано в сборнике «Кавалерия в Великой Отечественной войне», издававшемся по инициативе С. М. Буденного.

3-й гвардейский кавалерийский корпус, которым я затем командовал, принимал участие в Сталинградской битве. В конце декабря 1942 года я сдал корпус новому командиру генерал-майору Н. С. Осликовскому. Позднее, это было в мае 1943 года, убыл в штаб Степного фронта на должность заместителя командующего кавалерией этого фронта.

Я хорошо помню, как много и плодотворно работал Семен Михайлович Буденный на посту командующего кавалерией Советской Армии, на который он был назначен в начале января 1943 года. В то время не утихали споры вокруг вопросов оперативного использования кавалерийских соединений, и маршал Буденный, общепризнанный авторитет в этих вопросах, в значительной степени способствовал их правильному решению.

В те времена некоторые товарищи предлагали создать конную армию, но эта идея не получила поддержки, как и другая — о преобразовании кавалерийских корпусов в легкие конно-стрелковые соединения.

Были сторонники третьего направления, к которым с самого начала принадлежал и я. Мы предлагали создать конно-механизированные группы, которые включали бы в себя кавалерийские, танковые и механизированные корпуса, поддерживаемые авиацией.

Надо сказать, что первый эксперимент в этом отношении оказался не совсем удачным, ибо созданное командующим Северной группой войск Закавказского фронта конно-механизированное объединение действовало недостаточно энергично и не выполнило поставленной перед ним задачи.

Тогда, помню, задали баню командующему конно-механизированной группой, а сам генерал-лейтенант Масленников (командующий Северной группой войск Закавказского фронта) пришел к «окончательному» выводу о том, что время оперативных рейдов миновало.

Между тем такое время для рейдов наступило, когда началось массовое изгнание врага с нашей территории. В одном из писем в Ставку Маршал Советского Союза С. М. Буденный высказал мысль, что «при дальнейшем развитии нашего наступле-

шие подвижные войска, в том числе конница, сыграют основную роль в окончательном разгроме врага».

Для того чтобы добиться не просто эффективного, но эффективного использования нашей кавалерии, в 1943 году по инициативе С. М. Буденного и под его непосредственным руководством в штабе Степного фронта было создано совещание командиров кавалерийских корпусов и кавалерийских дивизий. Задача тогда была поставлена очень сложная — надо было в короткий срок доукомплектовать все кавалерийские дивизии и корпуса, наладить планомерную боевую подготовку, организовать занятия с командным составом, в том числе с офицерами штаба. Все это необходимо было организовать так, чтобы практически отработались все задачи, которые предстояло решать кавалерийским соединениям в будущих боях.

И вот для того чтобы помочь на месте в практическом решении всех этих и многих других вопросов, было создано это совещание. Семен Михайлович рассказал участникам совещания о всех планируемых на ближайшее время крупных наступательных операциях, о том, как предстоит действовать кавалерийским соединениям в составе того или иного фронта. Для нас это имело огромное практическое значение, так как начались крупные наступательные операции, в которых важная роль отводилась боевым действиям конницы.

На этом совещании выступали многие генералы, касаясь в основном вопросов обеспечения конницы всем необходимым для учебы, жизни и боевой деятельности, а также высказывая свое мнение о способах использования кавалерийских соединений. Выступал на этом совещании и я. Стремясь доказать, что нельзя «раздергивать» кавалерийские корпуса на отдельно и изолированно действующие кавалерийские дивизии, я предлагал использовать кавкорпуса компактно, всячески усилить их разнообразной техникой, особенно танками и противотанковыми средствами, наладить взаимодействие с авиацией, особенно тщательно организовать авиационное прикрытие на всех этапах боевых действий кавалерийских соединений.

Высокий авторитет Семена Михайловича Буденного в деле боевого применения конницы позволял ему проводить в жизнь разработанные им лично и его штабом основополагающие принципы массированного использования конницы для развития успеха в глубине обороны противника.

Проведенное по инициативе С. М. Буденного крупное, хорошо организованное фронтовое совещание было очень полезным, оно помогло нам при подготовке к наступательным операциям, в которых предстояло участвовать кавалерии. Мы начали отправлять кавалерийские корпуса на соответствующие фронты для более активного их использования на направлениях главных ударов путем ввода в прорыв и активных действий в оперативном тылу противника. Это был единственный за всю войну сбор командиров всех кавалерийских корпусов в условиях действующей

армии. Мы получили немало ценных практических советов и указаний и от всей души благодарили за это Семена Михайловича Буденного.

Все организационные указания были в последующем закреплены в важной директиве, разработанной штабом кавалерии.

4 ноября 1943 года по рекомендации С. М. Буденного я был назначен командиром 4-го гвардейского кавалерийского корпуса. Спустя некоторое время, опять же по рекомендации маршала Буденного, я был назначен командующим конно-механизированной группой 3-го Украинского фронта. Эта группа сыграла большую роль в Южно-Бугской операции, проведенной весной 1944 года. В состав этой группы входили 4-й гвардейский кавалерийский и 4-й гвардейский механизированный корпуса с частями усиления. С воздуха их прикрывали авиационные дивизии.

29—30 марта 1944 года войска 3-го Украинского фронта форсировали Южный Буг, а утром 31 марта, то есть на третий день наступления, в прорыв была введена группа. В условиях весенней распутицы конно-механизированная группа вышла в тыл противника и успешно развивала наступление по черноморскому побережью и устью Днестровского лимана. К исходу 9 апреля она завязала бой за Одессу.

В апреле я получил телеграмму от Семена Михайловича Буденного. Он поздравил меня с присвоением звания Героя Советского Союза и награждением орденом Суворова I степени.

В конце июня 1944 года Ставка Верховного Главнокомандования решила провести операцию «Багратион» силами 1-го Прибалтийского, трех Белорусских фронтов и Днепровской военной флотилии. В разработке плана принимал активное участие член Ставки маршал Буденный.

Когда план был представлен на утверждение И. В. Сталину, рассказывал мне маршал, он спросил С. М. Буденного:

— Вы уверены, что конно-механизированная группа генерала Плиева выполнит свою задачу?

— Товарищ Сталин, я две недели провел в группе генерала Плиева. Конники обеспечены всем необходимым, они горят желанием идти в бой...

— Вы отвечайте на мой вопрос, — прервал Буденного Верховный.

— Да, я уверен, товарищ Сталин.

— А как на это смотрит командующий 1-м Белорусским фронтом?

— Я был у Рокоссовского и все с ним обговорил. Группа будет брошена в прорыв, конников прикроет наша авиация...

Другая конно-механизированная группа (генерала Н. С. Осликовского) действовала в составе войск 3-го Белорусского фронта, которым командовал генерал армии И. Д. Черняховский.

И. Д. Черняховский пригласил С. М. Буденного на свой командный пункт, когда войска пойдут в наступление, на что Семен Михайлович ответил:

— Спасибо, но у меня поездка к Плиеву, это уже решено.

На третий день сражения наша конно-механизированная группа и танковый корпус М. Ф. Панова, сбивая части отступающего противника, начали стремительно продвигаться вперед. Маршал Буденный, попрощавшись с нами, отбыл на командный пункт командующего 65-й армией генерала П. И. Батова. Он от души похвалил конников нашей группы, которые, как говорил К. К. Рокоссовский, «вихрем налетали на врага и беспощадно рубили его клинками».

— Молодцы кавалеристы, бьют гитлеровцев, как говорится, и в хвост и в гриву, — одобрительно улыбался маршал.

Впоследствии мне приходилось часто встречаться с Семеном Михайловичем на разных фронтах. И каждый его приезд радовал нас. Вникая буквально во все мелочи нашей фронтальной работы, Семен Михайлович давал добрые советы и указания, и мы чувствовали, как ему хотелось, чтобы кавалерийские соединения всегда действовали более стремительно, с решительными целями, еще более дерзко, причем не только ночью, но и днем. Ему не терпелось убедиться в том, что мы более четко организуем взаимодействие с авиацией и танками (как своими, так и приданными).

Это было после освобождения Белоруссии. Семен Михайлович, вызвав меня к себе, выразил удовлетворение действиями конно-механизированной группы:

— Ну, братец, твои конники — орлы! Молодцы!.. Спасибо за отличную службу Родине!

— Служу Советскому Союзу! — с чувством гордости ответил я.

Во время одной из встреч Семен Михайлович рассказал мне о таком разговоре со Сталиным. Сталин пригласил его к карте Венгрии, долго всматривался в нее, потом тяжело подошел к столу, сел и заговорил о том, что надо наступать без малейшей паузы и разбить немцев в Венгрии как можно скорее, а это можно сделать лишь при максимально высоких темпах наступления, умело маневрировать, разрезая вражеские группировки, добиваться их изоляции и уничтожать по частям.

— Малиновскому придется вести наступление в грязь, распутицу, по бездорожью, — сказал Сталин. — Танки могут застрять, войска потеряют темп — и операция сорвется. Поэтому командующему фронтом надо иметь под рукой мощные подвижные соединения, которые в критический момент могли бы дополнить и даже заменить танковые войска.

— Вы имеете в виду конницу? — спросил Буденный.

— Да. — Сталин встал, снова подошел к карте. — Введем кавалеристов в прорыв вместе с танкистами. Но один корпус ни-

чего не делает. Надо объединить несколько корпусов под единым командованием. Вы согласны?

— Согласен.

— Изучите этот вопрос у себя в штабе и дайте ваши соображения, что включить в группу и кого назначить командующим.

Так была создана первая штатная конно-механизированная группа, которой было сразу же присвоено звание гвардейской. По рекомендации С. М. Буденного я был назначен ее командующим. С. М. Буденный дал указание включить в состав группы 4-й гвардейский Краснознаменный, орденов Суворова и Кутузова Кубанский кавалерийский корпус, 6-й гвардейский кавалерийский корпус и части усиления.

2-й Украинский фронт приступил к осуществлению плана Будапештской операции, одновременно наступая с юго- и северо-востока. В центре удар наносила 7-я гвардейская армия. В образованный ею прорыв вводилась 6-я гвардейская танковая армия, а из-за ее правого фланга — наша конно-механизированная группа с задачей разобщить будапештскую и мишкольскую группировки немцев, прорваться на север до пунктов Балашадьярмат и Сечень и перехватить дороги из Будапешта на север и северо-восток.

Конники и здесь с честью выполнили боевое задание, отмечал впоследствии маршал Буденный. Вне дорог, по горно-лесистой местности, под дождем, они за три дня (6—9 декабря) с боями преодолели 75 километров, достигли намеченных пунктов (Балашадьярмат, Сечень), повернули на восток и юго-восток, в район Киц-Теренне, на тылы и фланг пастовской группировки противника (чем обеспечили продвижение на север 53-й армии) и, наконец, повернули на северо-запад, в район Левице, прикрывая 6-ю гвардейскую танковую и 7-ю гвардейскую армии, участвовавшие в окружении противника в районе Будапешта.

Я хорошо помню наши встречи с Семеном Михайловичем перед отправкой конно-механизированной группы в Монголию, где ей предстояло действовать в боях против империалистической Японии. Общеизвестно, что в короткий срок нашими доблестными Вооруженными Силами была разгромлена Квантунская армия. В то время я командовал советско-монгольской конно-механизированной группой войск Забайкальского фронта. И должен отметить, что не раз пригодились мне советы и указания, полученные от Семена Михайловича еще в Москве. Как и предусматривалось планом, воины группы перешли в наступление из района Эрлян, Молцок-Хид, Дзамын-Уде на Калган и Долоннор. Стремительный выход соединений группы в глубокий тыл противника способствовал войскам Забайкальского фронта в наступлении и разгроме Квантунской армии. И на этот раз С. М. Буденный прислал теплое поздравление, узнав о награждении меня второй Золотой Звездой Героя Советского Союза.

И в послевоенные годы я встречался с С. М. Буденным. По делам службы он неоднократно бывал в Ростове, а однажды при-

ехал с младшим сыном Михаилом — хотел показать ему родные места, навестить земляков в станице Буденновской. Он попросил меня поехать с ним на Маныч на охоту.

Итак, мы поехали втроем. Стояла на диво теплая осенняя погода. Мы заночевали на хуторе Тузлуки, на самом берегу Маныча. С удовольствием поели хорошо приготовленную рыбацкую уху, были раки и прочая снедь. И потянулась петоропливая беседа у костра. Семен Михайлович был чудесным рассказчиком. Мы беседовали до глубокой ночи. Охота удалась, и Семен Михайлович искренне радовался.

Последний раз мы встретились в Ростове-на-Дону в апреле 1966 года, когда на родине дважды Героя Советского Союза маршала Буденного был воздвигнут бюст.

В послевоенные годы я постоянно живу в Ростове-на-Дону. Здесь очень многое напоминает о славной героической биографии легендарного полководца, народного героя. Это и Буденновский проспект, по которому вступали в город конармейцы в январе 1920 года, освобождая его от белогвардейцев. Буденновский проспект пересекает живописнейшая Пушкинская улица с прекрасным бульваром. Здесь, на бульваре, высится бюст — памятник С. М. Буденному, который создал известный скульптор ростовчанин Е. В. Вучетич. Бюст установлен неподалеку от здания штаба СКВО, в котором работал в начале 20-х годов С. М. Буденный. На стене дома, в котором в те годы жили С. М. Буденный и К. Е. Ворошилов, установлена мемориальная доска.

Я уверен, что память о народном герое, бесстрашном командире, мужественном полководце будет всегда жить в сердцах советских людей. Это и есть самый лучший памятник Семену Михайловичу Буденному.

1979 г.

МОРЯКИ ПОМНЯТ

*И. И. АЗАРОВ,
вице-адмирал в отставке*

В 1931 году проходили осенние учения Краснознаменного Балтийского флота. В те дни я был ответственным секретарем партийной организации линкора «Марат». Помню, как радовались маратовцы приезду на линкор К. Е. Ворошилова, С. М. Кирова, С. М. Буденного.

Командование и парторганизация вели большую подготовку к их приезду. Экипажу линкора предстояло держать экзамен на боевую зрелость в присутствии легендарных героев Страны Советов.

В дни учений все они были вместе и, прогуливаясь по палубе, оживленно беседовали между собой и с моряками, свободными от

вахты. Они даже на мостике всегда были рядом. В моей памяти навсегда запечатлелись события тех далеких дней и тот большой политический подъем среди личного состава.

Известные всей стране люди, окруженные народной любовью, они были очень скромны и просты. Умели внимательно слушать других.

— Не перебивайте людей, не смотрите на часы, когда вам хотят что-нибудь рассказать, — советовал Сергей Миронович Киров, беседуя с секретарями партийных организаций и членами партийного бюро линкора.

На всю жизнь запомнил я встречи и беседы с Семеном Михайловичем Буденным на линкоре.

Краснофлотцы тогда попросили меня организовать встречу с легендарным героем гражданской войны С. М. Буденным. Я передал С. М. Буденному просьбу моряков, и он охотно согласился.

И вот в один из больших перерывов на учениях С. М. Буденный появился на полубаке линкора, куда в свободное от вахты время всегда приходили моряки.

Полубак — излюбленное место встреч моряков. Здесь всегда можно узнать линкоровские новости, услышать добрую шутку, веселый рассказ о пребывании на берегу во время увольнения или отпуска. Я сам часто приходил на полубак покурить.

Приход Буденного на полубак вызвал среди моряков всеобщий восторг. Ему устроили овацию. А он как-то сразу, незаметно завязал общий разговор, своим добродушием, простотой, мягким юмором буквально заворожил.

Рассказы Семена Михайловича о боевых делах в годы гражданской войны были поистине удивительны, и слушали его моряки с большим вниманием, часто бурно реагировали — то негодуя, то восхищаясь.

Моряки задавали вопросы Семену Михайловичу, и он отвечал на них с большой охотой и, увлекшись, рассказывал много интересного и поучительного для военных людей, в том числе и для нас, моряков.

— Были ли у вас в подчинении моряки?

— Да, были у меня моряки-балтийцы, которые неплохо держались в седле, а в бою вели себя смело и самоотверженно...

Такая похвала вызвала бурное одобрение.

Неожиданно Семен Михайлович обратился ко мне:

— А есть ли среди моряков плясуны?

— Есть, есть! — послышалось несколько голосов.

Тут же появился баянист. Память не сохранила имени краснофлотца, но хорошо помню, что играл он прекрасно. Лихо плясали моряки «яблочко». Пляска сопровождалась задорными припевами, рожденными тут же, на линкоре.

Подоспевший в разгар пляски К. Е. Ворошилов что-то тихо сказал С. М. Буденному. С. М. Буденный тут же пустился в пляс,

и трудно передать словами ликование моряков, восхищенно любовавшихся, как задорно, весело плясал Семен Михайлович.

...Об этой встрече я часто вспоминал в годы Великой Отечественной войны, когда по долгу службы мне не раз приходилось сопровождать Семена Михайловича в его поездках к морякам Черноморского флота — С. М. Буденный был главкомом Северо-Кавказского направления (апрель — май 1942 года), а затем командующим Северо-Кавказским фронтом (май — сентябрь 1942 года).

В летние дни тяжелого 1942 года Черноморский флот находился в оперативном подчинении этого фронта. Мне, как члену Военного совета Черноморского флота, было поручено организовать доставку продуктов питания для войск Крымского фронта и осажденного Севастополя. Выполняя это задание, я часто обращался за помощью к Семену Михайловичу Буденному и всегда находил у него поддержку, глубокое понимание интересов флота. Особенно много помогал С. М. Буденный в решении вопросов, связанных с ведением совместных боевых действий армии и флота.

Вот один характерный пример. 26 июня 1942 года лидер «Ташкент», приняв на борт до тысячи бойцов 142-й стрелковой бригады, боезапас, медикаменты и продовольствие, вышел в район Севастополя, точнее говоря, в Камышевую бухту, единственное в то время место, куда смог пробиться наш корабль, так как на Северной стороне были уже гитлеровцы.

Это был пятый по счету поход «Ташкента» только в июне 1942 года. Накануне, 25 июня, он вернулся из Камышевой бухты, доставив в Новороссийск более тысячи раненых севастопольцев, женщин и детей.

Утром 27 июня я доложил по ВЧ маршалу С. М. Буденному, что эсминец «Безупречный» не дошел до Севастополя — потоплен авиацией противника, а лидер «Ташкент» пробился в Камышевую бухту, доставил все грузы и бойцов 142-й бригады. Теперь, приняв на борт более двух тысяч раненых и сотни жителей Севастополя, направляется в Новороссийск. С наступлением рассвета, докладывая я, авиация противника непрерывно бомбит «Ташкент», имеются повреждения, но экипаж активно борется за живучесть корабля.

— Как только «Ташкент» придет в Новороссийск — а он придет обязательно! — сразу же приеду, чтобы обнять наших замечательных моряков, — уверенно сказал Семен Михайлович.

Сразу же после разговора с командующим фронтом я позвонил в Москву и подробно доложил о трудностях перехода «Ташкента» Народному комиссару Военно-Морского Флота адмиралу Н. Г. Кузнецову.

— Сообщите командиру лидера Ерошенко, — сказал нарком, — что за смелость и самоотверженные действия по прорыву блокады Севастополя и вывоз оттуда двух тысяч человек ему присвоено звание капитана 2 ранга.

28 июня из Краснодара в Новороссийск прибыл Семен Михайлович Буденный. Личный состав «Ташкента» был выстроен по большому сбору. Я успел сообщить командующему фронтом, что командир лидера В. Н. Ерошенко получил очередное воинское звание. Выслушав его четкий доклад о результатах похода, Буденный поблагодарил командира, комиссара, всех краснофлотцев и командиров за трудный, но успешный поход. Затем, сразу же прекратив официальный церемониал, сделал жест рукой и сказал:

— Станьте-ка покучнее, товарищи моряки, строй нам сейчас не нужен. — И, показывая на орудийную башню, спросил у Ерошенко: — Сюда, повыше, можно?

— Разумеется, — последовал ответ.

Маршал легко поднялся на плоский купол зенитной башни и с этой «трибуны» стал рассказывать об обстановке на Южном фронте, о трудностях предстоящих боев. Говорил просто, сердечно:

— Я знал в гражданскую войну немало героев, видел немало героических дел. И мне приятно сегодня сказать, что вы, моряки-черноморцы, особенно замечательный экипаж «Ташкента», совершаете поистине массовый подвиг. Вы, ташкентцы, сумели прорвать блокаду и с честью выполнили поставленную перед вами задачу. Все вы заслуживаете боевых правительственных наград и присвоения «Ташкенту» почетного гвардейского звания.

Это было очень верное и мудрое решение С. М. Буденного, так как экипаж действительно вел себя поистине героически. С момента выхода лидера с главной базы флота фашистские самолеты упорно преследовали корабль, сбросили на него сотни бомб, но отважные моряки сумели сохранить лидер и благополучно привели его в Новороссийск. Из Севастополя «Ташкент» вывез несколько тысяч раненых, женщин и детей. Этим же рейсом экипаж доставил из осажденного Севастополя знаменитую и бесценную для Родины панораму исторической Севастопольской обороны 1854—1855 годов, созданную академиком живописи Ф. Рубо.

— Кто особо отличился в этом походе? — спросил С. М. Буденный у адмирала И. С. Исакова.

— Все, товарищ маршал, — ответил адмирал. — От командира лидера до рядового матроса. Экипаж перенес неслыханные трудности. От взрыва бомб корабль лишился управления, но наши моряки выдержали.

— Если отличился весь экипаж, — сказал Буденный, — то всех и представим к наградам. И корабль наградить.

Через несколько дней от имени Президиума Верховного Совета СССР приказом командующего Северо-Кавказским фронтом личный состав лидера «Ташкент» был награжден орденами и медалями Советского Союза. На Черноморском флоте не было еще случая, чтобы весь личный состав надводного корабля имел высокие боевые правительственные награды.

2 июля во время налета гитлеровской авиации на Новороссийск лидер «Ташкент» вновь получил сильные повреждения и затонул у причала.

*М. П. КОНСТАНТИНОВ,
генерал-полковник,
Герой Советского Союза*

Я доложил адмиралу И. С. Исакову и С. М. Буденному о том, как дрались с врагом ташкентцы, как стойко вели себя во время массированного налета вражеской авиации и в момент гибели лидера. Рассказал о самоотверженных действиях краснофлотцев и старшин из БЧ-5, котельных машинистов, турбинистов и трюмных — одни до налета авиации находились на палубе, а другие на берегу, где были щели, укрытия. Но сигнал тревоги позвал всех на корабль. Они остались верны своему долгу, стремились быть каждый на своем посту, каждый боролся до конца.

Выслушав доклад, Семен Михайлович сказал много душевных слов в адрес мужественного экипажа «Ташкента».

И в послевоенные годы, когда С. М. Буденный бывал у моряков Краснознаменного Черноморского флота, он всегда вспоминал те незабываемые дни 42-го, героические походы лидера «Ташкент».

В 1946 году С. М. Буденный с семьей отдыхал в Ливадии. Его пригласили на празднование Дня Победы в Севастополь. Он приехал 1 мая и сразу зашел в штаб Черноморского флота, беседовал с командующим флотом адмиралом Ф. С. Октябрьским. Я присутствовал при этом. С. М. Буденный с теплотой вспоминал дни совместной боевой работы на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны. А потом он вручил приветствие на имя командующего и члена Военного совета Черноморского флота, которое с его разрешения было опубликовано в газетах:

«Севастополь. Командующему Черноморским флотом адмиралу Октябрьскому. Члену Военного совета Черноморского флота вице-адмиралу Азарову. В вашем лице от всего сердца поздравляю краснофлотцев, офицеров, генералов и адмиралов Черноморского флота с праздником 1 Мая — днем смотра боевых сил трупящихся.

Всегда восхищался героизмом, мужеством и боевой дружбой черноморцев в дни Великой Отечественной войны, в их борьбе на Черном море, за город-герой Севастополь, за Кавказ. В тесном боевом содружестве с частями славной Красной Армии черноморские моряки показали свою доблесть, отвагу и пример самоотверженного служения нашей великой Родине.

Желаю вам, дорогие товарищи, дальнейших успехов в совершенствовании боевого мастерства Черноморского флота.

Маршал Советского Союза С. Буденный».

Моряки, жители Севастополя, все, кто прочел это обращение, говорили:

— Спасибо маршалу Буденному, не забывает про нас, моряков.

Вот таким я знал Семена Михайловича. Меня всегда поражал в нем какой-то особый светлый дар общения с людьми, тяга и любовь к ним, умение быть требовательным, строгим руководителем и одновременно добрым, даже мягким человеком. В этом он и поныне остается для меня примером.

Мне приходилось много раз встречаться с Семеном Михайловичем Буденным в служебной, боевой обстановке, а порой и в тесном дружеском кругу. Как сейчас помню: март 1944 года, Семен Михайлович Буденный приехал в 7-й гвардейский кавалерийский корпус, которым я командовал. Это было вскоре после освобождения областного центра Белоруссии города Мозырь. Время тогда работало на нас. После успешно проведенной операции Советское правительство наградило отличившихся в боях героев. Две дивизии — 14-я и 15-я — получили почетные наименования Мозырских, а 16-я — Черниговской и была награждена орденом Красного Знамени.

Советские войска двигались на запад, и в соответствии с планами командования наш корпус перегруппировывался в полосу действий 2-го Белорусского фронта, южнее Ковеля.

Бодрый, подтянутый и энергичный, Семен Михайлович вызывал всеобщее восхищение солдат и офицеров. Побывав в штабе корпуса, он тотчас же выехал в район Глишко, где проверял ход перегруппировки, а во время большого привала посетил 16-ю гвардейскую Черниговскую кавалерийскую дивизию, которой командовал генерал-майор А. Г. Белов. Тщательно проверив укомплектованность, боевую готовность личного состава, состояние техники, вооружения и конского состава дивизии, Семен Михайлович остался доволен и объявил благодарность личному составу дивизии. Он выступил перед бойцами и командирами, ознакомил их с положением на фронтах, вспомнил о боевых действиях Первой Конной армии в этом районе в 1920 году. Он дал много полезных советов гвардейцам Белова. Особенно теплой и душевной была встреча Семена Михайловича с разведчиками и героями форсирования Днепра.

16-я дивизия, бывшая 112-я Башкирская, была сформирована в ноябре 1941 года на территории Башкирской АССР. В ночь на 28 сентября 1943 года она самостоятельно на подручных средствах форсировала Днепр в полосе действий 61-й армии и захватила плацдарм, передав его затем 181-й стрелковой дивизии 61-й армии. Это была единственная кавалерийская дивизия из всех семи гвардейских кавалерийских корпусов, с ходу форсировавшая Днепр. Массовый героизм проявили ее воины. За успешные боевые действия в районе Чернигова и форсирование Днепра 54 воина дивизии и ее командир Белов были удостоены звания Героя Советского Союза. Семен Михайлович Буденный восхищался успехами этой дивизии и поставил ее в пример. Во всех частях и соединениях корпуса были проведены митинги, на которых гвардейцы заверили Маршала Советского Союза Буденного,

что они с честью донесут свои гвардейские знамена до Берлина.

Открытые боевым напутствием Семена Михайловича Буденного, гвардейцы 7-го кавкорпуса в июле 1944 года успешно действовали в Люблин-Брестской операции войск 1-го Белорусского фронта. За отличные боевые действия в этой операции корпус был награжден орденом Красного Знамени.

7-й гвардейский кавалерийский корпус участвовал во всех наступательных боях и операциях войск 1-го Белорусского фронта в 1945 году. 16 января корпус, введенный в прорыв на участке западнее Зволень, развил стремительное наступление, отрезал пути отхода противнику и штурмом овладел городом Томашув.

За пятнадцать дней совершив с боями марш протяженностью свыше 700 километров и прорвав оборону противника на рубеже Конжип, Унрустадт, Гросс-Хайден, кавалерийский корпус 31 января 1945 года одним из первых вступил в пределы бывшей Бранденбургской провинции, с боем овладел городами Ландсберг и Мезеритц — крупными узлами коммуникаций и мощными опорными пунктами немцев, прикрывавшими подступы к Франкфурту-на-Одере. В ознаменование одержанной победы воинам корпуса была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего, корпус получил наименование Бранденбургского, а мне было присвоено звание Героя Советского Союза. Наш корпус успешно действовал в составе войск 1-го Белорусского фронта и в Берлинской операции.

Войдя в прорыв на правом фланге фронта в полосе наступления 47-й и 3-й ударной армий в направлении на Ратенов, кавкорпус 27 апреля 1945 года штурмом овладел этим важным узлом дорог и мощным опорным пунктом обороны немцев. 16-я кавалерийская дивизия во взаимодействии с 6-м механизированным корпусом 1-го Украинского фронта захватила город Бранденбург.

За отличные боевые действия в этой операции корпус был награжден орденом Ленина, а мне посчастливилось стать кавалером четвертого ордена Ленина. Орденом Ленина были награждены все командиры кавалерийских дивизий: Г. П. Коблов, М. П. Рышков, Г. А. Белов. К концу войны 25 соединений и частей корпуса были удостоены почетных наименований, а 143 лучшим из лучших гвардейцам корпуса было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

На Параде Победы в Москве в парадном расчете войск 1-го Белорусского фронта, сверкая обнаженными клинками, маршировали сто гвардейцев корпуса, в первой шеренге следовали все Герои Советского Союза, командовал ими боевой и заслуженный командир 16-й гвардейской Черниговской кавалерийской дивизии Герой Советского Союза генерал-майор Г. А. Белов.

Так гвардейцы 7-го гвардейского Бранденбургского кавалерийского корпуса выполнили свой священный долг перед любимой Родиной и сдержали слово, данное перед началом наступа-

тельных боев весной 1944 года своему командующему Маршалу Советского Союза Семену Михайловичу Буденному.

Вскоре после победы над фашистской Германией, в мае 1945 года, Семен Михайлович приехал в поверженный Берлин. Я получил приказ прибыть в штаб фронта. Там в присутствии Маршала Советского Союза В. Д. Соколовского состоялась наша встреча с Семеном Михайловичем.

Командующий кавалерией был очень доволен успешными боевыми делами 7-го гвардейского корпуса. Отвечая на вопросы Семена Михайловича, я подробно рассказал о состоянии корпуса, его людях и технике, конском составе и сказал, что корпус получил приказ и готовится к маршу на родину.

Наша беседа затянулась до позднего вечера. Мы вспоминали трудные дороги к нашей Победе, говорили о начальном периоде войны, о тех испытаниях, которые вынес советский народ в этой войне.

Семен Михайлович поинтересовался моими личными делами, здоровьем родных, спросил, не нужна ли его помощь. Это участие и забота очень тронули меня. Я поблагодарил Семена Михайловича.

Предполагалось, что Семен Михайлович встретится со всеми гвардейцами корпуса. Мы с воодушевлением готовились к этой встрече, но Буденного срочно вызвали в Москву...

По приказу командования корпусу предстояло переформирование в механизированные соединения. Я попросил Семена Михайловича разрешить корпусу передать Белоруссии 7 тысяч лошадей. Семен Михайлович согласился и, возвратившись в Москву, официальным документом соответствующих органов подкрепил такое разрешение. Дар конников-гвардейцев белорусы приняли с благодарностью...

Сообщение о смерти С. М. Буденного настигло меня в санатории в Кисловодске. Острая, пронизывающая сердце боль... По телевидению показывали траурный митинг. Я стоял навтыяжку и не скрывал слез. Стояли и все другие офицеры, генералы и их семьи. Он был дорог всем нам, советским людям, легендарный герой, всю свою жизнь отдавший народу. Потому память о нем живет и будет жить...

ФРОНТОВЫМИ ДОРОГАМИ

Ф. Т. ЛЯШЕВ,
полковник в отставке

25 апреля 1941 года меня вызвали в Народный комиссариат обороны СССР и объявили приказ о назначении начальником охраны первого заместителя Наркома обороны Маршала Советского Союза С. М. Буденного.

В тот же день я прибыл в приемную маршала. Выслушав мой доклад, он распорядился ознакомиться с его распорядком дня. Затем Семен Михайлович сказал:

— С завтрашнего дня приступайте к работе, но учтите, что распорядок дня часто изменяется срочными и непредвиденными делами, и вы должны быть к этому готовы. Завтра поговорим подробней.

На следующий день по окончании работы я сопровождал маршала на дачу. Вечером Семен Михайлович долго беседовал со мной. Он интересовался, откуда я родом, где учился, кто родители. Затем представил меня семье. Беседа проходила дружелюбно и спокойно. Я старался запомнить все наставления маршала. Он был доволен, узнав, что мои родители жили на хуторе Хохлачеве, в нескольких километрах от его родного хутора Козюрина. Почти земляки.

Служба моя шла «спокойно», пока однажды маршал не предложил мне сесть на коня. Вспоминаю сегодня этот день и краснею: к моему стыду, я, крестьянский парень, проводивший детство в казачьей станице, никогда не сидел в седле. В манеже нас встретил полковник Иван Адамович Дуленец, опытный наездник. Лошади были оседланы и готовы к выезду. С опаской посмотрел я на красивого коня, приготовленного для меня, не зная, с какой стороны подойти к нему.

Семен Михайлович заметил мою растерянность.

— Что, земляк, неужели на лошади никогда не сидел?

— Почему, — ответил я нерешительно, — только бы мне лошадку поспокойней.

Кое-как взобравшись на лошадь, я, как мне казалось, без колебаний и сомнений взял в руки поводья. Семен Михайлович слегка тронул своего коня по кличке Север, а я и полковник Дуленец поехали следом. Мой конь, видимо, почувствовал, что в седле неопытный всадник, и сразу заплесал, стараясь освободиться от незадачливого седока. В седле я держался с большим трудом. Между тем С. М. Буденный поехал рысью, а вскоре перешел на галоп. Как я не отстал, сейчас трудно объяснить, но волноваться пришлось изрядно.

Наконец мы остановились.

— Ставьте препятствие, сейчас прыгать будем, — сказал маршал, обращаясь к Дуленцу, и в упор посмотрел на меня.

Нужно откровенно признаться, что вид у меня в тот момент был не из бравых, и я подумал: «Ну, теперь наверняка пропал! Опозорюсь, непременно упаду!»

Семен Михайлович легко и, я бы сказал, элегантно перемахнул на своем изумительном Севере через барьер, полковник Дуленец тоже. А я схитрил, потянул повод вправо и объехал барьер. Маршал, разумеется, заметил мой «маневр» и погрозил хлыстом.

Стали прыгать еще. Семен Михайлович на этот раз остановился возле барьера и молча ожидал моего «номера». Я разогнал

как мог лошадь и вблизи барьера закрыл глаза. К моему удивлению, лошадь легко взяла препятствие, я удержался в седле, хотя очутился на шее Патефона. Маршал приказал Дуленцу:

— Тренируй этого всадника, это не кавалерист, а мешок с опилками. Но раз его прикрепили ко мне, то сделайте из него настоящего кавалериста, а то он, чего доброго, в один прекрасный день потеряет меня.

Через месяц в общем-то обычных, но для меня весьма напряженных тренировок я научился выполнять самые элементарные для верховой езды упражнения.

В ту пору Семен Михайлович был занят, что называется, до предела. Часто ездил по гарнизонам и лагерям. По долгу службы мне приходилось всюду сопровождать его, и я видел, как он работал в частях, беседовал с командирами и красноармейцами. Надо сказать, что Семен Михайлович по каким-то только ему известным признакам сразу определял состояние части, слабые места, недостатки в боевой подготовке. При посещении части он первым делом шел в столовую, придирчиво проверял, как организовано питание личного состава, затем шел к красноармейцам в казармы.

Помню, в субботу 21 июня, в день моего дежурства, примерно около шести часов вечера маршала вызвали в Кремль. Когда Семен Михайлович приехал к И. В. Сталину, в его приемной уже находились Народный комиссар обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко и начальник Генерального штаба генерал армии Г. К. Жуков. Вскоре сюда стали приходить члены Политбюро. Пробыли они в кабинете И. В. Сталина около четырех часов. Из Кремля маршал Буденный прискакал в свой кабинет в Наркомате обороны. Ночь была тревожная, чувствовалось, что назревают какие-то важные события. Непрерывно звонили телефоны, в кабинет к маршалу то и дело приходили генералы. Всю ночь я дежурил в приемной. А под утро, это было уже 22 июня, маршал опять поехал в Кремль. После продолжительного заседания из кабинета И. В. Сталина вышли члены Политбюро и руководители Наркомата обороны. Маршал был задумчив, хотя внешне не выдавал своего волнения, и лишь суровая складка пролегла между густыми бровями да чуть-чуть подрагивали усы.

— Фашисты перешли границу и бомбят наши города в Прибалтике, на Украине, в Крыму и Белоруссии, — тихо прозвонел маршал.

Это было ошеломляющее известие.

— Война будет тяжелой, — спокойно, как бы про себя, сказал маршал, — но в конце концов мы победим. Наш народ любит свою Советскую Родину и будет самоотверженно драться за ее свободу и независимость.

Прошло несколько томительных минут. Все молчали.

— Товарищ Ляшев, готовься к отъезду, — решительно сказал Семен Михайлович. — Поедем, земляк, воевать.

Когда мы приехали домой, Семен Михайлович сказал:

— Я немного отдохну, и снова поеду на работу.

Часа через два позвонили из Кремля. Семена Михайловича опять вызывали к И. В. Сталину. На этот раз Семен Михайлович был в Кремле недолго, часа полтора, после чего поехал в Наркомат обороны. В шесть часов вечера отправился домой — собираться к отъезду из Москвы. Нас встретила жена маршала Мария Васильевна, которая только что вернулась из санатория в Ессентуках. Чувствовалось, что Семен Михайлович доволен приездом жены в такое тревожное время. Она быстро собрала ему вещи. Наскоро пообедали. Провожать его на фронт вышла вся семья. Маршал сел в машину, и мы тронулись... Поздно вечером специальным поездом Семен Михайлович выехал в Брянск, затем на станцию Снижевск и в Чернигов. 26 июня маршала вызвали в Москву. Пробыв два дня в Москве, С. М. Буденный направился в Смоленск. Мне довелось присутствовать на его многочисленных встречах с воинами Советской Армии в те тревожные дни. Сведения с фронта были неутешительными: несмотря на упорное сопротивление наших частей, враг продолжал двигаться на восток. Появление С. М. Буденного вызывало оживление в рядах красноармейцев и командиров, его энергия и уверенность, казалось, передавались всем.

Помню, как однажды маршал, тогда главнокомандующий Юго-Западным направлением, решил выехать из Полтавы в город Кременчуг. Дороги размыло непрерывными дождями. Мы ехали на танке Т-34. Я осмелился сказать маршалу, что ехать в Кременчуг опасно, на что он ответил:

— Если ты боишься, то можешь оставаться дома.

Доехали мы благополучно, если не считать, что нас несколько раз обстреливали немецкие самолеты. Удивительное спокойствие и самообладание Семена Михайловича успокоили меня.

Поздней осенью 1941 года С. М. Буденный был командирован в Сталинград, где в течение нескольких недель проделал большую работу по формированию новых частей, их обучению и снабжению. Руководители местных партийных и советских органов тепло встретили маршала. Работал он в специальном вагоне, загнанном в тупик. К нему шло множество людей — военных и штатских. Разумеется, я не был посвящен в дела, которыми занимался маршал, но видел, как много и напряженно трудился в те дни Семен Михайлович. Город этот был памятен С. М. Буденному по гражданской войне — здесь сражалась его кавалерийская дивизия.

Я сопровождал маршала в его поездке вместе с военным инженером А. Н. Комаровским по укрепрайонам, где сталинградцы и жители области возводили оборонительные сооружения. Спустя многие годы я прочел в воспоминаниях генерал-полковника инженерно-технической службы А. Н. Комаровского «Записки строителя» теплые и проникновенные слова о Семене Михайло-

виче, о том, как много он сделал для укрепления обороны Сталинграда. Семен Михайлович часто бывал на Сталинградском тракторном заводе, где ремонтировались танки. В цехах беседовал с рабочими, разъясняя им положение на фронтах и призывая ускорить ремонт танков. Многие рабочие видели маршала впервые, смотрели на него с любопытством и заверяли, что за ними дело не станет.

24 октября С. М. Буденного отозвали в Москву, где ему было поручено подготовить парад войск Московского гарнизона, который должен состояться 7 ноября.

Вспоминаю 29 октября 1941 года. Вечером Семен Михайлович был дома и попросил меня вызвать Куйбышев, чтобы переговорить с находившейся там в эвакуации женой. Сравнительно быстро нас соединили, и только он начал говорить, как совсем рядом с домом разорвалась немецкая бомба. Воздушной волной в квартире были выбиты все стекла (позже стало известно, что бомба упала на территории университета), но Семен Михайлович оставался спокоен и продолжал говорить так, как будто ничего не произошло. Только между прочим сказал:

— Слышишь, Мария, у нас полетели стекла, начался палет.

Я и мой помощник Н. С. Осокин предложили маршалу пойти в укрытие, но он, улыбувшись, сказал:

— Ну что, страшно? Обстреливайтесь, а я давно уже обстрелянный.

В конце апреля 1942 года Семен Михайлович выехал в Краснодар, где вступил в должность главнокомандующего Северо-Кавказским направлением. Он часто выезжал в войска, его всегда встречали с воодушевлением и энтузиазмом. Семен Михайлович умел зажечь сердца бойцов верой в нашу победу, так как сам был примером мужества и бесстрашия.

Как-то Семен Михайлович выехал в подразделение, только что прибывшее в состав войск направления. Обратился к пожилому солдату:

— Ну, как настроение? Победим фашистов?

Солдат, не смутившись, быстро ответил:

— Товарищ маршал, какие могут быть сомнения. У нас, у солдат, вопросов нет, обязательно побьем...

Летом 1942 года С. М. Буденный поехал в станицу Видмидиевку, в которой располагалась кавалерийская часть. Подъехали к штабу. Маршалу четко доложил молодой подтянутый командир. Солдаты этой части размещались в вагонах-теплушках. Узнав о прибытии самого Буденного, они как по команде высыпали из вагонов. Толпа солдат и местных жителей стала быстро приближаться. Командующий приказал, чтобы приезды его в части не афишировались, не допускались сборы людей и церемонии встречи, особенно вблизи линии фронта. Увидев приближающуюся толпу, маршал вскипел. Приказал дать сигнал «Отбой». Солдаты разошлись по вагонам. Однако на месте осталась группа старых

казаков, выстроившихся в шеренгу. Их гимнастерки были увешаны Георгиевскими крестами и медалями.

Комиссар доложил Буденному, что это полные георгиевские кавалеры, они категорически отказались эвакуироваться с колхозным имуществом в глубокий тыл, просят в строй, но их нельзя зачислить по возрасту.

— Они очень просят вас, товарищ маршал, поговорить с ними, — сказал комиссар.

С. М. Буденный, улыбаясь, подошел к казакам. Они чинно, по очереди подходили к маршалу и здоровались с ним за руку, стараясь подольше подержать руку Буденного в своих натруженных руках, пазывали свои фамилии, станицу, рассказывали, за что и когда получили награды. Затем они в один голос попросили маршала уважить их просьбу:

— Мы просили комиссара зачислить нас в строй, но он решения по этому вопросу не принимает.

Комиссар оправдывался:

— Как их зачислишь, товарищ маршал, ведь они преклонного возраста, да к тому же еще и с крестами.

Услышав эти слова, маршал прищурил глаза и колотце посмотрел на комиссара:

— Да знаешь ли ты, товарищ комиссар, что я сам полный георгиевский кавалер, а кресты нам давали за риск при защите отечества. — Распорядился: — Немедленно всех зачислить в строй.

Потом Семен Михайлович обратился к казакам. Он говорил, что враг мечтает овладеть Кавказом, но советский народ не допустит этого. Что сейчас очень нужны кавалерийские части, которые формируются и на Кавказе.

— Вот тут-то, отцы, вы мне очень нужны, — заключил Семен Михайлович. — Научите молодежь полюбить коня, беречь его как особый вид оружия. Не для веселья нужна лошадь, она нужна для больших переходов, особенно там, где не может пройти автотранспорт.

Старики смотрели на маршала уважительно. Один из них спросил Семена Михайловича:

— А какая теперь главная наша техника?

— Саперная лопата, — быстро ответил С. М. Буденный.

Казаки ухмыльнулись, переглянулись, ответ маршала их явно смутил, они были не удовлетворены. С. М. Буденный заметил это и повторил:

— Так вот это я, Буденный, вам говорю, что сейчас наша главная техника — саперная лопата, хотя она с петровских времен на вооружении, но и нынешняя война подтвердила это. А сколько людей, коней и боевой техники сберегла нам обыкновенная саперная лопата!

Старики неохотно расставались с командующим:

— Товарищ маршал, а что будет дальше? Уж больно далеко зашел к нам германец и все еще продолжает лезть...

— Ну что ж, чем дальше пойдет, тем больше гнать придется, а это значит, что многие оккупанты домой не дойдут, — ответил С. М. Буденный убежденно.

Мне пришлось во время Великой Отечественной войны сопровождать Семена Михайловича в его поездках по фронтам, и я так и не привык, не перестал восхищаться его удивительным хладнокровием, выдержкой, беспредельным мужеством.

— Меня пули не берут, а бомбу бросать на одного человека не будут, она же дорого стоит, — не раз говорил он.

В послевоенные годы он оставался таким же неутомимым и деятельным, много и упорно работал над мемуарами. Иногда шутил по поводу своего возраста:

— Скажите, Семен Михайлович, сколько вам лет?

— Мне восемнадцать... — И улыбаясь добавлял: — До ста восемнадцать не хватает...

Я благодарен судьбе за то, что она на многие годы соединила мою жизнь с этим удивительным человеком.

НАВЕЧНО В ПАМЯТИ

*П. С. КАРПАЧЕВ,
генерал-лейтенант в отставке*

Я долгие годы служил в одном из самых боевых соединений Первой Конной армии — 6-й Чонгарской кавалерийской дивизии, носившей имя маршала С. М. Буденного, а затем в Инспекции кавалерии РККА. По роду службы я был знаком с основными операциями буденновской кавалерии в годы гражданской войны, и особенно с операциями легендарной Первой Конной армии, а также с полководческим искусством С. М. Буденного. Изучая боевые действия буденновской кавалерии в годы гражданской войны, я, как и мои товарищи по службе, восхищался, как ярко проявлялся полководческий талант С. М. Буденного — он всегда был превосходящие силы врага не числом, а умением. Позже, работая в руководящих органах кавалерии, особенно в должности начальника штаба, я почти ежедневно встречался с командующим кавалерией.

А впервые мне довелось увидеть С. М. Буденного в конце мая 1923 года в станице Лабинской на параде частей Первой Конной армии, проводившемся в связи с вручением ей Знамени ВЦИК М. И. Калининым.

Ранним майским утром выстроились кавалерийские части в степи близ станицы Лабинской. Грандиозное зрелище представлял собой П-образный строй полков Первой Конной армии. На правом фланге разместились знаменитая 4-я кавалерийская дивизия, за ней — 14-я Майкопская, потом не менее знаменитая 6-я

Чонгарская, сводный пулеметный полк, другие части и, наконец, мощный духовой оркестр. Здесь собралось много людей, прибывших на торжества из ближайших станиц и хуторов. Ждут М. И. Калинина и С. М. Буденного, который должен был командовать парадом. В рядах смелых бойцов идут оживленные беседы. Бывалые буденновцы рассказывают нам, молодым, как кавалерийские части под командованием Буденного сражались в годы гражданской войны. Политрук нашего эскадрона Иван Зарубин, ранее служивший в 4-й кавдивизии, по праву занявшей место на правом фланге парадного расчета, вспоминает, что сформирована она была Буденным под Царицыном, который героически отстаивала. Весной 1919 года эта дивизия во главе с Буденным разгромила большую группу белой кавалерии, захватила станицу Великокняжескую и освободила из тюрьмы свыше 5 тысяч заключенных. Есть что вспомнить и командиру взвода Шищенко — в марте 1919 года 32-й кавалерийский полк, в котором он служил, лихим и дерзким налетом разгромил белогвардейцев, захватил станицу Белоглинскую, за что нашему полку было присвоено почетное наименование Белоглинского. Ветеран эскадрона старшина Репринцев еще раз проверяет внешний вид бойцов, состояние седловки и конского снаряжения. Обращаясь к бойцам, он говорит:

— Вы еще не знаете, какой у Буденного глаз, он видит насквозь...

Молодой боец, обращаясь к старшине, соглашается:

— Мой брат служил в буденновской кавалерии разведчиком и тоже говорил, что Буденный очень дальнзоркий. Бывало, он даже без бинокля мог определить силы противника.

В это время раздается команда: «По коням! Садись! Смирно!» Появляется командующий парадом С. М. Буденный на своем Казбеке. Он объезжает строй, здороваясь с бойцами.

Вскоре показался автомобиль — в нем Председатель ВЦИК М. И. Калинин и командующий войсками Северо-Кавказского военного округа К. Е. Ворошилов. Звучит команда: «Смирно! Пики в руки! Шашки вон!»

Блеснули клинки, ряды конников оцетинились пиками. Оркестры дивизий дружно грянули «Встречный марш». Ряды еще более подтянулись, взоры всех устремлены в ту сторону, откуда показался автомобиль. Лихо скачет навстречу, держа шашку «подвысь», С. М. Буденный. Машина останавливается. Буденный отдает рапорт Председателю ВЦИК М. И. Калинину. Кубанские хлеборобы преподносят ему хлеб-соль. Затем М. И. Калинин в сопровождении С. М. Буденного и К. Е. Ворошилова под дружные крики «ура!» объезжает фронт конармейцев. После этого каждая дивизия продемонстрировала свои достижения по отдельным видам боевой подготовки.

4-я кавалерийская дивизия отражала нападение авиации и танков «противника».

14-я кавдивизия всеми полками показала четко слаженные приемы физподготовки, а наша — 6-я Чонгарская — провела лихую конную атаку, поддержанную мощным пулеметным огнем.

М. И. Калинин вручает Первой Конной армии Знамя ВЦИК. Принимая Знамя, С. М. Буденный сказал:

— Товарищ Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета! Разрешите вам заявить от всех частей Первой Конной армии, что это Красное Знамя будет с нами всегда, вдохновляя на борьбу с врагами Республики.

С. М. Буденный под звуки оркестра и крики «ура!» со Знаменем объезжает фронт частей Конной армии, затем конармейцы четкими колоннами на быстрых аллюрах проходят мимо трибуны. Их приветствуют М. И. Калинин, К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный. Помню, что в эти минуты хлынул проливной дождь, но он не помешал нашему празднику.

На следующий день участники парада демонстрировали высокое мастерство в состязаниях по различным видам конного спорта.

Вскоре после этого парада дивизии Первой Конной были переведены в новые районы дислокации в различные военные округа, С. М. Буденный был назначен помощником главкома по кавалерии и членом Реввоенсовета Республики, а в 1924 году — инспектором кавалерии РККА. Официально в октябре 1923 года Конная армия как оперативное объединение прекратила свое существование.

Впоследствии Семен Михайлович Буденный неоднократно посещал 6-ю Чонгарскую дивизию, и к каждому его приезду весь личный состав дивизии, носившей имя легендарного командарма, тщательно готовился. Для чонгарца было самым большим огорчением, когда, упрекая за промахи в службе, ему говорили:

— Какой же ты буденновец!

Мы, молодые тогда командиры, любовались статной фигурой С. М. Буденного, его завидной выправкой и внешним видом. Все это так хорошо сочеталось с его боевой славой и авторитетом полководца, что нам хотелось и во внешнем виде подражать С. М. Буденному. Дело доходило порой до курьезов. Однажды прошел слух, что фуражку Буденному делал один из мастеров Минска, а брюки («уланки») — в городе Рогачеве. Многие командиры кавалерийских частей Белорусского военного округа захотели шить эти вещи, «как у Буденного». На этом деле хорошо заработали минские и рогачевские мастера.

Первая моя личная встреча с С. М. Буденным состоялась в начале 1937 года в Москве. Меня вызвали в Инспекцию кавалерии РККА. Предстоял разговор о моей дальнейшей службе.

Со мной беседовал заместитель инспектора кавалерии РККА И. В. Тюленев. Вдруг в кабинет энергично вошел С. М. Буденный. Когда Тюленев представил меня, маршал крепко пожал

мне руку и включился в беседу. Не скрою, мне было очень приятно: со мной говорил сам Буденный.

— Так вы командир кавалерийского полка дивизии товарища Белокосова? — обратился ко мне Семен Михайлович. — Доложите, пожалуйста, как дивизия устроена в новом военном городке, полностью ли укомплектована людьми и лошадьми, каково состояние боевой готовности, уровень боевой и политической подготовки полка.

Выслушав мой доклад, маршал задал несколько вопросов. Его интересовало, откуда я родом, кто родители, какое военно-учебное заведение окончил. Я ответил, что закончил Киевскую объединенную школу командиров имени С. С. Каменева. Буденный заметил, что это одно из лучших наших военно-учебных заведений, которое готовит командиров для работы в звене эскадрон — полк. А потом спросил:

— Есть ли у вас желание работать в Инспекции кавалерии? — И, не дожидаясь ответа, продолжил: — Командуя полком, вы хорошо знаете положительные стороны и недочеты только своего полка, возможно дивизии, а если будете работать в Инспекции кавалерии, будете знать всю кавалерию, ее богатый опыт и замечательные традиции. Работа в центральном аппарате — это большая школа, которая многому учит, но и ко многому обязывает.

Я осторожно стал просить дать мне возможность еще послужить в полку. Семен Михайлович терпеливо выслушал мою просьбу и, обращаясь к И. В. Тюленеву, сказал:

— Ну что ж, пусть еще покомандует полком.

Однако по неизвестным мне причинам вскоре я был все же переведен в Инспекцию кавалерии РККА. Спустя шесть лет, уже в ходе Великой Отечественной войны, маршал С. М. Буденный сам напомнил мне о нашей первой встрече. Было это при следующих обстоятельствах. Мне как помощнику генерал-инспектора кавалерии РККА было поручено руководить оперативным отделом. Как-то в одну из зимних ночей 1942 года меня вызвал генерал-инспектор кавалерии О. И. Городовиков и предупредил:

— Будьте готовы примерно через час доложить Маршалу Советского Союза С. М. Буденному о состоянии, положении и использовании кавалерийских соединений действующей армии.

Служебная обязанность и обстановка на фронте требовали от работников центрального аппарата ежеминутной готовности доложить по любому вопросу из круга своих обязанностей. К докладу я был готов, но меня очень беспокоил вопрос, как я смогу делать предложения об использовании кавалерии такому специалисту, как С. М. Буденный. Осмотрев свой внешний вид, я зашел в кабинет генерал-полковника О. И. Городовикова, где у стола уже стоял Маршал Советского Союза С. М. Буденный. Представился. Семен Михайлович, протягивая руку, пристально посмотрел на меня и сказал:

— Если не ошибаюсь, я вам еще несколько лет назад говорил, что если будете работать в Инспекции кавалерии, то будете хорошо знать всю кавалерию. Вот мы сейчас и проверим ваши знания. Докладывайте.

По ходу доклада Семен Михайлович задавал много вопросов. Закончив, я сложил карты, взял свою рабочую книгу и приготовился идти. Семен Михайлович посмотрел на меня, как бы что-то вспоминая, и спросил:

— А вы не знаете, куда делся кавалерийский эскадрон, который обслуживал манеж в Хамовниках?

Вместо меня ответил генерал-полковник О. И. Городовиков. Он сказал, что на базе этого эскадрона в 1941 году был развернут Особый кавалерийский полк Народного комиссариата обороны, а командиром этого полка был назначен товарищ Карпачев.

— Так, оказывается, вы являетесь главным виновником «пропажи» эскадрона, — с улыбкой сказал Семен Михайлович. — А ведь там были прекрасные люди и несколько голов хороших чистокровных лошадей. Куда они делись?

Я принял, как говорят, основную стойку и доложил, что этот кавалерийский полк принял участие в боевых действиях в районе западнее Звенигорода, а затем был включен в состав 2-го гвардейского кавалерийского корпуса...

Спустя несколько дней в мою рабочую комнату вошел генерал-полковник О. И. Городовиков и сказал, что завтра в 5 часов утра я должен быть на квартире у С. М. Буденного.

— Адрес знаете? — спросил он.

— Нет, — ответил я.

Ока Иванович, сообщив адрес, добавил, что мне поручено сопроводить Семёна Михайловича в поездке во 2-й гвардейский кавалерийский корпус.

— Учтите, вашим докладом маршал остался доволен, так что не уроните свою репутацию, — сказал Ока Иванович и посоветовал хорошо изучить маршрут поездки в корпус. Похвала маршала Буденного ободрила меня.

В 4 часа 50 минут я вошел в подъезд дома на улице Грановского. Мне показали нужную квартиру. Ровно в пять я осторожно нажал кнопку звонка. Дверь открыла женщина. Я назвал себя.

— Пожалуйста, входите, раздевайтесь, — сказала она, показав на вешалку, и ушла в глубь квартиры. Как потом я узнал, это была жена маршала — Мария Васильевна. Думая, что маршал появится в готовности к выходу, я, не раздеваясь, стоял в прихожей. Вдруг из комнаты вышел С. М. Буденный и на ходу спросил:

— Сильно буксовали?

Я ответил, что пришел пешком. Маршал весело заметил:

— Разве буксуют только на машинах? — и спросил, почему я не раздеваюсь. В это время из глубины квартиры послышалось:

— Сема, я ведь предлагала товарищу раздеться.

— Надо было сказать ему, что будем завтракать, он бы быстро разделся, — в шутку сказал маршал.

После такой встречи меня покинуло чувство скованности, и я вслед за Семеном Михайловичем вошел в столовую.

— Садитесь, — пригласил маршал. — Погода морозная, а путь далекий, надо заправиться.

Во время завтрака Семен Михайлович спросил, долго ли я добирался и где я живу.

— Некоторые генералы и офицеры Инспекции, в том числе и я, живут в своих служебных кабинетах, — приподнимаясь, ответил я.

— А как организовано питание? — спросила хозяйка.

— Обедаем в столовой, а завтракаем и ужинаем в буфетах, которые работают круглосуточно, а при необходимости получаем на руки сухой паек, — ответил я.

Мария Васильевна расспрашивала о моей семье, где она находится, как здоровье детей.

Быстро позавтракав, Семен Михайлович поднялся из-за стола и в шутку скомандовал «По коням!». Проехав по морозной и по-военному строгой, деловой Москве, мы выехали на очищенное от снега Волоколамское шоссе. Сидя на переднем сиденье машины и немного повернувшись ко мне, маршал спросил, давно ли И. А. Плиев командует этим корпусом.

Я ответил, что после гибели генерала Доватора в декабре 1941 года Плиев возглавил корпус, а до этого командовал 3-й гвардейской дивизией в этом же корпусе.

— Значит, товарищ Плиев имеет хороший опыт в командовании кавалерийскими соединениями в боевых условиях, — заметил маршал. Он вздохнул и после некоторой паузы, уже не поворачиваясь ко мне, сказал: — Да, корпус Доватора сыграл немаловажную роль в разгроме немецко-фашистских войск под Москвой, за что он был преобразован в гвардейский, а генералу Доватору посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Доватор был умный, грамотный, перспективный генерал, и его гибель — большая утрата для нашей армии. Я ведь знал Доватора еще по Особой кавалерийской бригаде, которая стояла в Москве в Хамовниках. Это была образцовая часть, которая по внутреннему распорядку и некоторым видам боевой подготовки служила эталоном для многих кавалерийских частей, и большая заслуга в этом была начальника штаба бригады товарища Доватора.

Примерно на полпути нам встретилась небольшая группа всадников на лошадях монгольской породы. Подъехав к ним, маршал внимательно рассматривал всадников и лошадей. Затем сказал:

— Мы закупили в Монгольской Народной Республике большую партию лошадей. Монгольские лошади небольшого роста, они не блещут своим внешним видом, но война показала, что

эти лошади крепкие, выносливые, они неприхотливы, что важно в период войны. Кроме того, они легко переносят тяжелые погодные условия. Мы благодарны народу Монголии за поставку нам таких лошадей, это способствует успешному решению нашей общей задачи — быстрейшему разгрому немецко-фашистских захватчиков.

Свернув с Волоколамского шоссе, мы не без труда добрались до Спас-Нуделя. Вскоре машина остановилась у дома, где маршала Буденного встретил командир 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майор И. А. Плиев. Выйдя из машины и выслушав краткий и четкий доклад командира корпуса, Семен Михайлович тепло поздоровался с ним и сказал:

— Я внимательно следил за действиями корпуса в тылу немецких войск и с удовольствием читал сообщения врага о том, что в его тылу появились «сто тысяч советских казаков», которые паводят страх и панику среди тыловых частей немецких войск. Вы согласны с таким сообщением? — спросил маршал, обращаясь к Плиеву.

— Товарищ маршал! Думаю, что на этот раз личный состав корпуса опровергать сообщение немцев не будет, — ответил Исса Александрович.

Войдя в дом, где разместился генерал-майор Плиев, маршал заслушал доклад командира и комиссара корпуса полковника Туликова. Комиссар подчеркнул, что морально-политическое состояние личного состава корпуса высокое, бойцы рвутся в бой, и добавил, что это объясняется и недавним разгромом немцев под Москвой, в котором принимал участие и 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Командование корпуса обратилось к маршалу с просьбой помочь в быстрейшем и возможно более полном обеспечении частей корпуса всем необходимым для жизни и боя. Затем маршал дал некоторые указания и, обращаясь к генералу Плиеву, сказал:

— Пока корпус находится в резерве, главной задачей командования корпуса является в кратчайшие сроки привести все части к полной боевой готовности. Вашу просьбу учту и постараюсь помочь.

Далее маршал сказал, что в предстоящих операциях фронта 2-й гвардейский кавалерийский корпус, усиленный танковыми частями и средствами ПВО, вероятно, будет действовать в качестве подвижного средства для развития успеха. Корпусу придется вести боевые действия главным образом в оперативной глубине противника, где, как известно, неизбежны и удары авиации противника, и контратаки, в особенности его танков. Поэтому, подчеркнул он, подготовку всех категорий военнослужащих необходимо организовать и проводить с учетом этих особенностей.

— При этом особое внимание, — продолжал Буденный, — надо обратить на маршевую подготовку частей. В занятиях с офицерами и в подготовке штабов главный упор следует сделать на

вопросы взаимодействия с танками и артиллерией, на отражение ударов авиации противника, его контратак, особенно танков. Я уж не говорю о ведении непрерывной и активной разведки. Ваш корпус имеет большой боевой опыт в ведении боевых действий в тылу противника, поэтому я уверен, что личный состав 2-го гвардейского корпуса и в предстоящих операциях будет умело выполнять поставленные задачи.

Маршал тепло простился с генерал-майором Плиевым и полковником Туликовым. Садясь в машину, он посмотрел Плиеву в глаза и весело сказал:

— Так, значит, опровергать немецкие сообщения о действиях ваших казаков не будем?

— Нет, — решительно ответил генерал.

День клонился к вечеру, и мы выехали в Москву. Как только миновали населенный пункт, в котором размещался штаб корпуса, маршал спросил, был ли я в штабе и получил ли все необходимые данные об укомплектовании частей корпуса.

— Так точно, товарищ маршал, — ответил я. — Был и имею все необходимые данные.

— А вам известно, как в Инспекции кавалерии оценивается штаб этого корпуса? — спросил маршал.

— Штаб 2-го гвардейского корпуса в Инспекции оценивается как один из лучших кавалерийских штабов, а что касается начальника штаба подполковника Радзиевского, то это энергичный, грамотный офицер. Он окончил военные академии имени Фрунзе и Генерального штаба, — ответил я.

Затем, немного помолчав, Семен Михайлович весело сказал:

— Оказывается, и командир и комиссар корпуса раньше служили в 6-й кавалерийской дивизии.

— Так точно, — ответил я.

— А вы откуда знаете? — последовал вопрос.

— В довоенное время Плиев командовал 32-м кавалерийским полком, а Туликов был секретарем партбюро, а я заместителем командира 34-го кавалерийского полка 6-й кавдивизии.

— Могу вам сообщить, что я, — сказал Семен Михайлович, — тоже имею к этой замечательной дивизии некоторое отношение, она носит имя Буденного... Как только возвратитесь в Инспекцию, немедленно доложите Оке Ивановичу обо всех нуждах корпуса и передайте от меня просьбу о необходимости срочно принять меры для быстрого восстановления полной боеспособности корпуса. Надо оказать помощь в быстрейшем обеспечении его всем, о чем шла речь в штабе корпуса.

В январе 1943 года Маршал Советского Союза С. М. Буденный был назначен командующим кавалерией Советской Армии и членом Высшего военного совета НКО СССР.

Учреждение должности командующего кавалерией и создание штаба кавалерии ставило этот род войск на уровень других родов войск нашей армии, а назначение такого легендарного пол-

ководца командующим кавалерией еще больше повысило авторитет центрального руководящего кавалерийского органа и этого рода войск.

Вступив в командование кавалерией, Семен Михайлович с присущей ему энергией и деловитостью, а под его непосредственным руководством и штаб кавалерии приступили к решению важнейших вопросов, связанных с боевой деятельностью кавалерийских соединений. Так, все кавалерийские корпуса стали трехдивизионного состава, кавалерийские дивизии, сформированные в ходе войны, были доведены до штатов кадровых дивизий. В их состав были включены танковые полки, артиллерийские, зенитные и противотанковые подразделения. Они были обеспечены необходимыми техническими средствами связи и управления, имели в своем составе необходимые саперные и тыловые подразделения. Эти и другие мероприятия резко увеличивали боевую способность кавалерийских частей и соединений. С учетом опыта войны были разработаны наиболее эффективные способы использования кавалерийских соединений в составе штатных и временно создаваемых конно-механизированных групп как средства фронтового командования для развития успеха в наступательных операциях. Большое внимание было уделено подготовке и переподготовке офицерского состава кавалерии, а также повышению боевой и политической подготовки маршевых подразделений и запасных частей в целом. В кавалерийские корпуса регулярно выезжали генералы и офицеры штаба, которые оказывали на местах необходимую помощь и поддерживали связь со штабом кавалерии.

В результате проведенных мероприятий боевые качества кавалерии значительно возросли. Кавалерийские соединения в ходе Великой Отечественной войны принимали участие во многих важнейших операциях наших войск. Они во взаимодействии с другими родами войск, и особенно с танковыми частями и авиацией, успешно выполняли поставленные боевые задачи и внесли свой достойный вклад в общее дело разгрома немецко-фашистской Германии и милитаристской Японии.

За проявленную храбрость и мужество 210 воинов-кавалеристов удостоены высокого звания Героя Советского Союза, сотни тысяч человек награждены боевыми орденами и медалями, 7 кавалерийских корпусов и 17 кавалерийских дивизий действующей армии стали гвардейскими. Многие кавалерийские соединения отмечены высокими правительственными наградами и получили почетные наименования.

Во время Великой Отечественной войны советские кавалеристы показали себя достойными наследниками и преемниками славных боевых традиций буденновцев. Среди них было немало бойцов и командиров, в годы гражданской войны храбро сражавшихся с врагами под командованием С. М. Буденного.

15 мая 1945 года С. М. Буденный приехал в поверженный Берлин. Прибыв в столицу разгромленной Германии, Семен Михайло-

вич прежде всего отправился к Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову, а я тем временем по поручению С. М. Буденного уточнял в штабе фронта расположение кавалерийских корпусов, принимавших участие в Берлинской операции.

На следующий день, это было 17 мая, Семен Михайлович в сопровождении члена Военного совета 5-й ударной армии генерал-лейтенанта Ф. В. Бокова знакомился с городом. Побывали в бывшей канцелярии Гитлера, где у входа собралось много военнослужащих. Семел Михайлович, заметив на груди у одного офицера орден Александра Невского, обратился к нам:

— А вы знаете, что этот известный русский полководец более 700 лет тому назад, в 1242 году, на Чудском озере разгромил немецких захватчиков — цесов-рыцарей?! Тогда он сказал очень справедливые слова: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет!» Прежде чем поднять меч на нашу социалистическую страну, Гитлеру и его союзникам надо было бы хорошенько изучить весьма полезные уроки истории. — И погрозили пальцем в сторону полуразрушенного здания рейхсканцелярии.

18 мая маршал С. М. Буденный был срочно вызван в Москву, где, как я позже узнал, он принимал активное участие в разработке церемониала и подготовке войск к Параду Победы.

Работая начальником отдела и заместителем начальника штаба кавалерии Советской Армии, я неоднократно выполнял служебные поручения командующего. А в августе 1944 года, когда вернулся из очередной поездки в кавалерийские соединения, меня вызвал С. М. Буденный. Встав из-за стола, он зачитал приказ о моем назначении на должность начальника штаба кавалерии. Выслушав поздравления командующего кавалерией и поблагодарив за доверие, я сказал, что постараюсь оправдать его. Семен Михайлович пригласил меня сесть и сказал:

— Хочу, чтобы вы, как коммунист и офицер, хорошо осознали ту ответственность и тот большой объем работы, который придется выполнять. Послушайте некоторые мои вам советы. — И он предельно четко и лаконично сказал примерно следующее: — Первое. При организации работы коллектива необходимо, чтобы все отделы и каждый работник знали, над решением каких главных вопросов они должны работать сегодня, завтра и в ближайшем будущем.

Второе. В своей работе опирайтесь на партийную организацию. Это большая сила, которая всегда поможет мобилизовать личный состав на успешное решение стоящих задач.

Третье. Лично держите под неослабным контролем выполнение приказов Наркома обороны СССР, директив Главного политического управления и Генерального штаба РККА.

Работая над текущими вопросами, надо с дальним прицелом смотреть вперед. — В этот момент Семен Михайлович, прищурив левый глаз, как бы приготовившись стрелять, пальцем показал вдаль. Затем, выйдя из-за стола, подошел ко мне и продол-

жил: — Четвертое. Свои служебные отношения с подчиненными стройте по принципу «начальник и подчиненный» и не смущайтесь, что среди ваших подчиненных есть товарищи с более высокими воинскими званиями.

Одной из важнейших задач штаба, — сказал далее маршал, — надо считать обеспечение постоянной высокой боеспособности кавалерийских соединений и оказание им помощи для успешного выполнения поставленных задач. Необходимо организовать более активное изучение боевого опыта войск и широко внедрять его в практику обучения, организацию и ведение боевых действий кавалерийских соединений...

Я проработал под непосредственным руководством маршала С. М. Буденного около десяти лет — в должности начальника штаба кавалерии, а затем заместителя инспектора кавалерии Советской Армии. Мне особенно запомнились его огромная военная эрудиция и такая же огромная работоспособность. Он был требователен к подчиненным и сам с высокой ответственностью относился к делу, все вопросы решал, исходя из интересов государства. В связи с этим приведу один пример. Как командующий кавалерией, он стремился дать армии хороших лошадей, но закупить их в конезаводах подешевле, а как заместитель министра сельского хозяйства СССР по коневодству, он был заинтересован поставить армии лошадей подороже. И решался этот щепетильный вопрос в интересах государства. Так, было установлено, что цена лошади должна определяться ее качеством, которое оценивалось согласно разработанным инструкциям. Благодаря усилиям С. М. Буденного конные заводы давали армии хороших лошадей и получали за них хорошую цену, что являлось дополнительным стимулом в деле выращивания хороших лошадей.

Семен Михайлович служил для всех примером дисциплинированности. Всегда вовремя, имея отличный внешний вид, он появлялся на своем рабочем месте, принимался за решение очередных дел и от всех подчиненных требовал своевременного и качественного выполнения полученных заданий, строгого соблюдения установленного распорядка дня.

Семен Михайлович нетерпимо относился к нарушителям дисциплины. Вспоминается такой случай. Однажды он спросил, когда я смогу завтра доложить ему материал по одному очень важному вопросу. Я сказал, что к 10 часам утра, и тут же почему-то счел нужным добавить:

— Тогда вам раньше 10 часов можно и не приезжать на работу.

Семен Михайлович посмотрел на меня испытующим взглядом и сказал:

— Что ж, по-вашему, я должен завтра нарушить святая святых — дисциплину? Завтра я опоздаю на работу, послезавтра вы последуете моему примеру, а затем и другие работники штаба? Я буду, как всегда, вовремя,

Семен Михайлович был не только требовательным, но в то же время заботливым и внимательным к людям. Строго взыскивая за упущения в работе, он никогда не унижал человеческого достоинства. Кроме того, Семен Михайлович, как говорится, не помнил зла. За недочеты взыскивал, за хорошие дела поощрял. Однажды, проходя по служебному помещению, Семен Михайлович обратил внимание на несколько необычный, нездоровый вид одного из начальников отделов, которого днем раньше крепко отчитал за допущенные промахи в работе. Узнав, что офицер страдает от радикулита, Семен Михайлович велел послать кого-нибудь к нему домой и привезти специальную мазь, рецепт которой он имел еще со времен гражданской войны.

Семен Михайлович принадлежал к той группе руководителей, которые не только учат других, но и сами учатся полезному у людей. Кроме военных дел, в силу своего служебного положения, особый интерес Семен Михайлович проявлял к коневодству и другим отраслям сельского хозяйства. Причем, как мне кажется, не только потому, что он одновременно с должностью командующего кавалерией занимал пост заместителя министра сельского хозяйства СССР, а и потому, что он был весьма пытливым человеком и всегда стремился к познанию нового.

Семен Михайлович часто встречался с учеными, специалистами и передовиками труда. Присутствуя иногда на этих встречах, я замечал, как он внимательно выслушивал их предложения по тому или иному вопросу, как пытливо задавал вопросы и требовал обоснованных ответов.

С большим вниманием Семен Михайлович следил за развитием военного искусства, за практическим использованием опыта Великой Отечественной войны в обучении войск, штабов и офицерских кадров. Он принимал активное участие в разработке новых уставов и наставлений, в частности относящихся к кавалерии.

Окончив в 1950 году Высшие академические курсы при Академии Генерального штаба, я вновь получил назначение на должность начальника штаба кавалерии Советской Армии. Уже в первой беседе, а затем и при каждом удобном случае Семен Михайлович внимательно расспрашивал, как изучается опыт Великой Отечественной войны, каковы метод обучения слушателей и формы воспитания у них волевых качеств, способы выработки инициативных решений на организацию и ведение операций. В повседневной служебной деятельности Семен Михайлович всегда внимательно и терпеливо выслушивал доклады подчиненных и особенно их предложения. В этих случаях он обычно требовал всестороннего обоснования предлагаемых мероприятий. И, как неоднократно я замечал, эти методы он обычно применял не только для более глубокого уяснения вопроса, но и для проверки того, насколько сам докладчик правильно понял его суть.

Хочу сказать еще о том, что маршал С. М. Буденный всегда дорожил временем и презирал разгильдяев. Однажды я находился

у него с докладом. Зазвонил телефон. Взяв трубку и выслушав, Семен Михайлович сказал:

— А вы знаете, что значит опоздать на одну минуту на отходящий самолет или поезд? — Наступила маленькая пауза. — Вы рискуете просидеть в аэропорту или на вокзале целые сутки, а следовательно, не сможете своевременно выполнить порученное задание! — Маршал с треском положил трубку. — Это один из ответственных работников Министерства сельского хозяйства, приносит извинения за то, что он на «минутку» запаздывает с докладом, — возмущенно обратился он ко мне.

Подобные уроки Семен Михайлович преподавал нарушителям дисциплины неоднократно.

Я навестил Семена Михайловича, когда ему исполнилось девяносто лет. В завязавшей теплой беседе он сказал, что много работает, хочет быстрее завершить мемуары «Пройденный путь». А потому чувствует усталость. Я отважился посоветовать ему не работать так напряженно, чтобы не переутомляться, на что маршал с нескрываемым раздражением заметил:

— У меня еще много дел, а времени, чувствую, остается мало, поэтому я обязан торопиться.

По выходе в свет первой книги мемуаров «Пройденный путь» Семен Михайлович подарил мне ее со следующей надписью: «Дорогому Петру Сафроновичу в память совместной долголетней и плодотворной нашей работы», причем подарок был приурочен к 40-летию Советских Вооруженных Сил — 22 февраля 1958 г. Эти теплые слова и высокую оценку моей долголетней работы я с радостью отношу прежде всего к моим товарищам по совместной работе в штабе кавалерии Советской Армии.

Семен Михайлович, как я уже говорил выше, обладал феноменальной памятью. Как правило, записями пользовался редко, лишь в исключительных случаях. Читал он медленно, но прочитанное мог через много времени повторить почти дословно. Он мог безошибочно точно назвать место и время давнего события, имена его участников. Особенно я удивлялся этому, когда он работал над своими воспоминаниями «Пройденный путь». Однажды, слушая его указания, я заносил в рабочую книгу записи для памяти. Заметив это, Семен Михайлович сказал:

— Учиняя записи, вы можете отвлечься и упустить важный вопрос. — А затем подошел ко мне и, опираясь на мое плечо, стал рассматривать только что сделанные мною заметки.

— А вы знаете, я ведь в гражданскую войну тоже немного работал в должности начальника штаба кавалерийской дивизии и ничего не записывал, а помнил все. — Но чтобы его замечание я не принял как упрек, Семен Михайлович сказал: — Если вам необходимо записывать, я мешать не буду.

И тут же рассказал такой случай. Когда в 1919 году кавалерийский корпус Буденного занял город Воронеж, начальник штаба корпуса, известный герой гражданской войны С. А. Зотов, лежа у дороги, писал приказ о его взятии. Проезжавшие мимо коман-

дирь говорили ему, что Воронеж уже взят и Буденный там, на что Зотов отвечал:

— Я вам не мешал брать Воронеж, не мешайте мне писать приказ на его захват.

Семен Михайлович Буденный был жизнерадостным и остроумным человеком. За многие годы совместной с ним работы я никогда не замечал, чтобы он явился на службу в плохом настроении. Стоило с утра увидеть его или услышать по телефону его бодрый, энергичный голос, как на целый день появлялось хорошее рабочее настроение. Все подчиненные трудились плодотворно. Он обладал драгоценным чувством юмора, и часто вовремя сказанная им шутка ободряла собеседника, поощряла его к более откровенному разговору. Говорят, что эти особые качества человека обычно являются спутниками долгожителей. Семен Михайлович прожил свыше 90 лет. И «виной» тому не только отмеченные мной качества характера, но и другие немаловажные факторы — был он физически крепким и выносливым человеком, чему во многом способствовали регулярные занятия физкультурой и спортом, в особенности верховой ездой, а в молодости и конным спортом. Приведу один характерный случай. Как-то уже в пожилом возрасте маршал проверял боевую подготовку и состояние боевой готовности кавалерийских частей Северо-Кавказского военного округа. Непрерывно в течение суток Семен Михайлович находился в частях. В ту же ночь он поднял части по тревоге с последующими суточными тактическими учениями. И вот перед предстоящим финалом учений я предложил маршалу немного отдохнуть. Он вопросительно посмотрел на меня и велел подать ему лошадь. Легко вскочил на коня. Когда я повторил свое предложение насчет отдыха, он сказал:

— А я что, по-вашему, делаю? Отдыхаю...

Семен Михайлович всегда предпочитал активный отдых. Свободное от службы время он посвящал охоте и игре в бильярд, в которой был признанным мастером. Кстати, хочу добавить, что, учитывая большую пользу занятий верховой ездой для здоровья, Семен Михайлович явился инициатором и сделал все от него зависящее для того, чтобы предоставить возможность некоторым товарищам из руководящего состава военных округов и центрального аппарата Министерства обороны СССР заниматься верховой ездой.

С. М. Буденный испытывал, я бы сказал, жажду встреч с людьми. При этом он был доступен для людей любого служебного положения и возраста: солдата и генерала, рабочего и колхозника, специалиста и руководителя предприятия, пенсионера и школьника. Встречи эти происходили не только в служебном кабинете или при выезде в различные районы страны. Нередко у него дома можно было встретить его земляков и станичников, однополчан по русско-японской и первой мировой войнам. Особенно радовался С. М. Буденный встрече с конармейцами и ветеранами Великой

Отечественной войны. Умудренный большим жизненным опытом, он давал людям добрые советы не только по служебным делам или специальным вопросам, но и при трудностях в личной жизни. Просто, доходчиво и убедительно разъяснял вопросы внутренней и внешней политики нашей партии и государства. Как депутат и член Президиума Верховного Совета СССР, заинтересованно выслушивал предложения, жалобы и просьбы, которые не оставлял без внимания.

Особую заботу проявлял Семен Михайлович об инвалидах гражданской и Великой Отечественной войн. Однажды я зашел к нему в кабинет. Закончив телефонный разговор и поздоровавшись со мной, Семен Михайлович сказал:

— Вот только что говорил с секретарем уже третьего обкома партии. Жалуются некоторые инвалиды Великой Отечественной войны. — Он протянул мне лист бумаги, где были указаны фамилии и имена людей, место их жительства и суть жалоб или просьб. — Хотя эти жалобы и незначительны, — продолжал маршал, — для людей они, видимо, имеют большое значение. Ну вот, например, одному товарищу требуются необходимые медикаменты, а их в местной аптеке нет. Или продолжительное время не могут отремонтировать инвалиду машину. А вот человек потерял во время войны зрение, хочет приобрести баян, а ему не продают его в кредит. Казалось бы, все эти вопросы можно решить на месте и быстро, не вынуждая людей нервничать и писать жалобы. Ах нет...

Большое внимание уделял Семен Михайлович детям. В доме Буденных часто в дни праздников и семейных событий звенели радостные детские голоса. Он увлеченно и весело проводил с ними время, рассказывал о незабываемых встречах с В. И. Лениным, о тяжелой судьбе неграмотных детей в царской России и других странах, о счастливой жизни советских детей. Приведу такой случай. Летом 1953 года я сопровождал маршала в поездке на военно-конные заводы Дубовской группы. Стояла очень жаркая погода. Маршал с раннего утра до одиннадцати часов был занят большой плановой работой, изрядно устал, особенно от жары. И, окончив работу, вернулся в свой вагон, чтобы отдохнуть. В это время к нему обратилась женщина — директор одного овцеводческого совхоза — с просьбой посетить совхоз. Семен Михайлович поблагодарил ее за приглашение и сказал, что он слишком занят, сегодня не может, а через один-два дня обязательно побывает в совхозе. Но когда женщина сказала, что сегодня в совхозе открывается новая школа, на такой большой праздник соберутся дети, которые знают, что неподалеку, в полусотне километров от совхоза, находится Семен Михайлович Буденный, маршал быстро собрался и распорядился подать машину.

Приехали в совхоз. Семени Михайловича радостно приветствовали дети. Было приятно смотреть на их веселые лица. Буденный тоже был весел, улыбался. Он тепло поздравил ребят с от-

критием новой школы. Пожелав им успешной учебы, он призвал их активно помогать совхозу выращивать очень нужных государству животных.

Семен Михайлович был интересным собеседником, остроумным и веселым рассказчиком. При этом у него в арсенале был большой запас интересных рассказов и воспоминаний из личной жизни и жизни его боевых соратников и друзей. Тему для беседы он выбирал с учетом интересов аудитории, на вопросы слушателей отвечал обычно распространено, старался как можно доходчивее изложить суть дела. Никакой вопрос слушателя не заставлял его врасплох, и, отвечая, он, как говорят, за словом в карман не лез.

В свободные минуты Семен Михайлович часто брал в руки гармошку. Тронув усы, артистически перебирал пальцами лады. И, озорно подмигнув, начинал играть плясовую или, тихонько напевая приятным голосом, затягивал любимую песню, которую, как он говорил, в годы боевых походов гражданской войны пели с К. Е. Ворошиловым...

Вот таким я знал Маршала Советского Союза Семена Михайловича Буденного. Человек большой души, он сочетал в себе мудрость государственного деятеля с талантом полководца.

БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ

*Е. В. КОЖЕВНИКОВ,
главный редактор журнала
«Коневодство и конный спорт»*

Мысль о том, что я могу встретиться в Семеном Михайловичем Буденным, а тем более подружиться и в течение десятилетий сотрудничать, мне и в голову не приходила. В 30-е годы, с которых я хочу начать свои воспоминания о С. М. Буденном, я был всего лишь молодым специалистом, научным сотрудником Всесоюзного научно-исследовательского института коневодства, а имя Буденного гремело по всей стране...

Однажды директор института вручил мне пакет и попросил как можно скорее отнести его С. М. Буденному и вручить лично. Второпях я даже не сообразил, что мне не дали его адреса, и, спохватившись на улице, вернулся к профессору В. О. Витту, который, я знал, не раз бывал у С. М. Буденного. Владимир Оскарович подробно рассказал мне, как проехать в Шереметьевский переулочек (ныне ул. Грановского) и найти квартиру Семена Михайловича.

И вот я у подъезда громадного дома. Нахожу номер квартиры и нажимаю кнопку звонка. Дверь открыла пожилая женщина.

— Семен Михайлович дома?

— А вы... кто?

— Я из Института коневодства, мне поручено передать Семену Михайловичу пакет.

— Входите, пожалуйста,— сказала она и проводила меня в кабинет.

— Здравствуйте,— встал мне навстречу хозяин. Выйдя из-за стола, он подошел ко мне и крепко пожал руку.

Я передал пакет. Он поблагодарил, и мы распрощались.

На следующий день мне снова было поручено отвезти С. М. Буденному пакет с материалами, нужными ему для выступления на совещании в Московском городском комитете партии.

А спустя некоторое время мы познакомились ближе. Семен Михайлович работал над брошюрой, издававшейся Партиздатом под названием «Машина и конь — верные помощники колхоза» (брошюра вышла в 1934 году). Я должен был оказать ему помощь в подготовке материалов.

Встретил меня Семен Михайлович уже как старого знакомого. Поделился своими соображениями по некоторым вопросам, которые он хотел осветить в брошюре. В то время это были очень важные проблемы, касавшиеся не только коневодства, но и ключевых направлений в развитии и становлении всего сельского хозяйства. В стране шла коллективизация. «Правда» и другие центральные газеты постоянно публиковали статьи по проблемам строительства новой жизни в деревне. Часто печатался и С. М. Буденный. Так, 26 января 1933 года «Правда» опубликовала его выступление на сессии ЦИК СССР. С. М. Буденный остро ставил вопрос о развитии советского коневодства и правильном сочетании машин, тракторов и тягловой силы. «На базе величайших успехов, достигнутых нами за истекшие четыре года,— говорил на сессии С. М. Буденный,— мы утверждаем народнохозяйственный план первого года второй пятилетки. Было бы ошибочно думать, что в 1933 году мы будем двигаться вперед без трудностей. Трудности будут, и их мы успешно преодолеем, но для этого нужно изменить некоторые методы и способы нашей работы, повысить темпы и качество... Только при умелом сочетании трактора и лошади можно добиться нужных результатов в сельскохозяйственном производстве». Далее он сказал, что этого многие еще не понимают, но наши планирующие органы и организации должны глубоко и внимательно изучить потребности народного хозяйства в живой тягловой силе во второй пятилетке.

Эти мысли и легли в основу подготавливаемой брошюры. Когда материал был отредактирован, он прочитал его и подписал. Так мы быстро сделали первую брошюру. А потом было много творческих встреч. Семен Михайлович обладал обширнейшими познаниями в области коннозаводства и коневодства. И хотя я окончил специальный вуз и работал в этой области несколько лет, многое слышал от него впервые. С 1928 по 1941 год С. М. Буденный опубликовал в журнале «Коневодство» около

двадцати статей. Издание журнала было возобновлено после Октябрьской революции при содействии самого Семена Михайловича, и в течение нескольких лет он был его главным редактором.

В 1967 году в связи со 125-летием выхода первого номера журнала «Коневодство» Семен Михайлович Буденный за активную работу был награжден золотой медалью ВДНХ СССР. Под руководством С. М. Буденного коренным образом изменился профиль этого журнала. Из двухнедельного издания он стал ежемесячным, объем журнала увеличился до пяти печатных листов. Тираж вырос с 2000 в 1929 году до 26 000 в 1936 году. Из приложения к московской беговой программе со спортивной хроникой он превращается в массово-производственный. В журнале публикуются важные проблемные статьи, касающиеся развития коневодства, коннозаводства и конного спорта. К работе в журнале привлекаются видные ученые — профессора В. О. Витт, Н. К. Кольцов, С. М. Ковалевский, Н. А. Юрасов и другие. Будучи печатным органом Наркомзема СССР, журнал мобилизовал читателей на выполнение планов первой и второй пятилеток, выступал за укрепление конесовхозов (в те годы так назывались государственные конные заводы). Кстати говоря, на основе конского поголовья этих хозяйств в годы Великой Отечественной войны создавались кавалерийские корпуса, обеспечивались лошадьми другие рода войск.

В статье «К реорганизации журнала», опубликованной в июньском номере за 1930 год, Семен Михайлович писал: «Сейчас, в реконструктивный период, характеризующийся невиданными в мире темпами социалистического строительства как в городе, так и в деревне, конское дело очутилось в хвосте у других отраслей хозяйства. Мы должны удесятерить наши темпы и дать стране хорошего коня... Социалистическая реконструкция сельского хозяйства с коллективизацией и ростом крупных совхозов и коневодческих кооперативных колхозов дает полную возможность правильно поставить разведение лошади в Стране Советов». Эту мысль Семен Михайлович развивает и конкретизирует в серии других статей, опубликованных в журнале. В январском номере за 1931 год помещена его статья «Коневое хозяйство и его перспективы», в 1932 году — статья «Очередные задачи коневодства». Под руководством С. М. Буденного журнал на деле становился коллективным организатором советских коневодов. Печатались сводки о ходе сева и уборки урожая, рапорты коллективов о выполнении заданий правительства, освещались вопросы развития социалистического соревнования. В июньском номере журнала за 1936 год под заголовком «Давайте работать по-стахановски» была опубликована статья — обращение Буденного к конюхам, табунщикам, специалистам коневодства, руководителям колхозов и совхозов. В то время Семен Михайлович, инспектор кавалерии Красной Армии, был по совместительству и начальником Главного управления коневодства Наркомзема СССР.

В этой яркой, пламенной статье Буденный писал: «Вся огромная армия работников колхозного и совхозного коневодства, все, кто любит дело коневодства и кому дороги интересы нашей Родины, должны выступить единым фронтом на борьбу с отсталостью советского коневодства. В этой борьбе освобожденного народа с российской отсталостью нашим боевым лозунгом должна быть заповедь бойца в наступательном бою, в атаке:

— Равнение только по передним!»

Великая Отечественная война прервала мирный труд советских людей, временно был закрыт и наш журнал. Вновь он стал выходить в 1946 году. Семен Михайлович продолжал в нем сотрудничать. Очень интересной и полезной была его статья о методах выведения буденновской и терской пород лошадей, и хотя она опубликована в январе 1949 года, но и сейчас не потеряла своего значения. С большим интересом читалась опубликованная в 50—60-х годах серия его статей о мерах по развитию конного спорта, воспоминания о походах Первой Конной армии...

Мне известно, что Семен Михайлович мечтал кроме мемуаров «Пройденный путь» создать фундаментальную работу по истории советского коневодства и коннозаводства, начал организовывать коллектив авторов, разрабатывать разделы и главы будущей книги. Свою мечту Семен Михайлович осуществить не успел... А написать такую книгу надо. Это задача его учеников и последователей.

Я пришел поздравить маршала в день его девяностолетия. В небольшом кабинете на даче, где мы сидели, стоял громадный букет любимых стелных тюльпанов, присланных ему ко дню рождения земляками. Эти цветы он очень любил...

ЛИСТАЯ ВРЕМЕНИ СТРАНИЦЫ

*И. Т. ЕСИПЕНКО,
генерал-майор в отставке,
Герой Социалистического Труда*

С 1939 по 1952 год я руководил конным заводом имени Семена Михайловича Буденного. Принял завод я по его приказу. До этого служил около двадцати лет в армии, участвовал в гражданской войне. Опыта хозяйственной работы я не имел. Завод к тому времени, как я стал директором, уже был отмечен орденом Красной Звезды. Возглавлял его со дня основания в ноябре 1920 года Михаил Иванович Чумаков — комбриг Первой Конной армии, начавший свой боевой путь конармейцем. М. И. Чумаков был не только отличным командиром, но и хозяйственником, талантливым организатором. Недаром в числе первых он был удостоен звания лауреата Государственной премии,

Уже в 1924 году за трудовые успехи заводу было присвоено имя С. М. Буденного. Коллектив конезавода решил вывести новую породу лошадей. В сохранившейся у меня газете «Сальская степь» от 10 января 1968 года напечатан очерк о заводе под заголовком «Дважды орденосный». В очерке говорится: «Шел 1923 год. На первой Всесоюзной сельскохозяйственной выставке конезаводцы демонстрировали 7 лошадей, выращенных в привольных Сальских степях. Красавцы лошади поражали всех. Любители чамами не отходили от станков...»

Уже не сотни, а тысячи лошадей насчитывал к 1930 году конезавод. Земли его в ту пору раскинулись на территории почти 43 тысяч гектаров. В августе 1933 года конезавод посетили И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный. В течение двух дней они подробно ознакомились со структурой хозяйства, его угожьями, табунами и особенно интересовались тем, какую помощь оказывает конезавод близлежащим еще не окрепшим колхозам.

Принимая это сложное многоотраслевое хозяйство, я понимал, что орден на знамени завода и славное имя, которое он носит, ко многому обязывают. Коллектив специалистов был отличный, партийная организация крепкая, и это вселяло уверенность, позволяло ставить перед заводом большие задачи. И во всех больших и малых делах я получал огромную практическую помощь от С. М. Буденного, часто посещавшего наш завод.

На поля конезавода в предвоенные годы мощным потоком двинулась техника. Хозяйство крепло, становилось многоотраслевым. Первоочередной, ударной задачей коллектива завода было выведение новой породы лошадей для Красной Армии. И он с этой задачей с честью справился. «За короткий промежуток времени удалось не только восстановить, но и усовершенствовать донскую лошадь. Справедливо было бы сказать, что нами создана новая порода на основе донской старой», — писал позже Маршал Советского Союза С. М. Буденный.

Помимо воспроизводства строевых лошадей для армии на конезаводе занимались разведением крупного рогатого скота, овец, свиней, сеяли хлеб. Конюхи, доярки, чабаны, табунщики работали самоотверженно, стремились вырастить отличных скакунов, больше дать государству мяса и хлеба.

Бывая на заводе, Семен Михайлович объезжал все производственные бригады, проверял табуны лошадей, отары овец, посевы, во все дотошно вникал — и как содержатся животные, и какова их упитанность, какие корма им даются... Он увлеченно беседовал с табунщиками, чабанами, полеводцами, расспрашивал их о работе и быте, внимательно выслушивал критические замечания и предложения.

Помню, как-то после кропотливой и напряженной работы, объездив с Семеном Михайловичем угожья не только нашего, но и соседнего завода, я сказал:

— Товарищ маршал! Время обеда давно миновало. Не пора ли вам отдохнуть?

Семен Михайлович ответил с улыбкой:

— Вы, наверное, сами устали, а приписываете это мне.

Я, несмотря на усталость, по-военному ответил:

— Никак нет!

А Буденный продолжал:

— Мы сегодня должны обязательно встретиться с учащимися школы. Я обещал.

Для сельских ребятешек эта встреча была большой радостью. Собралось более 500 человек.

Каждый раз, приезжая на конный завод, Семен Михайлович обязательно приходил к пионерам и школьникам, тепло беседовал с ними, отвечал на вопросы, давал практические советы, как научиться хорошо ездить на лошади, как ухаживать за конем.

Материалы об этих встречах публиковались в местных и областных газетах. Так, в июне 1940 года областная газета «Ленинские ввучата» опубликовала обращение участников военизированного похода — школьников поселка конного завода «Будем кавалеристами». В нем, в частности, говорилось: «Дорогие друзья! Несколько дней назад к нам на конный завод приезжал Маршал Советского Союза С. М. Буденный. Это была радостная встреча. Вера Дмитриева, Дуся Щербакова и другие школьницы нарвали полевых цветов и подарили их Семену Михайловичу. А после того, как он уехал, мы собрались, поделились своими впечатлениями... Первым делом мы решили помочь нашим родным воспитать для Красной Армии хороших, выносливых дончаков, взять шефство над жеребятами, а главное, обучиться ездить верхом на коне... Теперь мы обращаемся к вам, ребята казачьей области: возьмите и вы шефство над лошадьми. Наши старшие братья и сестры — комсомольцы — шефствуют над Военно-Морским Флотом, а мы, пионеры, будем шефствовать над конем и растить лошадей для Красной Армии. 2—3 года учебы в школе пролетут быстро, а там — и в Красную Армию. А как хорошо, если мы все придем в армию ворошиловскими всадниками!»

Когда мирные дни были прерваны войной, сотни конезаводцев встали под боевые знамена Родины. Сразу же для нужд армии с нашего завода были отправлены тысячи первоклассных лошадей. Двенадцать человек, направляясь в кавалерийские полки, взяли с собой выращенных ими лошадей, некоторым довелось воевать в знаменитом кавалерийском корпусе Доватора.

Враг продвигался в глубь страны. Нависла угроза и над большим хозяйством конного завода. Его стали готовить к эвакуации. Нужно было спасти самое ценное — лошадей. Долгим был путь за Волгу, в казахстанские степи. И там, далеко от дома, конезаводцы трудились не покладая рук под девизом: «Все для фронта — все для победы!»

В январе 1943 года после освобождения родных степей началось восстановление разрушенного фашистами хозяйства. Разбитые дома, сожженные конюшни и чабарни предстояло вновь водить возвратившимся из эвакуации труженикам завода.

В послевоенные годы маточный состав лошадей превысил довоенный уровень как в количественном, так и в качественном отношении. Коллектив продолжал работать над выведением новой породы лошадей. И многолетний труд, проделанный под личным руководством С. М. Буденного, увенчался успехом.

В это время Семен Михайлович часто приезжал на наш конезавод, много и плодотворно здесь работал. Мне особенно запомнился его проезд на конезавод летом 1947 года. Как всегда, он выглядел бодро, был весел, много шутил.

— Ну, товарищ Есипенко, показывай свои владения, — сказал и на этот раз Семен Михайлович.

Завернули в одну из чабанских бригад. Семен Михайлович уже знал, что возглавляет ее старший чабан Дедик, опытный специалист, коммунист. Поздоровались.

— Как дела, Антон Самойлович? — спрашивает С. М. Буденный бригадира. — Сколько получили ягнят на сто овцематок? Какой пастриг шерсти?

На лице Дедика удивление: откуда маршалу известно его имя и отчество? Да и в овцеводстве толк знает.

— А как с кормами? Достаточно ли припасли на зиму? — продолжает задавать вопросы Семен Михайлович.

Маршалу показали аккуратно сложенные скирды сена.

— Вижу, неплохо работаете, — ответил Семен Михайлович, довольный, пригладил пушистые усы. — Как считаешь, директор? — допытывался он.

Я подтвердил, что бригада добилась высоких показателей.

— Спасибо, Антон Самойлович, за хорошую работу, — сказал маршал и крепко пожал Дедике руку. — А теперь показывай, как сам живешь. Можно к тебе в гости?

— Пожалуйста, буду очень рад, товарищ маршал.

И вот мы в уютном домике чабана. Тепло поздоровавшись с женой Дедика, Семен Михайлович стал расспрашивать ее. Его интересовало, большая ли семья, как живут, что имеется в домашнем хозяйстве.

— Живем хорошо, спасибо Советской власти, — отвечает Мария Кондратьевна. Да и по всему было видно, что семья живет в достатке, как, впрочем, все семьи животноводов. В хозяйстве имелись корова, телка, шесть овец, два кабана, индейки, куры.

Хозяйка кинулась было накрывать на стол, но Семен Михайлович попросил ее не беспокоиться — надо ехать дальше.

— Ну хоть молочка попейте, — предлагает Мария Кондратьевна.

— Возражать не буду, — согласился гость и с удовольствием выпил стакан холодного, из погребца, молока.

В этот же день С. М. Буденный побывал у табунщиков, скотников, свинаярей — все ему понравилось, особенно то, с какой любовью относятся люди к своей работе.

...Завершив работу, уже перед самым отъездом, С. М. Буденный провел с руководителями завода краткое совещание, на котором дал практические советы и сделал несколько критических замечаний. По традиции на прощание сфотографировался с работниками завода.

Два года спустя конный завод имени С. М. Буденного по всем производственным показателям вышел на первое место в стране. В содружестве с соседними заводами мы вывели две новые породы животных: лошадь буденновской породы и овцу сальская тонкорунная.

В связи с завершением работы по выведению новых пород лошадей газета «Социалистическое земледелие» 2 декабря 1948 года отвела целую полосу, на которой были помещены материалы под рубрикой «Ценный вклад в отечественное коневодство». Были там и такие строки: «Много лет трудились специалисты и рядовые работники конных заводов имени Буденного, имени Первой Конной армии, Терского и Ставропольского над созданием ценных пород лошадей — выносливых и крепких, годных для кавалерийской службы в Советской Армии и одновременно для использования на сельскохозяйственных и транспортных работах. Этот труд завершен. Совет Министров Союза ССР признал две новые самостоятельные отечественные породы лошадей и присвоил им названия буденновской и терской».

А летом 1949 года коллектив нашего завода вновь переживал радостные и волнующие дни. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1949 года за успешную работу по выведению буденновской породы лошадей завод был награжден орденом Ленина.

Много было у меня радостных встреч с прославленным полководцем. Постоянные товарищеские связи с Семеном Михайловичем поддерживались и после того, как я ушел на пенсию. Последняя встреча с Семеном Михайловичем состоялась незадолго до его кончины, в первых числах августа 1973 года. Семен Михайлович и его супруга Мария Васильевна встретили меня очень радушно. Сразу же завязался разговор. Несмотря на преклонный возраст, маршал был бодр, хорошо помнил многие имена, даты, события.

Мы, разумеется, вспомнили далекие годы военной службы и работы, общих знакомых — участников гражданской и Великой Отечественной войн, рабочих конезаводов. Затем маршал, зная, что я живу на Ставрополье, стал расспрашивать о жизни края, о зимовке поголовья животных, видах на урожай, о новостройках и многом другом. Не преминул спросить о Пятигорском ипподроме, где когда-то присутствовал на скачках, просил передать привет ветеранам Первой Конной армии. Семен Михайлович подробно расспрашивал о работе Железноводского городского штаба

босвой и трудовой славы, который в то время я возглавлял, об участии ветеранов Советских Вооруженных Сил в военно-патриотическом воспитании молодежи и школьников. Поинтересовался, проводятся ли со старшекласниками занятия по стрельбе, тактике и другим военным дисциплинам, как оборудованы в школах ленинские комнаты и комнаты боевой и трудовой славы.

— Большое, полезное дело делаете, Илларион Тимофеевич, — сказал Семен Михайлович. Потом добавил: — Нужно, чтобы им занимались все ветераны, пусть они почаще бывают в школах, учебных заведениях, пионерских лагерях, ибо молодые люди должны знать, какой ценой завоевано для них счастье, как их деды и отцы бились с врагами за свободу и независимость Советской Родины.

ПОДАРОК МАРШАЛА

*С. З. КУЗНЕЦОВ,
полковник в отставке*

По роду своей службы мне приходилось часто встречаться с Семеном Михайловичем Буденным — и до войны, и после войны. И я не раз убеждался, сколь обширны были его познания в коневодстве. Считая коневодство делом государственной важности, Семен Михайлович отдавал ему много сил, времени, душевной энергии. Я и сейчас, вспоминая, поражаюсь, каким образом держал он в памяти имена сотен тружеников конных заводов — табунщиков, чабанов, гуртовщиков. Не менее удивительно и другое: он помнил клички и породы всех племенных и высокопродуктивных животных.

В мае 1940 года Маршал Советского Союза С. М. Буденный посетил два военно-конных завода, расположенных по соседству: Пролетарский и имени Буденного, на котором я работал военным комиссаром. При осмотре заводов маршал отметил хорошее состояние племенных жеребцов и маточных табунов на Пролетарском заводе, за что руководителям этого завода и некоторым рабочим объявил благодарность. В то же время маршал отметил нечеткий доклад дежурного табунщика командиру при сдаче дежурства. Он приказал установить такой порядок: табунщик, сдавая дежурство, должен был доложить, сколько в табуне маток, кто из жеребцов работает в табуне или в косяке, сколько маток выжеребилось и т. д.

Подведя итоги проверки, С. М. Буденный дал ясные, четкие указания по дальнейшему улучшению работы завода.

Почти всегда на инспекторские проверки он приглашал руководителей местных партийных и других органов того или иного района.

Обладая обширной эрудицией, огромным опытом, С. М. Буденный прекрасно разбирался в вопросах коннозаводства, и советы его были бесценны. Он умел придать беседе на тему, связанную с коневодством и военным делом, познавательность и поучительность, найти неожиданный ход, пример. Как-то в пере­рыве между работой речь зашла о лошадях. Вдруг он спрашивает:

— А кто написал шедевр мировой литературы о лошади? — Лукаво прищурившись, всматривался в лица собеседников. Все молчали.

— Вот так-то, не знаете и не интересуетесь. — И сам же ответил: — Этот шедевр создал великий писатель земли русской Лев Николаевич Толстой, и называется это произведение «Холстомер». Великолепно написал о лошади еще Куприн, вспомните его «Изумруд».

...В течение многих лет, еще с довоенного времени, упорно и настойчиво трудились специалисты конных заводов имени С. М. Буденного, имени Первой Конной армии, Терского и Ставропольского над созданием ценных пород лошадей — выносливых и крепких, годных для кавалерийской службы в Советской Армии, для сельскохозяйственных и транспортных работ.

И вот в 1948 году эта работа была успешно завершена — две новые отечественные породы лошадей, буденновская и терская, утверждены. С. М. Буденный, узнав об этом, прислал мне — тогда я был начальником Ставропольского военно-конного завода — теплую поздравительную телеграмму. «Создание новых пород, — писал он, — свидетельствует, что советские коневоды, как весь наш народ, самоотверженно трудятся над укреплением мощи нашей славной Родины. Поздравляю работников, участвовавших в выведении новых пород, с успешным завершением многолетней работы. Уверен, что они не остановятся на достигнутом и приложат все усилия, чтобы добиться еще больших успехов для быстрейшего развития и качественного улучшения отечественного коневодства».

Вспоминая о своих встречах с Семеном Михайловичем, о беседах на профессиональные темы, я вижу его лицо, то деловое и сосредоточенное, то в веселых лучиках морщинок, когда он радовался удачному слову, хорошей шутке.

Семен Михайлович Буденный был страстный и наблюдательный охотник. В кругу друзей и сослуживцев он часто рассказывал о своем отношении к живой природе. Как-то довелось и мне пойти с ним на охоту.

— В лесу, на стойке, вы прислушайтесь, — говорил он, прикладывая руку к уху. — Тишина, безмолвие как будто, но сколько жизни, величия, гармонии... Надо только уметь слышать и видеть. Вот где-то крикнула птица, вот сорвавшийся лист зигзагом падает на землю, вот пролетел, прожужжал жучок, вот

по стволу с ношей торопится вверх муравей, подул упругий ветерок... жизнь, великая и таинственная жизнь продолжается.

И на охоте С. М. Буденный любил организованность, порядок, дисциплину. Пригласив нас на охоту, он прежде всего разбил участвовавших в поездке в степь по номерам. Цепочкой длинной по фронту примерно с километр двинулись мы по ковыльной степи. Стрелять разрешалось только куропаток и стрепета. Запрещалось стрелять лису и зайца. Но вот, пройдя цепью метров пятьсот, собака взяла стойку. Семен Михайлович вскинул было ружье... но почему-то отпустил от себя стаю куропаток, а когда выстрелил дуплетом, то они были уже далеко. Стая куропаток разметалась высоко в небе, но вскоре опять появилась над цепью. Вверху, прямо над моей головой, летели несколько куропаток, и я выстрелил. Куропатка упала...

После охоты Семен Михайлович подошел ко мне и спросил, что за ружье у меня. Я ответил, что обыкновенная «тулка», взятая на время охоты у соседа.

— Ну,— сказал маршал,— за такой точный выстрел подарю тебе свое ружье.

И вправду, не забыл маршал своего обещания. Год спустя, вновь объезжая заводы, Семен Михайлович привез и вручил мне великолепное охотничье ружье с надписью: «Начальнику Ставропольского военно-конного завода полковнику Кузнецову С. З. от командующего кавалерией Маршала Советского Союза С. М. Буденного. Август, 1946 год». И по сей день берегу я эту дорогую и памятную для меня реликвию.

СКОЛЬКО ЛЕТ ПРОШЛО...

*С. К. КАЛИНИН,
подполковник в отставке,
заслуженный работник культуры РСФСР*

Мальчишкам нашего двора повезло: в доме напротив, растянувшись на добрую треть Шереметьевского переулка (ныне ул. Грановского), жили К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный. Мы видели их каждый день и были безмерно счастливы, когда удавалось с ними поговорить.

Семен Михайлович Буденный предоставлял нам такую возможность довольно часто. Выйдет, бывало, из подъезда утром или из машины вечером, понаблюдает за очередной «атакой» и подкажет:

— А вы лавиной, лавиной наваливайтесь на «беляков». Вот так, молодцы!

Невозможно описать тот восторг, который поднимался в душе каждого из нас после такой похвалы. И уж совсем замирали

наши сердца, когда Семен Михайлович рассказывал какой-нибудь эпизод. А иногда мы запевали:

Там, вдали за рекой,
Зажигались огни,
В небе ясном заря догорала,—
Сотня юных бойцов
Из буденновских войск
На разведку в поля поскакала...

Слушая наше нестройное пение, Семен Михайлович как-то особенно, по-доброму, по-буденновски улыбался в усы.

После школы я работал пионервожатым в детском доме, над которым шефствовал Исполком Коммунистического Интернационала Молодежи, а в начале 30-х годов перешел на работу в аппарат Исполкома КИМа. Моя работа еще немножко приблизила меня к Буденному.

Дело в том, что еще с середины 20-х годов Исполком КИМа стал шефом буденновцев. В августе 1924 года специальная делегация КИМа приняла шефство над Особой кавалерийской бригадой. С тех пор шефские связи кимовцев неизменно расширялись. «Особой любовью среди рабочих и крестьян всего мира,— говорилось тогда в специальном воззвании Коммунистического Интернационала Молодежи,— пользуется красная конница Буденного. Весть о ее героических делах проникла во все концы света, всюду зажигая сердца и поднимая готовность к борьбе угнетенных трудящихся масс».

Посещая подшефные кавалерийские части, иностранцы — члены делегаций Коммунистического Интернационала Молодежи — рассказывали конармейцам о своих страхах, о борьбе трудящихся за свои права. КИМ развернул работу по созданию истории красной конницы Буденного, написанное было переведено на многие языки. Была также издана на всех европейских языках биография С. М. Буденного.

В ноябре 1969 года праздновалось 50-летие Коммунистического Интернационала Молодежи. ЦК ВЛКСМ и Комитет молодежных организаций СССР пригласили нас, комсомольцев 20-х и 30-х годов, на Всесоюзную научную конференцию «Коммунистический Интернационал Молодежи, его революционные традиции и современность», которая проводилась в актовом зале Московского государственного университета. Многие кимовцы, выступая на конференции, вспоминали события далеких 20-х годов, свое шефство над красной конницей.

На торжества был приглашен и Семен Михайлович Буденный, но приехать не смог. Однако его имя не раз звучало в этот день. Делегаты — комсомольцы старшего поколения говорили о том, что на славных боевых традициях буденновцев воспитывалось не одно поколение советской молодежи.

Всем нам, бывшим кимовцам, Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников вручил памятные подарки и юбилейные

значки ЦК ВЛКСМ. Такой значок и групповую фотографию ветеранов-гимовцев послали Семену Михайловичу Буденному...

В те дни отмечалась еще одна славная дата — 50-летие Первой Конной армии. ЦК ВЛКСМ 19 ноября 1969 года опубликовал в «Комсомольской правде» обращение к ветеранам гражданской войны, бойцам, командирам и комиссарам Первой Конной армии. В нем, в частности, говорилось:

«Для нынешнего поколения молодежи бойцы легендарной Конной армии являются ярким примером беззаветного служения своему народу, верности идеям Ленина, горячей любви к Родине и жгучей ненависти к врагу. Мы глубоко признательны участникам борьбы за Советскую власть за ту неоценимую помощь, которую они оказывают Ленинскому комсомолу в воспитании юношей и девушек в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма.

Сегодня комсомольцы, юноши и девушки, достижениями в труде и учебе, успехами в боевой и политической подготовке достойно продолжают эстафету мужества бойцов, командиров и комиссаров гражданской войны...

Центральный Комитет ВЛКСМ желает всем бойцам, командирам и комиссарам Первой Конной армии крепкого здоровья, постоянной бодрости, больших успехов в коммунистическом воспитании молодежи».

В середине 30-х годов я работал в театре Вс. Мейерхольда. В тот период постановки Мейерхольда были очень популярными, спектакли вызвали самые противоположные (и притом — крайние!) оценки зрителей. Но многие зрители, не ввязываясь в полемику, шли просто посмотреть игру замечательных актеров труппы: Н. И. Боголюбова, Э. П. Гарина, М. И. Жарова, И. В. Ильинского, С. А. Мартинсона, Е. В. Самойлова, Л. Н. Свердлина, М. И. Царева и других.

На спектаклях бывали С. В. Коссиор, Ем. Ярославский, М. М. Литвинов, посещал театр и Семен Михайлович Буденный — иногда вместе с Окой Ивановичем Городовиковым. Одно из таких посещений мне запомнилось особенно, может быть, еще и потому, что на этот раз Семен Михайлович приехал вместе с известным писателем В. А. Гиляровским — «дядей Гиляем».

Шла «Свадьба Кречинского», в спектакле был занят один из старейших актеров Юрий Михайлович Юрьев, специально приехавший из Ленинграда. «Дядя Гиляй» был в большой дружбе с Ю. М. Юрьевым, и я не сомневался, что именно об игре этого выдающегося актера идет в антракте разговор между Буденным и Гиляровским, пристроившимися в укромном уголке фойе. Но когда подошел к ним и послушал, то убедился, что ошибся. Они говорили о молодом актере Игоре Ильинском, в оценке его игры были единодушны и предрекали ему блестящее будущее. Что ж, они оказались правы!

Сейчас уже невозможно дословно восстановить в памяти

этот разговор, однако я хорошо помню, что Гиляровский был весьма категоричен в оценках, а Буденный, не навязывая собеседнику свое мнение, чаще всего говорил так: «мне кажется», «я думаю» и т. п.

Долгое время мне не приходилось близко общаться с С. М. Буденным. А следующую встречу помню очень хорошо. Было это в Вене, в 1945 году. Семен Михайлович с супругой Марией Васильевной приехали туда ненадолго. Я встретил их во дворце императора Франца-Иосифа — Хофбурге. Здесь должен был разместиться гарнизонный Дом офицеров, где я в то время работал. Потом мы побывали в Шенбрунском дворце, в соборе святого Стефана, осмотрели здание разрушенного оперного театра, на восстановление которого Советское правительство впоследствии выделило два миллиона шиллингов.

После осмотра города С. М. Буденный сказал:

— Крепко постарались американские летчики. Заметьте, бомбы-то они сбрасывали главным образом на жилые кварталы и на рабочие районы, зато почти не тронули дворцы и промышленные предприятия. — Потом спросил: — Сколько в Вене разрушено зданий?

— Около пяти тысяч.

— Да, многовато. У нас у самих вон сколько городов разрушено, а все-таки венцам надо помочь.

И советские войска, освободившие столицу Австрии, помогали в ее восстановлении. В советской оккупационной зоне делалось все для того, чтобы австрийский народ прочно вступил на путь мирной жизни.

Знаменательным событием в истории Военно-политической академии имени В. И. Ленина был февральский день 1956 года. В академию для вручения правительственных наград профессорско-преподавательскому составу и слушателям приехал Маршал Советского Союза С. М. Буденный.

В числе получивших награды был и я. Вручая мне орден Красной Звезды, Семен Михайлович крепко пожал руку и, напутствуя, пожелал успехов в работе и большого личного счастья.

А спустя несколько месяцев, в июне 1956 года, новая встреча с Семеном Михайловичем. Теперь обстановка была неофициальной. Мы пришли на выпускной вечер в 92-ю школу города Москвы, где вместе учились дочь С. М. Буденного Нина и моя дочь Наташа.

Глядя на нарядных, радостно улыбающихся выпускниц и выпускников, Семен Михайлович размышлял вслух:

— Мы ничего такого не испытывали. А все-таки безмерно счастливы тем, что сражались за такую вот светлую их жизнь и победили.

Затем, выступая на вечере, Семен Михайлович как бы продолжил высказанную ранее мысль:

— Делайте все, что от вас зависит, чтобы, как и люди старших поколений, вдохновенно трудиться на благо нашей Родины,

нашего народа, строить города, новые заводы, осваивать целину, совершать научные открытия. Ну а если возникнет необходимость, будьте готовы встать на защиту своей Родины и драться за ее свободу так, как это делали ваши папы и мамы...

Вот уже сколько лет прошло с тех пор, а я и сейчас помню почти дословно не только сами слова, но и то, как горячо, вдохновенно произнес их Семен Михайлович. Уже после официальной части, глядя на танцующую молодежь, он все-таки вздохнул:

— Эх, мне бы годков этак хотя бы тридцать скинуть... — И молодежато, бодро расправил свои пышные усы.

И еще об одной памятной для меня встрече хочу рассказать.

Было это вскоре после выхода в свет первой книги мемуаров С. М. Буденного «Пройденный путь».

На Высших академических курсах политсостава при Главном политическом управлении Советской Армии и Военно-Морского Флота решили провести читательскую конференцию по этой книге, и мне было поручено пригласить ее автора на встречу с читателями.

К С. М. Буденному мы поехали вместе с начальником курсов генерал-лейтенантом Ф. Е. Боковым. Из беседы по пути к маршалу я узнал, что Федор Ефимович неоднократно встречался с ним, будучи комиссаром Генерального штаба Вооруженных Сил, членом Военного совета армии, а также во время службы в аппарате Советской военной администрации в Германии. Меня Семен Михайлович тоже немного знал, и мы надеялись, что удастся его уговорить «по старому знакомству».

Но с первых минут мы поняли, что уговаривать не придется. Семен Михайлович очень обрадовался предложению и сказал:

— Доброе дело задумали. Читателя надо уважать, с его мнением надо считаться, оно поможет мне в дальнейшей работе над мемуарами.

У меня сохранилась стенограмма этой читательской конференции. Я не буду приводить ее полностью, хочу напомнить выступление самого Семена Михайловича.

— Вы знаете, что я не писатель, — сказал маршал, — но мне хотелось отразить лицо той эпохи, в которую мы жили и отчаянно дрались с врагами Советской власти. Мы — это значит наш народ, руководимый славной ленинской Коммунистической партией...

Правы те товарищи, которые здесь выступали и говорили, что и до сих пор о гражданской войне мало написано. И не потому, что нет людей, которые могли неплохо написать. Я это явление объясняю близостью того времени, тех событий, которые мы пережили. Нужно было отойти на определенное расстояние, чтобы люди лучше посмотрели, как на самом деле происходили эти события. И потом, надо учитывать, что нам в наследство досталось совершенно неграмотное государство. Ведь семьдесят семь процентов людей после гражданской войны были совер-

шенно неграмотны. И если посмотреть с этих позиций, то оказывается, что писать было некому, ведь почти все «активно писущее» оказалось по ту сторону баррикад, во враждебном для Советской власти стане. А если называть имена пролетарских писателей, то первыми стоят Фурманов, Серафимович...

Далее маршал говорил о том, что в кинофильмах и театральных постановках не всегда правдоподобно изображают противника, например, белогвардейцев обязательно делают худыми и рыжими.

— Верно ли это? — обратился он к слушателям и сам же ответил: — Неверно это, ибо при таком подходе получается, что наши враги были хилыми и немощными, что если ветер дунет, то они сразу повалятся, уадут. Но если бы враги на самом деле были такими, какими их иногда нам показывают, а именно неуклюжими, пугливыми, рыхлыми, то и разгромить их нам ничего бы не стоило. Это неправильно, но так уж повелось, что у писателя к ним жгучая ненависть, и он показывает их трусливыми, беспомощными. А ведь я по собственному опыту знаю, что наши враги были опытные вояки.

Правда, я знал слабые стороны казаков-конников из белогвардейского лагеря еще по опыту первой мировой войны, — продолжал маршал. — Я знал слабые и сильные стороны драгунов, среди которых сам вырос. Их слабая сторона была в том, что они не любили огня. В сабельной рубке они становились бешеными, и как только дело доходило до рубки, то если чуть-чуть сплеховал, они немедленно разделяются с нашими бойцами. А огня они не любили...

Много интересного рассказал нам тогда Семен Михайлович. Делясь своими планами, он подробно говорил о работе над следующими книгами мемуаров, поделился своей заветной мечтой — рассказать о подвиге советской кавалерии в годы Великой Отечественной войны.

Жаль, что не успел он завершить свою работу над четвертой книгой воспоминаний...

МОЙ КОЛЛЕГА

И. А. БЕНЕДИКТОВ

В один из обычных рабочих вечеров, было это в 1947 году, в моем кабинете раздался нетерпеливый, требовательный звонок.

— Бенедиктов у аппарата.

— Здравствуйте, Иван Александрович, — услышал я хорошо знакомый голос Н. А. Поскребышева. — Сейчас с вами будет говорить товарищ Сталин.

— Товарищ Бенедиктов,— услышал я неторопливый, чуть с хрипотцой голос Иосифа Виссарионовича,— мы тут в Политбюро посоветовались и приняли решение направить к вам заместителем по коневодству товарища Буденного...

После небольшой паузы, длившейся ровно столько, чтобы я мог сообразить, что бы это означало, Сталин сказал еще несколько слов о том, что коневодство, этот особой государственной важности участок, находится в запущенном состоянии и его надо как можно скорее выправлять.

«Такого человека к нам, в Министерство сельского хозяйства?» — невольно подумал я после того, как положил трубку на рычаг... Честно говоря, в те минуты мне подумалось, что, как бы ни сложилась его работа в качестве моего заместителя по коневодству и куратора главка этой отрасли, он подомнет своим авторитетом и славой всех специалистов...

И вот в условленное время Семен Михайлович в моем служебном кабинете. После теплых приветствий начался разговор о предстоящей нелегкой работе. В самом деле, восстанавливать после войны сельское хозяйство — задача трудная, непомерная, ведь этой важной отрасли народного хозяйства был нанесен колоссальный ущерб. Особенно пострадало коневодство — погибло более 8 млн. лошадей. А тут еще сильная засуха 1946 года...

Свою работу в министерстве Семен Михайлович пачал с того, что укрепил кадрами все звенья коневодческого хозяйства страны. Особенно тщательно подбирал он руководящие кадры для конных заводов. Он лично знакомился с каждым директором конного завода, инструктировал их. Чаще всего это были люди опытные, бывшие командиры кавалерийских частей и соединений.

В Ростове-на-Дону, например, был создан специальный коневодческий трест, начальником которого стал генерал М. И. Чумаков. Это был вдумчивый, целеустремленный, влюбленный в свое дело человек, который при поддержке С. М. Буденного многое сделал для восстановления и развития коневодства на Северном Кавказе и в Ростовской области.

С. М. Буденный отличался партийным, принципиальным подходом к решению любых, порой очень сложных проблем. Когда он стал работать в Министерстве сельского хозяйства, ему было 64 года, но он казался значительно моложе. Энергичный, подтянутый, Семен Михайлович поражал завидной работоспособностью, умением быстро вникать в суть вопроса и принимать единственно верное решение. Но всенародная слава, авторитет, отношение к делу, сама его личность оказывали большое влияние на сотрудников. Галантный организатор, С. М. Буденный обладал каким-то удивительным чутьем, редким умением распознавать склонности и способности людей, что конечно же способствовало улучшению дел в отрасли, развитию коневодства и коннозаводства. Семен Михайлович знал поименно многих коне-

водов страны, а порой и биографии конохов и табунщиков конных заводов. Будучи требовательным, строгим руководителем, взыскивая за упущения в работе, он умел и поддержать, помочь советом. Ведь его знания, его опыт были общеизвестны. А с какой любовью говорил он о коне, как знал и понимал характер, привычки и прочие «лошадиные особенности». Все эти качества С. М. Буденного снискали ему любовь и уважение коллег, которые не могли не стать его единомышленниками.

Прошло не так уж много времени, и началась планомерная, целеустремленная работа по восстановлению и дальнейшему развитию коневодства и коннозаводства.

В октябре 1947 года по инициативе С. М. Буденного в Исык-Кульском конном заводе было проведено первое в истории советского коннозаводства Всесоюзное совещание работников табуно-ремонтных конных заводов страны. На нем присутствовали ученые и специалисты, коневоды и табунщики, руководители научно-исследовательских учреждений и представители военных конных заводов. Совещание обобщило передовые методы работы отрасли и способствовало их внедрению в практику для решения задач по воспроизводству лошадей более высокого качества. Об этом написал Семен Михайлович в своей статье, опубликованной в «Правде» 26 января 1947 года.

Семен Михайлович был неутомим в работе. Выступая на страницах газет и журналов, он неустанно и последовательно ратовал за рациональное ведение коневодческих хозяйств. У меня сохранилась его брошюра «Неотложные задачи восстановления и развития коневодства», в которой содержится актуальный и сегодня вывод: «Практика передовых конных заводов показывает, что лучших результатов добиваются те хозяйства, где основная отрасль — коневодство — рационально сочетается с другими и где на высоком уровне ведется полеводство». При поездке по конным заводам он охотно брал на себя дополнительные хлопоты по обследованию других хозяйств области или края, потом делился со мной своими впечатлениями.

А вскоре было принято решение по проведению Всесоюзного совещания работников государственных заводских конюшен.

— Да, провести такое совещание давно пора,— сказал Семен Михайлович, когда мы рассматривали план его подготовки.— Ведь последнее совещание по госконюшням проводилось в 1932 году...

Выступая на этом совещании, Семен Михайлович говорил:

— Быть активистом социалистического коневодства — очень большая, ответственная задача. Прежде всего это дело нужно любить и отдаваться ему без остатка, но нужно не только самому любить коня, необходимо прививать эту любовь широким массам колхозников. Каждая госконюшня должна иметь свой актив, должна втягивать в это дело молодежь, наших замечательных комсомольцев, которые всегда пойдут навстречу, и нужно

только расшевелить, мобилизовать и организованно вовлечь их в работу.

Он подчеркнул также, что каждый коневод должен быть пропагандистом коневодства. Сам он был в этом отношении примером. Он использовал любой случай, любую трибуну, часто выступал перед молодежью, писал статьи в газеты, страстно и горячо обсуждал проблемы коневодства, коннозаводства, конного спорта, стараясь привлечь к решению этих вопросов широкие круги общественности.

Должен отметить, что Семена Михайловича волновали не только вопросы, относящиеся к области его непосредственной деятельности. На коллегиях министерства он со знанием дела обсуждал недостатки в планировании, состоянии учета, финансирования. Я помню, как обсуждался вопрос о строительстве на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Семен Михайлович горячо и аргументированно доказывал целесообразность капитального строительства объектов, призывал не транжирить средства на строительство временных, барачного типа, построек.

Благодаря усилиям Семена Михайловича коневодство и коннозаводство в нашей стране достигли значительных успехов. Особенно интенсивно продвигалась работа по улучшению племенного дела. В первые послевоенные годы была успешно завершена работа по выведению новой породы лошадей. В 1947 году мы вошли с ходатайством в правительство, чтобы, учитывая заслуги Семена Михайловича, назвать эту новую породу буденовской.

Немало сделал С. М. Буденный и для развития советского конного спорта. В 1952 году наша страна вступила в Международную федерацию конного спорта, и с тех пор советские конники неоднократно одерживали победы в международных соревнованиях и Олимпийских играх. Я часто бывал на тренировках спортсменов-конников и на многих конноспортивных соревнованиях. И я видел, с каким уважением и любовью относились конники, наездники к Семену Михайловичу. Обладая обширными знаниями, он помогал практическими советами. Семен Михайлович обладал к тому же удивительной интуицией. Он, например, предсказал блестящее спортивное будущее знаменитому Квадрату. Это была единственная в мире лошадь, которой при жизни было поставлено два памятника — на ВДНХ и на Московском конном заводе. Наблюдая за Семеном Михайловичем в кругу спортсменов, видя, как ярко, по-молодому горят его глаза, как волнуют его их победы и неудачи, я часто думал о том, каким большим человеческим талантом одарила его природа, как умело, неумолимо развивал он в себе эти лучшие качества, с какой безудержной энергией, страстностью, героически он воевал, работал, всю свою жизнь отдал служению народу.

...У меня сохранилась очень дорогая для меня фотография: на ней — Маршал Советского Союза С. М. Буденный с группой

работников Министерства сельского хозяйства СССР. По-доброму лучатся его глаза, знакомая улыбка, знаменитые усы, великодушная осанка. Таким я его и запомнил...

СТРАСТЬ ЕГО — РАБОТА

П. П. ЛОБАНОВ,
академик, Герой Социалистического Труда

В середине 30-х годов я работал в Народном комиссариате совхозов СССР. С. М. Буденный был членом коллегии этого наркомата, курировал такую важную отрасль в нашем ведомстве, как коневодство и коннозаводство. Это было время бурных перемен в сельском хозяйстве страны. Уже в те годы Семен Михайлович был известен как один из лучших знатоков теории и практики коневодства и коннозаводства, он успешно налаживал планомерную работу по выведению новых, более продуктивных и выносливых пород лошадей на базе конного завода, носившего его имя.

Придавая большое значение постановке племенной работы на конных заводах страны, Семен Михайлович добился того, что эти заводы на деле стали центрами исследовательской работы. Благодаря его исключительной энергии и обширным знаниям в этой области селекционная работа была направлена на создание не только верховых лошадей, в которых очень нуждалась Красная Армия, но и тяжеловозов, рысаков и многих других пород.

В то время завершалась коллективизация сельского хозяйства — преобразование миллионов крестьянских хозяйств в колхозы и совхозы. В сельском хозяйстве тех лет свыше 90 процентов всех полевых, транспортных и других работ выполняли на живом тягле, но конское поголовье в массе было представлено слабосильными и малорослыми лошадьми. Мне вспоминаются страстные выступления С. М. Буденного на сессиях ЦИК СССР и в нашем наркомате — он аргументированно доказывал необходимость выработки научно обоснованной программы реконструкции отрасли, налаживания работы по улучшению качества лошадей. С его помощью не только была восстановлена сеть конных заводов, но и создано немало опытных станций по коневодству.

Исключительно актуальными тогда являлись вопросы рационального сочетания живой и механической тяговой силы, высокопроизводительного использования лошадей на разных видах работ. С. М. Буденный вложил много труда в это дело, способствуя обобщению передового опыта, разработке подробных рекомендаций. Мне вспоминается, например, его речь на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников в феврале 1933 года, в которой он высказал обоснованную тревогу за состояние конного коневодства, подчеркнул, как важен хороший уход за ко-

нем. Опубликованная на страницах «Правды» его речь так и была озаглавлена: «Нет плохой лошади — есть плохой конюх». Эти вопросы он поднимал и в своих брошюрах, при его участии издавались специальные инструкции, красочные плакаты.

Вся эта работа уже в довоенные годы принесла свои замечательные плоды. В массовом коневодстве и на ряде конных заводов при непосредственном участии Семена Михайловича Буденного было выведено и апробировано 11 новых отечественных пород лошадей, решены многие кардинальные вопросы развития колхозного коневодства.

Особенно много труда и знаний вложил С. М. Буденный в совершенствование методов разведения и выращивания лошадей для армии. Главное здесь то, что под руководством С. М. Буденного были созданы крупнейшие коневодческие хозяйства в Задонских степях, в Заволжье и в ряде восточных районов страны — это были табунно-ремонтные конные заводы, в которых применялся самый передовой для того времени метод культурно-табуного выращивания конского поголовья. В годы Великой Отечественной войны Советская Армия получила свыше трех миллионов лошадей, и в том, что это стало возможно, большая заслуга Семена Михайловича Буденного.

Я помню, какое огромное внимание уделял Семен Михайлович подбору и подготовке кадров коневодов. Он ратовал за то, чтобы специалисты отрасли повышали квалификацию на многочисленных курсах и в школах. К нему шли люди не только с профессиональными вопросами, но и просто как к старшему товарищу, наставнику, замечательному человеку. Шли, зная, что Семен Михайлович всегда поддержит хорошее начинание и инициативу, внимательно выслушает и, если надо, поможет.

В моей памяти, да, пожалуй, в памяти всех, кто с ним работал, встречался, он остался навсегда примером требовательности, творческого отношения к делу и заботливого, чуткого отношения к людям.

В 1947 году Семен Михайлович Буденный был назначен к нам в министерство заместителем министра сельского хозяйства СССР. Он энергично взялся за решение коренных вопросов развития коневодства. И нет ничего неожиданного в том, что благодаря чрезвычайным мерам, принятым по инициативе С. М. Буденного партией и правительством, за восемь послевоенных лет поголовье лошадей в стране было восстановлено и к концу 1953 года достигло 15,3 миллиона голов.

Маршал С. М. Буденный — автор многочисленных печатных работ по коневодству. Он очень часто бывал на ипподромах, для него это было не просто место отдыха, здесь он видел лабораторию для выявления потенциальных возможностей отдельных пород и проверки наиболее эффективных форм тренинга. Помню, каждый заезд или скачки становились предметом обстоятельного разбора, интересного и тщательного анализа. Семен Ми-

хайлович, отметив положительные моменты, указывал и на упущения, для устранения которых тут уже давал конкретные советы и рекомендации.

Каждое посещение Семеном Михайловичем конного завода или опытной станции, ипподрома или колхоза превращалось в эффективно работающий семинар. Он умел, как никто другой, решать любые, порой очень сложные вопросы быстро, глубоко вникая в суть проблемы. После таких бесед, разбора состояния того или иного хозяйства удовлетворение находили академики и профессора, специалисты и практические работники, непосредственно обслуживавшие лошадей. Каждый раз — а мне приходилось неоднократно бывать с ним и в хозяйствах, и на совещаниях — все участники такого семинара обогащались полезными сведениями, получали ценные для их работы указания, интересный материал для раздумий, поиска новых, более совершенных форм организации работы в отрасли.

Трудящиеся многих сел и деревень страны часто обращались в правительство с просьбой присвоить их колхозу или совхозу имя товарища Буденного. И сейчас таких хозяйств сотни. Имя Буденного носят город и рабочие поселки, Воешная академия связи в Ленинграде, теплоход... Имя Буденного в сердце каждого советского человека.

ЖИЗНЬ — ПОДВИГ

*И. И. МИНЦ,
академик, Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской и Государственных премий СССР*

Нелегко писать о человеке, имя которого стало легендарным, о человеке, упоминаемом почти во всех энциклопедиях мира, о человеке, чья жизнь — подвиг.

Трудно перечислить все государственные и общественные посты, которые занимал Семен Михайлович, а еще труднее вспомнить все содеянное Буденным не по должности, а по душе, даже если ты был свидетелем и участником многих событий, связанных с его именем.

Я вспоминаю славные дни, когда Буденный был назначен командующим только что созданной Первой Конной армии и армия под его командованием двинулась в Донбасс. Это были дни триумфального наступления нашей конницы, первые победы армии Буденного. А сколько их было еще — на врагелевском и польском фронтах, в боях с врагами Республики, внешними и внутренними!

Я вспоминаю, как провожали своего любимого командарма первоконники на ростовском вокзале — он уезжал в Москву, к

месту нового назначения. Сколько горячих, искренних слов было сказано на прощание, перрон гудел голосами.

А Семен Михайлович, обращаясь к собравшимся, сказал:

— Будьте орлами, истинными защитниками трудящихся, и мы еще, быть может, встретимся там, где нас ждет борьба...

Буденный был проницательным человеком, опытным военачальником. Много сил, энергии отдал он делу строительства и укрепления Советских Вооруженных Сил. Придавая большое значение пропаганде и обобщению боевого опыта, прославлению ратного подвига конармейцев, он всячески способствовал этому, сам выступал в печати — его статьи регулярно появлялись в газетах и журналах. Я очень хорошо помню, как активно, заинтересованно участвовал он в работе над многотомной «Историей гражданской войны в СССР». В 1931 году я работал в секретариате Главной редакции этого издания. Буденный часто выступал на ее заседаниях, ратуя за правдивое освещение событий, за принципиальность и четкость формулировок. Я много раз встречался с Семеном Михайловичем, записывал его воспоминания о гражданской войне. Многие из его рассказов было использовано нами в работе. После Великой Отечественной войны мы вновь вернулись к изданию, шла подготовка очередных томов. Будучи членом Главной редакционной комиссии, С. М. Буденный продолжал свое сотрудничество. Порой на заседаниях, доказывая то или иное положение, горячился, нервничал, но от своего не отступал. Его мнение было очень важным и заслуживающим внимания. Ведь его боевая биография неразрывно связана с историей развития и становления наших Вооруженных Сил. Убеденный боец-ленинец, С. М. Буденный встал в ряды защитников молодой Советской республики... Маршал Советского Союза С. М. Буденный был на многих ответственных участках, фронтах, направлениях во время Великой Отечественной войны. Свой опыт, военные знания, свой талант полководца, все силы он отдал делу служения народу, защите социалистического Отечества.

В мае 1973 года я побывал в гостях у Семена Михайловича. Поздравил с юбилеем. Мы многое вспомнили тогда, говорили о друзьях-конармейцах, их судьбах. Я вручил ему свой трехтомный труд «История Великого Октября», а он, не оставшись в долгу, — третью книгу своих воспоминаний «Пройденный путь».

— Спасибо огромное, — сказал я, принимая подарок. — Как видите, мы одновременно завершили свою работу — вышел третий том ваших воспоминаний и моих исследований. Это, наверное, символично. Ведь вы один из тех, кто защищал завоевания Великого Октября, о ком написана эта книга.

— Каждый, кто боролся за Советскую власть, — герой, — заявил Семен Михайлович.

Мы прощаемся. Крепко стиснув мою руку, Семен Михайлович весело спрашивает:

— Ну как, есть еще сила?

— Да еще какая сила, Семен Михайлович!

Я возвращался от С. М. Буденного, а мысленно был еще с ним. Находясь под впечатлением встречи, осмысливал его слова, вспоминал улыбку, жест, прощальное рукопожатие.

Как-то в интервью для «Недели» среди прочих вопросов мне задали и такой: как повлияла на мою жизнь, выбор цели и творчество служба в рядах Первой Конной армии? Я без колебаний ответил: «От бойцов-конармейцев ко мне, по-видимому, перешло чувство веры в свое дело, чувство оптимизма, в том числе исторического. От Буденного и его бойцов я на всю жизнь воспринял жизнелюбие и жизнестойкость...»

ЛЮБИМОЕ ДЕЛО

*И. Ф. БОБЫЛЕВ,
профессор, заведующий кафедрой коневодства
Московской ветеринарной академии имени К. И. Скрябина*

Весной 1935 года в гости к студентам Московского института коневодства приехал Семен Михайлович Буденный. Наш институт располагался на живописном берегу Москвы-реки в селе Успенском, вблизи Московского конного завода. Семен Михайлович приехал к нам, чтобы поговорить с будущими специалистами, которым предстояло по окончании учебы работать в области коневодства.

Помню битком набитый актовый зал, в котором собрались студенты и преподаватели. Долго не смолкавшие овации, когда в президиуме появился легендарный полководец. Мы слушали его речь. Он говорил о состоянии и перспективах развития советского коневодства, говорил просто и доходчиво, приводил яркие примеры и цифры. Потом мы снова бурно аплодировали...

Шумной студенческой толпой мы сопровождали его к машине, стоявшей у подъезда. Любовались его стройной фигурой, ладной, красивой армейской формой.

Эта встреча произвела на меня, да и на всех нас, студентов, неизгладимое впечатление. Мы убедились, какое огромное значение придает этот выдающийся человек, прославленный командир Первой Конной, подготовке молодых высококвалифицированных специалистов для советского коневодства, коннозаводства и конного спорта. Позднее, после окончания института, я изредка видел Семена Михайловича на Московском ипподроме, где работал зоотехником. Семен Михайлович приезжал сюда порой на скачки.

Десять лет — с 1944 по 1954 год — я работал в манеже Наркомата обороны СССР, который размещался на Фрунзенском плацу. По служебным делам мне часто приходилось встречаться с Семеном Михайловичем, выполнять его задания. Я всегда

старался сделать все как можно лучше и радовался, если он хвалил меня. Я узнал от него много нового и в профессиональном смысле. Выдающийся специалист в области конного спорта, он многое мог рассказать, многому научить. Я с благодарностью вспоминаю его советы, указания, помогавшие мне в работе.

В конце 50-х годов — я тогда уже работал в Московской ветеринарной академии — мне довелось не раз видеть Семена Михайловича среди студентов и преподавателей.

С. М. Буденный был избран почетным студентом ветеринарной академии, а комсомольцы академии избрали его почетным членом ВЛКСМ. Студенческий билет и значок почетного члена ВЛКСМ вручал ему от имени коллектива академии тогдашний секретарь комитета ВЛКСМ МВА Саша Жаров, ныне доктор ветеринарных наук, профессор. Каждый приезд Семена Михайловича в академию был ярким, незабываемым событием. Зал вмещал всех желающих увидеть и услышать Буденного.

В 1965 году в нашей академии проводилась научно-методическая конференция по конному спорту. Семен Михайлович принял в ней участие. Уверен, что это выступление хорошо помнят все, кто его слышал.

Дело было так. Сергей Филатов в 1960 году на XVII Олимпийских играх в Риме на Абсенте победил всех лучших всадников мира в соревнованиях по высшей школе верховой езды, получил громкий титул олимпийского чемпиона. О его выступлении одна из итальянских газет писала, что «советский казак Сергей Филатов на вороном красавце затмил славу шведского маркиза Сен-Сира». А в 1964 году на XVIII Олимпиаде в Токио наши всадники выступили менее успешно. Чтобы изучить причины снижения уровня подготовки наших всадников и наметить пути совершенствования конноспортивной подготовки, было решено провести в Московской ветеринарной академии научно-методическую конференцию по конному спорту.

Готовя эту конференцию, я поехал к Семену Михайловичу посоветоваться, подробно рассказал ему о ее задачах и попросил принять участие в ее работе. Семен Михайлович заинтересовался программой конференции, спросил, кто будет на ней присутствовать. Я сообщил, что приедут все ведущие тренеры и лучшие всадники союзных республик, Москвы и Ленинграда. Он сказал, что обязательно приедет и выступит перед участниками. И, как всегда, он сдержал свое слово.

Вот небольшой отрывок из стенографической записи вступительного слова Семена Михайловича.

«Коммунистическая партия и Советское правительство, — сказал маршал, — постоянно заботятся о развитии физкультурного движения в нашей стране. Физическое воспитание советских людей является составной частью огромной созидательной работы, проводимой нашей партией и государством в целях построения коммунистического общества... Конному спорту при-

надлежит значительное место среди других видов спорта... История советского конного спорта насчитывает очень много интересных и ярких страниц, которые необходимо сделать достоянием наших поколений — это первая наша задача.

Ни в одной стране в мире сейчас нет таких благоприятных условий для развития конного спорта, как у нас в СССР. Но, к сожалению, мы не все делаем для того, чтобы использовать имеющиеся у нас возможности для развития этого вида спорта, для повышения мастерства советских всадников...

Сейчас мы должны сосредоточить все свое внимание на подготовке классовых спортивных лошадей и высококвалифицированных всадников... Вместе с тем мы не должны забывать о таком важном вопросе, как подготовка высококвалифицированных тренеров, необходимо постоянно заботиться о воспитании молодежи, совершенствовании методов тренировки спортивных лошадей...»

Вспоминаю другое его выступление в Московской ветеринарной академии в 1967 году. В ту пору ему было 84 года, и врачи стали уже возражать против публичных выступлений. Однако после «дипломатических» переговоров с лечащим врачом нам удалось получить разрешение, но с условием — Семен Михайлович будет говорить не более 20 минут.

И вот Буденный в актовом зале. Как обычно, его появление вызывает громкую овацию. Потом все затихает, все внимательно слушают, стараясь не пропустить ни слова. Никто не замечает, как бежит время. Прошло более часа. Мне было поручено председательствовать на этой встрече, и я начал беспокоиться, чувствуя на себе pedовольные взгляды тех, кто приехал с маршалом. Прошло еще несколько минут, а Семен Михайлович все говорит. А когда закончил речь, улыбнулся и сказал:

— Разве уже истек регламент? А я думал, что говорю только пятнадцать минут.

Зал устроил Семену Михайловичу бурную овацию. К сожалению, это было последнее выступление нашего кумира и учителя перед родной и близкой ему аудиторией. Но мы и в последующие годы не порывали с ним связи, а он с нами.

В апреле 1968 года группа преподавателей и студентов, в которую входил и я, навестила Семена Михайловича на даче и поздравила с 85-летием со дня рождения. Несмотря на преклонный возраст, чувствовал он себя хорошо, был весел и рассказывал нам всевозможные истории из своей жизни.

В 1969 году за успехи в подготовке кадров для социалистического сельского хозяйства и в связи с 50-летием Ветеринарная академия была награждена орденом Трудового Красного Знамени. С. М. Буденный прислал нам теплое поздравление, которое было зачитано на торжественном собрании.

Семен Михайлович Буденный, талантливый организатор и знаток конезаводства, совхозно-колхозного коневодства, теории искусства верховой езды и практики конного спорта, часто вспо-

минал, как много важных и трудных вопросов приходилось решать в свое время: как уберечь, сохранить и приумножить конное поголовье молодой Советской республики? С чего начать? Попробовать восстановить поголовье имевшихся в дореволюционной России лучших конских пород? Да! Это верный путь. Необходимо также создать новые, советские породы лошадей. Начинать он эту работу, по его рассказам, с изучения лучших русских верховых пород.

...Дончаки. Кабардинцы. Стрелецкая порода. Семен Михайлович Буденный знал цену хорошей верховой лошади, ее силе, неприхотливости и выносливости, восхищался красотой форм лошади, ее преданностью человеку.

Требовалось время для серьезных опытов и наблюдений, нужен был строгий, целеустремленный отбор животных, безошибочный подбор пар, новые скрещивания, новые формы и методы воспитания и выращивания молодняка. И в первую очередь нужны были хорошие производители, которых не так-то легко было найти в те тяжелые времена послевоенной разрухи.

Понадобилось более 25 лет, чтобы путем скрещивания знаменитых чистокровных скакунов с неутомимыми золотисто-рыжими донскими работягами вывести новую породу лошадей. Создание буденновской и терской пород — результат вдохновенного труда многих советских специалистов отрасли, руководил которой заместитель министра сельского хозяйства С. М. Буденный.

Конные заводы были его детищем. Он любил бывать в трудовых коллективах этих заводов. Иногда я сопровождал его в этих поездках. Как много узнавал я из неторопливых бесед с Семеном Михайловичем, как много перенял от него! Он подробнейшим образом знал родословную всех ведущих лошадей, умел сразу же подмечать их достоинства и недостатки, помнил клички.

Я не ошибусь, если скажу, что наряду с военной и государственной деятельностью работа в зоотехнике коневодства и коннозаводства для Семена Михайловича была важнейшим делом, этой работе он отдавал частицу своего сердца.

ЭНТУЗИАСТ ОБОРОННОГО ОБЩЕСТВА

*А. И. ПОКРЫШКИН,
маршал авиации,
трижды Герой Советского Союза,
председатель ЦК ДОСААФ СССР*

Всем нам близко и бесконечно дорого имя Семена Михайловича Буденного. Имя, давно ставшее для нас олицетворением мужества, честности и благородства, беззаветной преданности своему

народу. Его замечательный жизненный подвиг ярко воспет в книгах и песнях, овеян волнующими легендами.

Немногим из нас доводилось лично встречаться с этим обаятельным, простым и сердечным человеком, но знали и поныне знают его и юные пионеры и ветераны. Отважный фронтовик первой мировой, герой сражений гражданской войны, командарм Первой Конной, видный военачальник, государственный и общественный деятель, один из первых советских маршалов, трижды Герой Советского Союза. Таким мы храним в своей памяти имя Семена Михайловича Буденного.

Впервые с Семеном Михайловичем мы встретились на торжественном собрании, посвященном 20-летию Осоавиахима, в конце января 1947 года. С. М. Буденный был председателем президиума собрания. Вот он предоставил мне слово для выступления, как участнику Великой Отечественной войны, питомцу одного из аэроклубов оборонного Общества.

В перерыве мы разговорились. Семен Михайлович с интересом расспрашивал о недавних фронтовых делах, учебе в академии, внимательно слушал.

— Трудно учиться, Семен Михайлович, — посетовал я. — Давно вышел из школьного возраста, а в академии такая сложная программа, что, кажется, на фронте было легче...

— Да-да-да, — засмеялся Буденный. — Я и сам так не раз думал. Ведь я учился в академии отнюдь не в студенческом возрасте. Но закончил, выдюжил. И вы справитесь. Вы ведь знаете, что нашей армии нужны высококвалифицированные специалисты. Военное искусство развивается стремительно. Отечественную, например, войну с гражданской и сравнивать невозможно. А через несколько лет и техника, и солдат наш совсем другими будут. Так что учиться военному делу надо настоящим образом, как говорил Владимир Ильич.

Часто вспоминал эти слова Семена Михайловича. Его теплое участие, добрый совет очень помогли мне.

Всем нам известна кипучая деятельность С. М. Буденного по укреплению обороноспособности страны. Будучи видным военачальником и государственным деятелем, Семен Михайлович глубоко понимал важность подготовки к защите страны не только армии, но и широких масс населения.

В начале 20-х годов обучение трудящихся, молодежи военным знаниям наряду с военным ведомством стали широко осуществлять и общественные организации. Значительная роль в этом принадлежала комсомолу, а также оборонно-патриотическим организациям трудящихся.

Одной из первых таких организаций явилось созданное в Военной академии РККА в ноябре 1920 года Военно-научное общество. 8 марта 1923 года было образовано Общество друзей Воздушного Флота. А 19 мая 1924 года по примеру Общества друзей Воздушного Флота в стране возникла по инициативе трудящихся еще одна оборонная организация — Общество дру-

зей химической обороны и химической промышленности — Добрых СССР. В его Центральный совет вместе с К. Е. Ворошиловым, Ф. Э. Дзержинским, С. С. Каменевым, Г. М. Кржижановским, М. Н. Тухачевским, М. В. Фрунзе и другими известными деятелями входил и С. М. Буденный.

В январе 1927 года был создан Осоавиахим — единая массовая добровольная оборонно-патриотическая организация трудящихся страны. На съезде был избран Центральный совет Осоавиахима. В его президиум вошли видные партийные, государственные и военные деятели, и в их числе Семен Михайлович Буденный, который с тех пор неизменно избирался в состав президиума Осоавиахима.

Сохранилось много свидетельств высокой активности Семена Михайловича Буденного во всех делах, где речь шла о военном обучении молодежи, ее закалке. Глубоко понимая значение оборонной работы, Семен Михайлович заботился о том, чтобы она активно способствовала воспитанию стойких, знающих, выносливых защитников Родины. Он многое делал для развития стрелкового дела, снайперского движения, конного спорта.

В мае 1935 года председатель Центрального совета Осоавиахима Р. П. Эйдеман обратился к С. М. Буденному за советом по поводу организации конного пробега. В то время повсеместно проводили походы в противогазах. Осоавиахимовцы города Калинин задумали провести конный пробег в противогазах, решили и лошадей обеспечить противогазами. Тогда Р. П. Эйдеман и обратился к С. М. Буденному: что он посоветует?

Семен Михайлович поддержал энтузиастов оборонной работы. Высказал дельные советы. Пробег прошел успешно. После завершения его участники принял С. М. Буденный. Он высоко оценил патриотическое начинание молодых кавалеристов, их выносливость, мастерство, пожелал им новых успехов в военной подготовке.

Буденный постоянно заботился об организации кавалерийской подготовки молодежи, способствовал развитию массового движения по сдаче норм «Ворошиловский стрелок», активно участвовал в расширении конного спорта. По его инициативе во всех областных центрах были созданы кавалерийские школы Осоавиахима, питомцы которых пополняли кавалерийские части Красной Армии.

Во всех крупных конноспортивных соревнованиях в качестве судьи не раз участвовал Семен Михайлович. А как внимательно он цествовал чемпионов по конному спорту! Постоянно приезжал на их тренировки, лично подбирал для них лошадей, учил, наставлял.

Немало внимания Семен Михайлович уделял и развитию парашютного спорта, нередко присутствовал на тренировках, соревнованиях парашютистов Осоавиахима. Во время учебы в академии Семен Михайлович, имея уже солидный возраст, сам прыгал с парашютом,

Когда Осоавиахим был преобразован во Всесоюзное добровольное общество содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ СССР), С. М. Буденный по-прежнему неизменно избирался в руководящие органы Общества и проводил активную разностороннюю работу. Одним из первых он был награжден Почетным знаком ДОСААФ СССР.

В 1954 году Семен Михайлович был назначен генеральным инспектором Вооруженных Сил СССР. И на этом посту он постоянно оказывал большую помощь Центральному комитету ДОСААФ СССР в проведении оборонно-массовой работы. Организации Общества развертывали подготовку из числа допризывной молодежи водителей, радистов, трактористов, мотоциклистов и других специалистов для Вооруженных Сил СССР. В этих условиях его советы, рекомендации, основанные на глубоком знании военного дела, требований воинской службы, имели большое значение для успешного решения практических задач.

Съезды оборонного Общества, пленумы ЦК, почти все заседания президиума Центрального комитета ДОСААФ СССР, а также многие мероприятия областных, городских, районных и крупных первичных оборонных организаций проходили при активном участии Семена Михайловича Буденного. В своих ярких выступлениях он горячо и заинтересованно говорил о необходимости превращения ДОСААФ в действительно массовое, многомиллионное оборонное Общество, подсказывал, как поднять активность всех его звеньев, улучшить подготовку специалистов, расширить обучение всего населения страны правилам противовоздушной обороны и противотанковой защиты, развивать технические, военно-прикладные виды спорта.

Семен Михайлович Буденный оказывал Центральному комитету ДОСААФ СССР большую практическую помощь в создании прочной материально-технической базы, необходимой для обучения членов Общества.

Почти двадцать лет С. М. Буденный являлся председателем Центральной наградной комиссии ЦК ДОСААФ СССР. Подписывая наградные удостоверения, он всегда стремился лично поздравить награжденных, интересовался жизнью местных организаций, советовал, как улучшить их деятельность. Семен Михайлович глубоко ценил людей, преданных делу, духовно сильных, мужественных, стойких и дисциплинированных. Таким был и сам С. М. Буденный. Я всегда восхищался его неумемной энергией, неутомимостью, его высокой активностью.

Мы регулярно встречались с С. М. Буденным на сессиях Верховного Совета СССР. Я уже говорил, что Семен Михайлович был не только военным, но и мудрым государственным деятелем. Он живо интересовался всем, что происходило в стране, радовался ее успехам в коммунистическом строительстве. Так было и с оборонным Обществом, работе которого Семен Михайлович отдал много сил, частицу души,

Ныне в рядах ДОСААФ проходят школу мужества и патриотизма более 94 миллионов человек, в том числе более 30 миллионов комсомольцев. Ленинский комсомол, с которым так дружил С. М. Буденный, совместно с ДОСААФ готовят молодежь к военной службе, формируют у нее высокие качества защитника Родины Октября. Миллионы юношей и девушек принимают участие во Всесоюзном походе по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, в военно-спортивных играх «Зарница» и «Орленок». Они свято хранят в своей памяти бессмертные подвиги защитников социалистической Родины, во имя славы которой жил и боролся Маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный.

Укрепление оборонного могущества Отчизны, которым неутомимо занимался С. М. Буденный, является делом всего советского народа. К этой благородной цели направлены все помыслы и дела многомиллионного оборонного Общества — массовой добровольной организации трудящихся нашей страны.

КАХОВКА, КАХОВКА...

М. Д. ХАЛИН

Легендарная Каховка! Сколько славных, волнующих событий свершилось в этом городе, сколько замечательных дел! Город боевой и трудовой славы...

Каховский плацдарм. Священная земля... Здесь сражались и погибли советские люди в годы гражданской и Великой Отечественной войн.

Это здесь начиналась блестящая операция по разгрому белогвардейских банд барона Врангеля. 82 дня героически защищали каховский плацдарм бойцы молодой Красной Армии под командованием М. В. Фрунзе. В степи под Каховкой сражались бойцы Латышской и легендарной 15-й Сивашской стрелковых дивизий. Здесь водили в бой непобедимых конармейцев Климент Ефремович Ворошилов и Семен Михайлович Буденный.

Память о тех героических делах свято хранят каховчане и поныне. Я вспоминаю 1957 год. Готовясь торжественно отметить 40-летие Великой Октябрьской социалистической революции, Каховский горком КП Украины принял решение восстановить ранее существовавший музей истории Каховки и соорудить памятник выдающемуся полководцу М. В. Фрунзе, штаб которого в 1920 году находился в нашем городе. Сделать все это оказалось не так-то легко: у нас не было многих экспонатов, документов, ибо музей в Каховке был варварски уничтожен немецко-фашистскими захватчиками.

И пришлось начинать с нуля... Чтобы быстрее собрать необходимые документы и экспонаты по истории Каховки, мне, в то

время работавшему секретарем Каховского горкома партии и назначенному председателем оргкомитета по созданию музея, вместе с председателем горсовета Ф. К. Павлухиным пришлось побывать в музеях Астрахани, Сталинграда, Харькова, Киева, Ленинграда, Москвы и в ряде других.

Тогда-то и возникла у нас мысль: а что, если обратиться за советом по этим делам к самому Семену Михайловичу Буденному или к Клименту Ефремовичу Ворошилову? И вот мы у Семена Михайловича Буденного...

Имя С. М. Буденного тесно связано с нашим краем по событиям не только гражданской, но и Великой Отечественной войны. По его призыву в августе 1941 года на Херсонщине был сформирован 73-й кавполк, в который вошли многие, кто служил еще в Первой Конной армии. Бывший политрук эскадрона И. Т. Целинко рассказывал, как в этот полк приезжал во время боев за Ростов С. М. Буденный, как по его личному указанию полк получил лошадей из конезаводов Ростовской области. И в дальнейшем Семен Михайлович все время следил за его боевыми действиями.

Итак, весной 1957 года мы в Москве. С. М. Буденный охотно согласился принять нас. Мы, конечно, очень волновались: согласится ли Семен Михайлович поехать к нам в гости, в нашу Каховку?

Но волновались мы напрасно, Семен Михайлович встретил нас радушно. Тепло поздоровавшись, сказал:

— Садитесь, ходоки, рассказывайте!

Он интересовался делами труженников края, дотошно расспрашивал. Для нас было полной неожиданностью, что он подробно знал события, происходившие на каховской земле. Мы рассказывали о совхозе в селе Ключевом, носящем его имя. Там, на бывшем каховском плацдарме, разворачивались мирные события — строились новый город, гидроузел и электромашиностроительный завод.

Затянулась наша беседа с Семеном Михайловичем — говорили о подготовке к празднованию 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции, о наших планах по восстановлению музея и сооружению памятника М. В. Фрунзе, а в заключение пригласили его в гости.

Семен Михайлович поблагодарил нас и пообещал приехать. На прощание он подарил нам для музея свой портрет в маршальской форме с дарственной надписью.

За несколько дней до назначенной даты Семен Михайлович позвонил в Каховский горком и сообщил нам время прибытия в Каховку. Мы обрадовались и наконец-то уверовали, что прославленный полководец будет гостем Каховки.

Настал долгожданный день. С самого раннего утра 28 сентября на перрон станции Каховка прибывали для встречи Буденного празднично одетые каховчане, представители трудящихся города Херсона и области. И вот к перрону под звуки

буденновского марша плавно подходит поезд. Семен Михайлович с подножки вагона машет рукой, приветствуя встречающих.

По обычаю председатель передового в районе колхоза Ирина Богачук преподносит дорогому гостю на украинском рушнике хлеб-соль. Пионеры вручают маршалу цветы и повязывают пионерский галстук.

На привокзальной площади состоялся митинг. Сердечно приветствовал дорогого гостя участник боев на каховском плацдарме бывший комиссар ударно-огневой бригады 51-й дивизии И. В. Гекало. Выступили секретарь Херсонского обкома КП Украины Б. Ф. Беньковский, председатель райисполкома В. А. Пупченко, представители ряда общественных организаций. Выступает С. М. Буденный. Чувствуется, что он взволнован, рад встрече, рад снова быть на земле легендарной Каховки, где когда-то водил своих бойцов в лихие атаки за власть Советов и где сейчас мирно живут и трудятся счастливые люди.

В тот же день Семен Михайлович был гостем в Новой Каховке, побывал на правом берегу Днепра, осмотрел Каховскую ГЭС, познакомился с работой электромашиностроительного завода, беседовал с рабочими-строителями, с колхозниками села М. Каховка. И везде, где бы ни появлялся Семен Михайлович, его встречали сердечно, с душевной теплотой, и эти встречи останутся в памяти людской навсегда...

В воскресенье в одиннадцать часов дня вблизи рукотворного Каховского моря, на его набережной, разлилось еще одно — необъятное людское море. Под звуки Гимна Советского Союза, под грохот артиллерийских залпов медленно опускается белое покрывало — и засияла на солнце бронзовая скульптура прославленного полководца М. В. Фрунзе.

На состоявшемся вечером того же дня приеме присутствовали представители трудящихся городов Каховки и Новой Каховки, района и области, ветераны Первой Конной армии. С огромным вниманием слушали все яркое выступление С. М. Буденного, его рассказ о славных боевых делах конармейцев, о боях на каховском плацдарме, о штурме Перекопа.

Растроганный встречей, Семен Михайлович попросил найти гармошку, только обязательно с немецким строем. Долго мы ее искали, но все же нашли. Семен Михайлович вдохновенно играл на гармошке и вместе со всеми с воодушевлением пел революционные песни и многие песни времен гражданской войны.

Маршал Советского Союза С. М. Буденный был избран почетным гражданином легендарной Каховки.

Были и еще встречи. В следующий приезд в Москву я привез Семену Михайловичу альбом с фотографиями, где он запечатлен в дни пребывания в Каховке. Расспросив о делах в Каховке, в районе, Семен Михайлович пригласил меня к себе в гости. Так я впервые побывал у него дома.

— Маша, — позвал он свою жену Марию Васильевну, — дай-ка нам чайку, к нам гости из Каховки приехали...

Во время этой встречи он вручил мне для передачи Каховскому музею саблю, которую ему подарил в 1920 году в Симферополе М. В. Фрунзе. Несколько позже Семен Михайлович подарил Каховскому музею свою первую маршальскую гимнастерку образца 1935 года, сапоги и фуражку.

Запомнилась мне встреча с Семеном Михайловичем в дни работы XXIV съезда КПСС. В то время каховчане задумали соорудить в степи под Каховкой величественный монумент-памятник героям гражданской войны «Легендарная тачанка». Я попросил Семена Михайловича принять ленинградских скульпторов и дать необходимую консультацию по сооружению монумента.

Семен Михайлович в дни работы съезда немного приболел, уставал (сказывался возраст), но все же нашел время, и вот я снова вместе с ленинградскими авторами проекта Ю. Н. Лоховиным и Л. А. Родионовым у Семена Михайловича.

Семен Михайлович, беседуя с нами, рассказал много интересных и нужных скульпторам подробностей, дал ценные советы. Говоря о монументе, он как будто вновь видел летящих в атаку дорогих ему первокольников. Его вдохновение передавалось и нам, будило творческую мысль, давало простор воображению.

...В степи под Каховкой застыла в бронзе лихая тачанка, прославленная в боях и в песнях. Смотришь — и как бы оживает она: ветер разметал гривы разгоряченных коней, стучат копыта, гремит победное конармейское, буденновское «ура!», полощется знамя.

В дни, когда отмечалось 90-летие Семена Михайловича Буденного, мне представилась возможность встретиться с ним. Я вручил ему копию памятника и два его портрета, выполненные мастерами Херсонщины: на одном — молодой кавалерист, полный георгиевский кавалер, на другом — Маршал Советского Союза.

Эта встреча была последней...

ПАМЯТНЫЙ ДЕНЬ

Д. И. ЕРЕМИН,
писатель

Рассказ об этом воскресном дне, проведенном мною на даче у С. М. Буденного поздним летом 1957 года, хочу начать изда- лека, с весны 1935 года.

Не знаю, у кого именно в Союзе писателей возникла тогда отличная идея — создать по свежим следам событий художественную хронику Первой Конной, а в качестве исполнителей этой идеи были избраны мы — В. Кожевников и я, тогда еще молодые, начинающие писатели.

Возможность рассказать о легендарных людях, их подвигах, о романтике гражданской войны показалась нам счастьем. В конце апреля в сопровождении фотокорреспондента «Огонь-

ка» Г. Капустянского мы сели в поезд, идущий в Ростов, и оттуда двинулись своим ходом на юго-восток, в цветущие Сальские степи.

Нашей задачей было собрать как можно больше документов и фотографий, связанных с героической историей Первой Конной, встретиться с бывшими первоконниками, записать их воспоминания. Хотелось увидеть и нынешний день трудового Задонья, а затем вместе или порознь (мы выбрали второй вариант) рассказывать обо всем читателям.

Сальские партийные и советские организации охотно пошли нам навстречу. Запряженные быстроходными дончиками прославленные тачапки, до этого известные лишь по рассказам, доставляли нас из одной станицы в другую. В результате за полтора месяца нам удалось собрать много действительно интересных материалов.

Первым местом, где мы наметили побывать, была станица Буденновская (бывшая Платовская). Тогда еще были живы родные Семена Михайловича — мать и сестра. Они приняли нас, как самых дорогих гостей, их рассказы положили начало нашим запискам. Затем было много встреч и бесед в станицах Мартыновской, Большой и Малой Орловской, Пролетарской (бывшей Великокняжеской) и других. Наш путь завершился на военно-конном заводе имени Буденного, директором которого был М. И. Чумаков, бывший первоконник.

Тому, кто видел южные степи лишь летом или осенней порой, трудно представить, сколько мощной, покоряющей силы и красоты в залитой майским солнцем степи. От горизонта до горизонта она покрыта ковром цветущих тюльпанов, налита вешними соками разнотравья. И в нас, молодых, это майское величие как-то само собою слилось с романтикой славных боевых походов Первой Конной, с именем ее командарма Буденного, с трудовыми успехами степняков. Неудивительно, что задуманное и затем написанное прозвучало именно в этом романтическом ключе.

Таким получился, в частности, мой небольшой рассказ «Случай с Хижняком», возникший в результате беседы с агрономом Мартыновской МТС, бывшим конником Т. Т. Хижняком. Речь в нем шла о Буденном, поэтому я долго не решался опубликовать рукопись, боясь, что за давностью лет Т. Т. Хижняк мог что-нибудь перепутать. Попадетсся рассказ на глаза Буденному, тот скажет: «Наврали писатель, все было совсем не так...»

Но вот в журнале «Москва» рассказ был все-таки принят, и я решился: заехал на дачу Буденного и передал рукопись дежурному. Сказав: «Одну минутку», он позвонил, доложил и, положив трубку, повернулся ко мне:

— Товарищ Буденный разрешил оставить...

Через две недели мне сообщили: Буденный просил позвонить ему по такому-то телефону. Разумеется, я немедленно позвонил и сразу же услышал голос Буденного:

— Рассказ у вас правильный. Только вот Хижняк-то не знал, каким образом я оказался тогда на мосту. А я бы мог рассказать... Вы где сейчас?

— Близко от вас, в Переделкино.

— Хм... а мы уже переехали в город.

— Готов хоть сегодня прехать к вам!

— Ну зачем же. Знаете что? — оживился Семен Михайлович. — Мы в воскресенье тоже приедем на дачу, приходите к нам завтракать. В одиннадцать часов. Согласны?

— Конечно!

— Так, значит, жду. В одиннадцать.

Ровно в назначенный час я был у знакомых ворот. Дежурный приветливо указал рукой: «Идите по той дорожке, они в саду».

Семена Михайловича, Марию Васильевну и сына их Мишу я действительно нашел в саду. Они возвращались с прогулки, и несколько минут спустя мы уже завтракали в столовой. Загорелый, веселый, с лихо распушенными знаменитыми усами на крупном мужественном лице, с мягкой ямочкой на волевом подбородке, Семен Михайлович усадил меня напротив. Моложавая, улыбающаяся Мария Васильевна угощала нас, а Буденный, положив крепкую мужицкую ладонь на мою рукопись, стал, все более увлекаясь, рассказывать, как тогда все случилось на самом деле.

Было видно, что с каждой минутой жар воспоминаний охватывал его все сильнее, прошлое возвращалось из дали лет, вставало перед глазами близко и зримо. Вскоре от случая с Хижняком разговор сам собою перешел в рассказ об истории и боевых делах Первой Конной.

Около двух часов без перерыва говорил Семен Михайлович, посверкивая из-под густых черных бровей веселыми и умными глазами.

Мы перешли в кабинет. Буденный показал многочисленные бережно хранимые подарки: живописные и скульптурные портреты, кресла со спинками и подлокотниками из оленьих рогов, ружья и рыболовные принадлежности, другие вещи. Узнав, что я тоже охотник и рыболов, пригласил порыбачить с ним в дачном пруду:

— Здесь у нас карпики есть. Тяжеленькие! Приходите как-нибудь, порыбачим...

Во время прогулки по саду нас встретил негромким ржаньем красивый, породистый жеребец. На вопрос, почему он хромает, Буденный сердито сказал:

— Дурак, потому и хромает. На днях задел он крупом сосну и сам же обиделся на нее: остановился — да как лягнет! Кричу: «Ты что делаешь? Отойди!» А он оглянулся, увидел, что после его удара сосна стоит как ни в чем не бывало, и снова лягнул. Вот и хромает, в конюшню ставить нельзя... — Добрая улыбка щевельнула его усы; — Пойдемте, я вам других коней покажу.

— Вы разве еще катаетесь? — некстати вырвалось у меня. Буденный смешливо сверкнул глазами:

— Если вы так скажете кавалеристам, вас засмеют. Мы не катаемся, а ездим...

Пара стройных гнедых дончаков буденновской породы была действительно хороша. Дробно постукивая копытами о пол коюшни, кося на нас диковатыми фиолетовыми глазами, они, похоже, надеялись, что хозяин выпустит их гулять. Но этого не случилось, и долго еще вслед нам несло их нетерпеливое топтанье и нервное фырканье.

В саду оказалось много каштанов. Огромные, в полной силе, они стояли дружной толпой, а под ними валялись сотни спелых орешков. Мне давно хотелось посадить на даче каштан. Я сказал об этом Буденному, попросил разрешения взять с десятков орешков. Набивая ими карманы, услышал, как Мария Васильевна сказала:

— Сема, а помнишь тот вон каштанчик? Давай его отдадим. Буденный воскликнул:

— Правильно! Я о нем совсем позабыл. Неси, Мария, лопату. — И повернулся ко мне: — Выкиньте эти орешки. Сейчас мы выкопаем отличный каштанчик. Пошли...

В стороне выросло стройное полутораметровое деревце. Я подкопал его со всех сторон, сунул под корневище оказавшийся под рукой кол. Одновременно Семен Михайлович ухватился за ствол.

Каштан, как и дуб, укореняется глубоко, взять его трудно. От напряжения шея Буденного покраснела, но он тянул и тянул. Минута... еще одна... и вот каштанчик тронулся, пошел наконец из земли.

...Всю жизнь меня мучает боязнь быть навязчивым. Так случилось и на этот раз. Поблагодарив за приглашение звонить и заходить, я, увы, не смог победить себя. Так и остался в моей памяти тот единственный день, проведенный с Семеном Михайловичем, да еще сохранилась рукопись рассказа «Случай с Хижняком», на первой странице которой, в верхнем левом углу, написано:

«Рассказ правильный. С. Буденный».

ДЕЛЕГАТ ЗАВОДСКОГО СЛЕТА

*П. А. ВОРОНИН,
Герой Социалистического Труда*

Хочу рассказать о многолетней дружбе прославленного маршала Семена Михайловича Буденного с работниками одного из старейших московских заводов «Знамя труда». Встречались мы, правда не часто, но каждая такая встреча становилась для нас

событием незабываемым, праздничным. Впервые он побывал на заводе в 1935 году, а вскоре стал своим, подружился со многими. Мы всегда с большим интересом слушали его рассказы о гражданской войне, о славных боевых товарищах.

24 января 1963 года Семен Михайлович Буденный присутствовал на пятом слете ударников коммунистического труда завода. Мы заранее знали, что на слете должен быть С. М. Буденный, которого кузнецы цеха № 1 избрали на слет своим делегатом.

И вот он появился в зале. Следом за ним шли Герой Советского Союза А. П. Маресьев, бывший секретарь В. И. Ленина Л. А. Фотиева, участница первого коммунистического субботника Кондрагьева, участница штурма Зимнего Н. И. Парфенова. Трудно описать огромный подъем, охвативший зал.

Казалось, стены рухнут от шквала оваций.

В музее трудовой славы нашего завода хранится стенограмма слета, там есть и выступление С. М. Буденного. Обращаясь к участникам слета, он сказал: «Дорогие товарищи! Здесь выступали товарищи, говорили о своих успехах и трудностях. Очень хорошо выступил секретарь комитета комсомола завода товарищ Быченков. Он затронул важные вопросы воспитания молодежи. Мне становится так хорошо, что обнял бы всех вас за ваши большие трудовые успехи, за ваш самоотверженный труд. Мы двигаемся вперед уверенными шагами, мы идем к коммунизму... Вы отлично трудитесь. История вашего завода есть одна из ярких страниц истории СССР. Мне от души хочется поздравить вас с высоким званием «Предприятие коммунистического труда»... Желаю вам и дальше так же уверенно двигаться вперед».

В перерыве С. М. Буденный фотографировался с работниками завода. Участники слета единодушно приняли решение зачислить С. М. Буденного в наш заводской коллектив и присвоить ему звание ударника коммунистического труда.

С. М. Буденному был вручен нагрудный знак с дипломом и бюст В. И. Ленина, сделанный умельцами завода.

Дружба Маршала Советского Союза Семена Михайловича Буденного с коллективом московского завода «Знамя труда» длилась до последних его дней. Было немало интересных, запоминающихся встреч, интересных бесед. Вспоминается одна такая встреча уже на шестом слете ударников завода, в 1964 году. Выступал начальник сборочного цеха Д. Е. Шарапов. Семен Михайлович внимательно слушал его и как-то пристально вглядывался, а потом попросил нас пригласить Шарапова к нему. Когда Шарапов подошел, Семен Михайлович спросил:

— Ты не сын Егора Шарапова?

Дмитрий Егорович ответил утвердительно.

— Батя твой отличный был кавалерист, ты на него похож здорово. Выступил на слете по-боевому, как настоящий кон-

ник. Мне приятно, что твой отец передал тебе все хорошее... Ты собираешь самолеты, а мы рубили беляков, — сказал Семен Михайлович и крепко обнял Шарапова. Сейчас Д. Е. Шарапов — начальник производства завода, кавалер ордена Ленина.

Семен Михайлович был участником пятого, шестого, седьмого и восьмого слетов ударников коммунистического труда нашего завода. Он был делегатом XVIII, XIX, XX партийных конференций завода, которые проходили в Колонном зале Дома Союзов.

В заводском музее специальный стенд посвящен С. М. Буденному. В документальном фильме, сделанном кинолюбителями, есть эпизоды посещения Семеном Михайловичем нашего завода. Одна из бригад сборочного цеха носит имя Маршала Советского Союза трижды Героя Советского Союза Семена Михайловича Буденного.

ПОЧЕТНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

*Б. М. ЧЕРТОК,
полковник запаса*

В 1939 году я служил в 13-м артиллерийском полку Московской пролетарской стрелковой дивизии. Полком командовал майор М. И. Неделин (впоследствии главный маршал артиллерии). Полк имел орудия на конной тяге, и мы под руководством командира полка усиленно занимались верховой ездой, участвовали в окружной спартакиаде и получали от командующего округом С. М. Буденного призы за победы в конноспортивных состязаниях. А в июле 1940 года я, к тому времени курсант Ивановского военно-политического училища, был участником спартакиады Московского военного округа. Соревнования проводились на окружном стадионе в Лефортово. Со всего округа съехалось более тысячи воинов-спортсменов. Присутствие на спартакиаде командующего округом С. М. Буденного всех нас воодушевляло. Помню, я очень старался, пробегаю дистанцию по гаревой дорожке мимо трибуны, где находился маршал. С. М. Буденный выступал на открытии спартакиады. Он говорил о необходимости физической закалки бойцов и командиров Красной Армии, призывал всех воинов столичного округа активнее развивать массовые виды спорта. Свою речь маршал закончил здравицей в честь родной Коммунистической партии. В ответ мы грянули наше красноармейское «ура!».

Быстро пролетело время. И вот спустя почти двадцать лет мне посчастливилось лично встретиться с прославленным совет-

ским полководцем. Было это в 1958 году во время выборов в Верховный Совет СССР, в городе Изяславле Хмельницкой области, куда С. М. Буденный прибыл для встречи со своими избирателями. Я работал тогда в политуправлении Прикарпатского военного округа, и мне было дано почетное поручение быть доверенным лицом Семена Михайловича Буденного — кандидата в депутаты Верховного Совета СССР по Шепетовскому избирательному округу. Готовясь к этой встрече, я просмотрел местные газеты, где публиковались материалы о встречах С. М. Буденного с избирателями — ведь он не впервые баллотировался по этому округу, — и нашел там много поучительного и интересного.

И вот 12 марта 1958 года в городе Изяславле в торжественной обстановке состоялась встреча избирателей со своим кандидатом в депутаты. Народу собралось очень много — все хотели встретиться с легендарным командармом, который в годы гражданской войны освобождал эти земли от контрреволюционных банд и белополюских интервентов.

Вначале выступила первый секретарь райкома партии Жовнерова, которая вдохновенно и ярко говорила о том, что это уже пятая по счету встреча избирателей Шепетовского избирательного округа со своим знатным кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Она подчеркнула, что с каждым годом при активном участии и помощи Семена Михайловича Буденного хорошеет жизнь на свободной земле, что люди помнят тех, кто сражался и погиб в боях, свято чтут их память, сказала и о всенародной любви к легендарному командарму.

Потом предоставили слово мне как доверенному лицу. Задача моя была и легкой и трудной одновременно. Ведь боевая биография и славные воинские подвиги Маршала Советского Союза С. М. Буденного известны всем. Однако, когда я напомнил, что совсем недавно Указом Президиума Верховного Совета СССР Семену Михайловичу Буденному присвоено высокое звание Героя Советского Союза, раздались оглушительные аплодисменты. Избиратели — представители трудящихся Изяславского, Белгородского и Плужнянского районов — поздравляли своего кандидата с высокой наградой Родины.

Пионеры приветствовали маршала и преподнесли ему цветы.

С. М. Буденный сердечно поблагодарил своих избирателей за высокое доверие и заверил, что не пожалеет сил для строительства коммунизма в нашей стране, для улучшения условий жизни и труда населения Шепетовского избирательного округа. Мне памятливы его слова о том, какое поистине огромное значение в жизни Советского государства имеет крепкая, нерушимая дружба всех народов, населяющих Страну Советов, прочный союз рабочих и крестьян. С. М. Буденный говорил, что этот союз обеспечил нам победу в годы гражданской и Великой Отечест-

венной войн, обеспечивает победы и на фронте мирного созидательного труда на благо всего советского народа. Этот союз нужно крепить и впредь, подчеркнул в своей речи Семен Михайлович.

— Я счастлив,— сказал в заключение Семен Михайлович,— что все эти годы рабочие, колхозники и интеллигенция избирательного округа, в котором меня выдвинули кандидатом, шли в первых рядах строителей коммунизма... Заверяю всех вас, что приложу все свои силы, опыт и знания, чтобы оправдать ваше доверие, которым очень дорожу.

Потом было еще несколько встреч с избирателями — в клубе железнодорожного узла, на сахарном заводе Шепетовки. И на этих встречах царил всеобщий подъем.

Здесь же, в Шепетовке, произошел случай, о котором я хочу рассказать. Как-то идя в свой вагон, стоявший на запасном пути станции, Семен Михайлович зашел в зал ожидания. Здесь его сразу же окружили люди, находившиеся на вокзале. Он здоровался с незнакомыми людьми, отвечал на их приветствия и вопросы. Вдруг сквозь плотное кольцо пассажиров к нему протиснулся здоровый парень. Сначала он, как и все, приветствовал Семюна Михайловича, а затем сказал:

— А вы знаете, что я буду вором?

Все были ошеломлены.

— Как это «вором»? — спросил С. М. Буденный.

— А так вот,— отвечал парень,— у меня нет дома, нет даже документов, нет денег, и я вынужден в этом зале, у этих пассажиров воровать...

С. М. Буденный стал расспрашивать парня: кто он и откуда родом. Тот рассказал, что он сирота, служил в армии. Будучи механиком-водителем танка, совершил проступок, был осужден. Теперь вот, отбыв наказание, приехал в Шепетовку. На работу не принимают. Документов никаких нет.

Выслушав эту невеселую историю, Семен Михайлович велел парню зайти к нему вечером. После обстоятельной беседы Семен Михайлович посоветовал ему поехать на целину и дал денег на дорогу. Прошло время... и получил С. М. Буденный письмо, напомнившее о встрече в Шепетовке. Бывший танкист благодарил его за поддержку, сообщал, что трудится хорошо. В скором времени за успехи в работе он был награжден орденом Трудового Красного Знамени и специально приезжал в Москву, чтобы доложить об этом С. М. Буденному, встреча с которым оставила в его душе след на всю жизнь...

Трижды Герой Советского Союза Семен Михайлович Буденный оставил большой след и в моей душе, в моем сердце. Когда я прихожу на Красную площадь, иду к Кремлевской стене, я всегда останавливаюсь у памятника Семюну Михайловичу Буденному. Стою, вспоминаю...

ДЕПУТАТ КАЛМЫКИИ

*В. В. ГОРОВОИКОВ,
генерал-лейтенант в отставке,
Герой Советского Союза*

Однажды в 30-х годах у моего дяди Оки Ивановича Городовикова собрались ветераны Первой Конной, и я с большим интересом слушал их удивительные рассказы о боях и походах, но особенно внимательно — героя гражданской войны С. М. Буденного, которого увидел впервые. Не знал я тогда, что впереди еще будут встречи с Семюном Михайловичем и в годы Великой Отечественной войны, и после нее. Он всегда был внимателен ко мне, интересовался моими армейскими делами. Я и мои товарищи-партизаны всегда с благодарностью вспоминают ту неоценимую помощь, которую оказывал нам Семен Михайлович Буденный в 1941 году, когда мы вели борьбу с врагом в горах Крыма.

Но особенно памяты и дороги мне несколько встреч с Семюном Михайловичем на калмыцкой земле, когда он в 1965 году был выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР седьмого созыва по Элистинскому избирательному округу и единодушно избран депутатом высшего органа Советской власти от калмыцкого народа. Узнав о своем выдвижении кандидатом в депутаты, Семен Михайлович прислал в обком КПСС и Президиум Верховного Совета Калмыцкой АССР телеграмму, в которой сердечно и тепло благодарил за оказанное высокое доверие. А вскоре позвонил мне, в то время секретарю обкома, и сказал, что, хотя ему уже много лет, он постарается приложить все силы, чтобы оправдать доверие трудящихся Советской Калмыкии. В заключение он, стремясь полнее выразить свои тогдашние чувства и настроение, сказал по-калмыцки: «Икки байрта бяняв», что означает: «Нахожусь в большой радости». И еще попросил, если возможно, поставить где-нибудь кибитку (юрту).

— Хочу несколько дней побыть в калмыцкой степи и пожить в юрте,— сказал он.

И вот первая встреча на калмыцкой земле. Дружеское рукопожатие еще крепкой руки маршала. Программа была намечена большая. Предстояли встречи с тружениками сел и городов республики, с молодежью, ветеранами.

Семен Михайлович рассказал мне, что много раз избирался депутатом по Шепетовскому избирательному округу Украинской ССР и, кажется, выполнил все до одного наказа своих избирателей. «Калмыцкая земля мне родная, вот почему я очень обрадовался, когда узнал, что труженики Калмыкии выдвинули меня своим кандидатом в депутаты,— сказал Семен Михайлович.— Люблю я здешние степи... Хорошо походить по целине. Травы такие высокие, полынью пахнет...»

Встречи С. М. Буденного с избирателями всегда проходили как праздник. Дорогого гостя ждали и на фермах, и в колхозах, и в студенческих аудиториях. И он, несмотря на преклонные годы, был неутомим в поездках, радовался успехам людей труда, внимательно относился к просьбам и наказам, для каждого находил доброе, хорошее слово. Своей простотой, сердечностью, искренним уважением и любовью к людям маршал вызывал ответные чувства уважения и любви. Избиратели на встречах со своим депутатом говорили, что гордятся тем, что их депутат — известный всей стране человек, легендарный герой, Маршал Советского Союза.

Когда выступал калмык по национальности, С. М. Буденный наклонялся ко мне и шептал, скажи, мол, ораторам, может быть, они хотят говорить на своем родном языке, так пусть говорят, а если я чего не пойму, то ты переведешь.

— Семен Михайлович, — отвечал я на это, — все они хорошо и свободно владеют русским языком.

Но если кто-то говорил по-калмыцки, Семен Михайлович напряженно вслушивался, стараясь уловить смысл, и только иногда спрашивал:

— Я правильно его понял? — И просил: — Ты скажи, пожалуйста, чтобы особенно не расхваливали меня, а больше говорили о своих делах и о том, в чем нуждаются.

Его речи на встречах с избирателями были проникнуты заботой о людях, их жизни и быте, духовном росте, что, в свою очередь, способствовало повышению трудовой и общественно-политической активности народа. Эти встречи всегда выливались в яркую демонстрацию торжества ленинской национальной политики.

Семен Михайлович побывал в колхозах и совхозах, на промышленных предприятиях, у представителей творческих организаций, встречался с комсомольцами и пионерами. 8 апреля 1965 года он приехал в село Вознесенка Целинного района, осмотрел производственные участки хозяйства колхоза, молочно-товарную ферму, душевно беседовал с доярками и животноводами. Он заходил в столовые, посещал красные уголки, интересовался всем — как оформлена наглядная агитация, каковы итоги социалистического соревнования, о чем пишут колхозники в свою стенную газету.

У него, видимо, была армейская привычка, традиция: приехав в часть, проверить все, что касается жизни и быта подчиненных, обязательно зайти на кухню, снять пробу пищи с котла, побывать в казарме. Так же придирчиво осматривал Семен Михайлович общежития наших работников, проверял, как устроен их быт, отдых, питание.

В совхозе «Элистинский» Семен Михайлович посетил механизированную птицеферму. Здесь произошла радостная встреча маршала с его землячкой — старшей птичницей Марией Трофимовной Чурюмовой, уроженкой станицы Платовской.

Она подробно рассказала высокому гостю о делах и заботах птичников и их трудовых достижениях. На прощание, как водится, сфотографировались с С. М. Буденным.

Особенно трогательной и сердечной была встреча С. М. Буденного с ветеранами гражданской и Великой Отечественной войн. Собралось много воинов-конников, некоторых из них маршал знал, помнил, в каком полку и где воевал, кто командовал дивизией.

Вспоминаю, с каким подъемом проходили митинги-встречи с избирателями в колхозе «Дружба», в колхозе имени Кирова, в поселках Ульдючины и Карантинное Приютненского района. Семен Михайлович на память о посещении этих мест посадил деревья. В Элисте Семен Михайлович посадил два тополя у братской могилы воинов, павших в боях в годы гражданской и Великой Отечественной войн. Сейчас эти тополя почти десятиметровой высоты.

Запомнилось мне и яркое выступление Семена Михайловича Буденного на общегородском митинге трудящихся Элисты.

— Дорогие товарищи! — начал свою речь Буденный, едва стих шквал аплодисментов. — Мы сегодня встретились с вами для того, чтобы познакомиться поближе... Но прежде всего хочу сказать, что, побывав на многих предприятиях, на полях и фермах колхозов и совхозов, я видел, как много и успешно трудитесь, как много достигнуто. С каждым днем расцветает, крепнет наша страна, и вместе с ней Советская Калмыкия. Я радуюсь вместе с вами вашим успехам. Но помните, для того, чтобы вы могли мирно трудиться, миллионы защитников Родины отдали свою жизнь. Нужно работать и жить так, чтобы быть достойными их подвига. Наша Коммунистическая партия уверенно ведет нас вперед, вдохновляя на самоотверженный созидательный труд, вселяя уверенность в победу коммунистического завтра...

В столице Калмыкии городе Элисте, почетным гражданином которого являлся С. М. Буденный, есть Аллея героев, и открывается она портретом Маршала Советского Союза С. М. Буденного. Это дань его памяти...

БОЕВОЙ ТОВАРИЩ МОЕГО ОТЦА

*Н. С. ПАТОЛИЧЕВ,
дважды Герой Социалистического Труда,
министр внешней торговли СССР*

Когда я слышу имя Маршала Советского Союза Буденного, то очень волнуюсь, потому что он вошел в мою жизнь как самый близкий, дорогой человек. Мой отец, Семен Михайлович Патолычев, служил в Первой Конной армии и воевал под началом

Буденного. Маршал не раз говорил, что мой отец был храбрым, мужественным человеком. Вот один из эпизодов, рассказанный мне маршалом Буденным. 23 февраля 1920 года белогвардейцы группы генерала Павлова атаковали красных бойцов в районе станции Егорлыкской. Оборону здесь держала бригада С. М. Патоличева, она и приняла на себя главный удар. В течение нескольких часов полки бригады отбивали яростные атаки белогвардейцев. «Дважды раненный — в плечо и ногу, — писал позднее Буденный, — доблестный комбриг Семен Михайлович Патоличев оставался в строю, своим мужеством поднимая боевой дух конармейцев».

А погиб мой отец на Западном фронте в жестоком бою 19 июля 1920 года (похоронили его в селе Мирогоща, которое освобождала его бригада). В те дни в Реввоенсовет Конармии пришел рапорт от начдива 11-й кавдивизии Ф. М. Морозова. «В боях под г. Дубно, — писал он, — пал смертью доблестного революционера командир 2-й бригады вверенной мне дивизии тов. Патоличев.

Происходящий из бедных крестьян Владимирской губернии, тов. Патоличев оставил после себя ничем не обеспеченную семью из жены и семи человек детей, причем старшему из них 15 лет.

Высоко ценя заслуги тов. Патоличева перед революцией вообще и в частности перед 11-й кавдивизией, прошу разрешения выдать его семье из суммы штатива единовременное пособие в сумме двадцати тысяч рублей».

«К несчастью, в эти дни умерла жена комбрига Патоличева, — писал в своей книге маршал Буденный, — и дети остались круглыми сиротами. Мы решили выдать семье Патоличева его трехмесячное жалование и, кроме того, пособие в размере 15 000 рублей из денег, присланных трудящимися в подарок Конармии. Конармейцы также собрали деньги для семьи героя, которые и были отданы старшему сыну Михаилу, который в сопровождении боевого друга отца А. Гулякова выехал домой»*.

Столько лет прошло с тех памятных времен, но, когда читаешь эти строки, сердце сжимается от волнения. Судьба отца переплелась с судьбой Буденного, чья слава и геройские дела стали легендарными.

Когда я познакомился с Буденным?

Это было в марте 1940 года. На Пленуме ЦК ВКП(б) рассматривались итоги и уроки советско-финляндского вооруженного конфликта. После доклада наркома обороны К. Е. Ворошилова начались прения. Сначала выступали военные, потом первый секретарь Московского комитета партии А. С. Щербаков, а после него слово предоставили мне, в то время первому секретарю Ярославского обкома партии. Очень я волновался, когда выступал на пленуме. Сразу же после того, как я вернулся на

* Буденный С. М. Встречи с Ильичем. М., 1970, с. 22.

М. И. Калинин и С. М. Буденный среди артековцев. Май 1946 г.

Посещение конного завода. В центре группы С. М. Буденный и начальник конзавода Герой Социалистического Труда генерал-майор И. Т. Есипенко. 1947 г.

Комиссия на выводке лошадей. Москва, 1952 г.

Командующий кавалерией Советской Армии Маршал Советского Союза С. М. Буденный на учениях кавалерийских частей. Северо-Кавказский военный округ, 1948 г.

Советские военачальники — делегаты XX съезда КПСС. Слева направо: А. И. Еременко, В. Д. Соколовский, И. Х. Баграмян, Г. К. Жуков, К. А. Мерецков, С. М. Буденный, И. С. Конев, А. С. Желтов.

Встреча в Каховке. Сентябрь 1957 г.

С. М. Буденный и бывший проводник командарма председатель колхоза «Шарк Юлдуз» Янгиюльского района Ташкентской области Х. Турсункулов в перерыве между заседаниями XX съезда КПСС.

С. М. Буденный и игравший роль командарма в пьесе Вс. Вишневского «Первая Конная армия» артист А. Г. Вовси после спектакля. Москва, 1957 г.

Е. Н. Гоголева и С. М. Буденный.

Ветераны Первой Конной армии в Центральном музее Вооруженных Сил СССР в дни празднования 40-летия Первой Конной армии. В первом ряду (слева направо): Я. Т. Черевиченко, С. К. Тимошенко, С. М. Буденный, И. В. Тюленев, Д. Д. Лелюшенко.

Члены Общества советско-монгольской дружбы академик Н. В. Цицин, министр социального обеспечения РСФСР Н. М. Муравьева и председатель общества С. М. Буденный. Москва, февраль 1958 г.

Беседа с офицерами — участниками Всеармейского совещания секретарей первичных партийных организаций. Москва, май 1960 г.

Среди пражан. 1960 г.

В перерыве между заседаниями XXI съезда КПСС. Автографы С. М. Буденного на книге мемуаров «Пройденный путь».

С. М. Буденный и Чрезвычайный и Полномочный посол Советского Союза в Чехословакии М. В. Зиянин. Прага, июнь 1960 г.

С. М. Буденный и Е. В. Вучетич — делегаты Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир. Москва, 1962 г.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручает С. М. Буденному вторую Золотую Звезду Героя Советского Союза. Апрель 1963 г.

Академик И. В. Курчатов и С. М. Буденный.

К Мавзолею В. И. Ленина. В центре С. М. Буденный и Ю. Цеденбал. Апрель 1964 г.

Среди делегатов XVI Московской городской конференции ВЛКСМ. Февраль 1964 г.

В совхозе села Вознесенка Целинного района Калмыцкой АССР. 1965 г.

У пионеров Германской Демократической Республики. 1964 г.

Юные следопыты Киева — участники похода по местам боев Первой Конной армии в гостях у маршала. Москва, 1968 г.

В президиуме торжественного собрания, посвященного 50-летию Первой Конной армии. Слева направо: начальник Главного политического управления СА и ВМФ А. А. Епишев, С. М. Буденный и А. И. Еременко. Ноябрь 1969 г.

Первый секретарь Ростовского обкома КПСС М. С. Соломенцев, С. М. Буденный, председатель Ростовского облисполкома А. И. Бондаренко в президиуме торжественного собрания. Ростов-на-Дону.

И. Н. Кожедуб и Ю. А. Гагарин поздравляют С. М. Буденного в связи с вручением ему третьей Золотой Звезды Героя Советского Союза. Март 1968 г.

свое место, ко мне подошел генерал Андрей Васильевич Хрулев, который тоже воевал в Первой Конной армии: Хрулев был комиссаром 11-й кавдивизии, в которой служил мой отец. Убедившись, что я — один из семи детей Семена Михайловича Патоличева, сообщил обо мне И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову и С. М. Буденному. Нас окружила группа участников пленума. И вдруг среди других голосов я слышу: «Неужели?» Я обернулся. К нам шел Семен Михайлович Буденный. Он тепло обнял меня, сказал:

— Вот беда, а я-то, бывший командир Первой Конной, и не знал, что один из сыновей моего храбрейшего из храбрых комбрига Патоличева стал первым секретарем Ярославского обкома партии! Ну-ка, дай я на тебя погляжу. Да, очень ты похож на своего отца. Ну как две капли воды...

Это и была моя первая встреча с прославленным полководцем. Не скрою, я буквально прикипел сердцем к Семену Михайловичу. Он знал моего отца, мог о нем рассказать. А мне было всего 10 лет, когда отец ушел из дома в Красную Армию и не вернулся. Долго мы беседовали с ним в тот день.

— Я ценю тех, — говорил Семен Михайлович, — кто готов всего себя отдать нашему святому делу — защите Родины, а если потребуется, то и жизнь. Таким и был твой отец. Гордись им. Однажды Первую Конную армию посетил Председатель ВЦИК Калинин. Мы тогда спешили на Западный фронт. Я говорил Михаилу Ивановичу и о твоём отце, о том, что воюет он храбро и бесстрашно. Тогда вместе с отцом был и твой старший брат Михаил. Когда-нибудь я напишу о твоём отце. И о том, как Михаил Иванович Калинин беседовал с ним, и о том, как он воевал. Я об этом не забуду, вот увидишь, когда-то напишу...

Буденный остался верен слову и спустя годы выполнил свое обещание. В книге «Встречи с Ильичем» Семен Михайлович написал и об отце, отметив, что он был храбрым человеком, грамотным командиром, всегда отлично разрабатывал боевые операции, и поэтому его бригада была ударной силой 11-й кавдивизии, а сам С. М. Патоличев в наступлении был первым, а в отступлении последним. Буденный в этой книге приводит один эпизод. Когда он и М. И. Калинин объезжали части Первой Конной армии, рядом с командиром бригады С. М. Патоличевым они увидели верхом на лошади в полной военной форме мальчугана лет пятнадцати. Михаил Иванович спросил:

— Чей это мальчик? Неужели и он воюет?

Патоличев ответил:

— У меня их семеро, жена прибалывает, да и в наших местах голодно, вот и пришлось старшего взять с собой.

Калинин участливо посмотрел на мальчика и сказал, чтобы берегли его.

— Мы за их будущее сражаемся, терпим лишения. — И, посмотрев на Патоличева, добавил: — И себя берегите, вам детей растить.

Комбриг ответил:

— Мне еще нет и сорока лет, я хочу жить, но я хочу жить в новом обществе, которое провозгласили большевики, Ленин. За это будущее надо биться с врагом, и я своей совестью не поступлюсь...

Однажды мне вновь довелось встретиться с маршалом Буденным на сессии Верховного Совета СССР. После обсуждения деловых вопросов разговор как-то сам по себе перешел к моему отцу.

— А вы знаете, — вдруг сказал маршал, — я ведь хотел подарить свою шапку вашему отцу. Когда Конармия вела ожесточенные бои на Западном фронте, нам пришлось там очень тяжело. В одном из боев особенно отличился ваш отец. Наград под рукой не было, штаб Конармии находился далеко, и тогда я решил подарить своему тезке шапку. Сказал ему, а он в ответ: «После боя, товарищ командарм, разрешите принять награду». А через несколько дней он погиб...

Позже, когда маршал Буденный 30 мая 1970 года в Кремлевском Дворце съездов вручал XVI съезду комсомола свою боевую шапку, я вспомнил его рассказ об отце.

В народе говорят, что жизнь — это не те дни, что прошли, а те, что остались на сердце. Вот почему любая встреча с маршалом Буденным, любой разговор с ним крепко запали мне в душу.

В годы Великой Отечественной войны в бытность мою первым секретарем Челябинского обкома партии я не однажды встречался с Буденным. Как представитель Ставки Верховного Главнокомандования, Семен Михайлович бывал у нас на Урале, где ковалось оружие для фронта, он вникал во все детали работы наших военных заводов, оказывал нам поддержку в добрых начинаниях.

После войны долгое время я работал первым секретарем Ростовского обкома партии. В эти годы тоже часто виделся с Буденным. Помню, приехал он к нам на Дон летом 1949 года. В донских степях по окончании гражданской войны были организованы коневодческие заводы. Здесь трудились многие бывшие командиры и красноармейцы. Этот приезд в Ростов Семена Михайловича был связан с деятельностью конезаводов.

Побеседовав в обкоме, мы пошли по Ростову. Ворошиловский проспект, Буденновский проспект. Это две параллельные широкие и длинные улицы Ростова, ведущие с окраины города до самого Дона. Именно по ним в вихревой скачке неслись буденновцы, врбаясь в ряды белых, выбивая их из столицы Дона. Семен Михайлович рассказывал некоторые подробности боев за Ростов. Вспомнил он и о моем отце. Ему, видимо, приятно было именно здесь, на месте боев, рассказать сыну комбрига о давних, но таких памятных и близких ему событиях.

— Бывал ли в Егорлыкском районе, хуторе Грязнухинском? — спросил меня Семен Михайлович.

— Этот район недалеко от Ростова, и я бывал там уже несколько раз.

— Вот там была жестокая рубка... За этот бой Михаил Иванович Калинин вручил твоему отцу боевой орден. Вот видишь, в каких местах тебе довелось трудиться. — Он неожиданно остановился. Пристально посмотрел на меня. — Сколько тебе лет?

— В этом году будет сорок, — ответил я.

— Сорок было и твоему отцу, когда он рубился с белыми за Ростов. — И, немного помолчав, добавил: — Тебе приходится, наверное, тоже нелегко. Отец оставил след на донской земле. Это славный след. Каков будет твой? Как запомнят тебя люди Дона? — Он говорил это и строго и ласково одновременно. — А характер у тебя отцовский...

Затем мы пошли дальше, оба молчали. О чем думал Семен Михайлович? Я не знал. А я думал о сказанном: «Отцовский характер».

Как я уже говорил, отца мы видели мало — первая империалистическая война, затем гражданская война. Помню краткие приезды его в Золино, к семье на побывку. Кое-что отложилось в детской памяти. А в 1920 году отец погиб. Но об отце, его характере, его боевых делах многое узнал от участников гражданской войны, видевших отца в жестоких схватках, воевавших вместе с ним. Мы узнали о его храбрости, упорстве, умении сочетать твердость военачальника и требовательность с заботой о подчиненных. Он высоко ценил боевую дружбу товарищей.

«Отцовский характер» — это выражение, впервые сказанное Буденным в Ростове, он впоследствии неоднократно употреблял в отношении меня. Этим он как бы напоминал мне об ответственности, напоминал об отце.

Через двадцать лет после встречи в Ростове, когда мне исполнилось шестьдесят, он вновь вернулся к этому, написав мне письмо:

«Такова уж природа человека, что мы со временем стареем. Вот и тебе, мой добрый друг, исполнилось 60. Посылая свои горячие поздравления, я еще раз вспомнил твоего отца. Это был человек храбрый, с горячим сердцем и большой душой. И я рад, что у тебя отцовский характер...

...Обнял, расцеловал бы тебя, как отец родной, да, видишь ли, маленько приболел. Ну что же, позволь сердечно пожелать тебе, сыну лихого комбрига, крепкого здоровья, успехов в работе и многих лет жизни.

Будь счастлив, мой добрый друг!

Твой С. Буденный».

Но это было после, через двадцать лет, а в тот день мы долго гуляли по городу, а вечером я пригласил Семена Михайловича к себе в гости.

Это был незабываемый вечер. Две мои дочери-школьницы не отходили от Семёна Михайловича.

— Конечно, вы не представляете своего дедушку, моего тещу? — обращался он к девочкам. — Он был похож на меня. — Семён Михайлович при этом легко прикасался рукой к своим большим усам. Этот чисто буденновский жест многим запомнился. — Правда, у вашего дедушки усы были меньше. Но он тоже любил вот так поглаживать их. — И Буденный показал, как.

— Семён Михайлович, — обратился я к Буденному, — у нас есть семейная фотография. Правда, эта фотография сделана еще перед началом первой империалистической войны, там отец с солидными усами.

— А пу-ка покажи.

Я принес фотографии.

— И верно, — посмотрев, сказал Буденный.

Хорошо знавший Буденного второй секретарь обкома Петр Никитич Пастушенко в шутку заметил:

— Семён Михайлович, он, наверное, боялся, что подрежете ему усы, если они будут такими же, как у вас. Ведь так вы поступили со своим братом?

Пастушенко рассказывает, как один из братьев Буденного, тоже воевавший в Кюной армии, начал отращивать усы. И когда они по размерам стали приближаться к буденновским, Семён Михайлович пригласил брата в гости и, как-то изловчившись, обрезал ему усы ножницами. При этом он будто бы сказал: «Буденный должен быть один».

Все, в том числе и Семён Михайлович, смеются. Правда это или выдумка — одинаково смешно.

Семён Михайлович, как видно, чувствует себя хорошо. Просит разрешения снять китель. Мы только сейчас обратили внимание на сверток, лежавший неподалеку от него. Кто и когда его принес — не заметили. Семён Михайлович, дружески подмигнув, взял его. По выражению его лица можно было понять: «Сейчас мы вам покажем». И он развернул сверток. К нашему общему удивлению, в нем была гармонь. Многие, видимо, слышали, что Буденный любит гармонь и хорошо играет. Но это надо видеть. Буденный с гармонью... Не с клинком, поднятым вверх в вытянутой руке, мчащийся в лихой кавалерийской атаке. Не в черной бурке на коне и с биноклем у глаз, наблюдающий передвижение вражеских частей. Не в штабе у стола, наклонившись над картой, разрабатывающий новую операцию по разгрому врага. А Буденный без кителя, в белой рубашке, сидящий на стуле посреди комнаты с гармонью...

Если попытаться определить, что было главной чертой в характере Буденного, то я бы назвал чувство сопричастности ко всему, чем жила наша Родина и наш народ. Помню, как-то он сказал: «У всех нас есть своя дорога в жизни, но воля партии для нас превыше всего».

Когда я размышляю о маршале Семёне Михайловиче Буденном, кажется вполне закономерным, что в его судьбе отразилась жизнь целой эпохи. Солдат революции, он всегда был верен делу партии, своему народу, и эту веру он пронес в своем рыцарском сердце до последней минуты. Его жизнь — это подвиг, а подвиг бессмертен.

Низкий поклон ему, человеку из легенды.

ПОМНЯТ СТЕПИ ДОНСКИЕ

И. А. БОНДАРЕНКО,
Герой Социалистического Труда,
первый секретарь Ростовского обкома КПСС

Семён Михайлович любил бывать на Дону. Здесь он встречался со своими боевыми друзьями-конармейцами, с тружениками полей, всегда интересуясь трудовыми делами и жизнью жителей сел и городов Дона. Иногда признавался: крестьянская душа еще живет во мне.

Мне запомнился день 26 апреля 1966 года. В Ростове-на-Дону должно было состояться открытие бронзового бюста С. М. Буденного. Маршал согласился присутствовать на торжествах. В Ростов он приехал накануне. Мы тепло встретили его. Погода стояла солнечная. Деревья покрывались свежей листвой, зазеленели газоны — город одевался в свой обычный летний наряд. И Семён Михайлович выразил желание проехать по его улицам.

По дороге рассказывал:

— Мне ведь довелось видеть Ростов летом двадцать первого. Захламлен он был тогда невероятно. По улицам не то что на машине, верхом проехать было трудно. Трамваи стояли на рельсах, заваленные по крышу всяким мусором. Не все было благополучно и на железной дороге. По нескольку дней на станции не открывали вагоны с яйцами. Удушливый запах полз по улицам.

Этим не преминули воспользоваться враги Советской власти. Они распустили слухи: дескать, существующие городские власти не способны навести порядок. В Ростове в то время находился центр так называемой «Второй повстанческой волны» Юга России. Это была сугубо контрреволюционная организация, ставившая своей целью вооруженное выступление против молодой Советской республики. Руководил центром бывший царский генерал князь Ухтомский. Его ближайшим сообщником был врангелевский выкормыш полковник Назаров. По их указанию реакционно настроенные казаки, которые наряду с сельским хозяйством занимались еще и рыбной ловлей, недосаливали пойманную рыбу, отправляли ее баржами в верховья Дона, а там

выбрасывали в воду. Тухлая рыба плыла вниз по течению, губя все живое. В довершение ко всему стали выходить из строя водопровод и канализация.

Реввоенсовету Северо-Кавказского военного округа пришлось срочно заняться наведением порядка в городе. Был создан специальный комитет по борьбе с холерой. Нас с Климентом Ефремовичем Ворошиловым выбрали в состав Донисполкома и ввели в соответствующие комиссии.

— Бывший в то время председателем Донисполкома Чуев, — сказал я, — в своих воспоминаниях пишет, что вы с Климентом Ефремовичем исключительно добросовестно выполняли поручения, а работа военных и гражданских властей проходила в тесном сотрудничестве.

— С Иваном Александровичем Чуевым мы всегда находили общий язык, — оживился Семен Михайлович. — Контакт действительно был полный. По просьбе Донисполкома бойцы Первой Конной помогали чекистам вылавливать царских приспешников, белогвардейских офицеров, различного рода уголовников. Принимали непосредственное участие в расчистке улиц, скверов, площадей, строительстве бань, санпропускников, ремонте водопроводно-канализационного хозяйства...

А теперь Семен Михайлович видел нарядный зеленый город с широкими чистыми улицами и радовался тому, как красивы его дома, скверы, площади.

Очень был доволен Семен Михайлович, узнав, что одна из улиц Ростова носит имя Первой Конной армии. Ведь именно по этой улице красные кавалеристы вступали в город студеной январской ночью 1920 года.

На карте Ростова имя Первой Конной представлено довольно широко. В центре города два крупнейших параллельно проходящих проспекта названы именами К. Е. Ворошилова и С. М. Буденного. Есть улицы Е. А. Щаденко, И. В. Тюленева, О. Ч. Дундича, А. Я. Пархоменко, переулки Кавалерийский, Конный. Установлено несколько мемориальных досок. Одна из них — у проходной известного всей стране Ростсельмаша. Вот ее текст: «Земля под Ростсельмашем полита кровью героев Первой Конной армии, которые здесь 8 января 1920 года разгромили деникинские полчища и освободили Ростов».

...В день открытия бронзового бюста Семена Михайловича Буденного тысячи ростовчан пришли в сквер, где пересекаются Буденновский проспект и улица Пушкинская.

Звучат фанфары. Затем воцаряется тишина. С бюста медленно спускается полотно. На высоком гранитном цоколе — бронзовый маршал. А ниже текст Указа Президиума Верховного Совета СССР от 24 апреля 1963 года о награждении С. М. Буденного второй Золотой Звездой Героя Советского Союза и сооружении на его родине бюста.

К микрофону подходит первый секретарь областного комитета партии М. С. Соломенцев. Он рассказывает о боевом пути

С. М. Буденного. Сын бедного крестьянина, он прошел славный путь до командарма Первой Конной, а затем и Маршала Советского Союза. Все силы отдавал делу укрепления обороноспособности страны, не щадил своей жизни в борьбе с врагами в годы Великой Отечественной войны.

— Каждый день, — говорил оратор, — приносит радостные вести о производственных победах, каждый день рождает новые имена героев трудовых будней. И в этом заслуга не только тех, кто занимает сегодня рабочие места, но и тех, кто в боях отстаивал нашу прекрасную жизнь.

И словно бы в подтверждение этому, звучит рапорт строгальщика Ростсельмаша П. К. Колесникова:

— Комбайностроители стараются быть достойными славы первооткрывателей. Вместо предусмотренных планом 260 степных кораблей они выпускают ежедневно по 270—280 машин, а накануне открытия бюста командарма Первой Конной Семена Михайловича Буденного изготовили 291 комбайн. Такой выработки еще не знал Ростсельмаш.

На митинг пришли и пионеры Ростова. Всем известно, как любят Буденного дети. Убеленный сединами военачальник растроганно внимает юным:

Нам поверьте, Семен Михайлович,
Нашу Родину, нашу партию
Никогда не подведем!

Выступает известный советский писатель, наш земляк Михаил Александрович Шолохов. Он говорит о том, что подвиги Первой Конной никогда не изгладятся из памяти народной, а ее создатели С. М. Буденный и К. Е. Ворошилов вечно будут примером служения Родине для многих поколений советских людей.

Взял слово и Семен Михайлович Буденный. Он вспомнил о былых боях и походах, о своих боевых товарищах, павших в борьбе за Советскую республику.

— Какое счастье жить и трудиться в стране, строящей коммунизм, — закончил свою речь С. М. Буденный.

Сразу после митинга Семена Михайловича окружили пионеры школы № 53, носящей имя Первой Конной. Ребята создали в своей школе музей Конармии, наладили переписку с командармом, установили связь с конармейцами, активно действует поисковая группа красных следопытов. В школе стало традицией ежегодно 19 ноября, в день рождения Первой Конной, проводить конкурс на лучшее сочинение о боевом пути и подвигах первооткрывателей, организовывать встречи с участниками былых сражений. Торжественно проходят пионерские линейки, посвященные знаменательной дате. Обо всем этом ребята рассказали маршалу.

Семен Михайлович в свою очередь расспрашивал ребят об учебе, пионерских делах и находках красных следопытов. И легендарный командарм и пионеры были рады встрече.

...Будучи в Ростове, маршал интересовался, кто из бывших первокошников проживает в городе, чем они занимаются, как живут. А на следующий день встретился с ними в окружном Доме офицеров. Бойцы вместе со своим командармом вспомнили огненные версты походов, боевых друзей, не вернувшихся с полей сражений: Ф. М. Литунова, С. М. Патолочева, А. Я. Пархоменко, О. Ч. Дундича. Примечательно, что у многих первокошников были на груди награды за отличие в боях гражданской и Великой Отечественной войн.

Отгремели войны... И ветераны вместе со всем народом взялись за мирный труд, стали командирами и рядовыми великой социалистической стройки. У станка и в поле они трудились так же самоотверженно, как и воевали. И об этом шел интересный разговор на встрече в Доме офицеров. В общем, ветеранам было что вспомнить, о чем поговорить.

В Ростове к С. М. Буденному то и дело являлись делегации. Его приглашали в школы, училища, вузы, на предприятия, стройки. Не имея возможности ответить на все приглашения, Семен Михайлович обратился к ростовчанам через областную газету «Молот».

Он писал:

«Дорогие мои земляки!

Пользуясь случаем, я хочу еще раз сердечно поблагодарить нашу Коммунистическую партию и Советское правительство за высокую награду, которой они удостоили меня, присвоив звание дважды Героя Советского Союза.

А вам, славные ростовчане, большое спасибо за оказанное мне внимание, за теплоту ваших сердец, за теплый прием на Дону.

Я — сын великой партии Ленина, всегда верно служил и буду служить ей».

Тепло провожали гостя боевые друзья, все ростовчане приглашали его приезжать на Дон, навещать друзей боевой юности. Маршал был полон сил, энергии, много шутил. И ни у кого не было сомнения в том, что он еще не раз побывает в родном краю... Это был его последний приезд на Дон. Однако связи с земляками Семен Михайлович не порывал, всегда живо интересовался их трудовыми делами, успехами. А если случалось встретить земляков в Москве — было это главным образом во время работы съездов, пленумов Центрального Комитета КПСС, сессий Верховного Совета СССР, — маршал всегда старался быть вместе с донской делегацией. На XXIV съезде партии, помню, его в шутку называли делегатом от коммунистов Дона. И он был доволен этим.

Обрадовало С. М. Буденного и сообщение о том, что Ростовский городской Совет депутатов трудящихся, отмечая исключи-

тельные его заслуги в освобождении города Ростова-на-Дону от белогвардейских банд в 1920 году, присвоил ему, Маршалу Советского Союза дважды Герою Советского Союза, звание «Почетный гражданин города Ростова-на-Дону». Этим званием Семен Михайлович гордился. И не раз говорил:

— Живу в Москве, а сердцем там, в Ростове.

В декабре 1970 года председателю Ростовского горисполкома подали срочную телеграмму с отметкой «Правительственная». В ней говорилось: «Указом Президиума Верховного Совета СССР за большие успехи, достигнутые трудящимися города в хозяйственном и культурном строительстве, в выполнении заданий пятилетнего плана по развитию промышленного производства, и особенно отраслей машиностроения, город Ростов-на-Дону награжден орденом Ленина».

Не успел председатель горисполкома сообщить эту радостную весть товарищам по работе, как раздался телефонный звонок. Телефонистка сообщила: с вами будет говорить Москва, Буденный.

— Мои дорогие земляки-ростовчане, славные труженики. Сердечно поздравляю вас с высокой наградой — орденом Ленина. Отныне Ростов — орденоносец. Его честь и слава приумножены вашим замечательным трудом. Счастья вам и новых успехов во имя нашей великой Родины!

Насколько помнится, Семен Михайлович первым поздравил ростовчан с наградой.

В ноябре 1969 года исполнилось 50 лет Первой Конной армии. В Ростове и области это событие отмечалось широко. В трудовых коллективах проходили встречи с первокошниками, публиковались их выступления. В выставочном зале ростовского отделения Союза художников СССР была организована тематическая выставка. В драматическом театре имени М. Горького была возобновлена пьеса В. В. Вишневского «Первая Конная». Проведен поход по местам боев Конармии.

Семен Михайлович просил своих боевых друзей генералов Д. И. Рябышева, И. Т. Чаленко, Н. И. Плужникова, нас, партийных работников, сообщать ему, как отмечается 50-летие Конармии. Его особенно интересовал агитпоход по маршруту станции Буденновская — Ростов, посвященный 50-летию Первой Конной. В агитпоходе приняли участие молодые воины Северо-Кавказского военного округа, отличники боевой и политической подготовки, ветераны-первокошники. Участники агитпохода встречались с жителями станиц и городов области, рассказывали о лучших традициях Советской Армии, о беззаветном героизме воинов легендарной Первой Конной, бесстрашно боровшихся с врагами Советской власти.

Тепло встречали участников агитпохода на донской земле. Труженики заверили ветеранов Первой Конной: подвиг отцов и дедов в годы гражданской войны продолжают своими практиче-

скими делами на полях, в лабораториях, заводских корпусах, на строительных объектах.

Возвратившись в Ростов, участники похода рапортовали областному комитету партии: «Везде, где мы были, мы видели, что в памяти народа живет слава героев революции, гражданской и Великой Отечественной войн. Молодежь свято хранит традиции отцов».

О результатах агитпохода доложили Семену Михайловичу. Он подробно расспрашивал, как отнеслась к походу молодежь, проявляет ли она интерес к событиям гражданской войны, следует ли традициям старшего поколения. И был доволен, узнав, что молодежь Дона активно участвует в коммунистическом строительстве. Юноши и девушки — на самых трудных и ответственных участках созидательной деятельности. Они возделывают хлебные нивы, выращивают животных, создают сложные машины, строят дома. В их трудовых делах — дух и горение защитников Октября, славных первоконников...

17 ноября 1969 года Ростов в праздничном убранстве. На улицах огромные транспаранты: «Будем верными продолжателями дел красных конников!», «Заветы конармейцев в сегодняшних делах поколений», «Легендарная слава первоконников вечна!». Начался праздник 50-летия Первой Конной армии. Дон по праву называют колыбелью 1-й Конной армии. Здесь формировались отряды красных конников, отсюда пошла громкая слава о бессмертных подвигах, совершенных конармейцами в боях за молодую Советскую республику. На торжества в Ростов приехали 150 героев гражданской войны. Среди них Маршал Советского Союза А. И. Еременко, генерал армии Д. Д. Лелюшенко, старший адъютант С. М. Буденного генерал-майор П. П. Зеленский, другие почетные гости. В окружном Доме офицеров состоялась встреча первоконников. А 20 ноября открылось торжественное собрание, посвященное золотому юбилею Конармии. Ростов, а вместе с ним и вся страна чествовали конников, чьи подвиги в годы гражданской войны стали легендой.

В то время на улицах города можно было видеть такую картину. В крылатой бурке с белым башлыком едет на горячем допчаке всадник. Гордая посадка, привычно пружинят ноги в стременах. Мужественное, чуть тронутое временем лицо. Это командир. За ним — конники в буденовках с саблями на поясах и винтовками за плечами. А следом — пулеметная тачанка, с которой льется звонкая задорная песня:

Эх, тачанка-ростовчанка,
Наша гордость и краса,
Пулеметная тачанка —
Все четыре колеса.

За тачанкой — линейка с красным флагом. Ростовчане по обеим сторонам улицы приветствуют конников, а вездесущие мальчишки бегут вдогонку с радостными криками.

— Они ж не видели всего этого наяву, — слышится голос пожилой женщины. — Посмотрели б тогда, в двадцатом году, сколько народу было. Весь город вышел встречать конармейцев.

И вновь несется по улице песня:

Мы — красная кавалерия!
И про нас
Былиники речистые
Ведут рассказ:
О том, как в ночи ясные,
О том, как в дни ненастные
Мы гордо,
Мы смело в бой идем...

Маршрут колонны — на Буденновский проспект, к бюсту Маршала Советского Союза С. М. Буденного. По команде «Смирно» замирает шеренга старых бойцов, а рядом с ней, как бы подчеркивая живую связь поколений, четкий строй воинов-северокавказцев. Короткий митинг. Двинулись дальше. Далеко слышна песня:

Веди ж, Буденный, нас смелее в бой!
Пусть гром гремит,
Пускай пожар кругом:
Мы беззаветные герои все,
И вся-то наша жизнь есть борьба...

Слушаю ее и вспоминаю слова командарма: «Славным и героическим был боевой путь Первой Конной армии. Три фронта — Южный, польский и врангелевский — вдоль и поперек прошли ее боевые полки. Сотни крупнейших боев, тысячи мелких, но жарких схваток с врагами трудового народа знаменовали этот победный путь. В боях пролили свою кровь, отдали свои жизни за дело Октября тысячи лучших представителей трудящихся. На бескрайних просторах задонских и кубанских степей, на воронежских и курских полях, в Донбассе, у предгорий Кавказа, на просторах Украины, в Полесье, у подножий галицийских холмов остались тысячи безвестных могил героев красной конницы. Среди этих тысяч ярко пламенеют имена тех, кто вышел из первых боев отряда, а затем вел за собой полки и дивизии Конной армии. Они были первыми среди неустрашимых».

ПИШУ О БУДЕННОМ

Н. Н. ДЕНИСОВ,
полковник в отставке,
журналист

Впервые мне довелось увидеть С. М. Буденного на огневых директрисах Струго-Красненского полигона Ленинградского военного округа. Я тогда был курсантом артиллерийской школы.

Буденный приехал в округ инспектировать подготовку войск. В светлой гимнастерке, перехваченной ремнями полевого снаряжения, с ромбами в петлицах и при всех орденах, он стоял на пригорке в группе командиров, наблюдая, как наша гаубичная батарея ведет огонь с открытой позиции прямой наводкой. Помнится, мы старались вовсю, и наши действия получили хорошую оценку — высокая инспекция не сделала ни одного замечания. Позже мы делились впечатлениями и пришли к выводу: нас воодушевило присутствие легендарного полководца.

А потом я видел его уже во время Великой Отечественной войны. В тяжелом сорок первом году, когда наши войска отступали за Днепр, мы, группа военных журналистов, шли с колонной солдат на восток. В один из невыносимо горьких дней мы увидели С. М. Буденного — он проехал мимо нас в открытой автомашине. Узнав его, вся колонна подтянулась, люди приободрились, на уставших до изнеможения лицах появились улыбки. Я тогда подумал: как любят его в народе, как гордятся им, как верят в него.

Не случайно в том же труднейшем для нас сорок первом году именно С. М. Буденному было поручено припимать военный парад в Москве 7 ноября. И очень символично, что весной сорок пятого года, когда над Берлином взвилось Знамя Победы, среди опубликованных «Правдой» двадцати двух портретов наиболее выдающихся полководцев стран антигитлеровской коалиции был и портрет Маршала Советского Союза С. М. Буденного.

Часто мне доводилось встречаться с маршалом С. М. Буденным в послевоенные годы, когда я работал в редакции газеты «Правда».

Однажды в редакционном конференц-зале собрались ее сотрудники — участники Великой Отечественной войны. К нам в этот день приехал член Президиума Верховного Совета СССР С. М. Буденный, чтобы вручить бывшим фронтовикам медали в честь двадцатилетия Победы над фашистской Германией. Среди собравшихся — фронтовые корреспонденты, бывшие пехотинцы, артиллеристы и танкисты, авиаторы, конники, десантники и саперы, зенитчицы и санитарки. Многие из них видели Семена Михайловича в военные годы в боевой обстановке, кое-кто встречался с ним на конных заводах, а были и такие, кто помнил его с гражданской войны. И каждому хотелось пожать все еще сильную руку известного полководца.

Правдисты, приглашая Семена Михайловича на эту встречу, опасались, что для него будет утомительно вручать около сотни медалей. Поэтому предложили: пусть маршал вручит несколько медалей, скажем, первым по списку, а остальным — райвоенкомом.

— Да как же так можно? — возмутился маршал. — Нельзя обижать людей. Нет уж, вручать медали буду всем...

И хотя церемония вручения медалей сильно затянулась, для каждого из награжденных у маршала нашлось теплое слово, каждому он крепко, дружески пожал руку. Печатаюсь в «Правде», он знал многих сотрудников по имени-отчеству, а некоторых военных журналистов помнил по фронту. А потом мы все сфотографировались с полководцем. Памятный тот снимок и по сей день хранится в кабинете истории «Правды».

Мне вместе с товарищем по перу Героем Советского Союза Сергеем Борзенко довелось рецензировать все три книги мемуаров С. М. Буденного «Пройденный путь». Рецензии были напечатаны на страницах «Правды». Писать эти рецензии было трудно, так как размеры газетной статьи не позволяли подробнее рассказать о тех впечатлениях и раздумьях, которые возникали от прочитанного. Воспоминания Семена Михайловича, написанные простым, но образным языком, выпукло обрисовывали пережитое в годы гражданской войны, рассказывали о соратниках командарма Первой Конной, о многих ее бойцах, командирах и политработниках. Семен Михайлович меньше всего писал о себе — все больше о людях, с которыми в одном строю сражался против врагов Советской власти. И я не могу не сказать здесь, что это стремление — побольше о других, поменьше о себе — проявлялось у него всегда — и в публичных выступлениях, и в газетных статьях, и в интервью, которые он давал журналистам. Кстати, журналисты окружали его везде — в Кремле в перерывах между заседаниями сессий Верховного Совета СССР или съездов КПСС, на квартире или даче, в редакции «Правды», в Центральном Доме Советской Армии, в Доме журналиста, в Доме ученых, в аудиториях военных академий, в кулуарах во время юбилейных торжеств... И мы не только внимательно слушали его захватывающие рассказы, поражаясь удивительной памяти Семена Михайловича, называвшего имена людей, даты и цифры, приводившего подробности событий многолетней давности, но и пристально вглядывались в него, всякий раз находя в его таком знакомом облике новые и новые черты. Этот известный в стране человек, уважаемый и любимый всеми, был удивительно скромным, отличался простотой и непринужденностью, душевной щедростью.

Однажды с группой правдистов я приехал на квартиру к Семену Михайловичу с редакционным заданием: написать для газеты очерк в связи с юбилейной датой полководца. На наш звонок дверь открыл сам хозяин. В глаза бросились рядом висевшие две шинели: одна с массивными погонами маршала, на другой — словно снежинки, офицерские звездочки. То были шинели отца и сына, Семена Михайловича и Сергея Семеновича Буденных.

Радушный хозяин провел нас в светлый, просторный кабинет и пригласил сесть у письменного стола, заваленного книгами и рукописями. Напротив стола — освещенный солнцем портрет Владимира Ильича Ленина.

— Когда работаю,— мягко, потеплевшим голосом произнес Семен Михайлович,— я как бы остаюсь наедине с Ильичем...

В тот день, да и во время других бесед, мы много услышали о его встречах с Владимиром Ильичем, о письмах с фронта к Ленину, о разговорах с вождем по прямому проводу. А в телеграммах и распоряжениях Ленина не раз упоминалось имя С. М. Буденного, говорилось о срочных перебросках кавалерийских соединений, которыми он командовал, на самые важные и решающие участки борьбы с белогвардейцами и иностранными интервентами...

Запомнился и такой эпизод. В Доме ученых проходил вечер, на котором перед академиками, профессорами и докторами наук выступали люди бессмертного подвига — Герои Советского Союза. Много было оваций и летчикам, и морякам, и танкистам. Но, пожалуй, самые бурные аплодисменты раздались при появлении на трибуне Семена Михайловича Буденного. Седовласым деятелям науки с мировыми именами, чья молодость проходила в ту пору, когда слава Первой Конной армии гремела по стране, был особенно близок и дорог ее командарм, ставший не просто легендарным, но былинным, эпическим героем.

Зная, что в заключение вечера будут показаны документальные фильмы о гражданской и Великой Отечественной войнах и среди них лента, запечатлевшая некоторые эпизоды боев Первой Конной армии, Семен Михайлович вспомнил бои конармейцев против войск Врангеля. Как всегда, он говорил увлеченно, образным, народным языком, подробно характеризовал своих соратников. А потом в зале погас свет, на экране — лихие кавалеристы. Старая кинолента, снятая в далеком двадцатом году, словно бы продолжила интересный рассказ Семена Михайловича. И я, и все сидевшие рядом с маршалом видели, как смотрел он на экран, как радостно было ему вновь повстречаться с дорогими его сердцу конармейцами, командирами и комиссарами. Вот скачет на коне его боевой друг и соратник Клим Ворошилов. А рядом, стремя к стремени, он, Буденный,— молодой, с черными усами, в развевающейся бурке и папахе. Узнавая среди мчавшихся конников многих командиров, он громко называл:

— Федор Морозов... Павел Бахтуров... Семен Тимошенко... Ока Городовиков...

Вот конармейцы в атаке... Неукротимо, бешено несутся кони. Наступающие эскадроны врुбились во вражескую лаву... И Семен Михайлович, словно забыв, что он не в седле, а в кресле, приподвинулся и, занеся руку, будто сжимая шашку, молодо крикнул:

— Давай! Давай!

Фильм тот был не озвучен, но всем сидящим в зале показалось, что бодрый командирский голос раздался с экрана...

Но особенно много интересных, запоминающихся встреч произошло у меня с Семеном Михайловичем в дни работы над книгами о нем — «Самородок России» и «Наш Буденный». Вме-

сте с соавтором С. Борзенко мы встречались не только с Семеном Михайловичем, но и со многими бывшими командирами конармейцами — И. В. Тюленевым, А. И. Еременко, Я. Т. Черевиченко, И. Е. Петровым и многими другими героями гражданской войны, а также с командирами-конниками времен Великой Отечественной войны — П. А. Беловым, Н. Я. Кириченко, И. В. Тутариновым, И. А. Плиевым и другими генералами, руководившими кавалерийскими соединениями и конно-механизированными группами, успешно громившими немецко-фашистские войска под Москвой и Сталинградом, в предгорьях Кавказа и на Курской дуге, на Днепре и Висле, на Одере и Шпрее. Все, с кем довелось беседовать, поведали немало интересного о том, какую поистине отеческую заботу проявлял командующий кавалерией Советской Армии С. М. Буденный об обеспечении конницы всем необходимым для боя и жизни, о правильном использовании ее частей и соединений в крупнейших операциях и битвах Великой Отечественной войны.

В моих журналистских блокнотах сохранились записи, сделанные в военных архивах, в Ленинской библиотеке при просмотре газет и журналов периода гражданской войны, конспекты многих книг, написанных современниками С. М. Буденного, в том числе и белых генералов, которых нещадно били конармейцы,— Деникина, Краснова, Врангеля и многих других. Они, эти белые генералы, на страницах своих воспоминаний не раз упоминают имя С. М. Буденного, удивляясь его тактической находчивости, умению хорошо использовать различные факторы боевой обстановки для нанесения стремительных, неотразимых ударов красной конницы по белогвардейцам.

Есть выписки и из различных документов того времени — это боевые приказы, распоряжения и донесения, протоколы заседаний Реввоенсовета Первой Конной и партийных собраний, ведомости, оправки и другие материалы. Иные из них написаны рукой Семена Михайловича, тусклыми чернилами или карандашом, на ломких листах желтоватой, похожей на оберточную, бумаги. Среди материалов есть и такой документ — служебная аттестация командарма Первой Конной. Она относится к тому времени, когда С. М. Буденный да и многие другие конники, вложив шашки в ножны, приступили к мирному строительству — кто в народном хозяйстве, а кто в рядах Вооруженных Сил. «На боевой практике,— говорится в документе,— показал себя талантливым самородком. Мирная работа подтвердила те же качества». Мне кажется, короче и ярче не скажешь. Деловая, исчерпывающая характеристика!

Эти и многие другие материалы, фотографии и документальные кинокадры, статьи, письма очень помогли нам в работе над книгами. Но главное, основное, несомненно, заключалось в непосредственном общении с Семеном Михайловичем, в его рассказах о пережитом и увиденном, о встречах с В. И. Лениным, И. В. Сталиным, М. И. Калинин, М. В. Фрунзе, Ф. Э. Дзер-

жинским, Г. К. Орджоникидзе, А. В. Луначарским и многими другими руководящими деятелями Коммунистической партии и Советского государства. Он умел зримо воспроизводить обстановку тех лет, ярко рассказывал о событиях, участником которых был. Каким удивительным рассказчиком был Семен Михайлович! Начав издали, он постепенно подводил слушателей — будь то в большой аудитории или с одним собеседником — к кульминационной точке повествования. Бывало, заслушавшись, задаешь вопрос и, не сразу получив на него ответ, напоминаешь об этом, а Семен Михайлович отмахнется: «Слушай, мол, к тому и разговор». И в самом деле, вот он подошел к главному, и тогда оказывается, что именно такой прием делает весь рассказ более понятным, убедительным.

Перед тем, как сдать готовую рукопись книги о Буденном в издательство, мы попросили его прочесть написанное. Семен Михайлович отнесся к нашей просьбе очень внимательно и согласился. Вскоре рукопись книги «Самородок России» вернулась. Пометок было немного, но все — существенные, буквально одним-двумя словами уточняли то или иное положение, добавляли штрих или деталь. И лишь одно было у Буденного пожелание: поменьше слов в адрес Буденного, побольше о конармейцах.

Эту же мысль, но еще более решительно, высказал Семен Михайлович и при следующей встрече с авторами. Зная, что издательство намерено открыть книгу портретом маршала, мы приехали к нему с фотокорреспондентом газеты «Правда», бывшим фронтовиком А. Григорьевым. Попросили Семена Михайловича надеть парадный мундир с наградами. Но маршал выразил сомнение, заметив, что вряд ли стоит помещать его портрет в книге. Помолчав немного, добавил:

— Читатели и так меня знают...

Мы не раз встречались с Семеном Михайловичем на даче. В его кабинете рядом с изображением коней соседствовали макеты современного оружия и боевой техники: стреловидные самолеты, крутобашенные танки, дельфиноподобные подводные лодки, сигарообразные ракеты. Заметив мой любопытный взгляд на эту необычную коллекцию, маршал сказал:

— Раньше побеждали клинки да тачанки, а теперь у нас ракеты и танки!

В ходе беседы, оказавшейся для нас последней, я узнал (а потом рассказал об этом на страницах «Правды») о распорядке дня полководца в преклонные годы, о том объеме работы, которую он вел как кандидат в члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР и член его Президиума, член Президиума ЦК ДОСААФ. Долгие годы он бессменно был и председателем Общества советско-монгольской дружбы.

Так совпало, что в тот день к нему приехали в гости монгольские товарищи.

— Буян болтога! — приветствовал их маршал по-монгольски,

Семен Михайлович стал вспоминать свою поездку в Монгольскую Народную Республику, встречи с ее гостеприимными и трудолюбивыми людьми, интересно рассказывал о маршале Х. Чойбалсане, которого хорошо знал и глубоко уважал. Внимательно и заинтересованно слушал Семен Михайлович рассказ монгольских друзей о достижениях в развитии экономики и культуры, о необычных новостройках и многом другом.

В разгар этой задушевной дружеской беседы из школы вернулся внук Алеша. Он сразу же притащил проигрыватель и поставил пластинку с записью песни Дм. Покрасса о буденновцах. Слушая знакомую мелодию, все мы, поглядывая на улыбающегося хозяина, тихонько подпевали: «Буденный наш братишка, с нами весь народ!..»

Прощаясь, Семен Михайлович пригласил нас сфотографироваться на память. На вопрос, что передать читателям «Правды», маршал ответил:

— Труженикам городов и сел — успехов и вдохновения в труде на благо советского народа...

Воинам армии и флота — честной службы народу!

Комсомольцам, всей нашей славной молодежи — свято хранить традиции отцов и дедов, подражать им во всем, быть верными патриотами Отчизны...

Зарубежным друзьям — успехов в борьбе за мир!

РЯДОМ С МАРШАЛОМ

И. Е. АЛЕКСАНДРОВ,
полковник в отставке

Это было в 1927 году. Мне шел двенадцатый год, и я приехал в Москву учиться. В комнате моего старшего брата, у которого жил, на письменном столе я увидел фотографию в рамке: военный с большими черными усами. Внизу была надпись: «Семен Михайлович Буденный». Я, деревенский мальчишка, ничего тогда не знал о легендарном командаре, герое гражданской войны С. М. Буденном, но лицо его так мне понравилось, что я взял эту фотографию и спрятал в свою школьную сумку.

Иногда так бывает: услышишь чье-то имя или встретишься с незнакомым человеком и почему-то запомнишь имя, лицо. А потом, через годы, судьба сведет тебя с этим человеком. И кажется, что знал его всегда, что все эти годы не расставался с ним...

Прошло шестнадцать лет, и я стал работать с Семеном Михайловичем Буденным. Более тридцати лет я каждый день был с ним рядом и горжусь тем, что имел возможность, а лучше сказать — счастье работать с этим незаурядным человеком.

Мне нет нужды рассказывать здесь о Семене Михайловиче как о полководце и государственном деятеле. Я был его помощником в повседневной жизни и выполнял его поручения. Вот об этом и хочу рассказать.

Люди, окружавшие маршала, работали с ним по многу лет, никто не уходил, не искал себе места или начальника лучше. И причина этого, я думаю, в характере Семена Михайловича. Добрый, сердечный, простой, веселый, отзывчивый, доступный, он как магнитом притягивал к себе людей. Человек необыкновенной самодисциплины, Семен Михайлович ничего не откладывал на завтра, никогда и никуда не опаздывал.

— Лучше я подожду, чем меня будут ждать, — говорил он обычно. И в этом проявлялось присущее ему уважение к людям.

Все, кто работал с Семеном Михайловичем, старались переменить присущие ему черты. Общение с ним было для нас школой высокой человечности, скромности, точности, трудолюбия. Личным примером он незаметно для нас самих воспитывал, учил, направлял.

Случалось так, что мы ошибались, делали что-то не вовремя или неправильно. Семен Михайлович никогда не отчитывал за невольный промах, не позволял себе грубого окрика, в разговоре никогда не повышал голос. Терпеливо разъяснял ошибку, старался понять, чем человек руководствовался, поступая так, а не иначе.

— Если человеку трудно и он не справляется с поручением, не ругать надо его, а помочь, — говорил маршал. Он ни минуты не сомневался в добросовестности своих помощников, и мы старались как можно лучше выполнить его поручение, указание.

В 1947 году многие работники конных заводов за большой самоотверженный труд были отмечены правительственными наградами. Семен Михайлович Буденный, член Президиума Верховного Совета СССР, вручал труженикам награды. Происходила эта церемония на конном заводе имени С. М. Буденного. Семен Михайлович вручал награды, каждому говорил добрые слова — всех людей он хорошо знал, — пожимал руку. Подошла очередь директора конного завода имени Фрунзе Тарасенко. А был он человек, что называется, с чудиной, многие относились к нему насмешливо.

Назвали его имя, все стали переглядываться, посмеиваться. А Семен Михайлович, видимо заметив это, вручая Тарасенко награду, одного из всех обнял и поцеловал.

— Вы храбро сражались в годы гражданской войны и отличаетесь сейчас, — сказал он.

У насмешников вытянулись лица.

Всегда ровный, бодрый, он никогда не показывал своего дурного настроения. А ведь в его жизни всякое случалось. Редко когда заметишь — Семен Михайлович сегодня не в духе. Ехали мы с ним как-то в машине по степи на один из конных заводов. Был тот редкий случай, когда я с утра почувствовал, что маршал чем-то раздражен.

— Ружье взял? — спрашивает он меня.

— Да, товарищ маршал.

— А патроны?

— И патроны.

— А пистолет?

— И пистолет.

— Ну а бурку?

— Здесь бурка, в машине.

— Вот, черт, и придаться не к чему. — И засмеялся, повеселел.

Он был прямым человеком, зло никогда не таил, высказывался откровенно и начистоту и требовал этого же от других. Вспоминаю такой случай. Приехал как-то С. М. Буденный в Киргизию, отправился на один из конных заводов. Сопровождавший Семена Михайловича товарищ предложил заехать в расположенное «по пути» хозяйство посмотреть лошадей. Сказал, что там его очень ждут.

— Раз ждут, давайте заедем, — говорит Семен Михайлович. — А сколько туда километров?

— Пятнадцать, товарищ маршал.

Свернули, едем какое-то время, потом Семен Михайлович говорит:

— Я спрашиваю, сколько километров?

— Двадцать, товарищ маршал.

Едем дальше. Семен Михайлович опять:

— Я спрашиваю, сколько километров?

— Двадцать пять, товарищ маршал.

Какое-то время спустя:

— Так сколько же все-таки километров?

— Тридцать, товарищ маршал.

Вот тут-то он и взял в оборот этого товарища:

— Зачем же вы обманываете?! Я ведь сказал, что заеду в хозяйство, значит, заеду. Почему же правду не сказали?

Семен Михайлович очень много внимания уделял работе конных заводов, которые были в его ведении, всячески боролся за их рентабельность. Если в хозяйствах были пруды, всегда говорил: «Разводите рыбу, она не требует особых забот, а доход приносит хороший». Тогда о таких «мелочах» еще не очень думали, а его это заботило. Во главе многих конных заводов были генералы, служившие с Семеном Михайловичем еще в Первой Конной армии. Он выбирал и назначал самых хозяйственных, самых расторопных.

Семен Михайлович любил Северный Кавказ, часто отдыхал в Кисловодске. Как-то, приехав туда в отпуск, он сказал мне:

— Иван Ефимович, хорошо бы рыбку поудить. Договоритесь со Скороходом (это был начальник конного завода), чтобы он разрешил в пруду на конзаводе половить.

Я договорился, и мы отправились на вечернюю зорьку. Карп брал замечательно, едва успевали насаживать червяков. А генерал Скороход «советы» дает:

— Вы, Семен Михайлович, на червяка не ловите, ловите на пескарика.

— Вот еще, — говорит маршал, — на пескарика! Это же не щука, карп рыба не хищная. Берет больно хорошо, останусь-ка я и на утреннюю зорьку, надо же отдыхающих в санатории рыбкой угостить.

Утром пришли, забросили удочки — ни одной поклевки. Стоим, стоим — все без толку. Смотрим, по тому берегу пруда

объездчик верхом едет. Семен Михайлович махнул ему: дескать, подъезжай сюда. Объездчик подъехал. Поздоровались.

— Не знаете, почему рыба у нас не клюет?

— Да, Семен Михайлович, с чего же она клевать будет, если в это место ночью два грузовика корма насыпали.

— Ну, Скороход, рыбы пожалел! Вот это хозяин, — одобрительно засмеялся маршал. — Видал, что творит? Назначил на свою голову...

В другой раз по дороге на Медовый водопад маршал вновь решил завернуть на конный завод к Скороходу, посмотреть, как идут у него дела. Увидели пачальника из машины и подкатили к нему прямо по бездорожью. Семен Михайлович говорит своей жене, Марии Васильевне:

— Вот сейчас выйдем из машины, Скороход ругать нас будет, что траву помяли.

— Да не может быть...

— А вот увидишь.

Подъехали, выходим.

— Семен Михайлович, а травку-то помяли, — сказал Скороход вместо приветствия и долго не мог понять, почему мы все дружно засмеялись.

К Семену Михайловичу часто обращались люди с разными просьбами, и он всегда старался помочь. Проволочек не терпел и, если считал, что дело, по которому к нему обратились, справедливо и решить его надо безотлагательно, тут же брал трубку телефона, звонил. И, надо сказать, ему никогда не отказывали.

Любовь к нему была поистине всенародной. Приехал как-то маршал в город Шахты, зашел в обком партии. А люди узнали каким-то образом, что Буденный в городе. Собралась перед зданием обкома огромная толпа, перегородила улицу, даже трамваи встали. Люди просят: «Пусть выйдет товарищ Буденный, увидеть его хотим». Я доложил маршалу.

— Надо выходить, — заторопился он, — не дай бог помнут кого. — И пошел на крыльцо.

В Чехословакии был такой случай. Пошел Семен Михайлович на концерт. Выступал Краснознаменный ансамбль имени Александра. Когда артисты увидели, какой у них гость, спели песню о Буденном. Семен Михайлович был в штатском, но публика его узнала, стала скандировать: «Русский маршал Буденный!»

Пришлось ему подниматься на сцену, и не только потому, чтобы хорошо его было видно, — просто иначе выйти он уже не мог, сцена была окружена.

И так было всегда и везде. Он любил людей, всю свою жизнь отдал делу борьбы за их счастье, за мирное будущее и тем заслужил народную любовь и уважение...

ТРИ ПОРТРЕТА

Н. Ф. ДЕНИСОВСКИЙ,
заслуженный художник РСФСР

В 1933 году в Хамовническом манеже при Высшей кавалерийской школе верховой езды я писал конный портрет К. Е. Ворошилова на военном параде для выставки «15 лет РККА». Мне была предоставлена возможность работать в одной из лож манежа. Туда для выезда своей лошади приезжал К. Е. Ворошилов и позировал мне.

Многие военные конники тренировались здесь в верховой езде. В этом манеже и состоялась моя первая встреча с Семеном Михайловичем Буденным. ...Вот Семен Михайлович идет ко мне по манежу, такой знакомый по портретам, такой неповторимый.

Плечистый, среднего роста, подтянутый, с пышными черными усами и карими глазами, кажется, сейчас он громким голосом подает какую-нибудь команду... А он негромко говорит:

— Можно поглядеть, как идет работа?

С. М. Буденный — блестящий знаток лошадей, он знал все их повадки и привычки и всегда с удовольствием рассказывал об этом. «Форма головы каждой лошади, — подчеркивал Семен Михайлович, — имеет неповторимые особенности». Он по выезде коня узнавал, из какого полка всадник, объяснял мне разницу между дрессировкой и выездкой.

— В первом случае, — говорил он, — главную роль играет заповинание, а при выезде — подчинение, так сказать, разговорному языку... И тут многое зависит от всадника, его умения обращаться с лошадью. Нет на свете более благородного животного, нежели лошадь, — считал Семен Михайлович.

Я стоял зачарованный его рассказами, а потом внимательно слушал замечания о моей работе, ошибках в изображении верховой лошади. Он считал необходимым мне самому сесть на лошадь, тогда лучше пойму свои ошибки. Его забота о моей работе трогала меня. Я старался овладеть рисунком лошади, с охотой изучал особенности в изображении этого красивого животного.

Много раз он бывал в манеже и всегда заходил ко мне, с любопытством глядялся: что получается? Семену Михайловичу импонировали художники, его интересовала их работа, со многими он был в дружеских отношениях. Он рассказывал мне, как его лепила скульптор Денисова-Щаденко, писал его портрет Василий Никитич Мешков. Однажды во время беседы я предложил написать его портрет. Он согласился. Работа началась и вскоре совсем захватила меня. Хотелось как-то по-своему рассказать об этом талантливом человеке, мудром и простом, строгом и добром, — таким я его увидел и узнал. Любил он шутку, удачное, остроумное слово. Был случай, разыграл и меня.

Как-то, приехав в манеж, Семен Михайлович долго стоял у меня за спиной, глядя на мольберт, а потом недоуменно спросил:

— Николай Федорович, это почему такое: у лошади Климента Ефремовича есть хвост, а у моей на портрете нету?

Я растерянно стал объяснять, что одна стоит в фас, другая — в профиль.

— Ничего не хочу знать, — говорит Семен Михайлович, — у моей лошади должен быть хвост.

Я не сразу понял, что С. М. Буденный пошутил.

Работники кинохроники попросили разрешения заснять наши сеансы позирования. Я передал эту просьбу Семену Михайловичу, он, подумав, сказал:

— Ладно, пусть снимают.

На следующий сеанс приехали из кинохроники. Семен Михайлович проезжал лошадь, позировал для съемки. Картина была выпущена, шла в кинотеатрах. Лента эта и сейчас, наверное, хранится в архиве.

Один раз Семен Михайлович приехал с Климентом Ефремовичем и художниками В. Н. Дени, А. М. Герасимовым и другими. Он их привез, чтобы показать портрет. Эту сцену я потом изобразил в картине «К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный среди художников», которую показал 4 февраля 1941 года на выставке, посвященной 60-летию К. Е. Ворошилова.

Семен Михайлович очень трогательно относился к судьбе моей работы. Он считал себя соучастником в создании портрета и очень волновался, когда я повез портрет в жюри. Просил ему обязательно позвонить, как оценят работу. Кто-то из членов жюри отметил, что ноги у лошади поставлены неправильно. Я позвонил Семену Михайловичу и сообщил об этом. Семен Михайлович встревожился, даже обиделся:

— Как так, этого не может быть, я сейчас сам приеду.

Через некоторое время Семен Михайлович появился в доме на Кузнецком мосту. Он вошел в зал, по-военному печатая шаг, подошел к столу жюри и спросил:

— Кто здесь говорит, что ноги у коня неправильно поставлены?

Молчание, смущение, замешательство. Один из членов жюри признался:

— Это я сказал, Семен Михайлович.

— А позвольте вас спросить, что вы в ногах лошади понимаете?

На этом разговор был окончен, он уехал, а работа была принята без поправок.

Семен Михайлович хотел, чтобы на портрете была изображена шапка, которой он был награжден (золотое оружие с ордемом). Я не видел ее и не знал, как она выглядит. Однажды, работая по обыкновению в манеже, я увидел Семена Михайловича. Он шел ко мне, держа двумя руками, шапку. Эфес у нее золо-

той, а на нем — орден. Он торжественно положил пашку на стол и сказал:

— Вот она какая!..

Как-то раз Семен Михайлович пригласил меня к себе на дачу к обеду. Мы были втроем: Семен Михайлович, сотрудник аппарата Буденного Петр Павлович Зеленский и я. После обеда Семен Михайлович взял гармошку, которая лежала на диване, и начал напевать народные «страдания». Он рассказал, что увлекался пародным фольклором и характерными для каждой местности «страданиями». Его пение и игра очаровали меня. Пел душевно, с любовью, без позы. Я, слушая, представлял себе Буденного молодым сельским парнем на гулянке, статным, веселым гармонистом. Скоро подали чай, он снял с плеч ремни гармошки и положил ее на прежнее место, но мне показалось, что мыслями он еще далеко, что гармошка помогает ему вспоминать годы молодости, годы борьбы...

Мы условились, что Семен Михайлович придет ко мне в мастерскую и будет позировать для портрета в новой маршальской форме. Я писал Семена Михайловича в парадной форме с бриллиантовой звездой, при всех орденах, с саблей, в фуражке. Это был не «братишка наш Буденный», а Маршал Советского Союза.

Последний, конный портрет Буденного мы написали вместе с художником Александром Александровичем Пржецлавским. Было радостно вновь увидеться с ним, слушать его рассказы-воспоминания, вновь перенестись мысленно в то неповторимое, горячее время, когда лихие конники во главе с отважным командармом рубились с козницей белых.

Героическое время... Героические люди... И я был рад, что мне представилась счастливая возможность языком своего искусства сказать о народном герое Семене Михайловиче Буденном примерно то же, что прекрасно выразил в стихах поэт Николай Грибачев:

Сабля обпаянная,
Копь копытом бьет!
Копица Буденного,
Двадцатый год...

Новая ракета
К звездам идет,
Песня о Буденном
Нас переживет.

В СЕРДЦЕ МОЕМ НАВСЕГДА

*А. П. ОГНИВЦЕВ,
народный артист СССР,
лауреат Государственной премии СССР*

В октябре 1973 года оперная труппа Большого театра СССР была на гастролях в Италии. Мы смотрели передачу по итальянскому телевидению, когда диктор сообщил о смерти Маршала

Советского Союза Семена Михайловича Буденного. Ровным безучастным голосом диктор телевидения рассказал краткую биографию советского полковника, перечислил его боевые награды, называл имена, даты, фамилии... Но он не сказал главного — кем был для советских людей Семен Михайлович Буденный, чья жизнь — подвиг во имя счастья народа, которому беззавестно служил.

Невыносимо тяжело и больно было услышать весть о смерти Семена Михайловича: я более четверти века дружил с этим замечательным человеком, хорошо знал, любил и уважал его как патриота, борца, гражданина, доброго, отзывчивого друга.

...Впервые я встретился с Семеном Михайловичем в Кишиневе в 1948 году, куда он приехал в составе правительственной делегации на торжественное празднование 25-летия Молдавской ССР. Я был тогда студентом третьего курса Кишиневской консерватории, и мне была оказана честь — выступить на юбилейном концерте. Поначалу я испугался — шутка ли, сам Буденный будет слушать! Снял арию Сусанина из оперы «Иван Сусанин» и ушел со сцены. Стою за кулисами, поглядываю в первый ряд, рассматриваю знаменитые усы. Вдруг кто-то легонько тронул за плечо:

— Ваш голос очень поправился маршалу Буденному, он просит вас спеть еще что-нибудь.

В то время я не знал, что Семен Михайлович любит русские и украинские народные песни, казачьи напевы и цыганские мелодии, спел «Благословляю вас, леса» и каватину Алеко Рахмаинова.

После концерта меня пригласили на присм. Не успел осмотреться, как меня подвели к Буденному, он тепло поздоровался со мной и пригласил сесть рядом. Я невольно залобовался очень красивым тортом, стоящим на столе. С. М. Буденный, перехватив мой взгляд, тут же отрезал огромный кусок. Без тени смущения — время было голодное, послевоенная разруха еще давала о себе знать — я съел положенный мне кусок, и тарелка вмиг оказалась пустой. С. М. Буденный продолжал угощать меня, расспрашивал обо мне, о родителях. В тот памятный вечер мы долго беседовали, и от первоначальной моей робости и неловкости не осталось и следа — маршал говорил со мной, как равный с равным. Рассказал маршалу о своем детстве в Луганске, о трудной жизни, о том, как ходил в занозенных до дыр портках, которые сам латал, как во время Великой Отечественной войны работал диспетчером железнодорожной связи в Уссурийске, а позже восстанавливал связь в освобожденных от фашистской оккупации городах.

Слушая мой рассказ, Семен Михайлович вспоминал и о своем детстве, его тяготах и лишениях.

— Теперь другое время, Саша, — сказал Семен Михайлович, трогая меня за плечо. — Теперь можно и нужно учиться, учиться

и учиться, государство все заботы взяло на себя. Так что поезжай в Москву.

— А что я там буду делать? — спросил я.

— Как что? — недоуменно вскинул брови Буденный. — Петь будешь, работать будешь. Знаешь, как Шаляпин говаривал: пение — не безделица, а главный смысл жизни. Вот и трудись, пожалуйста, голос у тебя есть.

В тот вечер мы расстались дружески. Вскоре я успешно выступил в Москве на смотре вокальных факультетов консерваторий страны. Мое пение понравилось великой русской певице А. В. Неждановой и главному дирижеру Большого театра Н. С. Голованову. Меня оставили учиться в Москве. Затем — дебют в Большом театре, выступления на всемирных фестивалях в Софии и Берлине. Здесь, в столице Германской Демократической Республики, в нашем посольстве состоялась моя вторая встреча с Семеном Михайловичем Буденным.

— А-а, вот ты где! — сказал маршал, тепло здороваясь со мной. — Слышал, слышал о твоих успехах, сладкоежка! Рад, счень рад за тебя, Саша. Держись и дальше молодцом. — И сразу же засыпал меня вопросами: — Что нового в твоей жизни? Как дела в театре? Где живешь?..

— Особых новостей нет, Семен Михайлович, — отвечал я. — Спел Досифея в «Хованщине», премию Государственную получил, готовлю партию Мефистофеля... Живу в небольшом подвальчике на Кузнецком мосту. Привык, неудобства меня не смущают.

Вернувшись в Москву, вскоре уехал в отпуск. Через месяц возвращаюсь и узнаю: мною интересовался Буденный.

Вскоре я получил, не без помощи Семена Михайловича, новое жилье. Так началась наша дружба. В ту пору Семен Михайлович часто бывал на спектаклях с моим участием, слушал «Псковитянку», «Севильского цирюльника», «Евгения Онегина», «Фауста».

— «Фауст» поражает не только самобытностью музыки, — говорил мне Буденный, — но и тем, что в основе ее зерно жизненной правды, реалистическое содержание, заложенное в поэме Гете. Я испытываю очень сильное и глубокое впечатление и от музыки, и от драматического действия. Каватины Фауста, Валентина, куплеты Мефистофеля, его ироническая серенада, ария Маргариты — все это взораживает, волнует.

Но больше всего привлекали Буденного оперы русских композиторов — Римского-Корсакова, Мусоргского, Бородина, Чайковского... Помню, шла опера «Борис Годунов». Я дебютировал, Семен Михайлович пришел на спектакль. Я снимал грим, когда он вошел и сказал:

— Поешь ты здорово, но слишком робок, недостает тебе такой государственной силы, мощи, что ли. Я должен бояться взгляда твоего, трепетать от слова царского, а я не боюсь. («Как

это Буденный станет бояться, — думал я. — Никогда никого не боялся, а тут бояться надумал...»)

Доброжелательные советы Семена Михайловича помогали мне не только в работе над образом Бориса Годунова.

В то время встречались мы часто. Бывало, в выходной день я приходил к нему по его приглашению. Он усаживал меня в кресло рядом с собой и начинал расспрашивать обо всем, что его интересовало. При этом непременно потчевал вкусной, простой пищей — солеными огурчиками, капустой, пирогами с грибами. У него всегда были моченые яблоки, соленые арбузы.

В минуты отдыха он брал гармонию и наигрывал старинные русские и украинские мелодии. Многие песни я знал и порой тихонько подпевал, подстраиваясь под аккомпанемент гармони. Особенно нравилась Буденному русская народная песня «Есть на Волге утес», и пел он ее с нескрываемым удовольствием. У него был ровный приятный баритон, отличный слух и редкая музыкальность. Когда, случалось, у Буденного собирались друзья, я с удовольствием пел по их просьбе песни, романсы, куплеты...

Иногда мы уединялись в его кабинете, и Семен Михайлович прямо-таки мастерски, в высшей степени артистично рассказывал всяческие истории из своей яркой и богатой событиями жизни. Он помнил свою молодость с такой ясностью, с такими мельчайшими, захватывающими и всегда неожиданными подробностями, что, слушая его, я живо представлял себе людей, события, его самого. Больше всего он любил рассказывать о гражданской войне, о встречах с В. И. Лениным, о том влиянии, которое оказал Владимир Ильич на молодого командарма.

— Ленин понимал, — рассказывал как-то Семен Михайлович, — что значит Красная армия для судьбы революции и защиты ее завоеваний. Я всегда с особой теплотой вспоминаю самый дорогой и любимый образ. С Ильичем несколько раз я встречался и всегда испытывал истинно большое счастье. Общение с Лениным, мудрость его и прозорливость заставили пересмотреть многое в самом себе, в отношении к жизни, к людям и событиям. И самое главное, эти встречи давали мне ощущение силы, уверенности в самом себе, и это было очень важно, ибо жизнь ставила вопросы один сложнее другого. К нему, к его авторитету, к его гениальным трудам я всегда обращаюсь в поисках ответа на любые вопросы. Так тонко, а главное, всегда безошибочно он оценивал обстановку на фронтах, досконально знал положение, умел смотреть далеко вперед. А ведь никто военным наукам его не учил!

От Буденного я многое узнал о славных подвигах М. Фрунзе, Г. Котовского, А. Пархоменко, С. Тимошенко, О. Городовикова, О. Дундича, Л. Говорова и многих других отважных полководцев и красных командиров. Особое место в рассказах Буденного занимал Климент Ефремович Ворошилов. По словам Буденного, именно от Ворошилова он получал ценные уроки жизни.

Однажды во время заграничных гастролей я оказался в Анкаре. После концерта меня пригласили на ужин в местный рестораник с русской кухней. Там были не только русские блюда, но и русская речь. Повар-эмигрант, весь седой, с болезненным, воскового цвета лицом, спросил меня:

— А жив ли ваш Буденный?

Я ответил, что неделю тому назад встречался с ним в Москве. Как выяснилось, этот человек служил у Мамонтова, чья конница была наголову разбита конным корпусом Буденного. Бывший белогвардеец остался жив. Едва спасся он и при паническом бегстве армии барона Врангеля.

— Молва о красном полководце, — вспоминал повар, — разносилась по югу России с невероятной быстротой. О его отваге, храбрости и пахотчивости говорили с уважением даже его заклятые враги. Лишь только в окнах проносился слух, что где-то рядом конница Буденного, страх охватывал нас, поджилки тряслись. И сразу начиналась жуткая паника. Какая там дисциплина и самопожертвование «во имя спасения России»...

Слушая откровения эмигранта, я вспомнил один разговор с Буденным.

— Не знаю, Сашенька, что может быть горше чужбины, — сказал маршал, прочитав письмо, полученное из-за рубежа. — Вот человек сбежал в гражданскую войну во Францию. Сам не знает, как это произошло. То ли родители захотели, то ли друзья потянули. А теперь расплачивается за ошибку молодости, можно сказать, роковую, главную ошибку в жизни. — Помолчав, добавил: — Без Родины тяжело, без Родины просто нельзя...

С ЛЮБОВЬЮ К ЛЮДЯМ

С. Н. МОЛОДЫХ,
полковник

Мне известно не только из прочитанных книг мемуаристов, но и по собственному опыту, как трудно писать воспоминания, поэтому я понимаю, как нелегко в коротких заметках рассказать о человеке-воине, о легендарном полководце Семене Михайловиче Буденном, в секретариате которого мне довелось служить более двадцати лет.

Впервые я увидел маршала Буденного в январе 1944 года, когда прибыл к нему в кабинет, чтобы представиться по случаю моего назначения. Я был взволнован и, видимо, не очень четко докладывал. Семен Михайлович, сидевший за столом в глубине довольно просторного кабинета, не расслышал всех слов, выпаленных мною на одном дыхании,

Он жестом руки пригласил подойти поближе и, выйдя из-за стола, пошел мне навстречу. Раньше я представлял маршала высоким, с суровым выражением лица. А рядом со мной стоял человек среднего роста, плотно сбитый, широкоплечий, с чуть-чуть поседевшими пышными, красивыми усами, густыми черными бровями, из-под которых добродушно смотрели светло-карие искрящиеся глаза.

— А фамилия соответствует вашему возрасту, — улыбувшись, сказал Семен Михайлович и показал на стул, приглашая садиться. — Расскажите, откуда вы, где учились, кто ваши родители?

— Родился в Сибири, недалеко от Тюмени. Там и теперь живут и работают в колхозе мать и сестра. В ряды Красной Армии вступил добровольно, в Омске окончил военное училище...

— Вы спокойнее, не торопитесь, — поправил меня маршал. — А где ваш отец?

— Умер в двадцать девятом году. По словам матери, он участвовал в русско-японской войне, где получил тяжелое ранение.

— Значит, и батько, как и я, воевал с японцами. Да, — с горечью заметил Семен Михайлович, — много погибло тогда русских солдат, оплачивая своей кровью и жизнью бездарность царских генералов.

Поднявшись с кресла, маршал дал понять, что беседа окончена.

— Порядок и ваши обязанности узнаете у товарища Зеленского, — заключил он. — От вас, как и от всех работающих в секретариате, требуются высокая организованность, внутренняя и внешняя собранность, дисциплина, аккуратность и добросовестность при выполнении поручений. Особенно следует быть внимательным, предупредительным и учтивым к посетителям, — добавил маршал, приподняв указательный палец и как бы предупреждая о том, что работать надо без замечаний.

Прощаясь, Семен Михайлович улыбнулся, и столько в этой улыбке было доброты, что я почувствовал себя окрыленным, готовым трудиться без усталости, чтобы оправдать оказанное мне высокое доверие.

— А теперь за работу. Приглашайте, кто там есть, — кивнул он в сторону.

На радостях я быстро удалился и в дверях чуть было не столкнулся с шедшим на доклад к маршалу высоким, стройным генералом, о котором мне в секретариате сказали, что это начальник штаба кавалерии Советской Армии Петр Софронович Карпачев.

Уже в первый день работы в секретариате я многое узнал о требованиях маршала к сотрудникам своего аппарата.

— Маршал добр, но не добрячок, — говорил один из сотрудников, — терпеть не может бездельников и не дает им спуска, презирает ложь, строго наказывает тех, кто хоть раз попытается ввести его в заблуждение.

Другой товарищ добавил:

— Семен Михайлович видит человека насквозь, и, если ты ошибся по неопытности, не пытайся выкручиваться и юлить, он сразу поймет, что врешь. Докладывай всегда только правду.

Вскоре мне было поручено, как и другим дежурным адъютантам, знакомиться с письмами, поступавшими на имя маршала со всех концов Советского Союза, и готовить их для доклада.

К письмам трудящихся, особенно участников гражданской и Великой Отечественной войн, а также членов их семей, Семен Михайлович относился с исключительным вниманием и требовал от нас того же.

— Помните,— говорил он не раз,— авторы писем обращаются к нам за помощью в решении жизненно важных для них вопросов, и надо глубоко вникать в их нужды и запросы, а для этого почаще мысленно ставить себя в их положение.

Большинство своих запросов и обращений маршал подписывал лично и направлял их руководителям местных партийных или советских органов, иногда руководителям ведомств или предприятий. Во многих случаях, когда представлялось возможным, справлялся о принятых решениях по телефону и был очень недоволен, наталкиваясь на равнодушные к людским судьбам.

В 1949 году я получил задание привести в порядок весь архив маршала, в котором оказались интереснейшие, даже уникальные документы и материалы периода гражданской войны и последующих лет. В его личном архиве были письма К. Е. Ворошилова, М. И. Калинина, Г. К. Орджоникидзе, И. В. Сталина и других партийных и государственных деятелей, копии писем С. М. Буденного на имя Владимира Ильича Ленина, записи разговоров по прямому проводу, боевые донесения и множество других чрезвычайно ценных документов. В отдельных объемистых папках хранились редкие фотоснимки, блокноты с записями Семена Михайловича и несколько комплектов журнала «Красная конница», на страницах которого публиковалось много статей С. М. Буденного по разным вопросам, в том числе о боевых операциях Первой Конной армии.

Однажды маршалу принесли на отзыв рукопись воспоминаний его боевого соратника Оки Ивановича Городовикова.

— А почему бы и вам, товарищ маршал, не написать полные свои воспоминания,— как-то, осмелев, сказал я.— Ведь вы же сами — живая история...

Возможно, я говорил неубедительно, но маршал терпеливо выслушал меня и, улыбнувшись в усы, шутливо ответил:

— Ну что, Степан Николаевич, думаю, идею вашу следует одобрить, а совет отклонить.— После паузы, уже серьезно, сказал:— Некогда мне этим заниматься. В истории я расписался своей шапкой, а хорошо ли, плохо ли — пусть об этом напишут историки.

Однако пришлось все-таки Семену Михайловичу писать свои

воспоминания. А началось с того, что ему не понравилась его биография, составленная генералом П. П. Зеленским при моей помощи. Прочитав, он вызвал меня и недовольно сказал:

— Почему это вы пишете, что Буденный сделал то-то и то-то? Или вам не понятно, что без бойцов, командиров и комиссаров я был бы нуль без палочки. Нет, так не годится. Придется мне самому написать, как было.

И Семен Михайлович написал все подробно, в том числе о своей первой встрече с В. И. Лениным. Получилось что-то вроде биографического очерка. Просматривая рукопись после перепечатки, спросил:

— Как, по-вашему, пойдет?

— Конечно, товарищ маршал. Только, мне кажется, надо побольше фактов, шире использовать имеющиеся в вашем архиве материалы.

— Ну вот, а то какой-то дядя говорил, что некогда этим заниматься,— с лукавинкой в голосе сказал (имея в виду себя) Семен Михайлович и тут же поручил мне подобрать для работы наиболее важные документы, каталоги, журналы.

Работал он усердно. Как правило, отпечатанный на машинке отрывок увозил домой и вскоре возвращал мне с исправлениями и уточнениями. Но тут случилась беда: автомашина маршала попала в аварию. Врачи установили у него перелом правого предплечья.

Операция прошла успешно, кость срослась. Однако писать ему было уже трудно. Казалось, с работой над мемуарами покончено. Да не таков характер у Семена Михайловича. Не паковал перед трудностями!

Едва поправившись, он вернулся к делам и с присущим ему юмором сказал:

— Вы знаете, правая рука у меня симулирует, отказывается писать, а левую учить уже поздно.— Потом, пристально посмотрев на меня, добавил:— Давайте сделаем так — я буду рассказывать, а вы записывайте.

На том и порешили. Маршал приезжал на службу и, если выдавались свободные часы, начинал свой рассказ, не спеша прохаживаясь вдоль длинного стола для совещаний, на котором была разложена карта. Время от времени он склонялся над картой, на несколько минут задумывался, а я тем временем мог сделать более подробные записи. Семен Михайлович помнил названия населенных пунктов, в том числе и хуторов, не обозначенных на карте, помнил даты, когда тот или иной населенный пункт был взят или оставлен нашей конницей, называл фамилии многих командиров и даже рядовых бойцов, отличившихся в боях.

Поначалу я относился к этому с недоверием, считая, что удержать столько сведений в памяти невозможно. Но, сверяя рукопись по различным источникам, с изумлением убеждался, что все точно. Память у него в самом деле была исключительной, особенно на фамилии и даты.

Бывали, однако, и курьезы. Печатая один из отрывков рукописи, машинистка вместо слова «сто» (зарубленных и убитых белогвардейцев) напечатала «тысяча». Обнаружив опечатку уже после просмотра текста Семеном Михайловичем, я доложил ему об этом.

— А вам что, жалко их? — сощурил он смеющиеся глаза.

— Да нет, но раньше времени перебьем всех, и воевать будет не с кем, — в тош ответил я.

Маршал взял страничку, решительно зачеркнул фразу с опечаткой и написал: «Противник понес значительные потери убитыми и ранеными».

— Между прочим, Степан Николаевич, это ваша забота — проверять все цифры по источникам, — справедливо упрекнул меня Семен Михайлович.

Слушать и записывать Семена Михайловича доставляло мне большое удовольствие. Рассказчик он был великолепный: людей характеризовал метко, порой несколькими словами, пользовался русскими и украинскими пословицами и поговорками, искусно подражал голосам некоторых командиров и комиссаров. Порой я заслушивался настолько, что забывал записывать.

К сожалению, многие казавшиеся мне удачными и меткими слова он вычеркивал и на мои возражения всякий раз отвечал:

— Не будем засорять наш замечательный русский язык разными броскими словечками, которые ипой читатель не сразу и поймет.

В процессе работы маршал неизменно тепло и сердечно отзывался о своих боевых товарищах по Первой Конной армии — командирах, комиссарах и рядовых бойцах. Чувствовалось, что он искренне их любил и любит, может быть, даже чуточку идеализирует.

Часто, приостанавливая свой размеренный шаг, Семен Михайлович восклицал:

— Да, это был отважный человек! Одним словом, герой и героев!

В такие минуты лицо его озарялось светлой улыбкой, глаза блестели, и казалось, отважнее того героя никого не было на всем белом свете.

— Ну, а этот — оригинал! Однажды... — возобновлял маршал прерванный рассказ и, вспоминая какой-нибудь забавный эпизод, заразительно смеялся до слез.

Но тут же, приложив к глазам платок, предупреждал:

— Не записывайте, не дай бог подумают плохо о человеке. А он в общем-то был хорошим человеком, хотя и не безгрешным.

Превыше всего Семен Михайлович ценил в своих боевых соратниках беззаветное служение революции, самоотверженность в борьбе за счастье и свободу трудового народа.

Завершая первую книгу воспоминаний, он с чувством гордости писал о таких людях: «Бойцы, командиры и комиссары частей и соединенной армии, воодушевленные Коммунистической

партией на священную борьбу против эксплуататоров и их насмной силы, спаянные единством воли и ясностью целей, шли на врага, проявляя в боях чудеса храбрости и отваги. В лютую стужу и палящий зной, в весеннюю распутицу и холодную сырую осень, ночью и днем, часто голодные, плохо одетые, слабо вооруженные, по сильные боевым духом и революционным сознанием, они одерживали победу за победой. Золотые были люди — не жалевшие во имя революции ни своей крови, ни самой жизни». А свою любовь и безграничную преданность делу революции Семен Михайлович выразил предельно коротко и ясно в письме к Владимиру Ильичу 1 февраля 1920 года: «Я люблю Конную армию, но еще больше люблю революцию...»

И вот однажды, когда уже было написано более пятисот страниц на машинке, Военное издательство обратилось к Семену Михайловичу с просьбой ознакомиться с рукописью. Он долго не соглашался, заявляя, что не намерен показывать кому-либо «писанину», поскольку она представляет собой сырой, лишь хронологически изложенный материал.

Действительно, над рукописью еще предстояло много работать. Надо было выверить цифры и фактические данные по архивным документам, привести в надлежащий порядок терминологию и формулировки по оперативным вопросам, разработать оглавление и найти емкое и выразительное название.

Большую помощь нам в дальнейшей подготовке рукописи к изданию оказал знаток конницы, бывший помощник инспектора кавалерии Советской Армии по военно-научной работе полковник запаса С. В. Чернов. Работа шла успешно. С согласия Семена Михайловича журнал «Дон» начал публиковать готовые главы первой книги воспоминаний. Но вопрос, как назвать книгу, все еще не был решен. Предлагались разные названия, но все они отклонялись по различным причинам. Наконец будущая книга получила название «Пройденный путь». А было это так.

Предстояла встреча маршала с преподавателями и студентами Московского государственного университета в только что отстроенном здании на Ленинских горах. Случилось так, что мы приехали в университет задолго до начала. Чтобы скоротать время, маршал решил прогуляться и с высоты Ленинских гор посмотреть на величественную панораму Москвы. Прогуливаясь, он возобновил разговор о названии книги.

— Давайте назовем «От солдата до маршала», — предложил я.

— Может, и подойдет, — в раздумье сказал Семен Михайлович. И тут же он стал вспоминать, как в начале 30-х годов в юбилейные дни Первой Конной армии публиковались в печати материалы под рубрикой «Никто пути пройденного у нас не отбедрет». — Это очень хорошие слова из популярной песни о конармейцах, популярной не только в те годы, но и в наши дни.

Давайте назовем мемуары «Пройденный путь», — быстро предложил маршал. — Это будет означать не персонально мой путь, а путь всех, с кем вместе защищал Советскую власть, о ком я вспоминаю.

И вот в канун 40-й годовщины Советских Вооруженных Сил первая книга «Пройденного пути» вышла в свет. Это было незабываемое событие. Помню, с каким нескрываемым волнением смотрел Семен Михайлович на только что привезенные из издательства, еще пахнущие типографской краской десять авторских экземпляров книги. Он взял все экземпляры на торжественное собрание, посвященное юбилею Советской Армии, и подарил руководителям Коммунистической партии, своим боевым соратникам.

Климент Ефремович, прижимая книгу и перелистывая ее, сияя от такого подарка, весело сказал:

— Вот же ожидал! Ты меня, Семен Михайлович, не перестаешь удивлять. Надо же, сменил пашку на перо! А это не менее грозное оружие! Ну, спасибо, друг, за подарок.

И старые боевые друзья расцеловались.

Один за другим было издано и быстро разошлось несколько тиражей первой книги. Она получила высокую оценку в печати, на читательских конференциях. Вскоре книга С. М. Буденного была переведена и вынута в ряде зарубежных стран. Семену Михайловичу писали читатели — участники гражданской и Великой Отечественной войн, их дети и внуки, рабочие и колхозники, присылали вырезки из газет давних лет, старые, пожелтевшие от времени фотографии, рассказывали о судьбах упомянутых в книге конармейцев. Были и письма от целых коллективов. Обращались с просьбами прислать книгу для школьных библиотек, музеев и комнат революционной, боевой и трудовой славы, клубов красных следопытов, пионерских дружин, посадивших имя маршала Буденного.

Переноска по книге была настолько обширной, что маршал выделил специальный шкаф, в котором хранились письма читателей. Его радовал и воодушевлял такой всепародный благожелательный отклик на книгу, которая служила благородному делу героико-патриотического воспитания молодого поколения.

У маршала состоялось много встреч со старыми сослуживцами — бойцами и командирами Первой Конной армии. Мне довелось присутствовать на них, и я хорошо помню, какие это были волнующие, теплые и сердечные встречи.

Как-то утром в секретариат позвонил помощник дежурного коменданта.

— У нас в бюро пропусков, — услышал я в трубке, — сидит дед по фамилии Кузьменко и требует пропустить его к маршалу Буденному. Говорит, что служил с ним в одном эскадроне еще при царе.

— Откуда он приехал? — спрашиваю.

— Из Ставропольского края.

В этот момент в приемную вошел Семен Михайлович.

— Кто это вас атакует с утра пораньше? — спросил он.

— Похоже, что тот, кто служил с вами, товарищ маршал, в 18-м Северском драгунском полку... Кузьменко его фамилия.

— Кузьменко, говорите? Так это же Федор! А ну давайте его сюда, бисову душу! — воскликнул маршал. — Надо же, с семнадцатого года не виделись...

Через несколько минут в приемной появился невысокого роста старик, одетый в изрядно поношенный пиджак серого цвета. Стянув с седой головы такую же ветхую фуражку, он провел ладонью по серебристой щетине бороды и тихим, как будто уставшим голосом произнес:

— Желаю здравия!

— Здравствуйте, Федор Федорович!

Жму руку посетителю и сообщаю, что маршал ждет. Распахнул дверь кабинета Семена Михайловича. Старик явно растерялся и, нерешительно переминаясь с ноги на ногу, подозрительно смотрел на меня. Ему не верилось, что так вот просто, сию минуту он увидит того «господина старшего унтер-офицера», с которым вместе был на германском фронте, участвовал в изнурительных походах по раскаленным палачим солнцем плоскогорьям Персии.

Старый драгун замешкался, а маршал уже шел ему навстречу. Раскрыв объятия, он дружески обнимал и тискал своего давнего сослуживца.

— Федор! Откуда ты свалился? — встряхивал Семен Михайлович совсем растерявшегося старика.

— Я-то, — отвечал драгун, — со Ставропольского края, приехал до вас, повидаться, а може, и пожаловаться.

При этом он часто моргал выцветшими, слезящимися глазами.

Семен Михайлович проводил гостя в кабинет, заботливо усадил на мягкий кожаный диван и сам сел рядом.

— Ну, рассказывай, братуха, где ты был и что делал с тех давних пор, как мы распрощались...

— В гражданскую был в отряде товарища Жлобы, получил тяжелое ранение, потом болел тифом, едва выжил. Как побили кадетов, работал на шахте в Донбассе, потом переехал в село. В этой-то войне уже стар был, в армию не взяли, но окопы рыл...

— Кашу ел и кричал: «Смерть немецко-фашистским захватчикам!» — дружески потрогал старика за плечо Семен Михайлович.

— Все такой же! — хмыкнул Кузьменко.

— Какой такой? — спросил маршал.

— Да все такой же, веселый. Только вот сплясать, как плясал, верно, уже не можешь, не те годы.

— Могу! И молодой вряд ли угонится, — молодцевато под-

нял голову маршал и лихо крутанул свой ус.— Ты лучше скажи, поддерживаешь ли связь с однополчанами?

— Какое там! Пораскидала всех революция и эти войны.

Немного помолчали, видимо припоминая имена сослуживцев.

— А помнишь, Федор, драгуна Пискупова, такой высокий был? — спросил Семен Михайлович.

— Как же не помнить, песьльник был. Ох и мел он молодецки! Бывалоча, без него хор песьльников эскадрона не того, не тянет...

— Смелый был парень, — задумчиво проговорил маршал. — Из разведки без «языка» не возвращался. Иной раз сутки бродит, но обязательно приволочет. Вот только в город пойдешь, так непременно подерется. Да ему многое прощали за храбрость.

— Так и ты себя в обиду не давал, не забуду, как стукнул вахмистра Хестанова, даже креста Георгия за это лишился.

— Ну это за его издевательства над солдатами...

— Что правда, то правда, — отозвался Кузьменко. — Зловредный был вахмистр, чуть что, так сразу кулаком тычет. А тебя солдаты любили, не обижал ты их, знали, все свое жалованье отдавал на общий солдатский котел, хотя остальные господа унтер-офицеры питались отдельно.

— А Вахатова не забыл, того усатого, с виду важного? — спросил маршал.

— Усатого, что книжки все читал да царя втихомолку ругал? Помню хорошо, — ответил старик. — Королькова еще помню, курил он страшно много. Бывалоча, молчит и курит, курит и молчит.

— Скажи, ты-то теперь где живешь и как это собрался приехать ко мне? — спросил Семен Михайлович.

— В станции Новопавловской, что на Ставрополье, какой ни на есть хатенкой обзавелся. Там и мыкаюсь потихоньку, — тихо отвечал Кузьменко.

Он глубоко вздохнул и умолк, упершись каким-то отрешенным взглядом в поряжевшие носки своих сильно изношенных сапог.

— Чую, брат, ты что-то недоговариваешь... — Маршал пригнулся к плечу старого солдата.

— Я все собирался к тебе съездить, да все боялся, что забыл ты меня. А тут один селянин принес как-то журнал и говорит: «Дядько Федор, не про тебя ли Семен Михайлович пишет?» Посмотрел — точно про меня, и, веришь, слезы у меня полились ручьем. С тех пор лишился я сна. Потом решил: будь что будет — поеду. К тому же крепко обидели меня, старика.

— Кто и как тебя обидел? — участливо спросил маршал.

— Отрезали приусадебный участок. Тебе, говорят, дед, столько земли не положено. Может, и стерпел бы — не ахти какой кусок отхватили. Да ведь жалко, фруктовые деревья ломают и губят. А их на пустом месте своими руками сажал и выха-

живал. Детишек своих не имел, так яблоньки-то как дочки мне были...

Кузьменко ладонью смахнул набежавшую слезу и продолжал:

— Ходил до партийного секретаря района Ивана Карповича Столярова, говорит — разберусь. Человек он хороший, все по справедливости решает, — рассуждал вслух Кузьменко. — Да дел-то у него много, не до меня ему, не до моих стариковских забот...

— Ну, успокойся, дружище. Коли обещал Иван Карпович, непременно разберется. Коммунисту до всего есть дело — обязан разобраться. А я напишу ему, — обещал Семен Михайлович.

Буденный встал, взял из шкафа книгу своих воспоминаний, присел к столу и написал на титульном листе: «Моему сослуживцу по старой армии Ф. Ф. Кузьменко».

У старого драгуна от волнения подрагивали руки, когда он прощался с Семеном Михайловичем. Уходя, он бережно прижимал к груди подаренную книгу.

Маршал, проводив гостя до двери, придержал меня и, как только дверь закрылась, коротко приказал:

— Кушайте билет на поезд и проводите его на вокзал. И еще: сегодня же подготовьте письмо секретарю райкома партии.

Таких встреч, проходивших на моих глазах, за двадцать лет было много. Согни людей, побывавших у Семена Михайловича, уходили от него просветленными, благодарными за добрый совет, обстоятельное разъяснение. Не раз бывало, что дружеская помощь и поддержка Семена Михайловича помогали человеку вновь поверить в себя, в свои силы. А для него самой высшей наградой, самой большой радостью было чувствовать себя нужным, необходимым, творить добро. В его сердце жила любовь к людям...

ТАЛАНТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

*И. С. КОЗЛОВСКИЙ,
народный артист СССР,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Государственных премий СССР*

Когда я вспоминаю о Семене Михайловиче, выдающемся полководце и государственном деятеле, я вспоминаю прежде всего человека с богатой, щедрой и яркой душой. В одном из рассказов А. П. Чехова я прочел такие строки: «Есть таланты писательские, сценические и художнические, у него же особый талант — человеческий». То же самое можно сказать о Семене Михайловиче Буденном. Он был талантливым человеком, обладавшим особым даром восприятия жизни.

Я встречался с С. М. Буденным и раньше, но близко познакомился, а затем и подружился в 1926 году. Произошло это в доме Анатолия Васильевича Луначарского, куда я, тогда только что зачисленный в труппу Большого театра солистом, был приглашен. В этот день в гостях у паркома просвещения были известные в стране люди, государственные и общественные деятели — нарком иностранных дел СССР Г. В. Чичерин, советский дипломат Л. М. Карахан, начальник Политуправления РККА А. С. Бубнов, историк и публицист, автор книг по истории театра П. М. Керженцев (Лебедев) и многие другие. Я сразу узнал здесь легендарного героя гражданской войны Семёна Михайловича Буденного. Сильная, крепкая фигура, мужественное, волевое лицо, излучающие энергию глаза.

Наше знакомство началось с музыки. Все собравшиеся много пели — народные, революционные песни, арии из опер. Тогда я впервые услышал, как пел Буденный. Пел высоким голосом, с упоением, с глубоким чувством. Я был взволнован, очарован. Голос у Буденного гулкий, чуть-чуть глуховатый. К концу фразы ощущал спад. Слова падают друг на друга, как волны, которые то рокочут прибоем, то замирают с тихим плеском.

Он всех покорила не только красивым пением, но и интересными рассказами. Ему, прошедшему всю гражданскую войну в седле, так много повидавшему, было о чем рассказать. С гордостью говорил он о боевых подвигах своих товарищей-конармейцев, он помнил имена даже рядовых бойцов. С болью вспоминал погибших. Голос его, будто слегка приглушенный, звенел ненавистью, когда он рассказывал о зверствах и казнях, которыми был отмечен кровавый путь врагов революции.

Удивительный был рассказчик Семён Михайлович. Я и сейчас вижу его чуть прищуренный взгляд, слышу добрый голос. Мне представлялось, что я сам видел, как несутся в бой легкие эскадроны, мелькают гривы коней, сверкают клинки... А его рассказы о детстве в родной станице, о природе, лошадях!.. Как удивительно верно, точно подбирали он слова, какой музыкой звучала его речь!

Семён Михайлович любил и хорошо знал музыку, виртуозно играл. Я помню его двухрядку, с которой он, по-моему, не расставался. Если под его аккомпанемент пели песни и кто-то вступал на терцию выше, он моментально перестраивался. Он обладал природным чувством ритма, верным слухом и хорошим голосом. Любил оперу и фортепианную музыку. Часто бывал на спектаклях, концертах. Устраивались у Буденных и домашние концерты. Если исполнялась народная песня, он тотчас включался в нее. Не знаю, сохранились ли записи пения и аккомпанемента Семёна Михайловича. Можно только сожалеть, если этого нет. Когда звучала музыка Глинки, Шумана в исполнении Л. Н. Оборина, он неизменно восхищался:

— Как здорово! И как жаль, что мало я слышал!

Новый год я со своей семьей часто встречал у Семёна Михайловича на даче. Тут всегда царили веселье, смех, шутки. Танцы сменялись чтением стихов, хороводом вокруг елки. Родители не могли парадовать на своих детей. Со мной всегда были мои дочери Аня и Туся. Они были примерно одного возраста с детьми Буденного.

Наступает торжественный момент — старый, уходящий год уступает место новому. Хозяин гостеприимно ухаживает за своими друзьями, угощает вкусными русскими закусками. К столу подавались огромный донской, ажиновский соленый арбуз и донское пшшгучее красное вино. А Семён Михайлович, как обычно, был душой общества.

Вспоминаю бильярдные сражения у него на даче. Мой питатский костюм, видимо, очень выделялся среди многих мундиров, потому что Семён Михайлович, обыграв пескольных человек, обращается ко мне:

— Ну?!

— Пожалуйста, — неуверенно прозвучал мой голос. Я знал, что Семён Михайлович хороший и азартный игрок.

Как это часто бывает, когда не очень хочется играть, шары сами падают в лузы. Он дал мне фору, и я быстро выиграл. Это было неожиданно для меня. А хозяин, бросив кий, заявил: «Если бы вы были в военной форме, я бы отправил вас на гауптвахту». Общий смех...

В моей памяти остался и вечер, посвященный 80-летию Семёна Михайловича и проходивший в Краснознаменном зале ЦДСА имени М. В. Фрунзе. Было сказано много теплых, сердечных слов. Сохранилась фотография президиума, где рядом с деятелями Коммунистической партии и Советского правительства сидят ветераны-конармейцы, и в их числе композитор Дмитрий Яковлевич Покрасс, который начинал свою биографию в коннице Буденного.

Мне тоже было предоставлено слово для приветствия. Сказав несколько пропикновенных слов в адрес юбиляра, я не забыл и о его жене — Марии Васильевне:

— Быть супругой человека занятого — сложно. Ну а быть женой военачальника, да еще такого, как Буденный, — сами понимаете!..

Присутствующие продолжительными аплодисментами поддержали меня, приветствуя Семёна Михайловича и его семью.

Рассказывать о Семёне Михайловиче Буденном, человеке ярком, самобытном и талантливым, и легко и трудно. В моем повествовании нет начала и нет конца, как бесконечна память о таких людях, как С. М. Буденный, который знаменует собой целую эпоху. Благодарен судьбе, что имел счастье общаться, дружить с Семёном Михайловичем, которого нежно любил. Глубоко чту его память...

В МАСТЕРСКОЙ СКУЛЬПТОРА

Н. В. ТОМСКИЙ.

*народный художник СССР,
дважды Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской и Государственных премий СССР,
президент Академии художеств СССР*

В 1944 году я начал работать над памятником всемирно известному русскому полководцу, герою Отечественной войны 1812 года Михаилу Илларионовичу Кутузову. Это был тот период, когда доблестная Советская Армия гнала гитлеровских захватчиков на запад. В те дни — дни величайших испытаний и небывалого подъема народного духа — мысли невольно обращались не только к современности, но и к героическому прошлому, славные традиции которого продолжали жить в ратных подвигах наших воинов на фронте и партизан во вражеском тылу, в делах советского народа.

Я был не единственным скульптором, работавшим над образом великого стратега. Одновременно со мной над созданием памятника Кутузову трудился С. Д. Меркуров.

Статую, которую готовил я, предполагалось воздвигнуть на Бородинском поле в том месте, где в 1812 году находилась знаменитая батарея Раевского. По первоначальному замыслу памятник должен был представлять собой стоящую фигуру полководца в длинном, до самой земли плаще, спускающемся широкими складками. Однако в процессе работы у меня созрел совершенно новый замысел — создать конную статую М. И. Кутузова для Москвы. Вначале предполагалось, что она будет находиться на Кутузовском проспекте, на развилке улиц, и лишь позже было решено связать памятник непосредственно со зданием Бородинской панорамы.

Вскоре после того как идея о сооружении памятника Кутузову верхом на коне была утверждена, мне понадобилась лошадь в качестве натурy. С просьбой помочь мне в этом деле я обратился к Семену Михайловичу, с которым был знаком раньше, встречался с ним на сессиях Верховного Совета СССР и РСФСР, правительственных приемах, совещаниях и т. д. Время торопило, сроки изготовления модели памятника были жесткими. И вот я, на правах знакомого маршала, однажды позвонил Семену Михайловичу, поделившись своими творческими замыслами, рассказал о трудностях и попросил помочь найти подходящую для этих целей «лошадку» для позирования.

— Я вас понял, Николай Васильевич,— лаконично ответил маршал.— Помогу всем, чем смогу. Вы правильно решили, что памятник Кутузову должен сооружаться только в виде конного монумента. Это не только соответствует исторической правде, но и будет способствовать возрождению доброй традиции соору-

жать памятники великим деятелям прошлого, когда это целесообразно и необходимо, в виде конных статуй.

Я был воодушевлен его словами.

Между тем Семен Михайлович продолжал:

— К сожалению, в наше время скульпторы мало занимаются изображением лошадей, хотя это нужная тема, так как лошадь, как и прежде, волнует воображение зрителя, вызывает чувство восхищения этим дивным созданием природы.

— Семен Михайлович,— возразил я,— наши скульпторы, создавая памятники народным героям, сейчас все чаще изображают их верхом на коне, например, памятник Г. И. Котовскому в Кишиневе, конный монумент В. И. Чапаеву в Уфе, а также сподвижнику Пугачева Салавату Юлаеву, и другие.

Вскоре в мастерскую, первоначально размещавшуюся в здании бывшей церкви, доставили лошадь. Я был растроган любовью Семена Михайловича, узнав, что привезенный конь принадлежит лично ему.

Софист (такая философская кличка была у этого коня) поразил меня своей красотой, покорностью и исполнительностью. Как только его привели в отведенное место, он вытянулся и как встал, так и замер как изваяние, и мне почудилось, что он вроде бы сразу приготовился позировать. Конь этот был уже, как говорят, в летах, но по-прежнему отличался необыкновенной красотой, грацией и совершенством форм.

Конь, казалось, думал о чем-то своем, лошадином, а я, глядя на него в эти первые часы его пребывания в мастерской, мысленно отмечал, какая у него красивая голова, правильно поставленная на мощной шее, хорошее косое плечо, глубокая подпруга, мощный круп, прямые задние конечности. Поистине это был конь не только выдающихся породности и класса, но и отличный по сложению, без каких-либо экстерьерных недостатков, короче говоря, у него было все то, что нам требовалось для изображения лошади для такого необычного всадника, каким являлся М. И. Кутузов — человек крупного телосложения, к тому же в преклонном возрасте.

Семен Михайлович часто приезжал в мастерскую, и мы беседовали с ним о многом, что волновало меня в процессе работы над памятником. Сколько интересного, полезного узнал я тогда. Никогда не забуду и впечатление, которое произвела на меня встреча Буденного с Софистом. Софист чувствовал приближение Семена Михайловича, еще когда он шел по двору церкви, поднимался по ступенькам: не видя хозяина, конь прядал ушами и радостно ржал.

Но вот Семен Михайлович входит в мастерскую, подходит к своему любимцу и разговаривает с ним, иногда, мне так казалось, как с человеком, что-то нежное шепчет ему на ухо, а тот, положив голову на плечо Семену Михайловичу, поводя влажными глазами, слушает его. Ласково поглаживая голову и шею красавца, Семен Михайлович потчевал его припасенными суха-

рями или морковкой. А конь, мягко уткнувшись шершавыми губами в ладонь хозяина, замирал, чуть-чуть кося лиловым глазом. Потом он послушно и четко выполнял команды, подавал поочередно ноги, опускался на колени, ходил за своим хозяином по мастерской, как ходит маленький ребенок за матерью.

Наблюдавший однажды такую встречу скульптор Г. Огнев воскликнул:

— Как жаль, что у меня нет под рукой фотоаппарата! Какая сильная привязанность коня к человеку!..

...6 июля 1973 года перед музеем-панорамой «Бородинская битва» состоялось торжественное открытие памятника М. И. Кутузову.

На открытие памятника собрались труженики Москвы и Подмосковья, видные советские военачальники, ученые, деятели науки и культуры, представители общественности. Слушая речи на митинге, я мысленно обращался к Семену Михайловичу Буденному, который не смог присутствовать на открытии памятника, но принимал в его создании активное участие. И когда спустя некоторое время мне была присуждена за памятник М. И. Кутузову премия имени И. Е. Репина, я еще раз с благодарностью вспомнил Семена Михайловича.

...Когда С. М. Буденного не стало, я сделал его бюст, который установлен на могиле у Кремлевской стены. Но есть у меня мечта — воплотить образ легендарного полководца в конном монументе.

С ФОТОАППАРАТОМ К БУДЕННОМУ

И. В. ФИЛАТОВ,
заслуженный работник культуры РСФСР

Среди дорогих моему сердцу вещей есть памятная реликвия, бережно хранимая, — портрет Маршала Советского Союза Семена Михайловича Буденного, сделанный мною в начале 50-х годов, с его памятной надписью. Помню первую встречу с Семеном Михайловичем — он приехал к нам в мастерскую для ответственной съемки. Чувствую, что волнуюсь, хотя за время своей работы снимал тысячи людей, в том числе и руководителей Коммунистической партии и Советского государства. Мое волнение заметил Семен Михайлович и, желая снять напряжение, улыбнулся мягко, доброжелательно, шутливо подбодрил меня. И сразу создалась легкая, непринужденная обстановка. Съемка прошла удачно. Получив фотографии, Семен Михайлович похвалил нашу работу.

При последующих встречах маршал относился ко мне уже как к старому знакомому. Сеансы съемок порой затягивались, и я всегда с удовольствием слушал С. М. Буденного — его рассказы

о гражданской и Великой Отечественной войнах, о встречах с известными людьми, о его боевых товарищах, соратниках. Ведь многих, о ком рассказывал Семен Михайлович, — партийных и государственных деятелей, выдающихся полководцев — я знал только по фотографиям, а некоторых мне посчастливилось снимать.

Однажды по окончании съемки он рассказал о талантливом фотомастере П. А. Оцуе, искусство которого высоко ценил В. И. Ленин и который несколько раз приезжал в Первую Конную армию и фотографировал бойцов, комиссаров и командиров.

Помню, Семен Михайлович с увлечением рассказывал мне, как в 1920 году П. А. Оцуе, работавшему с весны 1919 года в фотографии ВЦИК, поручили составить агитационные фотоальбомы по истории революции и Красной Армии. Снимки, сделанные фотожурналистом, рассказывают, просматривал и Ленин.

— Так что и мне довелось попасть в альбом, — сказал Семен Михайлович. — Там была фотография с надписью: «М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный у карты за разработкой плана ликвидации барона Врангеля» и некоторые другие, сделанные Оцуем.

Семен Михайлович с уважением отнесся к любому труду, но особенно восхищался, когда человек выполнял свою работу мастерски, любовно, подходил к ней творчески.

— Да, в вашей профессии нет спокойствия, — сказал однажды маршал, просматривая серию моих снимков, отобранных для фотовыставки. — Ведь вам надо добиваться, чтобы каждый снимок был оригинальным, но сделать это очень трудно, особенно если учесть, что за день фотографу приходится снимать много людей, и в каждом из них надо пайти свое, необычное, уметь прочитать в глазах человека то, что другие не замечают.

Мне приходилось снимать Семена Михайловича Буденного в рабочей обстановке, во время съездов и конференций, на международных форумах, на заседаниях Президиума Верховного Совета СССР, на правительственных приемах, при вручении наград, а также на квартире и загородной даче.

В середине 50-х годов было принято вручать правительственные награды победителям социалистического соревнования в Мраморном зале Моссовета. Это были праздники не только для парадных, но и для тех трудовых коллективов, членами которых они являлись. Поэтому каждое такое событие обязательно запечатлевалось на пленку. Помню, что часто эти награды вручал Семен Михайлович Буденный, как член Президиума Верховного Совета СССР и человек, пользующийся всенародной любовью и уважением.

Надо сказать, что церемониал вручения наград строго определен и весьма торжествен, но Семен Михайлович каждый раз вносил в этот порядок что-то свое, нестандартное. Для каждого награжденного, обращаясь с теплыми словами приветствия, находил наиболее подходящие слова.

Обычно после вручения наград Семен Михайлович обращался ко всем присутствующим с небольшой речью, которая неоднократно прерывалась громкими и дружными аплодисментами, а в конце это была уже бурная овация. Я старался не упустить ни одного интересного момента, фотографировал вручение наград, лица награжденных, самого Семена Михайловича, который радовался не менее их. Потом он приглашал всех награжденных сфотографироваться, как любил говорить, «на память». Все с удовольствием откликались на это предложение, и каждый стремился занять место поближе к Семену Михайловичу Буденному. Вот тут-то и начиналась у меня работа... Я понимал тех, кто хотел быть на фотографии рядом с прославленным полководцем. Поэтому приходилось делать много снимков в разных вариантах, чтобы угодить всем. Семен Михайлович терпеливо, безропотно фотографировался то с одной, то с другой группой. Ведь среди получавших награды были люди, прославившие нашу Родину своими замечательными делами, ратными и трудовыми. Люди искусства, известные ученые, врачи, педагоги, шахтеры и труженики полей. Все они с большим уважением относились к Маршалу Советского Союза Буденному, отдавшему всю свою жизнь делу защиты Отечества, чтобы они, люди Страны Советов, могли мирно трудиться.

Мне довелось фотографировать С. М. Буденного среди депутатов Верховного Совета СССР. Обычно это происходило в перерывах между заседаниями сессий в Георгиевском зале Кремля. Часто в короткие минуты перерыва депутаты из всех республик, краев и областей фотографировались и непременно хотели, чтобы в их группе был маршал Буденный. И я не помню ни одного случая, чтобы Семен Михайлович отказал кому-нибудь в этой просьбе.

Помню, в 1968 году, накануне 50-летия Советских Вооруженных Сил, в Свердловском зале Кремля маршалам и генералам армии вручалось Почетное золотое оружие. Мне было поручено снимать церемонию вручения, а по ее окончании сделать несколько групповых снимков с вариантами, после чего еще один групповой снимок всех военачальников, получивших почетные награды. Среди награжденных — в центре — Семен Михайлович Буденный. Позже эта фотография экспонировалась на специальной фотовыставке, посвященной 50-летию Советских Вооруженных Сил, и, судя по отзывам многочисленных посетителей, вызвала всеобщий интерес.

Семен Михайлович Буденный приглашал меня несколько раз для фотосъемок на даче. Помню, как фотографировал маршала верхом на лошади. Удивительно, что во время этих съемок лошадь понимала и отлично выполняла все команды всадника и делала буквально все, что ей приказывали. Кстати, последние снимки верхом на лошади сделаны совсем незадолго до кончины Семена Михайловича.

Однажды он пригласил меня на дачу сфотографировать всю

его многочисленную семью. Было это в августе 1972 года. Теплый, погожий предосенний день. В гости к отцу приехали дети — сыновья Сергей, Михаил и дочь Нина со своими семьями. Фотографировались в саду. Зашел по-соседски Иван Христофорович Баграмян. Я, конечно, воспользовался случаем и сделал несколько снимков двух боевых друзей, которые, как оказалось, получились удачными. Тот день был какой-то особенный, веселый. Семен Михайлович хотя и был очень болен, передвигался уже в коляске, однако бодрился, много шутил, глаза его искрились. Фотографии получились хорошие.

Позже я сделал из этих снимков небольшой фотоальбом и подарил Семену Михайловичу Буденному. Он искренне радовался, любовно всматриваясь в лица родных и близких и своего боевого друга маршала И. Х. Баграмяна.

Прошло несколько лет... С. М. Буденного не стало. И я часто перебираю его фотографии. Вот он в парадном маршальском мундире, а вот, улыбающийся, среди делегатов съезда, а этот снимок сделан на даче. Знакомое, дорогое лицо...

ЧЕЛОВЕК ГЕРОЙСКОЙ СУДЬБЫ

*А. М. ЗОЛОТОТРУБОВ,
капитан 1 ранга,
писатель*

Впервые мне довелось встретиться с маршалом С. М. Буденным в мае 1963 года. Семен Михайлович принял меня в своем служебном кабинете. У меня было задание редакции газеты «На страже Заполярья», где я тогда работал, встретиться с С. М. Буденным и получить ответ полководца на адресованное ему ранее письмо комсомольцев-североморцев. Помню, очень волновался, когда шел на прием. А войдя в кабинет, вовсе растерялся. Совсем не по-военному сказал:

— Здравствуйте, Семен Михайлович. Это я, из газеты... — И запнулся.

— Морячок, а растерялся,— выходя из-за стола, произнес Буденный.

Щуря глаза, он добродушно смотрел на меня и, узнав, что родом я из Куцевской, переспросил:

— Значит, из Куцевской? В ваших краях мы Деникина били... Да еще как били! Тем и памятна мне эта станица. Был я там и в годы Великой Отечественной войны.

Я сообщил, что мои земляки в память о героях-буденновцах зажгли Вечный огонь на площади станицы, где в 1920 году проходил митинг частей Первой Конной армии.

— Это хорошо, память о павших надо хранить...

Затем маршал передал мне написанный им ответ североморцам, который вскоре был опубликован в нашей флотской газете. После этой встречи я не раз бывал по делам газеты на приеме у прославленного полковника. Во время одной из таких встреч Семен Михайлович предложил мне работать у него в должности адъютанта:

— А что, земляк, переходите ко мне, кроме выполнения служебных обязанностей могли бы помочь мне и в подготовке мемуаров. Вы же военный писатель, вам и карты в руки.

Озадаченный, я не сразу нашелся, что ответить. А потом произнес:

— Для меня это большая честь...

Так я стал работать в секретариате Маршала Советского Союза С. М. Буденного. По делам службы приходилось видеться с маршалом ежедневно, и всегда я открывал для себя что-нибудь новое. Никогда не забуду вроде бы вскользь сказанной им фразы: «Совесть в человеке — что маленькое солнышко, и человек не должен дать ему погаснуть, иначе сама жизнь потускнеет». Эти слова я тут же записал в свой блокнот, поскольку решил записывать все впечатления, все, что слышал от выдающегося полковника, человека необычной, героической судьбы. Маршал иногда, улыбаясь, говорил: «Пиши, пиши, может, что и получится...»

Нередко, когда я входил в кабинет, Семен Михайлович, привично щури глаза, спрашивал:

— Ну, что там у нас на сегодня? Ах да, я рассказывал о том, как встретился с Фрунзе в октябре двадцатого года, накануне наступления войск Южного фронта. Что ж, вечером продолжим...

Во время работы над мемуарами С. М. Буденный старался, чтобы не было забыто ни одно имя, старался упомянуть всех, с кем вместе сражался в годы гражданской войны. Помню, я читал маршалу законченную рукопись третьей книги «Пройденный путь». В одной из глав рассказывалось о том, как в середине октября 1920 года Врангель предпринял наступление на каховский плацдарм. Первый удар вражеских броневых сил приняли на себя бойцы 51-й стрелковой дивизии, которой командовал В. К. Блюхер. В рукописи говорилось: «Умело отражали натиск вражеских танков красные артиллеристы». Маршал вопросительно посмотрел на меня.

— Разве вы не указали, кто отличился? — Семен Михайлович покачал головой. — Как же мы забыли назвать командира легкого артиллерийского дивизиона! Знаете, кто был этим командиром? Ныне покойный маршал Леонид Александрович Говоров. Я дружил с ним и в годы Великой Отечественной войны... А тогда, в двадцатом году, ведя неравный бой с танками и бронемашинами, отлично действовали артиллеристы под командованием Говорова.

И С. М. Буденный рассказал, как он лично познакомился с

«храбрым и отчаянным», как назвал Говорова В. К. Блюхер. Командарм пожал артиллеристу руку, спросил:

— Ну как, тяжело сражаться с танками?

— Страх нет, если снаряды есть, — улыбнулся Говоров. — Мы бьем по белякам прямой наводкой. Пять машин подожгли, а остальные драпанули назад.

Буденный лукаво подмигнул ему:

— Может, к нам, в кавалерию?

— Я артиллерист, товарищ командарм, и свою профессию на другую не променяю, — ответил молодой командир.

Помню, в день 90-летия к Семену Михайловичу приехали командующий Московским военным округом генерал-полковник В. Л. Говоров и член Военного совета — начальник политуправления округа генерал-полковник К. С. Грушевой. Встреча была теплой. Семен Михайлович, крепко обняв сына полковника, сказал:

— Вы мне своего отца напомнили. И голос, и жесты... Точь-в-точь отец. Я рад, что и вы, Владимир Леонидович, по примеру отца стали военным.

У Буденного была феноменальная память. Он не только досконально знал биографии многих командиров-конармейцев, но и мог подробно рассказать об их боевом пути, описать внешность, подчеркнуть ту или иную черту, которая, по мнению Семена Михайловича, была определяющей в характере этого человека.

Как-то молодые солдаты попросили Буденного рассказать им о маршале К. А. Мерецкове. У Семена Михайловича засветились глаза, и он весело сказал:

— А знаете, друзья, он ведь начинал службу в Первой Конной армии. В мае двадцатого года он прибыл в группе красных офицеров из Академии Генерального штаба в Харьков на стажировку в войска Южного фронта. Слушателей распределили по частям, и Мерецков попал в Конармию. Перед отъездом их папуствовал член РВС фронта Сталин.

«Учтите, товарищи, — предупреждал Сталин, — вы идете в Первую Конную армию, чтобы укрепить ее штабы. Кстати, кто же знает, что такое лошадь, там делать нечего...»

— Не зря Сталин завел с красными офицерами такой разговор, — продолжал Буденный. — Нет, не зря. Если командир не чувствовал себя уверенно на коне, куда уж ему в атаку идти! И себя и лошадь загубит. Потому-то в беседе со Сталиным мы с Ворошиловым просили прислать нам таких красных офицеров, которые «в лошади толк понимают». Ну а Мерецков не только знал, «как пахнет лошадь», но и в бою был лихим и бесстрашным, — заключил маршал.

В 1968 году вышла книга маршала К. А. Мерецкова «На службе народу». В ней автор тепло вспоминал о Буденном, рассказывал о том, как прибыл в Первую Конную армию, о беседе с С. М. Буденным и К. Е. Ворошиловым, о том, какое значение для него имели служба в Первой Конной и встреча с С. М. Бу-

денным. Маршал, прочитав книгу Мерецкова, тоже вспомнил о первой встрече с ним.

— Молчаливый такой, как будто знал, что я не люблю чрезмерных говорунов. Спрашиваю у Мерецкова: «Куда хочешь пойти?» «Куда прикажете», — отвечает. Направил я молодого краскома в 4-ю кавдивизию помощником начальника штаба по разведке. После боя на мой вопрос, как там дела у Мерецкова, начальник разведотдела Конной армии Иван Сергеевич Строило ответил: «Сообразительный и храбрый в деле». Долг перед Родиной для него был превыше всего, — заключил Семен Михайлович.

«Долг перед Родиной...» — эти емкие слова, наполненные глубочайшим смыслом, я не раз слышал от маршала. Семен Михайлович часто думал об этом, рассуждая вслух:

— Да, долг перед Родиной! Когда он и где зарождается? На школьной скамье, в мирное время или в трудные военные годы? Ведь этот долг надо выполнять всегда, значит, и готовиться к нему надо с малых лет. А для этого и воля нужна, и сила духа. Потому что долг — это почти всегда отказ от чего-нибудь.

Однажды в числе привезенных маршалу новых изданий оказалась книга «Говорят погибшие герои». Он попросил оставить ее для чтения.

— На досуге читаю, — сказал оп. — Письма — это живой голос тех, кто отдал свою жизнь за Родину.

Но эту книгу он читал и перечитывал не только на досуге. Бывало, работаем час, другой, третий, потом маршал говорит:

— Отложим рукопись и прочитаем письма...

Я хорошо знаю, как высоко ценил Буденный воспитательное значение походов молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. В ответном письме украинским комсомольцам, решившим совершить поход по героическим местам, где сражались их отцы, он писал: «Я хочу пожелать успеха всем вам, кто решил отправиться по следам героического рейда партизан С. А. Ковпака от Путивля до Карпат. Во время гражданской войны красная конница, совершив более чем тысячеверстный переход от Майкопа до Умаи, с ходу прорвала хорошо организованную оборону противника. Поход партизанского соединения под командованием С. А. Ковпака по своим масштабам... был беспримерным...»

А когда ребята в конармейских шлемах, завершив поход, приехали к маршалу с рапортом о проделанной работе, он так обрадовался, что не знал, куда их посадить. Он особенно обрадовался, узнав, что ребята вручили одно из знамен Первой Конной армии красным следопытам Киева.

— Значит, знамя, как и прежде, в походном строю, — сказал он.

Будучи свидетелем многих встреч и бесед с ребятами, я обращал внимание, как просто, тепло, сердечно разговаривал с

ними маршал, как верно находил нужные слова. Однажды во время такой встречи маршал вдруг спросил:

— Скажите, ребята, кто у нас стал первым Героем Советского Союза?

Ребята назвали имена летчиков А. И. Покрышкина, И. Н. Кожедуба, но первого героя так и не назвали.

— Вот видите, мои друзья, — сказал Буденный, — выходит, не зря я призывал вас изучать и беречь традиции армии и всего советского народа. Что такое традиции, вы, конечно, хорошо знаете. Но героев тоже надо знать. Это же лучшие люди страны! Ну, так кто же был первым Героем?

Видя замешательство ребят, маршал напомнил:

— А читали вы о челюскинском походе?

Услышав о челюскинцах, ребята сразу назвали имя Героя Советского Союза А. В. Ляпишевского.

— Верно, у Анатолия Васильевича Ляпишевского Звезда Героя номер один. А получил он ее, как и его товарищи, за спасение челюскинцев. Ляпишевский рассказывал мне, какие трудности пришлось летчикам преодолеть, чтобы вывезти больше сотни людей, находившихся на льдине. Вот это и есть подвиг!

Я помню еще такую встречу в Доме пионеров Краснопресненского района Москвы, куда во время зимних каникул приехали ребята из Перми, села Шушенского, из Ростова-на-Дону...

Внимательно, с большим интересом слушали дети Л. В. Маяковскую, сестру поэта, Л. Т. Космодемьянскую, мать их любимой героини Зои. А потом выступил маршал Буденный.

— Все вы должны знать, — громко звучал голос полковника, — что помимо своих родных — отца, матери, братьев и сестер — у каждого из вас есть еще Советское государство. Это ваше государство, это ваша Родина. У вас прекрасное будущее, все вы можете стать замечательными специалистами. От вас требуется только одно — старательно учиться. Вы восхищаетесь героизмом своих отцов и дедов. Да, тогда была война. Но ведь героизм можно проявить и в повседневном, обычном труде...

Как-то маршалу позвонили из районного комитета комсомола Москвы и попросили его встретиться с группой пионеров, которые во время весенних каникул совершили поход по местам боев Первой Конной армии по маршруту Перекоп — Джанкой — Севастополь. Привезли с собой фотоматериалы, записи бесед с ветеранами-конармейцами, дневники.

Маршал согласился:

— Пусть едут.

И вот ребята робко входят в кабинет.

— Ну, здравствуйте, будущие полководцы! — улыбнулся Буденный.

Теплая улыбка, добрые глаза легендарного человека сразу расположили ребят. Они сияли от счастья — как же, с ними на равных беседует сам Буденный. Вот он рядом, те же знакомые

по портретам усы, особенная кавалерийская осанка. И вновь, как не раз бывало, завязался разговор. Ребята ушли от маршала окрыленными.

Особенно часто и охотно встречался Буденный с молодыми солдатами.

— Вы спрашиваете, кого в мирное время можно считать героем. Небось знаете, что Николай Островский был бойцом Первой Конной армии? Так вот, ответчу его словами: не достоин звания героя тот, кто не способен быть передовым борцом, кто плохо трудится. Где сегодня проходит для вас линия огня? На учебном поле. Там вы приобретаете навыки ведения боя. Конечно, труд солдата — не легкий. Как-то я беседовал с Иваном Кожедубом. Это герой, каких па планете раз, два и обчелся. Спрашиваю: вот ты трижды Герой Советского Союза, какое у тебя самое большое желание? Знаете, что он мне ответил? Говорит, хочу видеть всех нашей героями мирного труда. И чтоб каждый помнил: земля, по которой он ходит, полита отцовской кровью.

И, как бы подводя итог всему разговору, маршал заключил:

— Да, нет у нас ничего дороже любимой Советской Родины. Ильич завещал нам свято беречь свое Отечество.

О В. И. Ленине Буденный говорил с особой теплотой. В беседах с солдатами маршал вспоминал, как его впервые в апреле 1920 года принял Владимир Ильич, какие давал советы, как по его рекомендации Буденный выступал на IX съезде Советов.

Помню, в канун 50-летия Первой Конной армии, в октябре 1969 года, Семена Михайловича навестили ветераны. Пришли маршал И. Х. Баграмян, генерал армии Д. Д. Лелюшенко, гости с Дона.

— Видите, сколько у меня друзей,— смеялся маршал.

Гости обменивались повестями, просматривали поздравительные письма, пришедшие в адрес легендарного командарма.

— А знаете, меня тут один парень обидел,— вдруг обратился к гостям Семен Михайлович и показал письмо молодого рабочего. Были в нем такие слова: «Время свое берет, товарищ маршал. Когда-то кавалерия гремела, а теперь она ушла в прошлое. Я пойду служить в ракетные войска. А ракеты — не конь. Сиди себе за пультом...» — Ишь ты, куда замахнулся! — воскликнул Буденный. — Думает, что победу в бою выигрывают в белых перчатках. А того не учитывает, что у наших предков не было ни пулеметов, ни танков, но их подвиг вошел в историю. Верно, преждее оружие теперь лишь музейный экспонат, а их слава, традиции — это наша сегодняшняя гордость. Кажется, я так напишу этому молодому человеку...

Это было в мае 1970 года. Придя к маршалу работать, я заметил, что он чем-то взволнован. Прошелся по кабинету раз, другой, потом, остановившись, сказал:

— Вот что: хочу подарить свою пашку Ленинскому комсомолу. И вручить ее на съезде...

Утром 30 мая Семен Михайлович надел свою парадную форму и, глядя в зеркало, весело сказал:

— А что, усы как у молодого. Вот только лицом постарел. Ну-ка, где там моя пашка?

Маршал приехал в Кремлевский Дворец съездов задолго до начала заключительного заседания. Его сразу окружили делегаты, задавали вопросы, просили что-нибудь рассказать. Он был весел, много шутил. А в президиуме сидел задумчивый. Когда в зал внесли Боевые Знамена, он долго не спускал глаз со Знамени Первой Конной армии, которое держал Дважды Герой Советского Союза, Герой ЧССР генерал армии Д. Д. Лелюшенко, бывший конармеец.

Предоставили слово С. М. Буденному. Он взял свою боевую пашку и, вручая ее, сказал:

— Дорогие товарищи! С этой пашкой я защищал наше родное Советское государство, а теперь передаю ее вам как эстафету старшего поколения младшему. Храните боевые традиции, несите их вперед и вперед. От души желаю вам больших успехов в вашей жизни и труде.

Раздались бурные аплодисменты.

Вернувшись домой, маршал сказал:

— Кажется, вместе с пашкой я отдал комсомольцам и свое сердце.

Через несколько дней маршал получил телеграмму от экипажа атомной подводной лодки «Ленинец», которая в то время находилась в океане и блестяще выполнила учебное задание.

— Видите,— сказал Семен Михайлович,— хоть я и не адмирал, а моряки считают меня своим человеком.

Семен Михайлович надел очки и стал неторопливо читать:

— «Дорогой товарищ маршал! Пишем Вам под глубоким впечатлением Вашего выступления на XVI съезде ВЛКСМ, вручения Вами делегатам съезда Почетного революционного оружия как символа боевой эстафеты наших дедов и отцов. Мысленно мы были среди тех, кто от имени 27 миллионов комсомольцев, от имени всех юношей и девушек нашей Отчизны принял ваш бесценный дар...

Выражая горячую признательность Вам за веру в советскую молодежь, за любовь к пей, от имени своих товарищей по службе и оружию заверяем Вас, товарищ маршал, что не уроним чести советского военного моряка, будем высоко нести знамя отцов, сделаем все, чтобы традиции старшего поколения жили и приумножались. Мы — на боевом посту, мы — на вахте Великого Октября. Время зовет нас учиться бою, память — готовиться к подвигу...»

— Вот люди, а? — повернулся ко мне Семен Михайлович. — Да с такими не то что в разведку пойдешь, а горы своротишь. И море они любят, и корабли для них что родной дом. Вот уж порадовали старика. Вы даже не поверите, как мне хочется побывать сейчас на этой подводной лодке...

В ответной телеграмме, обращаясь к подводникам, С. М. Буденный писал: «Будьте бдительны! Помните уроки истории. Ленинский завет — быть всегда начеку, беречь обороноспособность нашей страны как зеницу ока — должен стать законом жизни воинов».

В 1972 году за активное участие в военно-патриотическом воспитании молодежи ЦК ВЛКСМ наградила Буденного значком «Воинская доблесть». 26 мая к полководцу приехал первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников. Мне крепко запомнилась эта встреча.

— Спасибо, сынок, что не забываешь ветерана. — Семен Михайлович по-отцовски обнял гостя. — Сажу вот дома, а хочется к молодежи. Как-то один парень спросил, был ли я комсомольцем. Пришлось сказать правду, что не был. А он, знаете, так удивленно посмотрел на меня...

— Для Ленинского комсомола Вы, дорогой Семен Михайлович, сделали очень много. Вот почему ЦК ВЛКСМ наградила Вас значком «Воинская доблесть». — И он вручил маршалу эту почетную награду.

— Спасибо, спасибо! У нашей молодежи дорога отцовская, и мы, ветераны, гордимся комсомолом, он всегда был и будет с партией.

25 апреля 1973 года Буденному исполнилось 90 лет. Тысячи писем и телеграмм получил юбиляр.

— Теперь верю, что мне уже девяносто лет, — улыбаясь в усы, сказал маршал, читая очередную телеграмму.

Торжественно чествовали славного полководца в Центральном Доме Советской Армии имени М. В. Фрунзе. Председательствовал на вечере маршал И. Х. Баграмян. Семени Михайловича приветствовали Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников, генерал армии Д. Д. Лелюшенко, генерал-полковник Я. Т. Черевиченко, курсант Московского высшего командного училища имени Верховного Совета РСФСР сержант Ю. А. Карцев. С. М. Буденный не мог выступить — врачи не разрешили, поэтому на вечере было зачитано его ответное слово к собравшимся.

На следующий день, вспоминая о торжестве, Семен Михайлович поделился впечатлениями:

— Как это приятно, что люди помнят меня. Меня до крайности растрогали слова ветеранов. А держался я только на энтузиазме. Понимаете, вошел в зал Знамя Первой Конной армии, все встали, а я сидел. Впервые в своей жизни сидел, когда вносили Знамя, святыню! Врачи не разрешили подниматься. А ведь под этим Знаменем мы воевали. Войны — это вехи моей жизни. Я потерял в боях своих лучших бойцов. Такое не уходит из памяти...

Буденный был верным сыном Родины. Жила в нем неугасимая вера в партию, в родной народ, и эту веру он пронес в своем сердце через всю жизнь. Он и на склоне лет оставался не-

утомимым тружеником. И скажу откровенно: работать с ним было нелегко. Даже в выходные и праздничные дни нередко раздавался телефонный звонок, и я сразу узнавал приглушенный, с хрипотцой, голос Семени Михайловича:

— Приезжайте, дело есть...

ПОРТРЕТ МАРШАЛА

*В. В. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
заслуженный художник РСФСР*

Было это весной, вскоре после окончания Великой Отечественной войны. Позвонил мне генерал Сергей Владимирович Соколов. В годы войны он командовал 6-м гвардейским кавалерийским корпусом, в котором я был в качестве военного художника Студии имени Грекова. Мое фронтовое знакомство с командиром корпуса переросло в крепкую дружбу, и мы часто переписывались и встречались.

— Борис Владимирович, — сказал генерал, — поедете со мной на дачу к Семени Михайловичу.

Я обрадовался предстоящему знакомству с прославленным маршалом и конечно же согласился.

И вот мы в гостях у Семени Михайловича. Знакомство с семьей, приветливой женой маршала Марией Васильевной. Сразу создавалась непринужденная атмосфера, и моя скованность прошла. Семен Михайлович — в белой вышитой рубашке, красивых серых брюках и домашних туфлях — приглашает устраиваться поудобнее. Его негромкий, тенорового тембра голос, простота и радушие очень располагают, кажется, что мы давным-давно знакомы.

Сергей Владимирович рассказал Буденному обо мне, моих картинах, где я изображал гвардейцев-кавалеристов. Я поделился своими планами на будущее. Семен Михайлович одобрительно отнесся к тому, что я не собираюсь расставаться с военной темой и полюбившимися мне конниками. Говорили и о художниках. Буденный, знавший многих из них, рассказал, как они с Климентом Ефремовичем Ворошиловым «открыли» Грекова, привезя его из Новочеркасска в Ростов. Вспоминал встречи с Авиловым, Бродским, Мешковым, Герасимовым, Савицким, Пржецлавским, Денисовским и другими. Многие из них писали портрет Буденного, вот почему обширна и интересна изолетопись о Семени Михайловиче Буденном.

Беседа продолжалась. Двум кавалеристам было о чем поговорить. Вспомнили годы Великой Отечественной войны, боевые дела отважных конников. За подвиг, мужество и мастерство семь кавалерийских корпусов были удостоены почетного наиме-

нования гвардейских. Кавалерией Советской Армии тогда командовал маршал Буденный. И как-то вдруг родилась идея — написать картину, на которой запечатлеть командующего кавалерией Буденного с командирами прославленных гвардейских кавалерийских корпусов. Стали сообща вспоминать имена и фамилии командиров корпусов, их действия на фронтах Великой Отечественной войны. Оказалось, что почти все они вышли из рядов Первой Конной армии, там получили боевую закалку, прошли уроки борьбы.

— Вот и напишите такую картину,— сказал Семен Михайлович, обращаясь ко мне.

— А что, идея очень хорошая,— поддержал генерал Соколов.

Вернувшись домой, я до поздней ночи делал эскизные наброски, но остался неудовлетворен. Репил пригласить в мастерскую группу натурщиков по числу персонажей. Только увидев их взаимное положение, можно наиболее удачно компоновать всю группу. По моей просьбе в мастерскую пришли 14 солдат. Сделав несколько эскизных рисунков, я с законченным эскизом поехал к Семену Михайловичу.

Получив одобрение и выслушав его советы относительно размещения персонажей, я засел за работу, так как времени было мало: картина должна быть закончена к февралю 1948 года, то есть к 30-летию Советской Армии. Работа подвигалась успешно. В центре группы — С. М. Буденный, его заместитель О. И. Городовиков, адъютант генерал П. И. Зелецкий, дальше начальник штаба генерал П. С. Карпачев, командиры корпусов генералы Белов, Баранов, Крюков, Осликовский, Горшков, Плиев, Камков, Соколов, Константинов, Селиванов.

Картина впервые была показана в феврале 1948 года на Всесоюзной художественной выставке в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Сейчас она находится в Кишиневской картинной галерее. Большой, во весь рост, портрет Буденного (этюд для этой картины) я подарил Семену Михайловичу.

Мне хорошо запомнилось, как во время наших встреч, особенно в часы позирования, Семен Михайлович своим неторопливым голосом рассказывал всевозможные истории из своей жизни: трудное детство, непосильная работа с ранних лет, военная служба в драгунском Северском полку, война с Японией, первая мировая, империалистическая война и конечно же гражданская война и легендарная Первая Конная армия. Очень интересно он рассказывал о своих встречах с Владимиром Ильичем.

Однажды Семен Михайлович показал мне свою фотографию времен первой мировой войны — старший унтер-офицер драгунского Северского полка с Георгием на груди.

— Я ведь имел полный бант, то есть четыре креста и четыре медали,— сказал Семен Михайлович.

Мне захотелось написать «георгиевские» портреты в повседневной и парадной форме, и маршал дал мне две фотографии того времени.

Скоре работа была завершена, и я показал ему портреты полного георгиевского кавалера. Портрет в повседневной форме был напечатан в книге Семена Михайловича и экспонируется в Центральном музее Вооруженных Сил СССР.

Написал я и групповой портрет семьи маршала. Семен Михайлович и Мария Васильевна сидят. Прислонившись к отцу, стоит младший сын Миша. Нина стоит у рояля. Сережа в центре. Рядом столик с большим букетом сирени, на полу молдавский ковер с крупными цветами.

Во время работы над картиной Семен Михайлович внимательно следил, чтобы все было «как в жизни».

— Что-то у меня на картине шпора заржавела...— сказал он однажды.

— Это отблеск от ковра,— ответил я серьезно.— Шпора как раз над красным цветком, и красный цвет отражается на хромированной шпоре...

— Это все выдумки художников,— отмахнулся Семен Михайлович.— Ты уж, пожалуйста, сделай шпору без ржавчины...

Семен Михайлович, приняв готовую картину и заказанную ранее массивную раму, распорядился повесить ее в гостиной, где она находится и поныне.

На протяжении почти тридцатипятилетнего знакомства с Семеном Михайловичем я много раз рисовал его.

Ежегодно 25 апреля отмечался день рождения Семена Михайловича. На этих торжествах было шумно и весело, к нему приходили не только родственники, но и многочисленные боевые друзья, товарищи по работе. Мне запомнился последний такой праздник. Семен Михайлович принимал гостей в течение нескольких дней, и кабинет его был заставлен подарками. Я подарил ему оригиналы иллюстраций к роману А. П. Листовского «Конармия».

Поблагодарив за подарок, Семен Михайлович попросил меня написать его на коне во время парада 7 ноября 1941 года в Москве.

Я заверил его, что обязательно напишу. Ведь такой картины, насколько мне известно, никто еще не писал.

— Вот-вот,— сказал Семен Михайлович, и глаза его ожились, заблестели.

Я тут же представил себе эту величественную картину: заснеженная Красная площадь, на сером хмуром небе проступают силуэты аэростатов заграждения. На первом плане на вороном коне в серой шинели скачет Буденный. За ним на рыжем коне — командующий войсками Московского военного округа генерал П. А. Артемьев. Засыпанные снегом шеренги войск, которые после торжественного марша пойдут прямо в бой.

Осенью 1973 года Семена Михайловича не стало. Я пришел в Колонный зал Дома Союзов проститься с ним. Просьбу С. М. Буденного я исполнил и написал маршала на коне во время исторического ноябрьского парада 1941 года. Эта картина была показана на выставке, посвященной 35-летию разгрома фашистских войск под Москвой. Жаль, он не видел...

ШКОЛА КАВАЛЕРИСТОВ

С. Н. МАСЛОВ,
мастер спорта СССР

Каждое новое поколение выбирает себе героев, которым подражает, на которых равняется во всех своих делах и помыслах. То сердца мальчишек захватывают летчики, то космонавты, то физики... А в пору моей юности мы бредили лихими чапаевскими атаками, любили конников и первым из них называли имя прославленного полководца гражданской войны Семена Михайловича Буденного.

В 30-х годах в стране насчитывалось свыше двухсот кавалерийских клубов, много кавалерийских школ, кружков, где занимались конным спортом десятки тысяч человек. Всех их объединял Осоавиахим, затем конники-спортсмены стали появляться в спортивных обществах «Спартак», «Наука».

В Москве, на улице Воровского, в доме № 23 был создан кавалерийский клуб, который назывался «Эскадрон металлистов». Эта общественная организация Московского обкома профсоюза металлистов объединяла рабочую молодежь, которая добилась у Семена Михайловича Буденного разрешения на организацию такого эскадрона. Впоследствии эскадрон стал называться клубом имени С. М. Буденного. Здесь была организована кавалерийская школа, где мне довелось заниматься вместе с известными в будущем конниками страны.

Руководил работой нашего эскадрона слушатель Военной академии имени М. В. Фрунзе командир-кавалерист М. Ф. Моисеев-Черкасский. С молодежными группами кавклуба занимался вернувшийся после армейской службы инструктор-наездник Е. Л. Левин.

В 1936 году под личным руководством Семена Михайловича Буденного в Ростове-на-Дону были проведены первые Всесоюзные конноспортивные соревнования Осоавиахима. Наша кавалерийская школа также участвовала в состязаниях. Высокое мастерство продемонстрировали тогда конники. Мне приз за хорошее выступление вручал сам Семен Михайлович. И позже неоднократно я получал поздравления и призы из рук маршала С. М. Буденного. Какие это были волнующие, незабываемые ми-

нуты!.. Семен Михайлович, всегда жизнерадостный, бодрый, по-военному подтянутый, напутствовал нас и для каждого находил доброе, сердечное слово.

Вспоминается такой эпизод. Мы готовились в манеже к конноспортивным соревнованиям, посвященным XX годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Семен Михайлович в нашей кавалерийской школе бывал довольно часто, и уже не как гость, а как доброжелательный и требовательный наставник. Зашел он к нам и накануне этих соревнований. Мы рассыпали в манеже крашенные опилки, и маршал Буденный вместе с нами занялся цветным ковром, подсказывая, как правильно и красиво сделать его.

В то время в нашем эскадроне были и девушки, которых готовили как сапатарок для кавалерийских частей армии. Они изучали медицину, занимались стрельбой, рубкой лозы, вольтижировкой, верховой ездой. Девчата даже участвовали в маневрах Московского военного округа. И вот, когда ковер в манеже был закончен, мы окружили Буденного, кто-то из наиболее смелых наших наездников вдруг спросил:

— Семен Михайлович, а верно, что вы пашкой врага вместе с лошадью напополам разрубить могли?

Мы притихли, а Семен Михайлович так просто и весело засмеялся, что засмеялись и ребята.

— Конница,— сказал маршал,— деликатный род войск. В случае атаки главную роль прежде всего играют быстрота, внезапность. — Подумав, словно припоминая что-то, Семен Михайлович добавил: — Но и рубить, конечно, надо уметь...

Командир нашего эскадрона Михаил Федорович Моисеев-Черкасский, инструкторы-наездники П. Комарков, И. Коврига, С. Каркузаки, Б. Скрыдло, П. Брик терпеливо обучали нас боевому искусству всадника. А уже не за горами были серьезные испытания для страны, и многое из того, что проходили мы в кавалерийской школе, вскоре пригодилось...

Забегая вперед, расскажу один случай из своей боевой практики. Зимой сорок первого ходил я в атаки под Рузой в сабельном эскадроне. Мороз стоял около сорока градусов. А немцы, уже начиная сдавать, отступали и жгли деревни. Командование поставило задачу — бить этих факельщиков. И вот ночью, пофыркивая, несут нас заивдевшие кони от одного пепелища к другому. Жутко... Черные печи, сугробы — кажется, будто всюду притаился враг. И вдруг в самом деле столкнулся я с одним гитлеровцем у избы. Классическим взмахом «вниз направо руби» как махну пашкой — немец за угол. Налетаю второй раз — тот опять увернулся. Мне-то тяжелей: ведь еще и конем управлять надо, а у него автомат. Вспомнил тогда, что нас не только рубить — и колоть учили. На том и закончил поединок с факельщиком...

Многие воспитанники кавалерийской школы имени С. М. Буденного с первого дня войны ушли на фронт. Тренеры и воспитанники школы, конный состав вошли в 4-й Московский кавалерийский полк. Командовал им подполковник Шахрайнов. Бывшие ученики инструктора-наездника А. Левиной Тимур Фрунзе, Володя и Степан Микояны, окончив Качинское военное авиационное училище, стали летчиками-истребителями. Тимур и Володя пали смертью храбрых в боях за Родину. Артем Сергеев стал артиллеристом. Командуя батареей, на десятый день войны он вступил в неравный бой с танками гитлеровцев. Четыре орудия и сто шесть бойцов было в распоряжении лейтенанта. В живых вместе с Артемом осталось всего семь человек. По батарее выстояла. Свою задачу выполнила с честью. Двадцать четыре фашистских танка горели на подступах к Берлину...

Однако все это еще предстояло испытать, вынести, выдержать ребятам из кавалерийского клуба с улицы Воровского. Шел только 1937 год. Клуб наш с помощью Семена Михайловича получил великолепную летнюю базу «Орлово» у станции Голково Солнечногорского района.

Своими руками тренеры и спортсмены создали здесь прекрасный спортивный городок — скаковой круг, конкурное поле, открытый манеж для выездки. В этом месте была хорошая пересеченная местность, река. Вскоре на базе нашего клуба Семен Михайлович предложил организовать курсы тренеров и руководящих работников по конному спорту. Здесь собрались лучшие конники страны.

Мне довелось учиться на этих курсах. Окончил я их успешно. На выпускном вечере Семен Михайлович выступил перед первыми выпускниками с напутственной речью — глаза его светились, он был доволен, что теперь у нас в стране палажена профессиональная подготовка тренеров, преподавателей, будущих конников.

Уже после войны с Семеном Михайловичем Буденным мы не раз встречались на 4-м Московском конном заводе. Здесь до сих пор с гордостью показывают представителям зарубежных фирм лошадей буденновской породы, которая очень высоко зарекомендовала себя на международном рынке. Наездник Павел Алексеевич Туркин подготовил в свое время маршалу Буденному жеребца этой породы по кличке Софист, на нем Семен Михайлович дважды принимал парад на Красной площади.

Вспоминается еще одна примечательная история тех давних лет. В 1935 году у нас в стране состоялся беспрецедентный конный пробег туркменских колхозников из Ашхабада в Москву. 4300 километров они прошли за 83 дня. Большие трудности пришлось преодолеть отважным всадникам по маршруту на север. Ведь лошади ахалтекинской породы выросли под ярким

южным солнцем, а путь предстоял в среднюю полосу России. Много умения, труда вложили конники в этот блестящий пробег. Всех участников отметили правительственными наградами.

В те дни С. М. Буденному был подарен знаменитый ахалтекинец Казбек серой масти. От многотрудного пути лошадь была травмирована, хромала. Но мы, юные конники, под руководством вестрача Цветкова взялись вылечить Казбека. Как же был удивлен и обрадован Буденный, когда в 1938 году на Московском ипподроме он увидел Казбека!.. Семен Михайлович волновался за коня, но тот не подвел — взял все лучшие призы ипподрома. Долго, сердечно благодарил Буденный ребят, любовно выхаживших Казбека.

Тогда маршал вручил мне первый приз и грамоту за преодоление препятствий по ипперскому конкур-иппону.

Прошло с той давней поры почти полвека. Давно нет нашей кавалерийской школы на улице Воровского, 23. Но конники — воспитанники С. М. Буденного по-прежнему в боевом строю, передают свой опыт и мастерство молодежи. На состоявшихся в Москве XXII Олимпийских играх в судейской коллегии по конному спорту были мои товарищи по школе К. Ф. Гридцев и Е. Л. Левин. Я судил олимпийские соревнования по троеборью, по преодолению препятствий. А полковник В. В. Мишин — главный тренер нашей олимпийской сборной по конному спорту.

Блестяще выступили на Олимпиаде-80 советские спортсмены-конники. Они завоевали командные первенства в троеборье, в преодолении препятствий, в выездке. Такого в истории Олимпийских игр еще не было! Живут традиции конников-буденновцев!

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

С. И. РАЗУМОВСКАЯ-БОГОРОДСКАЯ

Из дней моей юности память извлекает яркие, праздничные дни 7 Ноября и 1 Мая. Пусть небо над Красной площадью моросило мелким осенним дождем, пусть Первомай был не таким солнечным и звонким, наша студенческая колонна с восторгом вливалась в шумный, бесконечный поток демонстрации. В задорном марше шли мы мимо трибун Мавзолея, стараясь увидеть руководителей партии и правительства и с восхищением узнавая среди них ладную фигуру Семена Михайловича Буденного, его лихие усы. Его имя было связано для нас с героической и романтикой великого и сурового времени гражданской войны.

Мне не раз выпадала удача — быть на правом флаге колонны. Тогда лучше можно увидеть тех, кто на трибуне Мавзолея, отчетливо видны лица. А вот и такое знакомое лицо — Семен Михайлович Буденный!

Закончив аспирантуру МГУ, я стала сотрудником Государственного музея изобразительных искусств.

Неоднократно мне приходилось видеть С. М. Буденного на вернисажах. Помню его на выставках «Красная Армия», «15 лет Красной Армии», «20 лет РККА и Военно-Морского Флота»...

Семен Михайлович и здесь выделялся среди других — по военному подтянутый, собранный, с особым, четким ритмом походки.

Однажды стало известно, что сегодня в музей придет товарищ Буденный. И хотя здесь всегда царил образцовый порядок, все — и научный, и технический персонал — волновались. Еще и еще раз пробегали по залам, проверяя, все ли сделано. Хотелось предстать в полном блеске!

Наконец приехал Семен Михайлович. Я была в группе научных сотрудников, которые должны были вести высокого гостя по музею и давать объяснения. Конечно, мы все очень старались. Ведь многие впервые видели легендарного человека так близко. Семен Михайлович неторопливо проходил по залам, внимательно слушал пояснения, а потом сказал:

— Я мало знаком с изобразительным искусством. Но оно все больше меня интересует. Вот почему я и решил основательно ознакомиться с коллекциями вашего музея.

Помните, что самое большое впечатление произвело на Семена Михайловича античное искусство, особенно зал Парфенона. Он выразил свое восхищение творениями Фидия, монументальным образом Афины Паллады, фронтовыми группами, фризами...

— Нужно тщательно хранить то богатое наследие, которое вам досталось от прошлого, — сказал Семен Михайлович, прощаясь с нами и благодари за показ музея.

От того дня остались в памяти его добрые глаза — острые, умные, живые, с особой зоркостью и пристальностью вглядывавшиеся в окружающее. Всем сотрудникам понравилась манера его поведения — предельно демократичная, доброжелательная, притягивающая.

...Прошли годы. В июле 1956 года мы с мужем — художником Федором Богородским — поехали на лечение в Карловы Вары. Придя в галерею источников, мы еще издали увидели Семена Михайловича Буденного с его супругой Марией Васильевной. Муж мой был давно знаком с Семеном Михайловичем Буденным, и все-таки меня удивила та простота и удивительная русская душевность, с которой Семен Михайлович встретился с ним. Он искренне обрадовался встрече с земляком «на чужой стороне».

Буденные жили в небольшом санатории «Ричмонд», мы в большом здании «Империала». Наши встречи обычно происходили у питьевых источников. Мы много беседовали о разном, серьезные разговоры перемежались шутками. Казалось, что мы уже давние старые знакомые. Этому в большой степени способствовала обаятельность Марии Васильевны, ее сердечность и живой ум.

Я замечала, что острые глаза Семена Михайловича все видят. Как-то около нас стояла женщина с ребенком. Девочка нерешительно вертела в ручонках конфету. Мать спросила, почему она ее не ест.

— А куда я брошу бумажку? — сказала девочка.

Это услышал Семен Михайлович и отреагировал так:

— Всему хорошему всегда нужно учиться, даже у детей.

Наше лечение подходило к концу. Желаящим осмотреть Прагу разрешалось на два-три дня сокращать срок пребывания в Карловых Варах.

Мы с мужем в Праге никогда не были, и вполне понятно, что хотелось воспользоваться этим случаем. Мы пошли к директору санатория оформлять разрешение. Директор несколько растерялся.

— Видите ли, — сказал он, — одновременно с вами уезжает Семен Михайлович Буденный. Он намерен на два дня остаться в Праге. А наша вилла так велика, что мы обязаны всю ее предоставить в его распоряжение.

— Вы позвоните, пожалуйста, Семену Михайловичу и передайте ему мою просьбу, — сказал Ф. С. Богородский.

И действительно, согласие С. М. Буденного было получено.

Незабываемы были эти два дня, которые мы с мужем провели на вилле в Праге с семьей Буденных.

Вечером мы все вместе неторопливо ужинали в большой столовой, где ярко горели в камине «электрические дрова». Вспоминали годы гражданской войны, участником которой был и мой муж, политкомиссар отряда судов Донской флотилии, сражавшейся в 1919 году за Царицын. Федор Семенович был очень рад, узнав, что Семен Михайлович хорошо помнит его картины на темы гражданской войны — «Матросы в засаде», «Нашли товарища», «Братиска», портреты беспризорников. В ответ на его удивление Семен Михайлович заметил, что уже давно интересуется изобразительным искусством. Между разговорами Богородский, в молодости работавший в цирке, показывал фокусы и разные трюки. Всем было весело.

Немного времени было дано мне судьбой, чтобы взглядеться, запечатлеть в памяти незаурядный, характерный облик Семена Михайловича, его чуть глуховатый, но выразительный голос, а я помню...

С. А. ПУРКОВА,
библиотекарь

Имя Семена Михайловича Буденного мне, как и всем пионерам 20-х годов, было хорошо знакомо и любимо.

Перед Великой Отечественной войной, закончив библиотечный институт, я стала заведующей библиотекой. Работа мне нравилась. А вскоре на мою долю выпало большое счастье, мне предложили поработать в личной библиотеке Маршала Советского Союза, прославленного народного героя Семёна Михайловича Буденного.

Это случилось в 1943 году. С тех пор прошли многие годы, годы рядом с легендарным человеком, которого, казалось, знала с детских лет, но по-настоящему узнала, вгляделась, лишь оказавшись вблизи, и поразила широта его интересов, природной любознательности, умению, читая книгу, выделить главное, основное. Я выполняла его многочисленные поручения, старалась лучше укомплектовать его и без того огромную библиотеку, по мере увеличения числа книг более правильно, рационально их расставить, чтобы было сподручнее найти пущую для работы книгу. Библиотека Семёна Михайловича уже в годы войны была поистине колоссальна. Он очень любил книги. В его библиотеку регулярно поступали повинки, труды по разным отраслям знаний. Его интересовали и общественные науки, книги по военной истории и военному искусству, также по коневодству и конечно же художественная литература. Книгам было отведено много места в квартире, плотными рядами были расставлены они по книжным шкапам и на специально сделанных стеллажах. А сколько выписывал Семён Михайлович журналов! Много было в его библиотеке детских книг, а когда дети выросли, Семён Михайлович попросил меня привести книжки в порядок и отправить на родину — в школьную библиотеку станицы Платовской.

Глубоко уважая Семёна Михайловича, я стремилась так организовать свою работу, чтобы всегда быть полезной ему — быстро навести любую справку, отыскать пущую книгу и т. д. Комплектацию и содержание личной библиотеки Семёна Михайловича Буденного я считала своим самым важным делом и вкладывала много сил и умения, чтобы выполнять его как можно лучше. Часто мне приходилось видеть, как Семён Михайлович записывал в свой блокнот впечатления о наиболее важных событиях, фактах, которые привлекли его интерес. Это могли быть заметки о съезде Коммунистической партии или сессии Верховного Совета СССР, в работе которых ему доводилось участвовать. Он записывал вопросы повестки дня, фамилии выступающих, свои впечатления. Этих блокнотов в его библиотеке так много, что их и сейчас не удается систематизировать. Уве-

рена, что в них содержится немало ценных сведений, о которых не всегда можно прочитать в книгах или в периодике. Как и его обширная библиотека, эти записи свидетельствуют о том, насколько разнообразны были его интересы и запросы, какой это был всесторонне развитый человек, обладавший большой эрудицией.

Часто вечерами, после работы, Семён Михайлович любил отдохнуть за чтением. Особенно он любил военные мемуары, художественную литературу, книги по истории. В последние годы жизни часто читала вслух полюбившиеся ему книги его жена Мария Васильевна.

В апреле 1970 года я была с экскурсией в городе Туле, посетила и Музей оружия. Экскурсовод показывала нам миниатюрный действующий револьвер. Он был так мал, что обыкновенная спичечная коробка оказалась для него велика. Экскурсовод рассказала, что в 1927 году этот музей посетил С. М. Буденный и стрелял из револьвера, о чём есть запись в Книге почётных посетителей. Вернувшись в Москву, я привезла Семёну Михайловичу путеводитель по музею. Он с удовольствием просмотрел его, положил на книжную полку и кстати вспомнил о своем посещении знаменитого Музея оружия.

— На Всемирной выставке 1900 года, — заключил он, — тульским мастерам-оружейникам за этот оригинальный револьвер была присуждена Большая золотая медаль.

Многие годы проработала я в библиотеке Семёна Михайловича Буденного, насчитывавшей более десяти тысяч томов. И сейчас, мысленно охватывая взглядом знакомые плотные ряды книг, я как бы иду вслед за Семёном Михайловичем по его сравнительно просторной квартире, где книгам все же было тесно. Вот они стоят на полках кабинета, где маршал проработал в течение пятидесяти лет, вот в коридоре в специально сделанных шкафах. В кабинете размещены главным образом книги по общественно-политическим наукам и часть наиболее ценных книг по коневодству. Здесь произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, второе и третье издания Полного собрания сочинений Владимира Ильича Ленина, все ленинские сборники, стенограммы и стенографические отчеты съездов Коммунистической партии, бюллетени ряда партийных съездов, литература по истории КПСС, произведения видных деятелей мирового коммунистического движения, книги по экономике.

В специально выделенном отделе многочисленные книги по военному делу, в том числе все книги, вышедшие в серии «Библиотека командира», произведения советских авторов по стратегии, оперативному искусству и тактике, уставы, наставления и разнообразная справочная военная литература. В высоких шкафах, стоящих вдоль стен в длинном коридоре, всевозможные энциклопедические издания (Брокгауз и Эфрон, 1-е и 2-е издания Большой Советской Энциклопедии), художественная литература, книги по истории, географии, справочники, словари и книги на иностранных языках.

Особо почетное место в библиотеке занимают книги по коневодству, коннозаводству и конному спорту, в том числе редкие дореволюционные издания, как, например, «Настольная книга для каждого коннозаводчика, коневода, коневладельца и любителя лошади» (1902, тома 1, 2, 3, 4). На 1-м томе дарственная надпись: «Дорогому Семену Михайловичу от К. Ворошилова».

Когда Семен Михайлович начал работать над книгой воспоминаний «Пройденный путь», он поручил мне подобрать литературу по истории гражданской войны и Красной Армии. Я достала 15 книг, которых не было в его библиотеке. Они оказались очень полезными Семену Михайловичу, он много работал с ними, делал выписки и, возвращая, попросил достать еще несколько редких книг. Я очень рада, что смогла быть полезной ему в этом деле, и с особым удовольствием беру в руки его книгу «Пройденный путь». Я знаю, сколько сил и времени отдал этой книге Семен Михайлович. «Пройденный путь» вызвал живой интерес читателей в нашей стране и за рубежом. Его мемуары переведены на 14 иностранных языков. Все эти книги собраны и хранятся в его библиотеке.

В отдельных шкафах — книги с автографами. Их более тысячи. Вот что, например, написал на своей книге «Токсикология ядовитых растений» профессор И. А. Гусынин: «Маршалу Советского Союза Семену Михайловичу Буденному — в знак глубокой признательности Вам за помощь в издании книги и в Вашем лице — партии и правительству, которые помогли мне ветеринарному врачу Чапаевских отрядов (1918 г.), стать научным работником. Автор, 5 ноября 1951 г.». А вот автограф профессора В. О. Витта на его книге «Из истории русского коннозаводства. Создание новых пород лошадей на рубеже XVIII—XIX столетий», изданной в Москве в 1952 году: «Первый авторский экземпляр руководителю советского коневодства Маршалу Советского Союза Семену Михайловичу Буденному. Профессор В. Витт».

Есть в библиотеке и книги, подаренные ему видными государственными деятелями и военачальниками. Автографы Л. А. Астафьева, К. Е. Ворошилова, Маршалов Советского Союза С. С. Бирюзова, И. Х. Баграмяна, главного маршала артиллерии Н. Н. Воронова и многих других.

Вот книга «Город-воин на Днестре» с надписью: «Уважаемому Семену Михайловичу в память о трудном лете 1941 года И. Баграмян». Адмирал Флота Советского Союза И. С. Исаков написал на книге «Военно-Морской Флот СССР в Отечественной войне»: «Маршалу Советского Союза Буденному С. М. в знак глубокого уважения к своему командующему и на память о переломном моменте на Северо-Кавказском фронте от Исакова. 15.7.44 г.». Автограф Ю. А. Гагарина на книге «Дорога в космос. Рассказы летчика-космонавта» краток и выразителен: «Дорогому Семену

Михайловичу Буденному с глубоким уважением и благодарностью. Ю. Гагарин».

Много книг подарили Семену Михайловичу писатели, поэты и драматурги. Вот одна примечательная дарственная надпись: «Славному участнику персидского похода Маршалу Советского Союза дорогому Семену Михайловичу Буденному на память от автора как воспоминание о конных боях лихого Северского драгунского полка у Хамадана, на равнинах Керменшаха и под пальмами Ханекина. Участник похода б. подъесаул 1-го Казачьего Горско-Моздокского полка Мугуев Хаджи-Мурат. 6 апреля 1955 г. Москва». Автор известных мемуаров «Пятьдесят лет в строю» А. А. Игнатьев на 1-м томе написал: «Примите, дорогой Семен Михайлович, сей законченный труд старого кавалериста — в знак самого высокого к Вам уважения автора Алексея Игнатьева. 15.1.51 г.».

Книги рассказывают нам о хозяине уникальной библиотеки Семене Михайловиче Буденном, о широте интересов, жажде знаний, вдумчивом отношении к слову. А как выразительны надписи на подаренных ему книгах, они показывают его глубокие связи со многими людьми — с государственными и общественными деятелями, военачальниками и рядовыми солдатами, писателями и учеными, художниками, актерами и музыкантами. Он знал многих из них, встречался, интересовался успехами, помогал преодолевать трудности. И люди отвечали ему признательностью и уважением.

ОБЪЕКТИВ ЗАПЕЧАТЛЕЛ...

Л. Н. ФОМИЧЕВА,
научный сотрудник Центрального партийного
архива ИМЛ при ЦК КПСС

Впервые мне довелось встретиться с маршалом С. М. Буденным в начале 50-х годов в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, куда он обратился в поисках редких ленинских фотографий, которые хотел опубликовать в книге своих мемуаров. Мы были предупреждены, что к нам придет маршал Буденный. Все было приготовлено к его приезду.

Мы показали Семену Михайловичу материалы, и я видела, с каким интересом он всматривался в фотографии, запечатлевшие В. И. Ленина. Во время работы он рассказал нам такой эпизод. В перерыве VIII съезда Советов в одной из комнат записывалось выступление Владимира Ильича на граммофонную пластинку.

— Не зная об этом, — вспоминал Семен Михайлович, — я залезнул в дверь и увидел Ленина. Стоя, он говорил в какой-то

рупор. Увидев меня, Владимир Ильич, не прекращая говорить, жестом пригласил войти.

По воспоминаниям Семена Михайловича, Ленин обратился к нему: «Может быть, вы что-нибудь скажете?», но Буденный сослался на неумение говорить и отказался. В этот момент Ленин, как рассказывал С. М. Буденный, увидел фотографа и предложил сфотографироваться.

— Я рад был этому случаю, — делился с нами Семен Михайлович, — выбежал в коридор, сбросил папаху и бекешу, поправил черкеску. Фотограф запечатлел нас. К великому сожалению, этот снимок от фотографа я так и не получил.

И в этом нет ничего удивительного, ибо время тогда не позволяло все относящееся к жизни и деятельности В. И. Ленина собирать, хранить, использовать в целях пропаганды и агитации. Собрание кинофото документов о В. И. Ленине началось лишь в 1924 году. Тогда были приняты два постановления ВЦИК (от 15 февраля и 27 июня), которые возложили на Институт Ленина обязанности по сбору и сохранности всех изобразительных документов о Владимире Ильиче и контролю за их размножением и публикацией. Подлинные фотоснимки В. И. Ленина поступали от фоторепортеров, редакций газет и журналов, родственников В. И. Ленина и отдельных граждан. Киноплёнку с изображением В. И. Ленина передало нам Госкино — организация, ведавшая съемками кинохроники. Некоторые киноматериалы были присланы из-за рубежа от иностранных кинооператоров, снимавших в СССР.

Фото документы о В. И. Ленине состоят из трех групп: фотоснимки, показывающие В. И. Ленина при жизни, фотоснимки мест его пребывания и снимки похорон В. И. Ленина. В последней коллекции много снимков, запечатлевших С. М. Буденного в дни похорон В. И. Ленина, часть которых опубликована.

В материалах кинохроники есть такие, которые показывают В. И. Ленина на II и III конгрессах Коминтерна, где гостем был и Семен Михайлович Буденный. Большое количество кино документов рассказывает о похоронах В. И. Ленина в январе 1924 года. В течение нескольких дней кинооператоры снимали бесконечный поток людей, идущих в Колонный зал Дома Союзов для прощания с вождем. Запечатлены моменты смены почетного караула у гроба В. И. Ленина, приезд делегаций разных стран мира. На киноленте можно увидеть и Семена Михайловича Буденного на всем скорбном пути — от Горок Ленинских до Красной площади.

В фондах Центрального партийного архива хранятся несколько снимков С. М. Буденного с Надеждой Константиновной Крупской. В Музее В. И. Ленина в Кремле есть фотография, подаренная Семеном Михайловичем Буденным Владимиру Ильичу, — Буденный в полной военной форме, на обороте надпись: «Тов. Ленину — ком. конкорп. Буденный. 28/XI». Побывав в

кабинете Ильича, С. М. Буденный писал: «Долго я смотрел на свою фотографию и удивлялся, как это она уцелела».

Семен Михайлович неоднократно бывал в Центральном партийном архиве, интересовался нашей работой и радовался тому, как бережно и надежно хранятся кинофото документы, рассказывающие о жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина. Когда он говорил о вожде, вспоминал о своих встречах с ним, в голосе его было восхищение, глаза светились. Из многих материалов, показанных ему, он отобрал для 3-й книги своих мемуаров «Пройденный путь» фотографию, на которой запечатлен один из моментов во время похорон В. И. Ленина: С. М. Буденный, Г. К. Орджоникидзе, К. Е. Ворошилов и другие несут гроб с телом В. И. Ленина от Павелецкого вокзала к Дому Союзов.

В архиве хранилось немало фотографий, на которых можно увидеть С. М. Буденного рядом с видными партийными и государственными деятелями. Особенно много снимков, запечатлевших Михаила Ивановича Калинина и Семена Михайловича Буденного в период гражданской войны. Вот групповой портрет первых Маршалов Советского Союза — среди них С. М. Буденный. А на другой фотографии — он на заседании Реввоенсовета СССР. Памятные, дорогие его сердцу реликвии. Он любил подолгу внимательно их рассматривать, о чем-то задумывался, вспоминал...

Мы ему не мешали.

СИЛА ДУХА

В. Ф. ИВАНОВ,
кандидат медицинских наук

Я принадлежу к поколению, для которого героика гражданской войны была полна притягательной романтики, а имя прославленного народного героя Семена Михайловича Буденного — легендарным. Для нас он был поистине кумиром. Хотелось ему подражать, быть похожим.

Прошла пора юности. Я стал врачом. Однажды в поликлинике, где я работал, мне поручили вместе с лечащим врачом посмотреть больного. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что мы едем к Маршалу Советского Союза Семену Михайловичу Буденному.

Целая гамма чувств овладела мною: волнение, радость, тревога... Но врачу не положено предаваться эмоциям.

Я вошел в дом и увидел не былинного витязя, каким представлял себе прославленного командарма, а человека уже пожилого, но с молодыми светящимися глазами. Говорил он мягко, очень приветливо.

Я был еще очень молод. Видимо, поэтому Семен Михайлович, повернувшись ко мне, по-отечески спросил:

— А ты кто, врач или медбрат?

— Врач,— ответил я.

— Ну раз врач, сначала осмотри, выслушай, а потом уж ставьте банки.

...С тех пор прошло много лет, но живо помню тот день. Приложил к груди Семена Михайловича стетоскоп... Подбадриваемый им, стал действовать с профессиональной уверенностью. Тогда я еще не знал, что судьба подарит мне счастье много лет общаться с Семеном Михайловичем.

Каждая встреча с ним обогащала меня не только как человека, но и профессионально: личность больного, его отношение к болезни имеют большое значение для успешного лечения. Известны изречения древних: «Больной поможет — врач излечит», «Больной помогает себе и врачу».

Семен Михайлович был удивительно легким пациентом и своим отношением к лечению подтверждал справедливость и мудрость этих слов. Он был дисциплинированным, всегда четко выполнял предписания и назначения врача, поддерживал его усилия верой в свое выздоровление, природным оптимизмом, острой шуткой. Врачам известно, как все это помогает в борьбе с недугом.

Семен Михайлович был несколько раз ранен. Под ребром до конца жизни осталась закапсулированная пуля. Шутя, он говорил:

— Мы живем с ней дружно — я ей не мешаю, она мне...

Незаурядность личности Семена Михайловича, его доброжелательность, открытость и душевная щедрость делали общение с ним интересным и приятным. Он был доступен каждому, кто в нем нуждался, с какой-то особой радостью помогал людям. В его поведении не было даже намека на особенность своего положения, не было высокомерия. Семен Михайлович умело и ненавязчиво помогал нам, медикам, в работе. Всегда улавливал напряжение, настроение в работе, так как был человеком наблюдательным и чутким.

Как врач, долгие годы наблюдавший за здоровьем С. М. Буденного, должен отметить, что физиологически он был совершенен. До глубокой старости сохранил творческую работоспособность, ясное активное мышление, здоровый интерес ко всем явлениям жизни, систематически занимался физкультурой. Вспоминаю, с каким интересом он следил за достижениями медицинской науки и охотно откликался на применение в лечении всего нового.

Отличительной чертой характера Семена Михайловича была тяга к людям всех возрастов и профессий, постоянный интерес к их делам, заботам. Особенно любил молодежь. Бывало, придешь к нему, а он беседует с комсомольцами, юными следопытами, молодыми воинами. Иногда долго приходилось ждать.

Сейчас в медицине, в частности психотерапии, широко используются музыкотерапией — лечением музыкой. А Семен Михайлович, не ведая о музыкотерапии, в минуты нездоровья умел

отвлекать себя музыкой. Он был большой любитель народной песни, сам отлично играл на гармошке и пел.

Когда Семену Михайловичу было уже далеко за восемьдесят, он ни внешне видом, ни поведением не был похож на старого человека. Озорно смотрели глаза, слух был отличным. У него до старости сохранились все зубы. И как всегда, мажорное настроение, юмор, шутки.

Он был скромен в быту. Непритязателен, сдержан в еде. Медики порекомендовали ему овощные сушy, но Семен Михайлович шутя возразил:

— Я до восьмидесяти прожил на мясных, а вот вы попробуйте дожить до моего возраста на овощных сушах.

Не любил комфорта санаториев, очень любил свой дом, семью. Социологи, медики утверждают, что здоровый психологический климат в быту, в семье оказывает положительное влияние на состояние здорового человека. Атмосфера доброжелательности, взаимной заботы и уважения, жизнерадостности царилa в семье Буденных. И я уверен, что это способствовало долголетию Семена Михайловича, его физическому и душевному здоровью.

Будучи уже в преклонном возрасте, Семен Михайлович обычно подшучивал над собой:

— Я не больной, я просто старый человек.

В дни празднования 50-летия Советской Армии я поздравил его с наградой — третьей Золотой Звездой Героя Советского Союза. Он шутливо ответил:

— Когда я был герой, еще не было золотых звезд, а сейчас есть золотые звезды, а я какой теперь герой...

Когда Семену Михайловичу уже было 88 лет, он сломал ногу. Обычно в таком возрасте переломы трудно зарастают, и многие остаются прикованными к постели. Но не таков Буденный! Он мужественно и терпеливо переносил боль, не жалуясь, преодолевал недомогание.

Когда здоровался, крепко жал руку, показывая свою силу, а сердце его тогда уже было очень слабым.

Помню день, когда Семен Михайлович прощался со своим верным конем Софистом, на котором принимал парады на Красной площади. Коню было уже много лет, и, зная, что больше ездить на нем не сможет, он решил отдать его на конный завод.

Приехал наездник Туркин, чтобы отвезти Софиста. Семен Михайлович подошел к коню, погладил его по голове и сказал:

— Ну, старина, до свидания! Неизвестно, кто кого переживет — ведь мы с тобой оба старички.

Девяностолетний юбилей Семена Михайловича был праздником для советских людей, для его семьи и для нас, медиков.

Я сопровождал Семена Михайловича на торжественное заседание, посвященное этому юбилею. На пути случилось дорожное происшествие. Я предложил вернуться.

— Меня народ ждет. Я никогда не подводил людей. — И решительно сказал: — Едем!..

Прошли годы со дня смерти Семена Михайловича. А мысли о нем никогда не покидают меня... Жив он и в памяти народной. Не угасает интерес к его личности, к его жизни. Приезжают представители музеев за личными вещами Семена Михайловича, документами, фотографиями. Они с любовью, бережно собирают реликвии. Вещи увозят, а меня охватывает тоска, что из дома уходит дорогое моему сердцу...

В наш дом, где Семен Михайлович прожил пятьдесят лет, приходят его соратники, ветераны войны. Молодежь, для которой С. М. Буденный — любимый герой, с особым интересом относится ко всему, что связано с его именем. В кабинете посетители рассматривают юбилейные адреса, фотографии, документы, свидетельствующие о том, что Семен Михайлович Буденный почетный гражданин городов Волгограда, Ростова-на-Дону, Каховки, Элисты, Улан-Батора... Многие спрашивают меня о жизни Семена Михайловича, о том, что он любил, чем увлекался. И я с удовольствием рассказываю, мысленно перелистывая годы нашей долгой совместной жизни. Интерес людей к личности Семена Михайловича, их уважение к его памяти привели меня к мысли создания сборника воспоминаний о нем.

Боевые друзья, люди, работавшие и встречавшиеся с ним, охотно откликнулись на мою просьбу поделиться воспоминаниями о Семене Михайловиче. Попытаюсь и я коротко рассказать о человеке, рядом с которым прошли почти сорок лет моей жизни.

Жить с Семеном Михайловичем было легко и интересно. Он был простым, душевным и обаятельным человеком. Строгость и требовательность к людям сочетались в нем с добротой и любовью. Общение с ним обогащало каждого, кто был рядом.

Дружбу и уважение друг к другу мы пронесли через всю нашу жизнь. Мы многое пережили вместе. Время по-новому высвечивает события, свидетелем которых мне довелось быть, но сейчас, перебирая в памяти дни нашей жизни, я на многое смотрю глазами Семена Михайловича.

В начале нашей жизни он сказал: «Мария, домом командуешь ты. Ты главдом и начальник штаба. Дома я не маршал, а твой муж, друг и товарищ. Подчас тебе будет не легко... Жизнь у меня беспокойная».

И действительно, в скором времени я убедилась в этом. Работал Семен Михайлович много, раньше трех-четырех часов утра домой не возвращался, часто бывал в командировках. Порой случалось, что в разгар семейного торжества он неожиданно уезжал, а сколько раз приходилось покидать театр, так и не досмотрев до конца спектакль.

Семен Михайлович рассказывал мне о своей жизни, о тяготах службы в царской армии, о том, как стал на сторону большевиков, как дрался за Советскую власть, о встречах с Владимиром Ильичем Лениным. Он был замечательным рассказчиком: ему были свойственны народная образность речи, юмор. А с какой любовью и гордостью рассказывал он о героических подвигах конармейцев, славных походах Первой Конной армии, о своих боевых соратниках, беззаветно преданных делу Революции. Все было так интересно, что, не надеясь на свою память, я вела записи.

Семен Михайлович много рассказывал и о своей молодости. Родился он и вырос на Дону, поэтому многие считали его казаком. «Я не казак, я — иногородний, — рассказывал Семен Михайлович. — Это большая разница. Казаки всех, кто приезжал на Дон из других районов России, называли иногородними. Земля принадлежала казакам, а мы были безземельные, и жилось нам очень тяжело. Но я люблю донскую землю, ее народ с его вековыми обычаями, воинственным и смелым характером.

В семь лет я уже был подпаском, потом мальчиком на побегушках у кушца, батрачил. Когда пришла пора идти в солдаты, хозяин предложил откупить меня от службы в армии, но я не согласился. Как иногородний, я должен был ехать призываться в армию на родину отца и деда. Там получали и паспорта. И поехал я в Воронежскую губернию, а оттуда, уже солдатом, на Дальний Восток. Так с 1 января 1904 года я, батрак-крестьянин, любивший землю и крестьянский труд, стал военным на всю жизнь».

Семен Михайлович иногда делился со мной своими радостями и печалью. Помню, как однажды (он был тогда командующим войсками Московского военного округа) приехал домой особенно довольный и радостный. Вымыл руки, сел обедать.

— Ну, я сегодня выиграл великое сражение, — сказал весело. — Моссовет выделил первые дома для командного состава. Теперь смогу лучше разместить людей. Пришлось и спорить, и горячиться, и доказывать.

Сколько я помню, Семен Михайлович всегда о ком-то заботился, за кого-то хлопотал и делал это с удовольствием.

Часто Семен Михайлович встречался со своими друзьями-конармейцами. Встречи проходили шумно, весело. Один и тот же эпизод каждый вспоминал по-своему. Каждый старался добавить только ему запомнившуюся деталь, возникали споры.

Помню, как-то Андрей Васильевич Хрулев завел разговор о том, что Семен Михайлович просто и доходчиво мог разъяснить конармейцам непонятные для них вопросы. И рассказал такой случай.

«Однажды на митинге бойцы спросили выступавшего с трибуны Троцкого, какая разница между коммунистами и большевиками. Троцкий стал объяснять мудреными и непонятными словами, сыпал научными терминами. Ничего не поняв, бойцы не-

довольно загудели. Семен Михайлович вышел на трибуну и поднял руку. Наступила тишина. Командарм вынул спичечную коробку из кармана и, подняв ее на вытянутой руке, спросил: «Что это?» Часть бойцов ответила «спички», а часть — «серники». «Меняется от названия содержание коробки?» Все ответили: «Нет!» «Так же и большевик и коммунист — это одно и то же», — пояснил Семен Михайлович. «Ну, теперь понятно, — зашумели бойцы, — так бы сразу нам и сказали».

— Обставил я оратора своей логикой. Обиделся на меня Троцкий, — дополнил рассказ Хрулева Семен Михайлович. — В Москве он наговорил много нелестного о нас. Владимир Ильич нас защитил, он сказал: «Товарищ Буденный со своими бойцами бьет белых генералов и защищает Советскую власть. Вопрос этот снимается с обсуждения». Правда, об этом мы узнали уже много лет спустя...

Семен Михайлович обладал чувством юмора, любил шутку, умел рассказывать смешные истории из своей жизни.

— Как-то мне доложил адъютант, — рассказывал Семен Михайлович, — что звонил художник Василий Никитич Мешков. Освободившись, я позвонил ему. Он попросил разрешения писать мой портрет. Договорились встретиться у меня на квартире. Наши сеансы проходили интересно: он рассказывал о художниках, о различных течениях в искусстве. А я — о героизме конармейцев и разных случаях из времен гражданской войны.

Однажды, оставшись один после очередного сеанса, я стал рассматривать портрет, и мне показалось, что застежка на гимнастерке не на середине и усы уж очень жесткие, торчат, как у kota. Я взял кисть и подправил портрет. Мне показалось, что портрет стал лучше. Но каково же было мое удивление, когда на следующий день, приехав домой, я еще в передней услышал разгневанный голос художника. Вхожу в кабинет и вижу разъяренного Мешкова. Он ругался, что кто-то «изуродовал» портрет.

— Не изуродовал, а подправил, — сказал я.

Это окончательно вывело художника из равновесия. Я тоже вспылал. И в результате сеанс не состоялся.

Через некоторое время Василий Никитич позвонил.

— Семен Михайлович, вы на меня не сердитесь? — спросил он.

— Нет, — отвечаю, — я быстро отхожу.

— Я тоже, — сказал Василий Никитич. — Может, продолжим наши встречи?

— Пожалуйста, — ответил я.

Портрет получился хороший, и мне очень понравился.

— Но почему глаза вы сделали светлыми, с голубизной? — спросил я. — Ведь они у меня, как у кошки, карие с зеленцой.

— Глаза — зеркало души, а душа у вас светлая, — ответил художник с улыбкой.

Так был закончен портрет*, и мы расстались друзьями. В дальнейшем я уже не подправлял портретов, хотя иногда очень хотелось. Свой опыт «художника» я уже забыл, но как-то в перерыве на одном из заседаний Михаил Иванович Калинин обратился ко мне: «Семен Михайлович, я знал вас как хорошего организатора, вояку, знал, что вы, как и я, мужик и любите землю, но не знал, что вы еще и художник». И рассказал всем историю с портретом художника Мешкова. Все смеялись...

...Вспоминаю, с каким торжественным волнением проходили в нашем доме праздники Первомай и Великой Октябрьской революции.

Подготовки к парадам. Ночные поездки на репетиции войск. Дети обычно просили взять их с собой. И если Семен Михайлович обещал это им, спали тревожно: то и дело подбегали к нему и спрашивали: «Не пора ли ехать? Ты не проспал?» В день праздника просыпались рано. Все шли смотреть парад и демонстрацию. Переживали за Семена Михайловича, очень хотелось, чтобы все прошло хорошо.

Мне особенно запомнилась подготовка к параду 7 ноября 1937 года. Это был первый парад, который Семен Михайлович готовил как командующий столичным округом.

Он читал книги по истории парадов Москвы, истории московских улиц и Красной площади. Ездил на тренировки войск, которые проходили большей частью ночью. Волнений было много. «Вдруг погода подведет, а самолеты должны пролететь над Красной площадью, или техника выйдет из строя и собьет порядок движения. Надо, чтобы тягачи были наготове, — говорил Семен Михайлович начальнику штаба округа А. И. Антонову, приехав вместе с ним с репетиции. — По старой русской традиции хорошо было бы, чтоб барабанщики открывали парад, но сейчас мы уже не успеем сделать этого. На будущее надо учесть...»

Этот замысел Семен Михайлович осуществил на параде в 1940 году, и эта традиция сохраняется до сих пор.

Много внимания уделял Семен Михайлович и своей личной подготовке к параду. Вместе с Климентом Ефремовичем Ворошиловым он каждое утро тренировался в верховой езде в Хамовническом манеже. В канун праздника, вечером, подгонял обмундирование... Все готово: ордена начищены, пояс с именным золотым оружием висит на пирамиде (сейчас это оружие находится в Центральном музее Советской Армии).

Наступило праздничное утро 7 ноября 1937 года. Семен Михайлович встал рано и за час до начала парада уехал в Кремль.

Бьют часы Спасской башни... Из ворот Кремля выезжает К. Е. Ворошилов — он принимает парад, — а навстречу ему, от Исторического музея, едет Семен Михайлович. Праздничная и

* Этот портрет находится в Третьяковской галерее.

торжественная тишина на площади. Рапорт принят, К. Е. Ворошилов поздравляет с праздником выстроенные для парада войска... Не подвела погода, и самолеты точно пролетели над Красной площадью, не понадобились и запасные тягачи. Торжественным маршем войска прошли перед Мавзолеем В. И. Ленина. Парад окончен. На душе спокойно. Все хорошо, это видно и по лицу Семена Михайловича. А вечером 7 ноября в Георгиевском зале Кремля был большой прием.

Впервые я присутствовала на таком приеме в 1939 году. Меня поразили необыкновенное сочетание торжественности приема и веселой, непринужденной обстановки на нем. Семен Михайлович со всеми меня знакомит. Соседями по столу были летчик М. М. Громов, Алексей Стаханов и их жены. Семена Михайловича позвали в президиум. После официальной части Иосиф Виссарионович Сталин лично поздравлял заслуженных людей нашей Родины. Подошел и к нашему столу поздравить Громова и Стаханова. Они встали. Встала и я. Сталин посмотрел на меня и спросил: «Что-то я вас не знаю, как ваша фамилия?» Я назвала. Он обратился к военному, который стоял рядом: «Найдите Семена Михайловича, он, наверное, среди рабочих». Повернувшись ко мне, сказал: «Он любимец народа, мы даже немножко завидуем ему». Семен Михайлович быстро подошел к нам.

— Что же вы, Семен Михайлович, жену никому не представили?

— Нет, товарищ Сталин, я со многими познакомил, а сейчас представляю ее вам.

Иосиф Виссарионович пожал мне руку, поздравил с праздником и, пожелав здоровья детям, ушел к другим столам.

В 1946 году, приехав с майского праздника, Семен Михайлович рассказал мне, как он попал в затруднительное положение на обеде:

— Предложив тост за меня, товарищ Сталин сказал: «Товарищи, у меня есть вопрос к Семену Михайловичу. Я сейчас работаю над четвертым томом собрания сочинений. Этот том посвящен гражданской войне. В материалах этого периода есть много документов, в которых очень часто упоминается ваше имя, Семен Михайлович, и, если весь этот материал использовать, то том будет посвящен вам. Как вы считаете, надо писать все или нет?» От неожиданности, — продолжал Семен Михайлович, — я как-то замялся, а потом ответил: «Это на совести автора, как он найдет нужным, так и будет».

Товарищ Сталин улыбнулся и сказал: «А хитрый Буденный, никогда его врасплох не застанешь, — все переложил на мою совесть».

Семен Михайлович был заботливым отцом и хорошим мужем. Мы воспитали троих детей, и рождение каждого ребенка приносило ему большую радость,

В 1938 году родился первый сын Сергей. На следующий же день Семен Михайлович приехал в больницу нас навестить.

— Я приехал познакомиться с сыном. Что же я за отец, если не знаю своего сына. Покажите мне малыша. Я никогда не видел таких маленьких.

Рассматривая ребенка, изумлялся, какие маленькие у него пальчики и ноготки. Я с горечью сказала:

— Нос только велик для такого маленького.

— Ничего, нос буденновский. Выправится, не беспокойся. Я послал телеграмму маме в станицу, поздравил ее с рождением внука. Они с Таней скоро прикатят, получив такое известие, не усидят дома.

И действительно, в скором времени мы с радостью встречали маму и сестру Семена Михайловича. Меланья Никитична меня расцеловала:

— Спасибо тебе за внука, порадовала ты меня на старости лет. Я уж думала, что не увижу внуков от Семена.

А через год родилась дочка. Семен Михайлович приехал к нам с цветами. Войдя в палату, сказал:

— Любимым женщинам почет и уважение. Мы, мужчины, дома обсуждали, как назвать дочку. Я сказал Сереже: у тебя есть сестричка, как ее назовем? Он пролепетал что-то вроде «ни-ни». Так если ты, Мария, не возражаешь, давай назовем ее Ниной.

— Я не против, имя мне нравится, — сказала я.

— Ну а хозяйка имени молчит, а молчание — знак согласия, — пошутил Семен Михайлович. Потом серьезно добавил: — Нападение фашистской Германии на Польшу создало тревожную обстановку на нашей западной границе. Я должен поехать в Белорусский военный округ. Хорошо, если бы вы вернулись домой до моего отъезда.

Семен Михайлович уехал. Охваченная тревогой, я с новорожденной поспешила домой, чтобы самой проводить Семена Михайловича в командировку. За годы совместной жизни мне приходилось часто его провожать и встречать, а иногда и сопровождать.

Дети подрастали. Семен Михайлович с нетерпением ждал первых их слов, радовался первым шагам.

...Началась Великая Отечественная война. 22 июня 1941 года я проводила Семена Михайловича на фронт. А в середине августа я вместе с детьми уехала в Куйбышев.

Зная о большой любви Семена Михайловича к семье, я старалась как можно чаще писать ему на фронт, сообщала, как растут дети, что нового в их поведении, как они играют в войну, «помогают» папе воевать, выступают с речами, призывая защищать свою Родину. Я хотела, чтобы, читая эти письма, Семен Михайлович хотя бы на минуту переносился мысленно в свой дом, в свою семью и был спокоен за нас.

В ответ на одно из моих писем Семен Михайлович 24 сентября 1941 года писал: «Сегодня получил твое письмо и был очень рад. У нас идут сильные бои, противника уничтожаем много, а он, мерзавец, все лезет, но спесь ему сбили. Крепко целую тебя и наших деточек. Привет маме и В. И.» (мама и В. И. — мои родители. Мать Семена Михайловича и его сестры приехали в Куйбышев 21 сентября, но он еще не знал об этом).

А вот строки из письма от 30 ноября 1941 года: «Уже четыре дня, как прибыл в Сталинград. Здоровье хорошее, работы много. Сегодня Ока Иванович выезжает в Куйбышев, вот я и решил написать пару слов. Дела здесь, на юге, идут неплохо, дерутся и фашистов уничтожают хорошо. Крепко тебя целую. Поцелуй за меня наших деток. До свидания. Привет всем нашим».

Переписывались мы с Семеном Михайловичем нечасто, только во время войны. Письма он всегда писал короткие, и только в том случае, если не было возможности позвонить.

В письме от 3 июля 1942 года Семен Михайлович писал: «Сегодня получил твое письмо и прочитал его с большим удовольствием. Сережа и Ниночка у нас замечательные. Беда с проклятой немчурой, лезет, сатана. Будем биться еще злее и в результате разобьем. Пока всего доброго, моя милая, поцелуй за меня наших милых и родных детей».

1942 год. Сентябрь. Мы живем, как все, тревогой за фронт. Однажды раздается телефонный звонок. Нам сообщают, что сегодня, 9 сентября, в Куйбышев прилетает Семен Михайлович. Радости нет конца. Вот мы на аэродроме. Приземляется самолет, и выходит Семен Михайлович. Нина не двинулась с места, а только сказала:

— Сережа, твой папа на фронте, а мой на фотокарточке.

Сережа не раздумывая бросился к отцу и повис на шее.

— Нина забыла меня. Немудрено, больше года не видела, а ей тогда еще и двух не исполнилось,— с грустью сказал Семен Михайлович.

Дома нас ждали все родные: сестры и мать Семена Михайловича, мои родители. Расспрашивали его о войне. Он отвечал: «Мы победим!» Старался расположить к себе Нину, она же никак не хотела идти к нему. Вечером же, когда мы все сидели, разговаривали, открылась дверь и вошла Нина с подругами.

— Вот мой папа,— сказала она и забралась к нему на колени. Так началась дружба отца и дочери.

На другой день мы повели Семена Михайловича к Волге. Нину он нес на плечах. Он ей что-то все время рассказывал, а Нина гладила его усы и негромко повторяла: «Киса...» Семен Михайлович смеялся.

11 сентября Семен Михайлович и я улетели в Москву. А к октябрьским праздникам (1942 года) вся наша семья вернулась в Москву. Мы встречали их на Центральном аэродроме. Сережа, выйдя из самолета, запел: «Москва моя, ты самая любимая...»

Дела на фронте шли успешно. В сводках Совинформбюро все чаще слышались названия освобожденных от оккупантов городов и сел. 3 июля 1944 года, в день освобождения Минска, у нас родился второй сын. Семен Михайлович предложил назвать его Мишей.

— Во-первых, в честь деда,— сказал Семен Михайлович.— А во-вторых, в Минске началась моя революционная деятельность под руководством Михаила Васильевича Фрунзе. Тогда я знал его как Михайлова. Все за то, чтобы назвать сына Мишей.

Семен Михайлович дома организовал торжественную встречу. Наше появление было встречено громким «ура». Сережа трубил в горн, а Нина била в барабан. Побыв немного с нами, Семен Михайлович уехал на работу. А я с ребятами пошла к бабушке Малаке (так ребята звали Меланью Никитичну — мать Семена Михайловича). Она была уже старой, плохо себя чувствовала и из своей комнаты не выходила. Меланья Никитична была очень довольна, что ей принесли показать внука, который носит имя деда. Семен Михайлович звал ее жить с нами еще до войны, но она отказывалась, говорила, что здесь она никого не знает и ей будет скучно, ведь вся ее жизнь прошла в станице. Меланья Никитична была неграмотной, но остроумной и интересной рассказчицей.

А с какой любовью и уважением относился к матери Семен Михайлович! Часто и подолгу они засиживались вместе, вспоминая свою тяжелую и безрадостную жизнь безземельных крестьян. Во время гражданской войны ей пришлось на себе испытать ненависть белогвардейцев: ее сыновья дрались против белых. Когда станицу заняли белые, начались расправы. Были расстреляны сотни людей. Белобандиты арестовали отца Семена Михайловича, расстреляли сестру Анастасию, но ночью она очнулась среди убитых и, окровавленная, добралась до дому. Меланью Никитичну били помполами.

Семен Михайлович тогда со своим отрядом отбил станицу у белых. Но семьям, которые сочувствовали красным, пришлось покинуть свои родные места. Вместе с красными отрядами, отступавшими за Волгу, ушла и семья Буденных.

Однажды в станице, где остановились беженцы, появился разезд белых. Отца Семена Михайловича соседи предупредили об этом. И Михаил Иванович, хотя и был болен, решил уходить за Волгу, но белые нагнали его и жестоко избили, оставив лежать на льду. Станичники подобрали его, привезли в дом, через три дня Михаил Иванович умер.

Все, что умел делать и любил сам, Семен Михайлович старался передать детям. С раннего возраста приучал их к труду, прививал любовь к природе, ко всему живому. Гуляя по лесу, учил подражать пению птиц, ориентироваться на местности по звездам, по солнцу, по деревьям. Много рассказывал о тяжелом крестьянском труде, однако умел подчеркнуть и радость труда, его красоту. С особым чувством он говорил о сенокосе:

— Крестьяне считали сенокос легкой работой. На сенокос шли как на праздник, в лучших своих нарядах, работали весело, с песнями.

Сам Семен Михайлович косил красиво, легко, захватывая широкий ряд. Трава из-под его косы ложилась ровными рядами. Дети помогали ему: переворачивали ряды, потом складывали в копны. После работы на костре варили кулеш, жарили яичницу. Семен Михайлович что-нибудь рассказывал ребятам. Когда дети подросли, он и их научил косить.

Праздники, семейные торжества Семен Михайлович всегда организовывал интересно, с выдумкой. Были конкурсы для ребят на лучшую песню или пляску, при этом сам с удовольствием аккомпанировал им на гармошке. И вообще, все свое свободное время Семен Михайлович проводил с детьми. Он говорил:

— Слишком я их долго ждал. Я отдыхаю с ними.

Еще в раннем возрасте, едва нос стал виден из-за бильярдного стола, Семен Михайлович начал учить детей этой увлекательной игре: показывал, как надо водить свой шар, куда надо бить, чтобы шар катился в нужном направлении или оставался на месте.

— Всем тонкостям игры на бильярде меня научил Глеб Максимиллианович Кржижановский, — рассказывал Семен Михайлович. — Я считаю, что игра на бильярде очень полезна. Она развивает глазомер, придает телу гибкость, укрепляет мускулы ног. Ведь пока кончишь партию, сколько походишь вокруг стола, сколько раз поклонись ему.

Дети быстро овладели этой игрой, а повзрослев, иногда обгрывали отца. Это его радовало, и он говорил: «Ученики частенько превосходят учителей».

С нетерпением ждал Семен Михайлович, когда дети подрастут и их можно будет учить ездить верхом. Сначала он брал детей к себе в седло. Я боялась, как бы они не упали, но Семен Михайлович успокаивал:

— Не бойся, не упадут, я же держу и лошадь и седока: пусть с детства привыкают, чтобы ничего в жизни не боялись.

Дети подрастали. Летом Семен Михайлович вставал рано, поднимал ребят, и все вместе шли на час-полтора в открытый манеж заниматься верховой ездой. Семен Михайлович следил за их посадкой, подсказывал, как нужно выполнять тот или иной прием. Дети научились крепко держаться в седле. По воскресеньям выезжали с отцом в поле, затем стали учиться преодолевать препятствия. Занимались также фехтованием, боксом, стрельбой, играли в теннис. Семен Михайлович очень любил охоту и часто брал с собой мальчиков. Он поощрял занятия ребят спортом, но следил, чтобы это никак не отражалось на учебе.

Еще в пятилетнем возрасте дети начали изучать иностранные языки. Так хотел Семен Михайлович.

— В наше время нельзя не знать языков, — говорил он. — И вообще, дети должны многое знать и уметь делать, вырасти образованными людьми. Полученные знания останутся с ними на всю жизнь. Ничто не потеряется и не сносится.

А перед тем как посетить Мавзолей Владимира Ильича Ленина, Семен Михайлович рассказал детям о своих встречах с Ильичем, о великой скорби народа в дни похорон, о том, как в период гражданской войны обращался к нему за помощью. И Владимир Ильич всегда помогал.

— О партии большевиков, которой руководил товарищ Ленин, я услышал еще в царской армии, — рассказывал детям Семен Михайлович. — Мы, солдаты-крестьяне, с жадностью читали Декрет о земле. В нем говорилось, что земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает. Вот тут я и понял, что это партия наша, она борется за наши интересы безземельных крестьян. И всей душой встал на сторону большевиков. В 1919 году стал членом партии и всю свою жизнь посвятил служению партии и народу.

Закончив школу, Сережа поступил в Военно-инженерную академию имени Н. Е. Жуковского. Помню, как, впервые вернувшись в курсантском обмундировании, он по-уставному представился отцу.

— Ну, мать, в семье прибавился еще один военный, — весело и одобрительно сказал Семен Михайлович.

В последний год жизни отца Сережа, уже подполковник, учился в Военной академии Генерального штаба.

— Сынок, я рад за тебя, — говорил отец. — В академии ты получишь превосходную теоретическую подготовку, а остальное будет зависеть только от тебя, от твоего отношения к службе.

Дочь Нина окончила Московский университет и стала журналистом. Отец любил подолгу беседовать с ней, рассказывал о гражданской и Великой Отечественной войнах. Мне казалось, что именно ей он хотел открыть ту высокую романтику, героизму подвига истинного защитника Отечества. О живых и погибших своих боевых соратниках вспоминал он в беседах с дочерью, повторяя:

— Тебе все это может пригодиться, ведь ты журналист.

Он привлек дочь к переработке своей первой книги «Пройденный путь» и был доволен совместной работой. Сказал мне:

— Нина работать умеет, понимает автора.

Младший сын Миша окончил энергетический институт, стал инженером, специалистом по автоматике и телемеханике. Без отрыва от работы окончил Академию Внешторга.

Семен Михайлович был счастлив, что при его жизни дети стали на самостоятельный путь, обзавелись семьями. При его жизни росло и третье поколение Буденных — внуки, с которыми Семен Михайлович жил в большой дружбе.

Семен Михайлович был одарен незаурядными способностями. Не получив в детстве систематического образования, он всю

жизнь работал над собой, постоянно учился. Общаясь со старыми большевиками, писателями, журналистами, учеными, музыкантами, Семен Михайлович, по его словам, обогащался знаниями, расширял кругозор.

В дни празднования 90-летия Семена Михайловича к нам приезжало много делегаций от фабрик, заводов, воинских частей, совхозов и колхозов, учебных заведений и общественных организаций, чтобы лично поздравить его со знаменательной датой. Профессор А. С. Красников, прибывший вместе с руководителями сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева, напомнил Семену Михайловичу о его встречах со студентами Московского высшего зоотехнического института в 20-х годах, где он тогда учился. Вспомнили о курсах ремонтеров РККА, которые были организованы по инициативе Семена Михайловича. Было это в 1926 году, и Семен Михайлович почти ежедневно присутствовал на занятиях.

— А вы думаете, я без цели посещал занятия? — сказал как-то он. — Я сам учился, и мое присутствие заставляло слушателей серьезнее заниматься.

В возрасте сорока семи лет Семен Михайлович начал заниматься в Военной академии имени Фрунзе. Он был дисциплинированным, аккуратным слушателем, подробно конспектировал все лекции и бережно хранил эти записи. Вот запись 10 февраля 1931 года:

«10.2.31. Задание на 12.2.31.

1) Односторонняя военная игра на розыгрыш боя в глубине обороны (организация контрудара комдивом).

2) Составить общую таблицу боя.

3) Распределение ролей по игре:

Буденный — комдив

Городовиков — начартдив

Молодцов — комполка-58

Апанасенко — комполка-60 и командир 10 л.т.б-на».

Ниже схема расстановки войск, стрелка направления главного удара. И запись для памяти: «Автор книги «Пехота в бою» Бушакур».

В архиве Семена Михайловича осталось много блокнотов с рабочими записями и разнообразными пометками. Это лаконичные записи по какому-нибудь конкретному делу, заметки об особо важных событиях и ответственных поручениях, впечатления о встречах с людьми, размышления.

Вот одна из таких записей, сделанная 24 октября 1941 года: «24.10.41. Вылет. Курс на Москву, Сталинград, Рассказово, Рязань, Люберцы и Москва». Почти тут же другая запись, уточняющая дальнейший ход событий: «27.10.41. Парад» (подчеркнуто). Затем перечислены вопросы, очевидно подлежащие решению и контролю:

«1. Командующий П. А. Артемьев.

2. Подготовка на лошадях,

3. Какие войска.

4. Сколько войск.

5. Форма одежды.

6. Порядок построения.

7. Оркестр 200 человек (Николаевский — НКВД)».

Вслед за этим записано: «Патроны» (и подчеркнуто двумя жирными линиями). Красным карандашом выделено: «Начало парада» и тоже подчеркнуто два раза. Под этими словами простым карандашом отмечено: «5 минут. Ускоренный шаг при прохождении войск. Поворот войск после прохождения у набережной».

А вот следующая запись, относящаяся также к подготовке войск к необычному и ответственному параду 7 ноября 1941 года, когда враг стоял у ворот столицы: «5.XI.41. Докладить т. Сталину о параде на 7-е ноября.

1. ВВС, об аэродромах... базах горючего, огнеприпасов.

2. Как быть с вооружением танков и авиации?»

Следующая запись: «5.XI.41 г. При налете противника зенитная артиллерия ведет огонь: при облачной — заград. огонь, а при ясной погоде — прицельный».

Записные книжки Семена Михайловича показывают нам, что его интересовало, волновало в то или иное время, отражают его дела, раздумья.

Хочется воспроизвести запись, сделанную им 12 января 1959 года: «Сегодня начал работать над второй книгой «Пройденный путь». 1. Необходимо показать людям, обстановку, действие соседей и взаимодействие. 2. Все события должны разворачиваться вокруг оперативных задач, и каждое событие должно быть оформлено своей картиной».

Семен Михайлович считал работу над воспоминаниями большим и крайне ответственным делом. Он говорил:

— Я, как командующий Первой Конной армией, во имя памяти погибших и оставшихся в живых должен успеть написать об их героизме в борьбе за Советскую власть. Время идет. Все меньше остается участников гражданской войны. Придет время, когда историю тех лет будут изучать по документам и книгам.

2 апреля 1959 года Семен Михайлович записал: «...сегодня стоял в почетном карауле у покойного Г. М. Кржижановского... Несколько дней тому назад навещал Г. М. Кржижановского в больнице. Он был очень слаб. Эх, какой это человек — гигант в своем деле и прекрасный коммунист!»

Лаконичной записью, датированной 20 мая 1960 года, Семен Михайлович отметил важное для него событие:

«Закончен пятитомник «Книга о лошади». Это энциклопедия. Труд вышел благодаря людям, знающим и любящим это дело».

Подобных записей много. Они свидетельствуют о том, что Семен Михайлович все делал добросовестно, вдумчиво, увлеченно, аккуратно. Никогда ничего не откладывал в долгий ящик. Такого стиля он придерживался и в большом, и в малом. Его

интенсивная работа не прекращалась и дома. Он часто звонил по каким-то вопросам, договаривался о чем-то, согласовывал. С особой тщательностью и строгостью вычитывал и правил тексты своих статей для газет и журналов. Очень внимательно относился к работе над своими воспоминаниями. Помню, мы читали перепечатанные на машинке листы третьей книги «Пройденный путь». Я читала вслух, Семен Михайлович внимательно слушал, часто просил остановиться, прочесть еще раз то или иное место, делал замечания и вносил поправки. Так, в тексте, где говорилось о событиях, связанных с Махно, ему не понравились строчки, взятые из письма жены Махно, и Семен Михайлович сделал замечание, которое я тогда записала: «Очень вульгарные выражения, их в мою книгу помещать нельзя. Это не в моем характере. Я люблю остроумные выражения, но не вульгарные».

Свои статьи Семен Михайлович диктовал. Он говорил:

— Когда я диктую, мысль течет гладко и логично. А когда пишу, мысль опережает запись, я спешу все записать, это меня раздражает, и я теряю фабулу.

Журналисты, бравшие у Семена Михайловича интервью, часто мне говорили:

— Записывать за Семеном Михайловичем легко, он говорит кратко, образно и емко.

За свою долгую жизнь Семен Михайлович был очевидцем и участником многих исторических событий. С воспоминаниями об этом выступал в периодической печати, писал брошюры и книги о Первой Конной армии, о тактике конницы, статьи по вопросам коневодства и коннозаводства.

Уже в пожилом возрасте он написал мемуары «Пройденный путь», из которых три книги увидели свет при его жизни, а четвертая, неоконченная, была опубликована в журнале «Дон» в 1975 году. Третья книга была выпущена Воениздатом к 90-летию Семена Михайловича. И это было для него большим и радостным подарком.

Семен Михайлович, одаренный природой музыкальными способностями, любил искусство, музыку. Отдыхая, он часто брал в руки гармонь и тихо напевал. Семен Михайлович вспоминал:

— В нашей семье любили музыку. Отец делал сам балалайки, с любовью выдерживал материал, делал и струны. И всегда, когда я был дома, помогал ему. Был у нас и свой семейный ансамбль. По праздникам, когда мы все собирались дома, играли. Отец руководил и играл на балалайке, а мы, дети, на гармошке, трензеле, бубне, жалейке. Включались и деревянные ложки. Кому не хватало музыкальных инструментов, пели и танцевали. Слушать нас приходили соседи. Любовь к гармошке была у меня с детства. На первый заработок в рассрочку я купил гармонь. По слуху начал подбирать. И вскоре в станице без моей гармошки не проходило ни одно веселье. В армию пришел уже опытным гармонистом. А сколько раз гармонь выручала в гражданскую войну! Бойцы после боя устанут, а возьмешь гар-

монь, растянешь мехи — и грянет боевая песня, а там, глядишь, и выйдет кто-нибудь на середину круга в пляс. И усталость прошла, и настроение боевое.

Любил Семен Михайлович встречаться с певцами М. Д. Михайловым, И. С. Козловским, Л. А. Руслановой, которая не раз пела под аккомпанемент Семена Михайловича. Его игра на гармошке с ростовским баянистом Г. Зайцевым (они дружили еще с гражданской войны) записана на пластинке. Эту запись не раз при жизни Семена Михайловича передавали по радио, но не объявляли, кто играет. Просто говорили: передаем дуэт баянистов.

Любил Семен Михайлович и классическую музыку. С удовольствием ходил в Большой театр — на оперные и балетные спектакли. А оперу «Борис Годунов» мы слушали несколько раз. Семен Михайлович дружил с солистом театра Александром Павловичем Огневцевым, любил его пение, особенно партию Годунова в его исполнении.

Любил Семен Михайлович и драматический театр. Ему нравились спектакли классического репертуара и современные. Понятно, что героико-революционные пьесы, рассказывающие о войне и армии, особенно привлекали его.

С детства ходил на детские спектакли, в цирк, который он очень любил, считая это искусство делом отважных.

Популярность Семена Михайловича часто создавала затруднения, и я порой терялась, не знала, как себя вести.

Летом 1939 года открылась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. В один из воскресных дней мы поехали осмотреть ее. Не успели подойти к первому павильону, как люди, увидев Буденного, поспешили к нему. Толпа около нас росла. Поздоровавшись, Семен Михайлович обратился к посетителям:

— Товарищи, давайте смотреть выставку не толкаясь и никому не мешая.

— А мы на вас хотим смотреть, — раздался голоса.

— Как на экспонат выставки? — пошутил Семен Михайлович.

Люди все прибывали. Некоторые бежали по газонам. Семен Михайлович остановился:

— Дорогие друзья, что же вы делаете? Для вас люди трудились, сажали цветы, чтобы на выставке было красиво. Подумайте, в какое положение вы ставите меня: приехал Буденный и навел беспорядок.

В ответ раздался аплодисменты.

— Чему вы аплодируете? — спросил Семен Михайлович.

— А вы правильно делаете нам замечание.

— Товарищи, ведь я вынужден уехать, — сказал Семен Михайлович и направился к выходу. Толпа двинулась за ним. Меня уже давно отгеснили от него. Я стою в стороне. Слышу, Семен Михайлович говорит:

— Товарищи, ко всему я еще и жену потерял. Она, наверное, пройти ко мне не может.

Люди стали оглядываться и постепенно расступились. Смущаясь, я подошла к Семену Михайловичу. И сколько было таких случаев.

Семен Михайлович получал много писем по самым разнообразным вопросам. К письмам с просьбами он относился особенно внимательно.

— Просить нелегко. А сколько человек обдумывает, как убедительнее написать письмо, — говорил Семен Михайлович.

И если просьба была обоснованной, то он всегда помогал. Часто были и письма с благодарностью за помощь.

А сколько поздравлений получал Семен Михайлович в праздничные и юбилейные дни от знакомых и незнакомых людей! Приведу одно из таких писем.

«Дорогой Семен Михайлович!

К Вам с поздравлением и любовью обращаются ребяташки из Подмосковья, юннаты и юные друзья пограничников Руслан, Людмила и Женя Егоровы.

Есть у нас интересное занятие — выращивание комнатных огурцов. Есть и добрая традиция — дарить выращенные растения людям. В этом году мы вырастили растения в подарок старым большевикам, ветеранам революции, ветеранам Отечественной войны, семьям погибших космонавтов, пограничникам и делегатам I съезда Советов Союза ССР.

Мы не могли обойти вниманием и Ваш юбилей — девяностолетие героя-полковника. Сколько мы о Вас знаем: и по рассказам отца, и по песням, фильмам и урокам истории.

Мы вырастили для Вас прекрасное растение комнатного огурца. Мы хорошо знаем, что не в огурцах дело и не такой уж это дорогой подарок, но нам надо было поработать для Вас — думать о Вас каждый день, ухаживая за растением.

Дорогой Семен Михайлович! Вы для нас еще молодой, ведь наши огурцы мы выращиваем и для Сергея Тимофеевича Коченкова в его 97 лет, и Федору Николаевичу Петрову мы возили каждый год наши растения. Что составляет 90 лет для такой жизни — для такого подвига!

Будьте молодым, дорогой кавалерист!

Ведь кавалерия — лихость, молодость, отвага! И Вы зарядились всем этим на долгие, долгие годы.

От всего сердца желаем Вам здоровья! Долгих лет жизни и всегда хорошего настроения! Подумайте о нас — маленьких, ведь нам нельзя без Буденного, и если космос в голове, то тачанка в сердце. Вот это главное. С любовью к Вам, дорогой Маршал! Руслан, Людмила и Женя Егоровы. 141291, Московская область, поселок Лесной, ул. Грибоедова, 18».

Семен Михайлович всегда с удовольствием встречался со школьниками-следопытами, внимательно слушал их доклады-репорты о результатах походов по местам боев конармейцев и другим маршрутам, отвечал на их многочисленные вопросы. Мне не раз приходилось присутствовать на таких встречах, и я

хорошо помню, как однажды ребята спросили Семена Михайловича, испытывал ли он когда-нибудь чувство страха. На этот вопрос Семен Михайлович отвечал обстоятельно, и главная его мысль сводилась к следующему: «Чувство страха присуще всем людям — у одних в большей мере, у других в меньшей. Но надо иметь характер, чтобы подавить это чувство сознательным отношением к своему долгу. Вести себя спокойно и уверенно, личным примером воодушевить людей, чтобы они поверили в тебя и смело пошли за тобой. Это перед боем, а в бою стремишься поразить противника и о страхе не думаешь».

Семен Михайлович не мог по недостатку времени встречаться со всеми, написавшими ему, отвечать каждому на письмо, поэтому он часто использовал для переписки с войнами окружные и флотские газеты, «Комсомольскую правду», а с ребятами — «Пионерскую правду». Из сохранившихся номеров этих газет хочется привести письмо школьников и ответ Семена Михайловича, опубликованные в «Пионерской правде» 26 февраля 1960 года.

«Здравствуйте, дорогой Семен Михайлович! С низким поклонением к Вам пионеры 4-го класса Горской семилетней школы Псковской области. Поздравляем Вас с праздником. Приглашаем Вас к Дню Советской Армии к нам. Приезжайте обязательно и пригласите товарища Ворошилова. Мы встретим Вас в Корытно, куда приходит автобус. У нас сейчас метели, но Вы не беспокойтесь, мы за Вами на лошади приедем, на самой лучшей. До свидания. Очень ждем Вас».

В своем ответном письме ребятам, опубликованном в «Пионерской правде», Семен Михайлович рассказал ребятам о своих встречах с Владимиром Ильичем Лениным, о той помощи, которую вождь революции оказывал Первой Конной армии, и о том, как мужественно сражались конармейцы за дело рабочих и крестьян, а в заключение написал: «...я хочу пожелать вам, ребята, чтобы вы старательно выполняли завет Ильича: учиться учиться и учиться! Учитесь на «хорошо» и «отлично», больше занимайтесь спортом, закаляйте себя, будьте примерными в поведении, приучайте себя к трудовой и общественной деятельности. Одним словом, растите коммунистами, настоящими ленинцами. Для вас открыты все пути и дороги». Такие публикации вызывали поток новых писем, и Семен Михайлович снова отвечал своим юным корреспондентам.

— Молодежь наша замечательная, — говорил он, — ей только надо немного помогать. Ведь все новостройки — а сколько их у нас! — возведены руками комсомольцев, молодежи. Это в мирных условиях. А сколько героических подвигов совершил комсомол в гражданскую и Великую Отечественную войны! Я свидетель трудного начального периода борьбы с фашизмом, свидетель того, как в боях идейно мужала и ни в чем не уступала закаленным бойцам молодежь. Как они с бутылкой горючей смеси или гранатой бросались под танк, чтобы только не дать ему прой-

ти, как молодые девушки-санитарки под огнем перевязывали раненых и на себе выносили их из боя. А сколько было молодежи в партизанских отрядах, сколько они совершали отважных дел! Главным, непобедимым оружием всегда была идея. Во имя коммунистических идей, во имя интересов нашего государства, нашей партии и народа молодежь, не щадя жизни своей, совершала свои героические подвиги.

Семен Михайлович любил молодежь, охотно выступал на заводах и в воинских частях, в школах и учебных заведениях, считая идейное воспитание молодежи важнейшей задачей нашего государства.

В сентябре 1956 года Семена Михайловича попросили выступить в Московском государственном университете. Перед выступлением он волновался:

— Для меня большая радость выступить там, но и большая ответственность. Студенты — народ острый.

Вернулся Семен Михайлович довольный.

— Слушали меня внимательно. А я так увлекся, что и не заметил, как прошло время. И, несмотря на поздний час, никто не шелохнулся. Просили приехать еще раз и рассказать о третьем походе Антанты. Поеду обязательно!

В шкафу на видном месте стоит книга «Всесоюзный слет студентов 19—20 октября 1971 года» с надписью: «Уважаемый Семен Михайлович! Благодарим Вас за большую и плодотворную деятельность по коммунистическому воспитанию молодежи и помощь в работе комсомольских организаций. Желаем больших успехов в борьбе за выполнение решений XXIV съезда КПСС.

Секретарь ЦК ВЛКСМ Е. Тяжелников».

В июле 1959 года Семен Михайлович ездил в Ташкент на республиканский партийно-оборонный актив ДОСААФ.

Впервые Семен Михайлович побывал здесь в 1926 году, когда ЦК направил его на борьбу с басмачеством. Здесь у Семена Михайловича много боевых друзей и соратников. Он побывал во многих районах, посетил колхоз «Шарик Юлдузи», которым руководил Хамракул Турсункулов, трижды Герой Социалистического Труда. В прошлом боец 7-й кавбригады, он был проводником Семена Михайловича.

В колхоз Семен Михайлович приехал вместе с командующим округом Иваном Ивановичем Федюнинским. Все обрадовались встрече. Тут Семен Михайлович увидел Розахан Назирову.

— Это вам сюрприз, — сказал Турсункулов.

Семен Михайлович быстро подошел к ней. Они поздоровались как старые знакомые, и он обратился ко всем присутствующим:

— Товарищи! Эта женщина — разведчица, не раз рисковала своей жизнью в борьбе с басмачеством. Она одна из первых женщин, которая сняла паранджу. Поприветствуем ее.

Поездка оказалась очень интересной. Семену Михайловичу приятно было видеть, как трудятся сегодня свободные люди, как много сделано за годы Советской власти. Вспоминали и о прошлом. Турсункулов рассказал, как Семен Михайлович выступал перед жителями одного из кишлаков. Пока он говорил, его шинель стала короче. Женщины отрезали от нее по кусочку в качестве талисмана — ведь сколько раз Семена Михайловича за годы войн смерть обошла!

Несмотря на постоянную занятость, Семен Михайлович всегда находил время для чтения. Привычка читать столь укоренилась в нем, что он не мог уснуть, не почитав хотя бы немного перед сном. Не раз с благодарностью вспоминал Екатерину Давыдовну Ворошилову, которая привила ему любовь к книге и привычку к чтению.

— Во время гражданской войны, в короткие часы отдыха между боями Екатерина Давыдовна вслух читала нам с Климентом Ефремовичем интересные книги, — вспоминал Семен Михайлович, — а чтобы заинтересовать нас, она всегда обрывала чтение на таком месте, где хотелось узнать дальнейшую судьбу героя и дочитать всю книгу до конца. Такой первой книгой явился роман Г. Сенкевича «Потоп». Зная нас, она умела подбирать интересные и пугные нам книги.

Семен Михайлович делал выписки из прочитанного, подчеркивал в своих книгах интересные для него мысли, иногда записывал свое мнение о прочитанной книге. Вот передо мной пьеса К. Симонова «Русские люди». Помню, с каким увлечением прочел ее Семен Михайлович и крупным размашистым почерком написал: «Хорошая. 14.5.42».

Ему нравились романы советских писателей, на страницах которых воссоздавались картины исторического прошлого, в особенности освободительная борьба русского народа, завершившаяся Великой Октябрьской социалистической революцией, в которых показан народ как главная движущая сила истории. Любимые книги Семен Михайлович с удовольствием перечитывал. Среди них «Петр Первый» и «Хождение по мукам» А. Толстого, «Цусима» А. С. Новикова-Прибоя и «Севастопольская страда» С. Н. Сергеева-Ценского, «Порт-Артур» А. Н. Степанова, «Железный поток» А. С. Серафимовича. Несколько раз перечитывал «Войну и мир» Л. Н. Толстого, а из «Холстомера» цитировал по памяти целые куски.

Произведения земляков — М. А. Шолохова, Петрова-Бирюка — были особенно дороги, близки Семену Михайловичу. Обычай жителей Дона, уклад их жизни, их говор — все это было знакомо с детства и очень любимо.

С интересом читал исторические труды академика Евгения Викторовича Тарле. В библиотеке Семена Михайловича есть книга с его автографом.

Семен Михайлович дорожил книгами с автографами государ-

ственных и партийных деятелей, писателей и поэтов, художников, деятелей культуры. Таких книг — сотни. Собранные вместе, эти многочисленные автографы могли бы стать отдельной интересной книгой. Семен Михайлович помнил, при каких обстоятельствах была получена книга, и любил рассказывать об их авторах.

Семен Михайлович неустанно интересовался новым в науке, литературе, искусстве. Он постоянно стремился к живому общению с людьми самых разных профессий. Его друзьями были рабочие и колхозники, военачальники и рядовые солдаты, писатели и ученые, художники, актеры и музыканты.

Передо мной альбом, подаренный Семену Михайловичу в 1933 году в день его 50-летия сотрудниками газетно-журнального объединения. На первой странице запись Михаила Кольцова: «Дорогой Семен Михайлович!

В прошлом году мы с тобой сидели в одном месте. Не скучили. И вдруг ты встал — было еще совсем не поздно, — встал и заторопился:

— Мне домой. Надо еще уроки на завтра готовить.

Ты прожил полвека. Полвека воевал, боролся, учил других воевать и бороться — и учился сам.

Тебе мало уроков твоей славной боевой жизни, воспетой в песнях. Ты готовишь новые уроки, ждешь новых экзаменов...

Двадцатилетним безусым парнем сел ты в седло русско-японской войны. Полным сил, энергии и воли всадником пересел ты через пятнадцать лет из седла империалистической войны в седло освободительной гражданской войны. Зрелым, образованным, вышколенным полководцем ты готовишься к грядущим военным испытаниям. Это — путь революционного труженика-крестьянина, разбуженного раскатами великой классовой борьбы, взятого на воспитание партией, выращенного в ее твердых, но заботливых руках. Это славный путь! Мих. Кольцов. 25.IV.33».

На следующем листе — запись Демьяна Бедного. Семен Михайлович был в большой дружбе с Демьяном Бедным. Они часто встречались еще на фронтах гражданской войны, а позже и в доме поэта. Поэтому понятны написанные им стихи:

Гром героических времен
Гремит в собраниях твоих
военных сводок.

Приветствую тебя, мой крепкий друг Семен,
Товарищ боевой и славный одноклассник.

Вспоминаю, как Семен Михайлович, показывая мне этот альбом, сказал:

— А ты знаешь, кто первым произвел меня в маршалы? Валентин Катаев. Вот посмотри. — И он показал его поздравление, которое начинается словом «Маршал». — Этого высшего во-

инского звания Валентин Катаев удостоил меня за два года до официального присвоения.

«Маршал!

Мы посадили пролетария на коня.
Конница Буденного дралась на всех фронтах
гражданской войны. И всюду побеждала.
Нет ни одного белого генерала, который на своей дряхлой спине
не испытал бы могучей силы Красной конницы Буденного.
Мы были молоды в ту пору и в дружеском восторге называли
конницу Буденного одним словом:

Буденница!

В те годы Вы блестяще выполнили задания, поставленные
перед Вами партией и рабочим классом.
Нет сомнений, что и сейчас Вами будет — с таким же блеском —
выполнена не менее почетная задача — поставить боевого
коня

на службу социалистическим полям.
Мне жаль, что я не дрался в рядах непобедимых конников
Буденного. Но если в будущем представится случай, то —
будьте уверены — я это не упущу! Ваш Валентин Катаев.

23. IV. 1933. Москва».

— Помню, — рассказывал мне Семен Михайлович, — из редакции «Правды» мне позвонили, чтобы я принял журналиста Валентина Катаева. Договорились о дне и часе. Я тщательно готовился к этой встрече. Приготовил фронтовые карты военных операций. Думал — раз будет встреча, значит, я должен рассказать о военных действиях. Пришел Валентин Катаев, я разложил на столе карты и начал рассказывать про бои, показывая на карте направление ударов наших войск и белых. Говорил я долго, в надежде, что Катаев опишет мужество и отвагу бойцов Первой Конной, а он вместо всего написал рассказ «Сон». Краткая идея рассказа сводится к тому, как я со своим коноводом охранял спящих бойцов и командиров после 3-дневного ожесточенного боя. Я видел, как люди были утомлены, еле сидели на лошадях, и я боялся, что часовые могут уснуть на посту, а нас, сонных, вырубят. И скомандовал: всем спать 240 минут. Сказать «4 часа» — мало. А 240 минут — это воспринялось с воодушевлением, вроде много. Прочитав этот рассказ, я заново пережил то состояние, которое было тогда: душевную тревогу за их отдых, напряженное вслушивание в каждый шорох, каждый звук. Я по-хорошему завидую и преклоняюсь перед такими людьми, как Валентин Катаев, умеющим так хорошо владеть русским словом.

Вот еще несколько автографов известных советских писателей, чьи произведения Семен Михайлович любил, за чьим творчеством внимательно следил.

«Слава создателю нашей Конной, дорогому Семену Михайловичу Буденному от рядового пехотинца, во всякую минуту гото-

ного и пером и жизнью сразиться за коммунизм. Мариэтта Шагинян. 24.IV.1933 г. Москва».

Семен Михайлович восхищался этой небольшой, мужественной женщиной:

— Сколько у нее революционного духа и задора, позавидуешь.

*«История Вашей боевой жизни —
Это героический эпос Революции.*

*Привет первому
всаднику Пролетариата.*

1933 г. 24 апреля

Ю. Олеша».

*«Привет Семену Михайловичу, с которым всегда
чувствуешь себя на коне.*

23.IV.33 г.

М. Светлов».

Вписали в альбом свои пожелания Леонид Леонов, Федор Гладков, Всеволод Иванов, Илья Сельвинский, Н. Ляшко, С. Кирсанов, Е. Зозуля, Василий Казин, А. Афиногенов, В. Ардов, В. Бахметьев, Л. Сейфуллина, Н. Огнев, Бела Иллеш, А. Безыменский и др.

Вот запись Всеволода Вишневского:

«Помню Воронеж, помню Касторную, Сватово, ход на Ростов, на Тихорецкую — и всегда с нами наш Командарм. И помню приказ: «Конная армия всегда была грозой неприятеля, любовью и надеждой торжествующая...»

Донес память о всех боях, о Командарме до наших дней и написал «Первую Конную».

*Семен Михайлович, в случае, скомандуйте: «По коням!» —
придет в Конную вдесятеро больше, чем раньше.*

Годы рубить не помешают!

24.IV.33 г. Москва.

Вс. Вишневский».

Семен Михайлович с гордостью говорил:

— Боец Первой Конной, разведчик, сражался и на фронтах мировой войны, имел Георгия за боевые подвиги. Он писатель-боец. Он продолжал воевать и в мирное время. Его оружие — статьи, пьесы, киносценарии.

В 1957 году пьеса Вишневского «Первая Конная» была поставлена в театре имени Ленинского комсомола. Семен Михайлович несколько раз встречался с заслуженным артистом РСФСР А. Восси, который исполнял роль Буденного. А 25 февраля побывал на спектакле вместе с Иваном Христофоровичем Баграмяном и Петром Павловичем Зеленским. Я вспоминаю, как вос-

торженно реагировала публика: Буденный на сцене... и Буденный в зрительном зале.

Домой Семен Михайлович ехал молча. Потом сказал:

— Жаль, рано умер Всеволод Вишневский. Сколько он мог еще написать...

Друзей у Семена Михайловича было немало — и боевые соратники по гражданской войне, его дорогие первоконники, и более молодые, с кем довелось вместе работать, труженики конезаводов, известные военачальники, партийные и государственные деятели. Большая дружба связывала Семена Михайловича с Михаилом Ивановичем Калининным. В 1946 году, когда мы отдыхали в Крыму, в это же время в Алушке жил Михаил Иванович. Он пригласил нас к себе:

— Ко мне приедет делегация пионеров из Артека. Оказывается, вы там, Семен Михайлович, были и сказали, что я здесь, в Крыму. Они просили меня посетить пионерский лагерь, но я пригласил их сюда. Вы, Семен Михайлович, обязательно приезжайте, ведь я знаю, вы — их любимый герой.

Встреча была назначена на 8 мая. Мы, как уговорились, приехали пораньше, чтобы Михаил Иванович и Семен Михайлович вместе встретили пионеров. Михаил Иванович был уже в парке.

— А я вас как раз поджидаю, знаю точность Семена Михайловича. Пока ребята приедут, мы с вами потолкуем.

Вскоре мы услышали задорную пионерскую песню. И еще через некоторое время на аллее парка появились пионеры с букетами цветов.

Михаил Иванович и Семен Михайлович пошла им навстречу. Приветствия, цветы. Михаил Иванович поблагодарил детей и сказал:

— Вы дружным отрядом приехали меня навестить, а я вас встречаю с моим старым другом Семеном Михайловичем Буденным, с которым впервые встретился в начале ноября 1919 года, после взятия Воронежа. Правда, встреча была необыкновенной. Бойцы Семена Михайловича взяли нас с Григорием Ивановичем Петровским в плен, а когда выяснили, кто мы, то Семену Михайловичу пришлось извиниться за бойцов перед нами. Но потом сразу пошел на нас в атаку и обвинил в непредусмотрительности, что едут два председателя ВЦИК и без охраны, хотя бы позвонили, выехали бы встречать. Хорошо, мол, что задержали наши бойцы, а не белые. Так, с этой первой встречи, возникли чувства дружеского расположения, с годами переросшие в крепкую дружбу. В нашей жизни всякое бывало, — рассказывал М. И. Калинин пионерам, — но мы, коммунисты, народ крепкий и преданный. Мы дружим с Семеном Михайловичем до сих пор. Берите с нас пример, будьте верными и добрыми друзьями.

С разговором вошли в дом. Михаил Иванович всех усадил за стол и за чашкой чая стал расспрашивать о пионерских и школьных делах. Ребята охотно рассказывали обо всем, а затем пока-

зали несколько номеров художественной самодеятельности. Встреча продолжалась около двух часов. На прощание Михаил Иванович пожелал ребятам хорошо отдохнуть, набираться сил, закаляться. «Все это пригодится в вашей жизни, учебе и труде. Передайте привет и хорошие пожелания всем вашим товарищам артековцам от нас с Семеном Михайловичем». На память сфотографировались...

Это была последняя встреча с Михаилом Ивановичем Калининым.

Чувства дружбы, тесной привязанности связывали Семена Михайловича с Климентом Ефремовичем Ворошиловым. Если долго не виделись — скучали, у них была потребность встретиться, поговорить, поддержать друг у друга боевой дух.

В 1966 году Семен Михайлович заболел, лечился в санатории «Архангельское». Климент Ефремович Ворошилов приехал его навестить. Они крепко обнялись, и Климент Ефремович сразу же начал шутить:

— Что же это вы, друже мой, сдаете? Мы же с вами договорились жить по Маяковскому: «Лет до ста расти нам без старости...»

Зная друг друга со времен гражданской войны, они часто вспоминали те далекие дни, свою огневую молодость. В их беседе то и дело слышалось: «А помнишь?»

Тяжело перенес Семен Михайлович смерть Климента Ефремовича. Заболел. И переживал, что не смог проводить друга в последний путь.

Семен Михайлович радовался успехам своих друзей, в горе старался помочь. Когда Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова наградили четвертой Золотой Звездой Героя Советского Союза, Семен Михайлович сразу же после голосования в Президиуме Верховного Совета СССР позвонил ему и тепло поздравил. Георгий Константинович сердечно поблагодарил Семена Михайловича за внимание и сказал:

— Хотя я четырежды Герой Советского Союза, но про меня песен не поют, как про вас. Спасибо вам за то, что вы есть. Мое поколение старалось походить на вас. Вы лично вложили много труда в воспитание таких, как я.

В последние годы, когда Семен Михайлович лечился в подмосковном санатории «Барвиха», его не забывали его добрые друзья и товарищи, часто навещали военачальники, писатели, ученые. Часто приходил к своему другу Иван Христофорович Баграмян, и они подолгу задушевно беседовали: у них было о чем поговорить, было что вспомнить.

А однажды Семена Михайловича навестил Алексей Николаевич Косыгин. Семен Михайлович был тронут таким вниманием. Он знал, как занят Алексей Николаевич. А когда А. Н. Косыгин собрался уходить, Семен Михайлович подарил ему третью книгу своих мемуаров «Пройденный путь». А вскоре Алексей Николаевич прислал Семену Михайловичу письмо, в котором были

такие строки: «Большое спасибо за книгу, я ее обязательно прочту. Получил большое удовольствие от беседы с тобой. Приятно было услышать свойственный тебе глубокий юмор, желание все знать и высказать свое мнение».

Семен Михайлович очень ценил теплое, товарищеское отношение к нему людей, дорожил им.

В дни девяностолетия Семена Михайловича к нам приезжали друзья, соратники, ветераны войны, делегация Монгольской Народной Республики, делегации от министерств, фабрик и заводов, воинских частей, совхозов и колхозов, учебных заведений и общественных организаций поздравить его с юбилеем. Получил Семен Михайлович много писем и телеграмм. Руководители нашей партии и государства прислали адреса. Все поздравления были теплые и сердечные. Прислал адрес и Леонид Ильич Брежнев. Он писал:

«Дорогой Семен Михайлович!

В славный день Вашего девяностолетия шлю Вам, прославленному ветерану революционных боев, народному герою, боевому товарищу по грозным дням Великой Отечественной войны, свои сердечные поздравления с юбилеем и высокой наградой. От души желаю Вам, наш дорогой друг, бодрости и долгих счастливых лет жизни.

Обнимаю Л. Брежнев».

Прочитав адрес, Семен Михайлович сказал:

— Леонида Ильича я знаю более тридцати лет. Впервые встретился с ним осенью сорокового года в Днепропетровске, куда я приехал на военные учения. У меня всегда было правило, куда бы я ни приезжал, первым делом зайти к местному партийному руководству, чтобы рассказать о цели приезда и о мероприятиях, которые будут проводиться на территории этой области.

И в тот раз мы с командующим Одесским военным округом Черевиченко приехали прямо в обком. Нас встретили секретари обкома товарищи Брежнев и Грушевой. Познакомились, обговорили наши действия, после чего поехали в новомосковский военный лагерь. Мне было приятно узнать, что днепропетровским обкомом руководят молодые энергичные люди с высшим образованием, в прошлом металлурги.

Учения продолжались три дня, и все время на них присутствовал Леонид Ильич как представитель областного комитета партии.

Встретились мы с Леонидом Ильичом и в трудный период Великой Отечественной войны, в августе 1941 года. Это было в том же Новомосковске. Товарищ Брежнев был тогда заместителем начальника политуправления Южного фронта.

В 1960 году Леонида Ильича выбрали Председателем Президиума Верховного Совета, и я, как член Президиума, работал

под его руководством. А в 1963 году он вручил мне Золотую Звезду Героя Советского Союза. Так перекрещиваются дороги коммунистов, потому что служим мы одним целям...

В связи с девяностолетием Семен Михайлович был награжден восьмым орденом Ленина. Но обстоятельства сложились так, что он не успел его получить. Товарищ Георгадзе вручил его мне уже после смерти Семена Михайловича, а я передала в Центральный музей Вооруженных Сил СССР, где хранятся все награды С. М. Буденного.

В одном из дневников Семена Михайловича за 1955 год я нашла такую запись: «Любовь народа — это моя большая радость. Спасибо тебе, мой народ, за такую великую и постоянную любовь. Я всегда готов отдать за тебя свою жизнь без остатка».

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
<i>Баграмян И. Х.</i> Слово к читателю	3
Часть первая	
<i>Фрунзе М. В.</i> К пятилетию 1-й Конной армии	7
<i>Ворошилов К. Е.</i> «Никто пути пройденного у нас не отберет...»	8
<i>Бубнов А. С.</i> Славный путь Первой Конной армии	10
<i>Василевский А. М.</i> Народный герой	12
<i>Жуков Г. К.</i> Вспоминаю с благодарностью	13
<i>Москаленко К. С.</i> Имя, овеянное былинной славой	15
<i>Тюленев И. В.</i> Герой-полководец	21
<i>Новиков К. Ф.</i> Вожак	25
<i>Славский Е. П.</i> Слава, добытая в боях	29
<i>Потоцкий Г. В.</i> Я помню этот бой	36
<i>Иванов К. К.</i> «Всадники, двигайте ваших коней...»	38
<i>Листовский П. А.</i> Непобедимый командарм	40
<i>Катаев В. П.</i> История одного интервью	42
Часть вторая	
<i>Кузнецова Е. И.</i> Землячество копармейцев	49
<i>Железнов П. И.</i> О красивом человеке	52
<i>Снесарева Е. А.</i> Наш сосед	54
<i>Заярный А. С.</i> Кумир юных всадников	56
<i>Островский Я. И.</i> Несколько строк в газету	59
<i>Покровский А. П.</i> Трудными дорогами Великой Отечественной	61
<i>Грушевой К. С.</i> Встречи на легендарных рубежах	69
<i>Артемьев П. А.</i> Парад сорок первого года	76
<i>Плиев И. А.</i> Характер сильный, смелый	81
<i>Азаров И. И.</i> Моряки помнят	88
<i>Константинов М. П.</i> «Мы дали слово...»	93
<i>Ляшев Ф. Т.</i> Фронтовыми дорогами	95
<i>Карпачев П. С.</i> Навечно в памяти	101
<i>Кожевников Е. В.</i> Большая жизнь	116
<i>Есипенко И. Т.</i> Листая времени страницы	119
<i>Кузнецов С. З.</i> Подарок маршала	124
<i>Калигин С. К.</i> Сколько лет прошло...	126
<i>Бенедиктов И. А.</i> Мой коллега	131
<i>Лобанов П. П.</i> Страсть его — работа	135
<i>Минц И. И.</i> Жизнь — подвиг	137
<i>Бобылев И. Ф.</i> Любимое дело	139
<i>Покрышкин А. И.</i> Энтузиаст оборонного общества	142
<i>Халип М. Д.</i> Каховка, Каховка...	146
<i>Еремин Д. И.</i> Памятный день	149

	Стр.
<i>Вороши П. А.</i> Делегат заводского слета	152
<i>Черток Б. М.</i> Почетное поручение	154
<i>Городовиков Б. В.</i> Депутат Калмыкии	157
<i>Патолчиев Н. С.</i> Боевой товарищ моего отца	159
<i>Бондаренко И. А.</i> Помнят степи допские	165
<i>Денисов Н. Н.</i> Пишу о Буденном	171

Часть третья

<i>Александров И. Е.</i> Рядом с маршалом	178
<i>Денисовский Н. Ф.</i> Три портрета	182
<i>Огнивца А. П.</i> В сердце моем навсегда	184
<i>Молодых С. Н.</i> С любовью к людям	188
<i>Козловский И. С.</i> Талантливый человек	197
<i>Томский Н. В.</i> В мастерской скульптора	200
<i>Филатов И. В.</i> С фотоаппаратом к Буденному	202
<i>Золототрубов А. М.</i> Человек героической судьбы	205
<i>Преображенский Б. В.</i> Портрет маршала	213
<i>Маслов С. Н.</i> Школа кавалеристов	216
<i>Разумовская-Богородская С. И.</i> Незабываемое	219
<i>Щуркова С. А.</i> Библиотека маршала	222
<i>Фомичева Л. Н.</i> Объектив запечатлел...	225
<i>Иванов В. Ф.</i> Сила духа	227
<i>Буденная М. В.</i> Годы вместе	230

Составители:

*Мария Васильевна Буденная,
Петр Софронович Карпачев,
Иван Васильевич Ставицкий*

СТРАНИЦЫ БОЛЬШОЙ ЖИЗНИ

ИБ № 1801

Редактор *В. В. Хромченко*

Художник *В. А. Белкин*

Художественный редактор *Н. Б. Попова*

Технический редактор *Ю. Н. Чистякова*

Корректор *Н. М. Опрышко*

Сдано в набор 06.11.80. Подписано в печать 24.06.81.

Г-42217. Формат 60×90^{1/16}. Бумага тип. № 1

Гарнитура обычн. новая. Печать высокая.

Печ. л. 16. Усл. печ. л. 16 + 2 вкл. глубокая

печать: печ. л. 2, усл. печ. л. 2. Усл. кр. отт. 18,60.

Уч.-изд. л. 19,69.

Тираж 65.000 экз. Изд. № 12/6873 Зак. 707

Цена 1 р. 40 к.

Воениздат

103160, Москва, К-160

2-я типография Воениздата

191065, Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., 10